

**Алексей
Митрофанов**

**ПО ОБЕ
СТОРОНЫ
КРЕМЛЕВСКОГО
ЗАНАВЕСА**

**Роман-хроника
о правящем классе... и не только**

Глава первая

Эта глава о том, зачем Джуна ударила пепельницей Аллу Борисовну; о том, почему кремлевские санатории лучше кремлевских дач; о том, как большевики победили голод в отдельно взятой столовой; и о том, как Большой театр развлекал Иосифа Сталина

ДЖУНА БРОСАЕТ БОЕВОЙ КЛИЧ

Меня зовут Алекс Филатов. Я вошел в подъезд на улице Вахтангова. В подъезд, где жила Джуна Давиташвили. Человек, о котором в начале 80-х много говорили. «Черный полковник Кремля». «Распутин в юбке». Так писала про нее западная пресса. Ее фотографии были в скандальных газетах и журналах типа «Шпигеля» и «Бунте». Ходили слухи, что она лечила Брежнева.

Возраст ее был непонятен. По моим данным, никто не видел даже ее паспорта. Непонятно вообще, откуда Джуна появилась. В Москву в начале 80-х она приехала из Тбилиси. Ее муж, по легенде, был референтом Шеварднадзе, работал в милиции. Была известна только его фамилия — Давиташвили. Когда она оказалась в Москве, о нем уже ничего не было слышно.

Рассказывают, что большую помощь ей оказал при переезде Аркадий Райкин. Он попросил Брежнева пристроить очень талантливую ассирийку, которая умеет врачевать руками. И генсек дал поручение председателю Госплана Байбакову. Его жена лечилась у Джуны, это я знал совершенно точно, как знал и о том, что Джуна лечит Райкина.

Она перенесла открытый кавказский дом в столицу Союза. В Москве такое было не принято. С утра до ночи

приходили люди. Десятки, а потом и сотни. Без стука, без звонка. Совершенно разные. От вора в законе до посла иностранного государства. Все умещались на кухне. Все разговаривали, все были равными. Дом был наполнен интеллектуальным содержанием. Здесь практически не пили, а если пили — так, для вида. Правда, хорошо ели: кавказское хлебосольство.

И очень много говорили. О политике, о шоу-бизнесе, о чем угодно. Тогда еще не было клубов. Да их и сейчас нет. Есть ночные клубы для развлечения. Есть какие-то деловые клубы. Но так, чтобы для души и для ума, до сих пор ни черта нет. А тогда тем более. В одиннадцать вечера закрывались кабаки, и милиция растаскивала пьяных — кого отпускала, кого с собой забирала. Так завершались все московские вечера.

Я только что закончил МГИМО и учился на курсах переводчиков ООН. И очень любил ходить к Джуне. И сама она мне нравилась — эксцентричная, динамичная. Человек из другого мира, для которого условности — паспорта, прописки, быт, национальность — все это не существенно. Окружающим было непонятно, кто она по крови. Вроде бы ассирийка. Но смотрится и как грузинка. «Ближневосточной национальности»...

Однажды я привел к ней иностранную ооновскую делегацию. Джуна организовала шикарный прием. Гости были потрясены. С того времени я стал ее приятелем.

Молодежь у нее тусовалась без видимой цели. Люди постарше лечились. Мою мать она лечила от воспаления легких, и удачно.

У нее необыкновенные длинные руки, супермузыкальные длинные пальцы. И сильнейшее психологическое воздействие.

Она делала пассы. Музыкальные пальцы производили вращательные движения на расстоянии нескольких сантиметров от тела пациента. Напротив тех зон, которые она определила как болевые. Раздеваться не требова-

лось. Работала через одежду. Подносила руки — и в этом месте становилось тепло. И все теплее — с каждой минутой. А через 10—15 минут становилось и вовсе горячо.

Были известные пациенты — поэт Роберт Рождественский. Близкие сотрудники Брежнева — его помощник Александров-Агентов. Их я видел. Пациенты дарили ей дорогие подарки, цветы. По тем временам — да и по этим

она была человеком небедным. При том, что совершенно не понимала жизни в Москве, что сколько стоит. Она не ходила по магазинам, была привязана к дому.

Не все люди адаптировались к ней. Кто-то ее боялся. Но на меня все это ложилось очень хорошо. Ее присутствие, ее мир.

Свой неповторимый мир привнесла эта женщина в Москву. Мир ночных посиделок, долгих разговоров, чтения стихов. Приходил Андрей Дементьев. Бывал Владимир Мигуля. Посол Палестины Рами, близкий друг Ясира Арафата, блестяще владевший русским языком.

Феллини прилетел на сутки в Москву — на кинофестиваль. Часов восемь из этих суток он провел у Джуны. В другой раз там можно было застать Настасью Кински.

Потихоньку квартира на Вахтангова прирастала комнатами на разных этажах. Джуна уже работала и в подвальном помещении.

... Шел то ли 87-й то ли 88-й год. В тот роковой день обстановка в доме у Джуны была боевая. Не как всегда — мило, расслабленно и непринужденно. Мне позвонил знакомый: «Филатов, срочно приезжай к Джуне. У нас большие проблемы». К моему приходу уже собрались многие Джунины родственники и друзья. Меня отвел в сторону один человек и произнес ту же фразу: слушай, Алекс, у нас ЧП.

Оказывается, один наш знакомый певец, Александр Кальянов, пригласил Джуну приехать на Тверскую к Пугачевой. Там собралась эстрадная компания — сама при-

не хотела. Как чувствовала. Ее уговаривали — да ладно тебе, подъезжай, посидим. Уломали. Она поехала. Была в своем экзотическом облачении. В темной восточной одежде, со множеством украшений, с серьгами, кольцами, браслетами — точно индийская танцовщица. Она любила ярко одеваться.

Дальнейшие события восстанавливаю по рассказам Джуны и других очевидцев. Дело происходит в известной квартире Пугачевой рядом с «Пекином». Джуна входит, садится. Ей говорят — Джуна, ты пропустила, давай пей штрафную. Да нет, отвечает, мне что-то не хочется. Тут вступает певица. Нет, говорит Пугачева, так нельзя. Так в моем доме не принято. Здесь я хозяйка — давай пей. Джуна пытается перевести разговор на другую тему. Пугачева настаивает. Она уже подшофе, разгоряченная. А обстановка провоцирует конфликт — вокруг одни мужчины, и только две яркие, известные женщины.

Джуна сердится: «Алла. Я пришла к тебе, потому что друзья просили. Но ты меня не задирай. Ты знаешь, я человек восточный. Не надо так, Алла». Пугачева ей что-то кричит. Джуна встает. Пугачева на нее двинулась. Джуна хватает массивную пепельницу, бьет певицу по лицу, бьет очень сильно. Хозяйка падает. Видно, что сильно идет кровь. Мужики парализованы. Джуна выскакивает из этого негостеприимного дома, ловит такси и отбывает с «поля брани». И как настоящий восточный человек увозит с собой боевые трофеи: сорванную с Пугачевой цепочку и клочок волос.

Вернувшись домой, рассказала историю. Собрались все родственники. И вот тут я увидел, что такое Восток. Внизу было уже 40—50 машин. В квартире, на лестничной клетке, у подъезда толпилось человек эдак 150. А то и 200.

Джуна бросила боевой клич. Она была уверена: ночью будет нападение. Появился человек, который кричал: «Пусть я отсижу еще пятнадцать лет, но я ее убью!

Если она придет. Скажи только, Джуна! » Начался боевой танец. Все присягали императрице в верноподданности. Это были в основном ассирийские родственники и многочисленные земляки — грузины, армяне, да и русские. Но наиболее жесткие позиции занимали именно родственники. Джуна поддерживала боевой дух. Она твердила: нападение возможно в любой момент.

Меня попросили предпринять дипломатические усилия. Разузнать, в каком состоянии находится Алла, что с ней происходит. «Понимаешь, Алекс, удар был такой силы. Я завалила ее. Она жива или нет?» Я знал всех участников вышеописанных событий, был в хороших отношениях с Кальяновым. Именно я познакомил в свое время с Джуной Игоря Николаева, бывшего тогда композитором Пугачевой.

Про его отношения с Джуной расскажу отдельно.

Началась дипломатия. Выяснилось, что Пугачеву отвезли в больницу и накладывали там швы. Что швы серьезные, но она жива. Ее чистят, приводят в порядок. Поступают первые противоречивые сведения по поводу того, будут или нет подключать милицию.

В три часа ночи неожиданно появились пацан и девушка. Молодые люди лет 18. Они вошли во двор и направились к подъезду, где жила Джуна. Тут же перезвонили снизу «дозорные»: идут какие-то двое. Джуна говорит: это разведка. Пропустите их, не надо боев, отойдите, плавно растворитесь во дворе, дайте им войти. Мы их встретим на третьем этаже.

Когда эта парочка поднялась, ее уже встречали на лестничной площадке. Окружили: куда идете?! Они: нам нужна Джуна. А кто будете? Мы, отвечают, из клуба фанатов Аллы Пугачевой. Люди Джуны, уже более агрессивно, спрашивают: ребята, что вам надо? Те отвечают вопросом на вопрос: зачем Джуна ударила Аллу? Обстановка накаляется. Вот-вот начнутся боевые действия. Сторонники Джуны переходят на крик: сколько вас? Где

ваши основные силы? Раздаются призывы: надо дать им по голове прямо сейчас, сбросить с лестницы! Не бейте их, вступают другие, мы же «языка» взяли, надо допросить!

Из «допроса языков» выяснилось, что никто не соби-рался на этот дом нападать. От фанатов двое пошли выяс-нять, зачем это было сделано. Вот и все.

Начался военный совет: что делать с «языками». Не-которые настаивали, что их следует задержать. Но боль-шинством голосов решили отправить их к черту. Идите, говорят, и передайте Алле, что нас тут 150 человек, мы го-товы на все, никакой милиции не должно быть, никакой милиции здесь не будет. Разведчики ушли передавать.

Однако наутро обстановка неожиданно разрядилась. Выяснилось, что и Алла куда-то уезжала, и у Джуны была командировка (она уже ездила тогда за границу). В об-щем, разъехались, и все как-то само собой рассосалось.

Но тот вечер запомнился навсегда. Постепенно я при-шел к убеждению, что это был своего рода поворотный момент в московской светской жизни. Они столкнулись не случайно. Не потому, что они две яркие гордые жен-щины. Не потому, что кто-то выпил. Потому, что насту-пала иная эпоха. Это была уже перестройка. Алла все-та-ки ассоциировалась с эпохой Брежнева. Восходившая звезда столкнулась с уже устоявшейся.

Интересно, что Джуна и Алла еще до знакомства мно-го говорили друг о друге. Они как бы внутренне готови-лись к этому столкновению. Не общаясь между собой, но имея общих знакомых. Которые ходили и туда и сюда. Они ждали этой встречи. Они должны были столкнуться неминуемо. Внутренне набирали силы...

Джуна была абсолютно перестроечным человеком. Неформальным. Наступило время, когда стали востре-бованы неформалы. Когда все говорили о неформалах. Неформалах среди молодежи, рок-группах, неформалах в политике. Чуть позже появился Жириновский, как но-вый тип неформального политика. Разрешили нефор-

мальную лексику. Стал публиковаться неформальный поэт Олег Григорьев. Все неформальное поползло. А Джунa была символом нового, неформального человека. Неформального лечения. Неформального стиля жизни.

Неформальная сила заявила о себе. Как любая новая нарождающаяся сила, она была агрессивной, пробивающей себе дорогу, работающей локтями.

Эпизод в доме на Тверской — символ перехода в другое состояние. На моих глазах неформальное побеждало формальное.

ХРУЩЕВСКИЙ ПРИЗЫВНИК

Все, что было у меня до встречи с Джуной, было хорошо и по-советски. Я человек, который ни разу не был в милиции, ни разу не подписывал протокол. Не привлекался. Не имел проблем с властью. Советская власть дала мне все. Ни одной претензии бытовой и личной к советской власти не имею. Все было ровно. Точно из английского анекдота: мальчик до 6 лет не разговаривал. До того момента, когда подгорела овсяная каша. Его спросили: что же ты молчал все это время? А какой смысл было разговаривать, отвечает. Все было нормально. Каша не подгорала.

Так и я могу сказать про свое детство и студенчество. Каша была вкусная и не подгорала. Отец занимал ответственное положение. Был кремлевским начальником. Работал в сфере транспорта. Руководил планированием перевозок в масштабах всего Советского Союза. А перевозки — это все отрасли хозяйства, от сельской до военной. И у него было синтетическое знание страны. Он был своего рода энциклопедистом. Я мог его спросить: скажи, папа, сколько мы возим угля? Он говорил: столько возим, столько добываем, а вот столько добывать не будем. Я спрашивал: а что у нас с фосфором? Он немедленно от-

вечал. А будут ли у нас новые самолеты? Отец не выдавал секреты, но мог намекнуть, что самолеты будут.

Он знал все. Количество людей в стране, которые знали все, было очень небольшим. Даже министры знали все только в своей отрасли. Секретари ЦК тоже делились по сферам ответственности — кто-то занимался международной, кто-то идеологией, кто-то молодежью.

Все, наверное, знал председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов, о котором я расскажу позже. Все знал Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев. Но и то — они знали ситуацию уже с высоты птичьего полета. Отец отслеживал движение всей страны с более близкого расстояния. Он хорошо видел, кто куда едет, кто куда направляется, а чье движение застопорилось. Все в Советской стране планировалось. А значит, минуя отца, нельзя было получить ни одного вагона.

Отец вел дневники. И кое-что мне передал. Часть дневников была секретной — ее после его смерти забрали. А несекретная часть осталась.

Записывал в практических целях. Помечал: 16.00, 17 ноября, совещание у Байбакова, председателя Госплана. Дальше следовал подробный конспект. И если позже кто-то говорил — мы же давали поручение! Стоп, говорил отец, когда было поручение? 16-го числа? Хорошо, сейчас посмотрим, что было 16-го числа. Эта его манера, как говорили потом сотрудники, многих раздражала. Но и дисциплинировала. Потому что знали: этот человек все четко записывает.

Отец мне говорил: я записываю, чтобы не заснуть. Потому что длинное совещание — я просто засну. А когда пишу, слежу за канвой разговора.

Он пришел в Госплан из науки: до этого был ученым секретарем крупного НИИ. Он был хрущевским призывником: пришел в правительство по тому известному набору, который провел персек, решивший перетащить 30-летних яйцеголовых на государственные должности.

Хрущев менял поколение чиновников. Отец оказался в нужное время в нужном месте. И уже в 30 лет занимал в Госплане высокий пост — по крайней мере, по той советской номенклатурной системе.

17 лет он проработал в здании Госплана на Охотном ряду. Мы пришли в это здание в 1994 году, через 13 лет после его смерти. И некоторые его сотрудники, которых я помню (потому что еще ребенком туда приходил на елки), как раз в те дни паковали вещи и уезжали. И вот по удивительной иронии судьбы я работаю в кабинете своего отца. Это произошло по чистому совпадению. Так совпало. Это какой-то круг. Он пришел в 32 года в Госплан. Я в 32 года стал депутатом. Я работаю уже 12 лет в том же мистическом здании, где он просидел 17.

Вообще-то отца могли взять и в ЦК. Уже фактически брали. На очень ответственный пост завсектора ЦК. По высокой рекомендации. Но все-таки не взяли. Из-за бравады. Ему задали обыкновенный вопрос: сколько вы получаете? Вместо того, чтобы просто назвать свой оклад в НИИ, отец сказал — неограниченно. Ответ потряс интервьюера. А проводил собеседование секретарь ЦК Козлов. «Что значит неограниченно?» — удивился Козлов. «Понимаете, — отвечает, — я работаю в науке, очень много печатаюсь, и тут зависит от моих возможностей. В принципе я могу получать очень много, и 700, и 800, и тыщу. Иногда, конечно, бывает мало. Но если работать...» «Ну знаете, - укоризненным голосом сказал интервьюер, - в ЦК таких окладов нет. Здесь мы вам этого обещать не можем. И вообще нам не совсем понятно, какая у вас мотивация идти на эту должность».

Он мне потом много раз рассказывал эту историю. Мне тоже приходилось проходить массу всяких собеседований. И на всю жизнь он меня научил: «Алекс, надо отвечать прямо на поставленные вопросы, никаких не должно быть мальчишеских дел — «неограниченно»...»

Совершенно было не нужно так говорить. Более того,

человеку, который рекомендовал отца, отзвонили и сказали: твой молодец такое выдал! Тогда подобным образом на вопросы о доходах не отвечали. Да и сейчас-то неудобно так говорить при приеме на работу...

Отец действительно много публиковался, писал об образовании тарифов на железнодорожном и других видах транспорта. Он всегда гордился, что до него по этой теме писал только Витте, премьер царского правительства. И вот он второй человек, который берется за научное обоснование этих экономических вопросов.

После того, как Хрущева сменили, Брежнев зачистил молодое поколение, рекрутированное из науки. Хрущевский призыв головастиков раскидали по всяким практическим институтам, по дипломатической линии (характерный пример — Бовин). Надо сказать, всех трудоустроили. Тот человек, которого взяли вместо отца в ЦК, тоже стал в итоге дипломатом. И потом много лет работал в аппарате ООН.

...Отец — темноволосый, полноватый. Полноватым стал после 40 лет. До этого хвалился, что у него один и тот же вес — 70—73 кг. После стал набирать. Из командировок всегда привозил мне какие-то пистолеты, разные, заграничные, французские. Ходил в строгом костюме. Мать всегда утром его провожала. Советовала, как выстраивать отношения с коллегами и подчиненными. В этом плане она как коммуникатор гораздо выше его. Он мог поругаться, иногда слишком прямолинейно себя вел. Мать была для него своего рода лоцманом.

Мать родом с Украины, учитель русского и литературы. Много лет работала в Московском институте инженеров транспорта. Там были курсы русского языка для иностранцев, занималась в основном с ними. Трудилась 30 лет. Преподавательская работа ее устраивала, потому что давала возможность больше заниматься детьми.

Помню ее уже располневшей. Но полной она стала после родов.

У нее была астма. Тяжелейшая форма: к 30 годам еле ходила, еле поднималась по ступенькам. Это была трагедия: 30-летняя женщина — и такой недуг. Непонятно было, что с этим делать. Все говорили про Крым. Но как можно в Крым переезжать семье чиновника? Там нет ни правительства, ни науки. В Крым может ехать человек свободной профессии.

И один знакомый не из мира медицины сказал ей просто: а может, попробуешь родить? И роды могут дать перестройку всего организма и в том числе решение этого вопроса. Могут не дать, но могут и дать.

Она в это поверила. Родила ребенка, то есть меня. И действительно пошла на поправку. Астма прошла! Правда, располнела. Но главное, избавилась от астмы.

То есть я пришел как ребенок-избавитель. Есть сестра, которая на 9 лет меня старше. Но ко мне всегда относились по-особому. Второй ребенок, поздний. И к тому же избавитель...

Летом каждый год ездили в кремлевские санатории. Был особый курортный мир. Был и дачный мир. Но родители не очень любили дачи. И не просто потому, что были городскими жителями — эдакими city guys. А во многом из-за того, что мать (а была она тоже дочкой ответственного работника — дед руководил трестами, концернами, в том числе во время войны), понимала, что дачные истории — путь к конфликтам на работе. Когда люди вместе работают и вдобавок вместе живут, возникают какие-то ссоры, жены ругаются, дети дерутся. Отношения портятся... Зато часто ездили в кремлевские санатории, в основном в Крым и Сочи. Люди съезжались со всей страны, причем очень высокие, крупные руководители. Это было интересно. Я мог общаться с персонами, знакомства с которыми простым смертным были недоступны.

Самое раннее и потому сильно впечатлившее меня знакомство произошло в подмосковном санатории «Барвиха». Мне было 6 лет. Отец взял меня за руку и повел по

длинным коридорам санатория. Постучал в дверь одного из номеров. Кто-то за дверью отозвался. Мы вошли. На стуле сидел Семен Михайлович Буденный и разминал рукой мячик. Командарм был совсем седой, со своими знаменитыми фирменными усами. В номере была еще женщина, много моложе командарма (супруга, как мне объяснили после). Надо сказать, я был к встрече подготовлен и задавал легендарному полководцу умные (для моих лет) вопросы. Сначала он не совсем понимал, о чем со столь молодым человеком говорить. Но когда я его раскочегарил своими умными вопросами насчет белополяков, он был потрясен. И пустился в воспоминания. Запомнилась его фраза «мы их гнали аж до Варшавы». Завелся немножко, чувствуется, маршал. Прощаясь, он подписал мне книгу «Встречи с Ильичом»: «Алексу Филатову - на долгую память».

Чуть позже я видел с близкого расстояния и маршала Жукова. Кстати, первой книгой, которую я прочитал, были его «Воспоминания и размышления». Я читал их с огромным интересом. Моя сестра тогда уже училась в МГИМО. И проходила историю войн и военных учений. А ей абсолютно не хотелось этим заниматься. И я ей чертил карты Ледового побоища. Занимался, так сказать, мелким реферированием. Все эти темы меня невероятно прельщали.

КОЛБАСА КРЕМЛЕВСКАЯ

Чуть позже я осознал, что у обитателей кремлевского двора есть еще одна привилегия — не менее существенная, чем интересные знакомства. На улице Грановского работала так называемая «кремлевская столовая». Там некоторым ответственным людям можно было поесть или получить ужины и обеды сухим пайком. Тамошние продукты были во всех отношениях удивительными. Их особенность заключалась в том, что они изготавливались

по технологиям, которые не менялись с 20-х годов. Никакой химии не добавлялось. Никаких добавок в колбасу. Всех этих волшебств последние 15 лет не было.

По всему поголовью скота велся очень жесткий учет. Если корова рождалась, то знали и папу, и маму, и болезни папы и мамы. Если член Политбюро ел бифштекс, он мог спросить — а что это за бифштекс? Из какой такой свиньи? И можно было быстро и четко определить родословную «начинки». Имя того поросенка, от кого он получен и что с ним происходило.

Помню мед, залитый сургучом, где написано — когда упаковано и кем упаковано. Если что-то происходит, то укладчицу Петрову найдут и через 5 лет.

Конечно, в этом было гигантское лицемерие системы, о чем неоднократно говорил мой отец. Походы в кремлевскую столовую он доверял матери и мне. Вообще-то на Грановского ходили только ответственные лица, а для жен и детей работала столовая возле кинотеатра «Ударник». Но в отдельных случаях по какому-то разрешению на Грановского допускались и члены семьи. Иногда ходил я, иногда мать. Поначалу я очень комплексовал, все время сталкиваясь там с большими начальниками.

До сих пор на улице Грановского есть мемориальная доска Ленина. Напротив знаменитого дома, усеянного мемориальными досками. Во дворе был вход в столовую. Там же располагалась и спецбольница. Позже двор перегородили высокой бетонной стеной. Ее выстроили тогда, когда в этой больнице все чаще стал бывать Брежнев. Он гулял по внутреннему двору — невидимый для проходящих в столовую. Но я еще застал период до возникновения стены. И наблюдал однажды, как Брежнев разговаривал с одним из посетителей этой замечательной столовой. Видимо, генсек заметил старого знакомого и подозвал. Разговор велся через ограду. Брежнев говорил довольно громко, и было слышно, что обсуждали колбасу, кровя-

ную колбасу, говорили про сорта, которые выпускались на Украине. Генсек в тот день был очень доброжелателен.

Спецстоловая. Огромные сводчатые потолки. Пожилые большевики ходили туда обедать и ужинать. Но большинство брало сухим пайком. Темно-серая оберточная бумага. Продукты в нее заворачивались наглухо, чтобы ничего не видно было, когда посетитель выйдет на улицу. Мне передавали кулек. Иногда в нем оказывались фантастические миноги, жареные или копченые. Иногда черная икра. Точнее, икорка была серая, не как сейчас. На талон можно было взять две банки икры. Или курицу. Кур тоже кормили по технологии 20-х годов — то есть без всякой химии (наука там не должна была присутствовать). И они были фантастического качества.

Давались талоны на обед и ужин. В день положено было отоварить талонов на 5.60. Отец выкупал пачку таких талонов, допустим, за 70 рублей, но реально продуктов там было рублей на 200. Этого мало — давались еще дополнительные праздничные талоны например, на 7 Ноября. Цены были эквивалентны ценам 1924 года. Они застыли. Там все застыло.

Однажды, помню, выступала секретарь Ленина Фотиева на встрече со старыми большевиками. Я был на этом вечере — он проходил как раз в Госплане. И вот она рассказывала, как была создана эта уникальная столовая.

Известна история, что Цюрупа упал при Ленине в обморок. Один из элементов советской мифологии. Но не сообщали продолжение этой истории. Мало того, что Ленин был потрясен, когда нарком продовольствия упал в голодный обморок. Ленин тут же принял решение создать столовую. В Указе было написано: для изможденных и голодающих сотрудников Совнаркома.

Фотиева делилась воспоминаниями: «Цюрупа наш упал, и Ленин подписал бумагу: учредить столовую для изможденных и голодающих». Потом она сделала паузу и добавила: «Столовая, товарищи, существует и по сей

день». Пауза. «Правда, усилиями советской власти, товарищи, там теперь нет ни изможденных, ни голодающих». Все засмеялись и захлопали. Все понимали, куда она клонит.

Продавщицы в этой столовой работали по 30 лет. Они лично знали всех «шишек». Да и сами были на уровне (помню, что у одной тетки сын работал заместителем министра). Они были частью этой великой кремлевской системы. Глупо было на них кричать, жаловаться на плохое обслуживание.

Запомнилась одна забавная сценка. Обычно днем туда приезжали ответственные люди, им надо было быстро забрать продукты. Товар на скорую руку заворачивали в кульки и перевязывали веревкой. Высокие персоны торопились. И вот как-то днем стояла у прилавка бабушка и очень долго выбирала. «Покажите, девушка, эту курочку! Нет, вон ту! А что она такая жирноватая? Может, другую попробуем». Народ нервничал. Кто-то выразил свое неудовольствие — бабуля, а нельзя ли побыстрее? Пенсионерка медленно развернулась и тихим голосом проговорила: «А что вы шумите, молодые люди? Как вообще вы сюда попали?» Тяжелая пауза. «Мне, например, пропуск сюда Владимир Ильич Ленин подписал. А вам кто?» И люди растворились. Людей не стало.

В соседнем помещении была кремлевская парикмахерская. По номиналу стрижка стоила 50 копеек. Но если ты давал рубль, тебя просто любили. Парикмахер был в белом халате, на старый манер. Правильный такой дед, который, говорят, еще Сталина стриг. Рублем он был жестко доволен.

Совмещение кормления и стрижки давало дополнительное преимущество. Получил продукты — тут же, не теряя времени, сделай прическу. К тому же многие люди были узнаваемые. В городскую парикмахерскую идти неудобно. Ходить стричься в гостиницу «Москва» тоже

как-то не с руки. Салонов тогда не было. А парикмахерская на Грановского — это был выход.

Вообще у элиты того времени были интересные манеры. Вот, например, Евгений Максимович Примаков. Не знаю, как сейчас, а в ту эпоху, улетаая за рубеж, он с большим запасом приезжал в Шереметьево. И как бы растворялся. Люди гадали — куда это он исчезает всякий раз? А потом вдруг выныривает — посвежевший, довольный, хорошо пахнувший. Ларчик открывался просто. Оказывается, он завел себе такое правило: всегда перед полетом ходить стричься. Я не сразу узнал, что в Шереметьево есть парикмахерская. Вот вам старая школа. Которая исчезла вместе с той спецстоловой.

Очень интересной фигурой в этом заведении был охранник. Сотрудник КГБ. Вероятно, отставной. Уже в возрасте, седоватый. Невысокий, с хорошо уложенной стрижкой. Ходил в синем халате. Решал, кого пускать в столовую, кого не пускать. Его величали Стражником. Он был глубоко интегрированный в систему человек. Я ему откровенно нравился — в 10—12 лет я был послушный мальчик, вежливый, деликатный. Любил его поспрашивать про старых большевиков. Он меня с некоторыми из них знакомил. С писательницей Мариэттой Шагинян, например.

Это был важный человек на самом деле. Люди, которые с ним портили отношения — кто-то, например, позволял себе с ним поконфликтовать, думая, что человек в синем халате мало что значит, — имели потом проблемы. Например, в столовую никогда не пускали космонавта Андриана Николаева. Он приходил, ждал у двери Терешкову, но внутрь Стражник заходить не разрешал. Космонавтам было не положено — если они не занимали при этом какой-то важной должности в органах управления. Столовая полагалась для чиновников уровня замминистра и выше. Или уровня заведующего отделом или сектором ЦК партии (инструктор ЦК доступа уже не имел).

Терешкова была номенклатурой председателем Комитета советских женщин. Ей было положено. А Николаев нервно ждал ее у входа. Стражник бы пустил, если бы имел

к нему теплые чувства. Но, видимо, кошка когда-то перебежала.

А вот у меня со Стражником было полное взаимопонимание. Беседовали мы и на политические темы. Однажды он мне ни с того ни с сего сказал: «Передают, что Брежнев болен простудой. Грипп у него. А гуляет, между прочим, во дворе, в ботиночках с тонкой подошвой. Как-то странно все это». Так он мне передавал секретную информацию.

Брежнев часто лежал не в ЦКБ, а как раз на Грановского. Я как-то спросил Стражника, почему Леонид Ильич предпочитает именно эту больницу. Стражник, недолго думая, пробурчал: «Да тут три минуты до Кремля. А пока будешь ехать из ЦКБ, всякое может случиться». По интонации чувствовалось, что старый гэбэшник шутит. Но одновременно он раскрывал важные аппаратные тайны. Понятно, что фактор времени тоже играл роль. Брежнев, который прошел через многое и помнил заговор против Хрущева, конечно, понимал, что за три минуты добраться до работы - дорогого стоит. Что забыл Горбачев, не имевший такой школы. Так далеко уезжать в условиях, когда все качается, лежать где-то в Форосе... Иногда 5—10 минут, время подлета, решают многое, если не все.

Так что Стражник был подкованный. И имел свое политическое мнение. Однажды он ни с того ни с сего мне сказал: «Конечно, надо уже в Кремль молодого».

Когда я начал печататься, а я начал рано — работал с журналами «Студенческий меридиан», «Ровесник», — понял, что нужно выруливать на какой-то эксклюзив. И Стражник стал моим Сталкером. Через него я выходил на очень серьезных людей, которых так просто не доста-

нятно, что действующие функционеры не давали никаких интервью, им было не до этого. А пенсионерам делать нечего. Старые большевики рассказывали охотно. И Стражник с ними работал. Говорил — вот, Алекс, хороший человек, надо помочь парню, расскажите-ка, как вы с Владимиром Ильичом...

Всю эту систему с 90-х годов разломали. Упразднили подсобные хозяйства. Закрыли столовую.

Вот сейчас Аркаша Новиков развивает подсобное хозяйство для своих ресторанов, где он кормит олигархов. Если вы приедете в это его подсобное хозяйство, увидите, что все по науке, по замечательной голландской технологии. Проблема в том, что голландская технология — это сплошная химия. А куда делась кремлевская технология? Нашим олигархам нужно быть таковыми еще сорок лет, чтобы создать ту систему, которую создали большевики. Которые, можно сказать, знали в лицо каждую телку, чье молоко они пили.

Сейчас непонятно, как это восстанавливать. Потому что коровы по голландской технологии — это нечто другое. Стойловое содержание, животные не гуляют, их регулярно кормят какими-то комбикормами, повышают им жирность. Я, например, всему этому не доверяю.

Помню свои поездки в Америку, где я был неоднократно. Меня поражало, особенно в последние годы - и всех это поражает — количество абсолютно жирных людей. Я сам далеко не худой. Но это просто жирные люди, с каким-то таким идиотическим взглядом. Особенно тяжелое впечатление производят ожиревшие дети. В очочках, с неровными зубами, мутноватыми глазками. С явными признаками дебилизации. Американцы выдвигают версии, что все это из-за малоподвижного образа жизни, гамбургеров, кока-колы. А мне кажется, что все это вранье. Есть у меня, и не только у меня, догадка, что все это результат употребления в пищу двумя поколениями американцев генетически измененных продуктов. Такие про-

дукты в США распространяются с 1959 года. То есть одно поколение выросло, и их дети прочно на этом сидят. Мы еще пока результатов не знаем. У нас всякую гадость начали добавлять в середине 70-х, но активно пошел иностранный завоз с начала 90-х. По крайней мере, еще нет второго поколения — есть только первая генерация, которая сидела на этой дряни. Проблемы начнутся со второй.

Америка столкнулась с колоссальной трагедией в результате того, что люди решили делать помидоры, которые не портятся, яблоки, которые не жрет червь. Парадоксально, что нищета в России последних лет спасает большое количество населения от этой истории. Люди, живущие своим огородом, перебивающиеся всякой ерундой, но своей — у них хотя бы есть шанс, что их дети будут

здоровее. И такого идиотизма не случится.

Был как-то в Лос-Анджелесе, сидел у бассейна. Обратил внимание на папу и двух сыновей. Нормального сложения папа — и толстейшие дети. Смотрят в одну точку. Сидят как овощи. Тридцать минут смотрят в одну точку. Потом встают и куда-то бредут.

По совпадению обратно из Америки в нашем самолете летела группа детей из Чернобыля. Их провожали американцы, какой-то фонд. У всех ребятишек на спине был начертан диагноз: «Children of Chernobyl». Не знаю, может, они действительно больные. Но дети веселились, галдели. Это были просто красивые дети. Живые, подвижные. И я подумал: так кого же на самом деле следует называть детьми Чернобыля? Скорее тех, что сидели у бассейна.

Вспоминая кремлевскую столовую, думаешь об этих странных детях, толстых, которые смотрят немигающими глазами...

Меня убеждают в преимуществах западных технологий. Говорят — нужно стойловое содержание, глупо коровам бегать по пашне. Пусть себе спокойно стоят,

бикорм. Пусть лижут добавку. На ушах напишем порядковый номер. И вовремя, по музыкальному сигналу они будут ходить кормиться. А что? Жирность молока великолепная...

У меня есть сомнение. Попытка изменить жизнь всегда выходит боком. Вот человек не может всю жизнь гулять в тюремном дворе. Здесь такая же засада.

Конечно, есть по этому поводу научные исследования. Но проблема в том, что огромные деньги заряжены с той стороны. Кто будет бороться с этой машиной? С ней может бороться только тоталитарное государство. Когда наверху сказали - пошли вы вон, все будет так-то и так-то. Сказать некому. Это издержки демократии. Ни один правитель, никакая наука не может бороться с деньгами. С деньгами крупных корпораций, которые продают йогурты, продают это молоко. Печатайте свои умные исследования! Кому они нужны? Каждую минуту по всем телеканалам и во всех газетах вам будут доказывать, что кока-кола безвредна, что гамбургеры — отлично, дешево и сердито. Трудно воевать с огромной индустрией.

Россию спасает инерция. Все западные нововведения приходят к нам через 10—15 лет. Этот шаг во времени дает России мирную передышку.

Отец как-то приехал из Парижа. Шел 1968-й год. Мне было 6 лет. Огорошил домашних новостью: в Париже женщины и мужчины ходят в дубленках. И скоро, наверное, у нас будут такие дубленки носить. На что мой дедушка удивленно сказал:

— В тулупах, что ли, как кучера ходить будут? Или как сейчас водители? Но те понятно, им холодно. А интеллигентным людям зачем все это?

— Нет, Аркадий Владимирович, в Европе люди ходят в дубленках. Они хорошо выделанные. Наверняка это придет к нам.

Дед остался при своем мнении:

— Никогда это к нам не придет, пусть они там делают что хотят.

Отец ответил:

— Давайте подождем 5—6 лет.

И точно. Через 5—6 лет — как повезли эти дубленки, как понеслось... Прошло еще немного времени, и дубленка стала символом престижа советского человека. Особенно если дубленка из «Березки». И к ней - австрийская обувь...

«НОЧНОЙ КЛУБ» ИОСИФА СТАЛИНА

У Москвы 60—70-х была своя светская жизнь и свои герои. Я застал эту эпоху уже на излете, будучи студентом МГИМО.

Так же, как и сейчас, была большая светская тусовка. Правда, не было глянцевых журналов. Вообще, если вдуматься, что отличает нынешнее время от того, приходишь к выводу, что главное нововведение — это глянцевая пресса. Увы, тогда не было модных журналов — женских, девчачьих, рок-н-рольных. Большевики не хотели этого делать. Потом начали, но очень медленно. Однако светская жизнь, повторяю, была. И были звезды светской жизни.

Такой звездой, можно сказать, приметой — был Высоцкий. Много говорили о Галине Брежневой. И с первым, и со второй я пару раз сталкивался. О чем расскажу особо.

Очень модным человеком тех лет был Серуш Бабек. Сын одного из руководителей иранской компартии. Бабек явно занимался очень специфическим бизнесом. Но ему было разрешено иметь при себе валюту. Представьте, что это за сладкий человек которого не могли остановить, арестовать. И у которого были пачки валюты в кармане. При этом он блестяще говорил по-русски.

Бабек дружил и с Высоцким. И, думаю, немало денег ему давал. Между Западом и Россией была разница цен на валюту. 200 долларов, которые лежали в кармане у Ба-

бека, были по тем временам колоссальной суммой. Барыги меняли валюту по курсу один к трем, один к четырем. То есть по неофициальному курсу фарцовщиков выходило 800 рублей. Зарплата министра. На 800 рублей можно было гулять в гостинице «Москва» с открытой душой.

Бабек не скупился. Он раздаривал дачи знакомым артистам. Он весело гулял. Очень близко дружил с Говорухиным. Много позже, в Думе, я спросил у Говорухина — помните Бабека? Он так подозрительно посмотрел на меня: «А ты чего, знаешь Бабека?» Застал, говорю. Он немного подумал и обронил: «Ну, с Бабском я мало общался». Это было странно слышать. Он общался с ним много и Бабека знал близко. Это особенность Говорухина, который всегда, на всех этапах общался с сильными мира сего. В наше время с Лужковым. В свое время — с Высоцким. А на каком-то этапе с Бабеком. Он всегда оказывался рядом со звездами своего времени. Это тоже искусство.

Гулянки проходили в центральных московских кабаках и — еще одна особенность той эпохи — в кабаках загородных. Например, в «Иверии» на Минском шоссе. Другой известный кабак располагался в Салтыковке. Почему за городом? Там можно было гулять после одиннадцати. Закроешься и отрываешься до трех ночи. И тебя развлекает Миша Звездинский. Фактически это были ночные клубы.

Я не ездил в загородные кабаки. Мне не нравилась бандитская атмосфера, которая возникала там после одиннадцати. Появлялись фарцовщики, прибывали какие-то явные бандиты. Собирались сомнительные таксисты, которые подвыпивших потом обирали.

Не скажу, что было не так шумно и не так весело, как теперь. Москва гуляла всегда. Здесь не должно быть иллюзий. Иногда говорят: вы посмотрите, разве когда-то такое было? Было, господа! Было в других формах. Да, не платили валютой — хотя тот же Бабек валюту доставал.

ные девицы. Более того, хочу уверить, что калибр того времени — скажем, калибр олигархов того времени, я уж не говорю про олигархов сталинской эпохи — был куда крупнее, чем сейчас.

Куда ходит нынешний олигарх? Он ходит в ночной клуб. Где на шесте крутятся какие-то украинки без паспортов. Год назад они бегали по улицам города Золотоноши. А теперь на шесте.

Что было ночным клубом у Сталина? Большой театр! Никто не понимает роль Большого театра. Почему о нем все время так много говорят? Да потому, что это был сталинский ночной клуб. Где к его услугам было 350 блестящих артистов. Где были колоссальные постановочные возможности. Где накрывался отличнейший кавказский стол, с лучшими винами и фруктами. И где можно было собираться хоть каждый вечер.

Сначала смотрели спектакль. Извините, не как задом трясут на шесте. А великолепную премьеру. Потом несколько часов плотно ужинали. Потом разбирали девиц и по домам...

Балеринам Сталин предпочитал певиц. Балерины не могут петь. А за кавказским столом хорошо бы иметь партнершу, которая сможет подтянуть, затянуть песню. В особенности если это певица профессиональная. Ну что может балерина? Она же на стол не вскочит, между сациви и лобио прыгать неудобно.

К тому же кавказцу Сталину, видимо, не очень нравились худые женщины. Грудастые певицы — вот кто был в его вкусе. Такие, как Вера Давыдова и ее коллеги.

Все говорили — а смотрите, как Сталин хорошо знает Большой театр! Конечно, ведь это был его ночной клуб.

И теперь сравните сталинских деятелей с нынешними олигархами, которые тусуются, как Миша Прохоров, в ночных клубах с красивыми, но бессмысленными телками, которые ни спеть, ни станцевать не смогут.

Масштаб людей, руливших тогда страной, был колоссальный.

Мне рассказывал один очень серьезный иностранный деятель, имя которого не хочу называть, потому что он очень известен... Во время войны партизанские лидеры из Европы, которые работали на нас, деятели компартии, съезжались тайно на инструктаж в Москву. Сам по себе этот факт известен. Но мне сообщили подробности пресловутого инструктажа.

Что делал Сталин? Инструктаж проходил в Кремле полдня. Но нельзя же инструктировать все время. Сталин не водил их в музей и не водил их на экскурсии. Он понимал, что это бесполезно. Эти люди приехали с войны, им не надо про войну рассказывать. После работы они шли в Большой театр. А жили в гостинице «Метрополь». После просмотра «Лебединого озера» они переходили в гостиницу. Все окна там были наглухо зашторены. Все было закрыто, действовал спецрежим, как во время недавних юбилейных торжеств в центре Москвы. Накрывались столы. Были любые французские вина — все, что союзники привозили. Любые фрукты, ананасы. Все балерины Большого тем временем переодевались, и к 12 рулили через улицу в «Метрополь». Где шла пьянка-гулянка до утра.

Утром опять инструктаж. После него опять в Большой — на этот раз на оперу. И дальше по той же программе.

После такого краткого спецезда в Москву человек уезжал к себе на родину воевать. Какие чувства он испытывал к Советскому Союзу? Самые лучшие. Сталин не грузил его — давайте, я вас поведу в магазин, вы увидите, как люди у нас ужасно живут. Зачем человеку, который сам воюет, на все это смотреть? На всю жизнь у него осталось впечатление — гигантский Большой театр, лучший балет в мире, самые красивые балерины в мире, французские вина, которых не видел пять лет, виноград, который из Австралии прислали... Вот это Советский Союз.

Такая была работа с союзниками. Большой театр был частью глобального проекта. И в этом было отличие тех олигархов от этих.

Глава 2

В главе рассказывается о том, что скрывалось за внушительным бюстом Марины Влади; о том, были ли в советское время олигархи и что такое привилегии по-советски; о том, как русское искусство убивало американских президентов; о том, кто подставил Галину Брежневу в «деле о бриллиантах»; о том, как КГБ и МВД воевали из-за Аллы Борисовны; о том, кто и зачем прострелил почку честному генсеку Андропову; о том, на какой мове до 17 лет розговлял Михаил Горбачев; а также о том, как одна медицинская ошибка скомпрометировала половину ЦК

ГРУДЬ «КОНТРАБАНДИСТКИ» МАРИНЫ ВЛАДИ

Высоцким я встречался дважды. Первый раз, когда мы приехали с Бабеком к нему на спектакль. Кажется, давали «Десять дней, которые потрясли мир». Мы прибыли к середине представления, он сидел в гримерной. Прошли сразу к нему. Бабека там все знали, поэтому двери перед ним легко открывались. Высоцкий не скрывал своей радости, что появился повод отвлечься от работы. Я был ему представлен как «наш товарищ». Высоцкий среагировал моментально: «Ну что — надо ехать куда-то в кабак! Че сидеть-то?! » После чего было принято смелое решение махнуть рукой на спектакль и отправиться в злачное место. Высоцкий вышел с нами, а в это время в театре был, видимо, антракт, было тепло, и народ тусовался на улице. Зрители с изумлением увидели, что Высоцкий садится в автомобиль и уезжает. Выбегает взволнованный администратор театра и кричит: «Володя, ты куда вообще?» А он ему: «А че куда? Мне-то всего пару песен выйти спеть и все. Спектакль — массовый. Там все бегает — революция. Я-то не нужен». «Володь,

ну ты что! Тут все пришли специально послушать твои песни. Что думаешь, на революцию, что ли, посмотреть?» А он говорит: «Да пошли вы все к черту!» Сел, завелся и уехал.

Мы отправились в ресторан «Центральный». До сих пор помню, как Бабек заказывал. Он взял меню. Стал рассматривать. У него спросили: «Что будете заказывать?» А он: «Давай так! Все что здесь есть, по две порции принеси». Судя по лицу официанта, таких заказов он никогда прежде не получал. «Вы уверены? — на всякий случай переспросил этот парень. — Тут же 40 наименований!» «Я говорю — все неси. А мы попробуем. А там, может, еще

люди к нам присоединятся. Дело такое...»

И официанты, конечно, прыгали вокруг.

Высоцкий серьезно выпил, но держался. Надо сказать, что даже будучи в сильном подпитии, он себя контролировал. За столом велась весьма содержательная, отнюдь не светская беседа. Разговор перекидывался с темы на тему. Было видно, что у Высоцкого есть свой взгляд на то, что происходило в стране, и взгляд этот был не очень характерным для того времени. Тогда вся наша интеллигенция была однозначно прозападная. Ей дико надоел этот совок, который трудно переносился с его ограничениями, с этой фатальной невозможностью поехать, скажем, в Париж, спокойно, без характеристики.

Высоцкий воспринимал жизнь более рельефно. Может быть, потому, что жена была иностранкой и он не испытывал никакого чувства унижения перед Западом, касаясь подобных тем. Редко и даже практически невозможно было тогда услышать от человека интеллигентного критику западного образа жизни, не на собрании, а просто за столом. Впервые такую критику я услышал от Высоцкого. Запомнилась такая его характеристика западного уклада: внешне это выглядит как санаторий, но порядки там очень жесткие и распорядок дня надо выполнять.

зал, что звонит Марина из Парижа. «О, и здесь нашла!» - воскликнул досадливо Высоцкий. Потом я узнал, что у Марины была целая система коммуникаций. То есть она имела в Москве свою телефонистку, которая разыскивала его в разных местах: у друзей, в ресторанах... Еще и в помине не было мобильной связи, а у Влади была разработана технология, которая позволяла находить мужа практически везде. Так что Высоцкий вряд ли удивился такому звонку. И эта фраза «О, и здесь нашла!» — это был немножечко понт.

Вообще он показался мне человеком несколько высокомерным (в отличие от Бабека, который держался совершенно естественно). Но наверное, и не могло быть по-другому. Он был дико популярен, и ему действительно приходилось нелегко, потому что на него буквально все бросались. Я видел, как улыбались все официантки — кто радостно, кто кокетливо, как подходили пьяные мужики, просили автографы, что-то говорили... «Володя, послушай...» Чувствовалось, что вся эта фамильярность ему дико не нравилась. «Какой я им Володя? Почему собственно — они в первый раз меня видят». А они воспринимали его как доброго знакомого, с которым уже много лет проводят время.

Закончилось все это упоением и тем, что Бабек спросил девчонку-официантку: «А что вы сейчас делаете? Смена закончится, куда вы потом двигаетесь?» А она ему: «Да никуда!» Тогда Бабек сказал: «Вот что, собери какую-нибудь закуску-выпивку, коньяк, да поехали с нами. Девочек своих зови. Жрачку в пакет положите. Я сейчас все это дополнительно оплачу. Вы переоденьтесь, а мы вас ждем». На этой радужной ноте я взрослых дядей оставил. Шел второй час ночи. Мне нужно было домой. Я был приличным мальчиком, ночевал всегда дома. А мои собутельники уехали с официантками. Кстати, хорошие девки были, просто на загляденье.

Оглядываясь на ту эпоху, прихожу к выводу, что уро-

вень девиц, которые вращались в нашем кругу, был весьма приличным. Во всяком случае, повыше тех, что сегодня тусуются в различных ночных клубах, да еще просят 400—500 долларов за «дружескую встречу». Уровень был гораздо выше, потому что страна была закрытая и элита 300-миллионного народа стягивалась в Москву. Настоящие сливки. Нельзя было, как сейчас, раз и махнуть в Париж, Италию. Но был хороший шанс удовлетворить свои амбиции в столице Союза.

Элита скапливалась в этих московских средах. Девки с высшим образованием, с отличным воспитанием, пышущим здоровьем телом и аристократическими чертами лица. Причем их нельзя проститутками было назвать. Скорее уж куртизанками. Даже официантки были очень красивыми, потому что было престижно работать в центральных ресторанах Москвы. Сейчас любая красивая девчонка мечтает в Лондон, Нью-Йорк поехать. Тогда стремились в Москву и с удовольствием в столице работали.

Второй раз я увидел Высоцкого в компании. В доме у одного человека в Щемилевском переулке рядом с Новослободской. В этой квартире, впоследствии хорошо мне знакомой, Высоцкий бывал довольно часто. В тот вечер собрались в основном люди творческие, многие сами были интересными персонажами, но, естественно, именно Володя был сердцем этой компании, и даже спел один раз, хотя чувствовалось, что ему это не очень хочется.

А после его смерти жизнь столкнула меня с Мариной. Возникла ситуация, потребовавшая моего участия. Марину зачем-то заставили сдавать весь архив Высоцкого в Литературный архив — ЦГАЛИ. Она упиралась: «Почему, ведь он же не Максим Горький, даже не член Союза писателей?» Но и Советский Союз уперся. Тогда Влади решила все рукописи предварительно скопировать и хотя бы копии вывезти во Францию. Для этого требовалось их микрофильмировать — сфотографировать и умень-

шить. По тем временам это была самая передовая технология.

Так получилось, что взялся за этот подряд мой знакомый фотохудожник Дима. Он попросил меня поехать с ним, потому что несколько боялся этой работы: вдова поэта была в зоне особого контроля. И вот мы втроем, Марина, я и Дима, отправились на дачу Высоцкого, которую впоследствии разобрали. Эта была печальная история. Напомню ее, если кто не знает. На своей территории Эдик Володарский, известный сценарист, разрешил некогда построить дачу, где Высоцкий и обитал. Но после его смерти хозяин участка не захотел, чтобы там веселились какие-то друзья Высоцкого или жила Марина. Документов на «объект» никаких не было. К тому же Володарского достали фанаты Высоцкого, которые приходили фотографироваться на фоне исторического дома. И сценарист принял радикальное решение: домик снести. Это была неприятная история для семьи и вообще для всех поклонников. Жестко поступил сценарист Володарский. Но иначе, видимо, не смог, потому что нельзя жить рядом с музеем.

Но в тот год знаменитая дача еще стояла. По приезду мы произвели разделение труда. Дима работает, фотографирует эти рукописи, а я развлекаю Марину. Уйти и оставить рукописи нам под честное слово она не решалась.

Дима работал всю ночь. А мы с Мариной всю ночь проболтали.

Она полулежала на диване. Я сидел рядом и расспрашивал. Времени было полно, мы могли вдоволь наговориться на все темы, она ударилась в воспоминания — о себе, о Володе, о его семье. Рассказывала, как снялась в «Кол-

дунье», получила сногшибательный гонорар и как этот гонорар технично распатронился за год — полтора. То, что в России потом называли рэкетом, во Франции дела-

кую-то сумму на общество, вы ведь не хотите, чтобы в публикации было написано, что вы не любите кошек. Ведь тогда вы вообще не сможете сниматься. Она давала. Потом приходил человек из мэрии и без обиняков излагал свою просьбу: вы тут у нас живете, дайте на ремонт городской ратуши, потому что все вас будут за это благодарить, а вы самый знаменитый житель у нас. Она жила в небольшом городке в предместьях Парижа. Она давала на ратушу, на кошек, на борьбу за мир. Это был такой интеллигентный рэкет, о каковом явлении в России тогда еще никто не слышал. Совместными усилиями земляки сделали Марину Влади не такой богатой.

Я с удивлением узнал, что в последние годы ее практически полностью содержал Высоцкий. Вопреки общепринятому мнению, что он женился на миллионерше и что «вот повезло-то парню». На самом деле он очень неплохо зарабатывал. Он брал по 300 рублей за концерт. В день он мог дать три концерта. Это были огромные деньги по тем временам. Кстати, спонсировал его (хотя такое слово не употреблялось) тот же Бабек. Подкидывал «дровишек» и Вадим Туманов, известный золотопромышленник, с которым я тоже сталкивался. Вадим, во всех отношениях незаурядный человек, сделал немало для Высоцкого. Он был, как я понимаю, тем, кого сегодня принято называть «реальным спонсором». О нем поговорим особо.

А пока вернусь к тому вечеру на еще не снесенной даче Высоцкого. Высоцкий умер в 80-м перед Олимпиадой. Соответственно - шел, может быть, 81-й, или 82-й. Марина полулежала на диване, отбросив куда-то тапочки. Мы болтали. Отправиться спать было бы не по-товарищески - человек же работал. Делать было нечего, вот мы и предавались воспоминаниям. Точнее, говорила в основном она. Говорила очень спокойно, очаровательным голосом, на хорошем русском. И даже в полутьме, отменно, да что там говорить — потрясающе выглядела. Моя

детская психика была под давлением. Соки бродили. Она женщиной не молодой была, конечно, но была она — высший класс! Во-первых, огромная грудь. Во-вторых, модно одета. И потом, когда ты знаешь про нее так много, когда понимаешь, что это не просто тетя Мотя, а великая актриса...

Она хорошо осознавала, какое производит на меня впечатление, и, чтобы не возникала неловкость, иронизировала по поводу своих достоинств. Шутила, что поскольку у нее грудь немаленькая, у нее есть шанс вывезти все собрание сочинений в лифчике (по груди же они шарить не будут!) Впрочем, это была совсем не шутка. План авантюры как раз предусматривал именно такой способ «контрабанды». Делались микрофильмы на пленках, и пленок должно было быть столько, чтобы все уместилось на ее груди.

И действительно, ее внушительного бюста хватило на весь архив. Все, что было необходимо, она вывезла. Дима ее провожал. Рисковал, между прочим. Замечу, что она сама об этой аванюре впоследствии не распространялась. Но, как говорится, что сделано, то сделано.

Той ночью она очень поучительную историю рассказала о своих отношениях с Высоцким-старшим. Отец Володи ее поначалу не принимал. Да просто ненавидел. Он был офицером, воспитанным в «старорежимных» традициях, и не сомневался, что она шпионка. И что Володя плохо кончит с ней. Что сына непременно посадят. Он был просто в шоке от выбора сына.

Ее это беспокоило, по понятным причинам. И главное же — ничего не помогало, ни уговоры, ни попытки сделать подарки, ни попытки повлиять через сына. И в конце концов она предприняла отчаянный шаг. Затащила свекра в комнату и показала ему фотографию, где стоят: она, вождь французских коммунистов Жорж Марше и Брежнев, и все улыбаются. «Папа, ну вы же офицер! Вы же понимаете, что не все я вам говорю, но что-то вы долж-

ны сами понимать. Я показываю вам фотографию, из которой вы должны сделать определенные выводы», — и она со значением на него посмотрела. После чего папа сказал: «Я все понял!» И совершенно к ней изменился. Антипатию — как рукой сняло! Теперь он частенько говорил сыну: «Береги Марину!», волновался: «А где Марина?» У него стал совсем другой взгляд на отношения «молодых».

И взгляд этот, как ни странно, был не так далек от истины. Я постепенно пришел к выводу, что брак этот был не случаен. То, что Марина помогала французской компартии, — всем известно. Именно при посредничестве Марины делались пожертвования для французских левых, для Марше. Это был один из неофициальных каналов общения между Москвой и Парижем. Она многие годы выполняла такую деликатную миссию. Стало быть, в СССР ей не могли не оказывать определенную государственную поддержку. И зная ту систему (Сталин умер не так давно), берусь утверждать: никому бы не дали никаких браков заключить, если бы где-то не решили, что это полезно. Где-то наверху рассудили: а почему бы и нет?

Обратите внимание: наступило постперестроечное время, когда нет такого политического контроля, но ни одного брака подобного калибра между звездой Запада и звездой России не было заключено. Ни одного. Шелл с Андрейченко? Не тот уровень. А тогда и французская невеста была звездой первой величины у себя на родине, и жених — звезда первой величины в России.

Одним словом, брак этот был не случайным. Это был своего рода проект, который курировался со стороны советских спецслужб и со стороны ЦК партии. И когда говорят, что Высоцкий был непризнанным певцом, неформалом, что его травили... Хочется внести ясность: его прижимали в некоторых сферах, но это не была государственная травля. Театральный мир — тот его травил. Не-

навидел за яркость, за огромные деньги, за особое положение в тусовке, за то, что он мог ездить в Париж, за жену-француженку — за все. За спортивный «Мерседес», за охранников, которых тогда ни у кого не было, а он ходил в сопровождении крепких ребят, и это было совершенно удивительно для всех окружающих. Спортивный «Мерседес» даже по сегодняшним временам — признак особого статуса, а по тем-то вообще представлялся чем-то космическим. Ясно, что особый статус Высоцкого, будем так говорить, государство использовало в своих целях. Вокруг него шла борьба. Но брак с Мариной дал ему охранную грамоту. Он оказался фигурой международного масштаба. Он стал в центре каких-то сложных отношений между компартиями. За него всегда мог вступиться Жорж Марше. А это прямой выход, например, на Брежнев.

Таким образом, Высоцкий попал в ту ситуацию, благодаря которой его выпускали за кордон. Конечно, он не был любим своей средой, но то, что он нравился отдельным деятелям партии, — это правда. И его слушали на дачах у членов Политбюро. Скажем, была одна замечательная девушка — дочь Полянского, члена Политбюро. Она была женой Ивана Дыховичного. Так вот, ее семья очень дружила с Высоцким. И говорили, что поэт иногда появлялся на даче Полянского.

Но, повторяю, не за счет дружеских отношений создавался особый режим для Высоцкого, особые привилегии. Покровительствовало само государство. Особенное того момента, как Владимир вышел на международный уровень и кто-то санкционировал их отношения с Влади. Если бы власти были против, то разрушили бы эту любовь в одночасье. Для государства такое было несложно сделать. Но кому-то сия история показалась привлекательной.

ЗОЛОТО, ДАЧНЫЕ БОТАНИЧЕСКИЕ САДЫ И АРБУЗЫ НОН-СТОП

Туманов — это официальный миллионер в советское время. При том, что он отсидел срок. Но это был единственный человек, который показал мне несколько официальных сберкнижек, где было в сумме больше миллиона рублей. Это меня поразило, как и всех нас тогда.

Вот, говорят, что в СССР не было частного предпринимательства... В целом да. В стране не было настоящего частного бизнеса. Но частная инициатива была. Были артели, где была легальная возможность сколотить неплохие капиталы. И некоторые этой лазейкой пользовались. Скажем, одно время у Туманова зарабатывал какие-то деньги сын Говорухина. То есть можно было поехать покалымить, что называется. Само по себе выражение — покалымить, — войдя в обиход, фиксировало существование такой частной инициативы. У самого же Туманова был вполне серьезный, даже по нынешним меркам, бизнес.

А вообще государство нынешнее глупо не понимает роль золота. Золото тысячи лет было деньгами. И оттого, что в начале 70-х американцы объявили, что золото — не деньги, а лучшей валютой является доллар, не стоит забывать о прежних традициях. Отменить одним махом главную валюту человечества — все равно, что с завтрашнего дня отменить католическую церковь. Сие американское утверждение держится каких-то 30 лет. И перечеркнуть опыт тысячелетий не может: доллар не доллар, а золото все равно будет в цене всегда. Я считаю, что развивать золотопромышленное производство и припрятывать золотишко государству обязательно нужно...

Частью московской тусовки был и Славик Цеденбал. Сын монгольского первого секретаря ЦК, который был женат на русской. Между прочим, очень властной женщине. Которая предпочитала, чтобы их отпрыск обитал в столице Союза. Славик и жил все время в Москве, нико-

гда не ездил в Монголию. У него была шикарная квартира. У него не было семьи. Некоторые говорили, что он по голубой части.

Дети других начальников братских стран тоже здесь околачивались. Однажды мне довелось выпивать в весьма примечательной компании. Присутствовали: Юлия Хрущева — удочеренная внучка Никиты Хрущева (дочь сына, который был летчиком), работавшая тогда заведующей театра Вахтангова, Славик Цеденбал, Иван Славков, зять Живкова. Вот такое собралось трио советского блока. Еще присутствовало несколько человек из Вахтангова. Пошли то ли в шашлычную «Риони», то ли в какой-то ресторан. Все чувствовали, что было нечто прикольное в такой комбинации.

Компании часто собирались и в роскошных московских хоромы Славы Цеденбала. Формально он занимался в столице Союза тем, что защищал диссертацию о народном хозяйстве Монголии. К моменту нашего знакомства он лет 10 писал эту диссертацию и все время говорил, что введение уже завершил. Часто выпивал в ресторане СЭВа. В том самом сэвовском здании на Новом Арбате, где сейчас мэрия, а в течение одного года квартировала Дума. В этом ресторане у него был постоянный столик, и «монгольского принца» можно было всегда там найти.

Слава Цеденбал умер относительно недавно. Уже в новое время. Говорят, от сердца. Так и не женившись и диссертацию не защитив. Мать тоже провела последние годы в Москве. Она переехала после того, как сняли мужа (который проправил Монголией больше 20 лет), то есть в конце 80-х. Умерла в 1997 году. Она пережила всех...

Была у кремлевского быта еще одна характерная особенность. Для членов Политбюро с учетом их прихотей и запросов со всего мира привозили различные специфические дары. Допустим, член Политбюро ЦК КПСС Арвид Янович Пельше любил редкие цветы и вообще всякую произрастающую экзотику. Прихоть председателя

Комитета партийного контроля (а некогда — латышского стрелка) была равносильна закону. И вполне естественно, что у него на даче постепенно возникла оранжерея мирового значения. Все вьетнамские товарищи знали, что надо Арвиду Яновичу взять в подарок — какое-нибудь чудо-дерево, экзотический цветок. О том же были наслышаны и аналогичные дары везли французы, итальянцы, немцы, монголы. Не знаю, что потом случилось с этой оранжереей, но об этом дачном ботаническом саде ходили легенды.

У другого члена Политбюро, не буду его называть в силу близких отношений с семьей, были проблемы с почками. Врачи сказали, что было бы полезно постоянно иметь в рационе арбузы. И все знали: этому товарищу надо привозить арбузы. Бахчевые поступали из самых разных уголков мира — в соответствии с периодом вызревания. К примеру, в марте арбузы поспевали в Австралии, значит, их везли из Мельбурна, в мае — в Америке, шла доставка с этой части света, в июне — в Узбекистане, шли контейнеры из Ташкента. Советские посольства в соответствующих странах и обкомы в соответствующих республиках поставляли арбузы строго по этому графику, таким образом, чтобы на стол к члену Политбюро предписанные плоды поступали круглогодично, все 12 месяцев, бесперебойно. По сути, была создана специальная государственная служба, обеспечивающая необходимый непрерывный цикл для мытья почек высокого чиновника. Думаю, что наши олигархи до такого изощренного удовлетворения своих потребностей вряд ли когда доходили.

Один человек мне рассказывал, как, став представителем Аэрофлота в одной из стран, он совершил из-за этих арбузов колоссальный служебный прокол. Однажды к нему пришли люди и сказали, что ящик с арбузами нужно срочно переслать в Москву. «Что за арбузы?» — возмутился авиационный руководитель, не вникнув в

ситуацию. Его успокаивают: «Да там заберут из МИДа, вы не волнуйтесь». Но он сообразительности не проявил: «Ничего не понимаю. Вы меня не подставляйте!» В общем, тормознул отправку. И очень скоро в этом раскаялся. Вечером ему позвонили с таких верхов и с такими словами, что он потом три ночи подряд не спал. И больше ему ни разу не звонили ни по одному рабочему вопросу с такого верха. Все остальное никого не колыхало, только арбузы.

Постепенно я стал объемней представлять Советский Союз. Не так однозначно, как мы его тогда, да и сейчас представляем. Коммунисты до сих пор навязывают нам, особенно тем, кто не знал этой страны, банальные представления о Советском Союзе: что все были равны, что никакой элиты не было. А вот сейчас олигархи мучают страну. У меня просто колоссальный протест против этой точки зрения. Я считаю, что олигархи были. Это были партийные олигархи. И были хозяйственные олигархи, скажем, крупные министры, у которых огромные финансовые потоки шли. Или люди типа Бабека. Или олигархи в сфере культуры, или в сфере писательской — все секретари Союза писателей, например. Вся крупная номенклатура. И таких людей были десятки-сотни. Их обслуживали, как и сейчас.

У них были содержанки, любовницы, просто девушки. Причем девушки в советское время делились по сферам. Сейчас такая глобализированная единая система. Ну, девицы и девицы. А тогда была четкая дефиниция. Например, были девушки хоккеистов. Вообще девушки, которые тусовались исключительно со спортсменами. Или девушки, которые тусовались в художественной среде. Так называемые «девушки при...». При спортсменах, при артистах, при дипломатах, при больших начальниках. И в Москве это был свой мирок. Кто-то собирался в Доме кино, кто-то в ЦДРИ... Были такие среды.

РОЛЬ РУССКОЙ ХУДОЖНИЦЫ В СМЕРТИ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

Что такое привилегии по-советски? Это, например, возможность слетать в Европу без всяких виз, билетов и даже денег. Схема простая: тебя сажают в самолет Аэрофлота в кабину пилота. Ты прилетаешь, скажем, в ГДР (а кто-то любил в Польшу). Тебя встречает в аэропорту посольская машина. У тебя ни документов, ни валюты. Ты прилетел на 2 дня. Тебя везут в Западный Берлин, если надо что-нибудь купить. Летчики обеспечивали бесплатный пролет, а деньгами спецтуристов снабжали посольские. Они же и возили по городу. И как они потом это утрясали в своих бюджетах — не знаю, это были их проблемы. А вояжеру это стоило ноль рублей ноль копеек, потому что все обеспечивалось государством.

В пятницу можно было вылететь из Москвы, а в воскресенье вернуться. Это практиковалось. Галина Брежнева частенько пользовалась таким транзитом.

Мне рассказывали немало забавных историй о нравах в тогдашней дипломатической среде. Например, такую. Однажды наш резидент в Германии обратил внимание на то, что синхронно несколько его сотрудников отпрашиваются под разными предлогами в Западный Берлин. И что это совпадает с желанием его дочери. А дочь его просилась всегда на концерты модных рок-групп, которые выступали в Западном Берлине. Скажем, на Deer Purple или на Pink Floyd. Что-то здесь не так, подумал резидент. Сел в свою машину и, никому не говоря о своих планах, приехал на концерт, куда в очередной раз отправилась дочурка. И увидел там своих молодых сотрудников, которые отпросились якобы на встречи с агентами или по какой иной служебной надобности. Судя по номерам машин, припаркованных перед входом в концертный зал, все посольские были в сборе.

Отдых советской номенклатуры в ГДР был поставлен на широкую ногу. Только у армейского начальства в

Германии было 140 своих гостевых домиков. Это были и дачи, и охотничьи домики. Здесь была создана разветвленная инфраструктура, обеспечивающая досуг и развлечения московских шишек. Всю эту инфраструктуру потом глупо бросили, убежали без оглядки. О чем сердце болит до сих пор. Большой глупости и бесхозяйственности трудно себе представить. Все это нужно было оформить. Даже если вы выводите войска, пусть это будет наше. А потом можно долго и упорно судиться...

Я тоже пару раз ездил таким способом в ГДР. Обычно в Берлин летали на шопинг. Встречают — и сразу везут по магазинам. Я был самый «ненапряжный». Магазины меня мало интересовали. Я просто хотел погулять, пожрать сосисок и больше даже послушать разговоры о том, что там у них происходило.

Меня встретил сотрудник по имени Олег, он был оформлен как собственный корреспондент одной московской газеты. Олег не имел дипломатического прикрытия, но это меня устраивало, потому что в Западный Берлин я ехать не хотел. И вот он меня возил, кормил. И удивлялся, что я все время какие-то вопросы задаю. Я ему говорю: «Я и приехал посмотреть, как у вас тут. Как отношения? Что происходит? Как молодежь? Где веселится? Как немцы к Гитлеру относятся?» Он меня тащит по магазинам, а я говорю: «Ничего не надо, вот только бы про Гитлера узнать».

Олег оказался не слишком разговорчивым. А вот в следующий мой приезд, с другим сопровождающим, мне повезло. Очень интересная случилась беседа. Мы с ним прошлись, выпивали-закусывали. И он мне рассказал совершенно секретную историю про убийство Рузвельта. Это был первый человек, который затронул данную тему. Потом я поднял официальные источники, что существуют на сей счет, и просто поразился, почему никто и никогда по этому поводу не поднимал шум.

Дело в том, что жена Рузвельта Элеонора после его

смерти возненавидела Советский Союз. И даже газета «Правда» писала о выжившей из ума старухе Элеоноре, которая клеветает на нашу Отчизну. Это было не случайно. Видимо, Элеонора была уверена, что Рузвельта убрал именно Сталин. Но по ряду соображений никто, ни Советский Союз, ни американцы (это был их провал) не был заинтересован эту тему поднимать. Обстоятельства смерти Рузвельта были чрезвычайно странные, но никто не делал из них выводов.

Рузвельт был бабником. Он был инвалидом, и амурные дела были одной из немногих радостей в его жизни. Женщин ему подгоняла Люси, гувернантка его дочери, которая, возможно, сама раньше была его подругой. Так, по крайней мере, считала Элеонора.

В тот роковой день Рузвельт уехал с одним охранником, дочерью и ее воспитательницей в личное поместье. (По другим свидетельствам, дочь подъехала только после ЧП.) И еще с ними была молодая женщина, художница Лиза. Разные источники называют ее то Лизой Шуматовой, то Элизабет Шаммер. Незадолго до этих событий Люси сказала Рузвельту, что у нее есть подруга — русская художница, и она хочет сделать портрет. Рузвельт намек понял (президенту нельзя все в лоб говорить). Очень обрадовался. Хотя это дикая неосторожность — ехать с первой попавшейся, она же не Ван Гог. Но он понимал контекст.

Они уехали вчетвером в его личное поместье. И в момент, когда Лиза делала его портрет он якобы умер, затянувшись сигаретой. Видно, подложили ему что-то в курево. Русская эта исчезла бесследно. Когда приехала Элеонора, она чуть не убила свою глупую дочь, с которой у нее и без того были сложные отношения. Вдова кричала: «Какие в России могут быть художники?! Вы что, не понимаете кто такие все русские художники!»

Но тема была замята. Видимо, службами безопасности. Никому не выгодно было брать на себя такую исто-

рию. Никто не хотел со Сталиным портить отношения. Доказательств прямых нет. Официальный диагноз — что-то с сердцем.

В тот второй мой приезд мне пришлось общаться с человеком, который как раз обеспечивал эту операцию. Он был в числе тех людей, которые помогали этой Лизе выйти на гувернантку дочери Рузвельта. Это была большая многоходовая операция. Он был выпивши и не то чтобы рассказывал все в деталях. Просто обмолвился, что есть вещи, которые способны сделать тайные службы, — такие вещи, от которых мир может стать другим. И в частности, прошелся по этой истории.

Все знают, что было потом. Сталин приехал на Потсдамскую конференцию, где происходила окончательная дележка мира. Прошло три месяца с Ялтинской конференции, дело было в июле 1945 года. Черчилля не было — его переизбрали, Рузвельта не было — он умер. Приехали новые игроки, которые не знали старых договоренностей. Это, конечно, усиливало сталинские позиции. Ведь были устные обещания, о которых знали только главы государств. А приехали два сырых парня. Этли, новый премьер Англии, и Трумэн, новый президент Америки (вот там-то Трумэн забахвалился ядерным оружием). И один, и второй были не в теме. У Сталина было стратегическое преимущество. Сталин в каком-то смысле был там папой и школьным учителем. Видимо, это и было основной тактической целью — убрать предыдущего партнера перед подписанием окончательного контракта.

И тот человек, с которым я общался в Берлине, аккуратно дал понять о своей роли в мировой истории. «Вот такая история, — резюмировал он. — Может быть, ты когда-нибудь прочтешь об этом, может быть, напишут». И когда я поднял источники, свидетельства тех событий, я просто опешил. Ведь все расклады сразу были известны. И про Лизу Шуматову есть в исторических книгах.

И про то, что жена Рузвельта Элеонора ненавидела до самой своей смерти Советский Союз. Все время ругала. Она-то все поняла. Какая русская художница, в самом деле?

«АХИЛЛЕСОВА ПЯТА» БРЕЖНЕВА

Галина Брежнева... Первая встреча с ней произошла почти спонтанно. Мои родители дружили с Махмудом Эсамбаевым, великим чеченцем, танцором всех времен и народов. Во время какого-то праздника мы (я, моя мать и сестра) пришли к Махмуду в гостиницу «Москва». У него был огромный номер. Махмуд был в ванной. Не успел выйти, как раздался пронзительный звонок.

Он берет трубку. Изменяет голос (замечательный артист) и говорит, растягивая слова: «Галя, дорогая, слушай, я такой в жопу пьяный. Я не могу добраться до двери. Слушай, Галя, ты где? Я с удовольствием, но не могу. Па-а-нимаешь, Галя, извини». Кладет трубку и объясняет нам: «Это Галя Брежнева. Приглашает в компанию. Они где-то бухают. Но я хочу отвертеться, потому что это закончится черт-те чем. И еще в ее компании меня будут чекисты отлавливать и говорить: Махмуд, и ты туда же! Ну его...»

Галина звонила еще дважды. Она, видимо, уже была на взводе, и Махмуд понял, что палку нельзя перегибать, и вместе с нами спустился в их компанию. Они выпивали здесь же, в гостинице «Москва», в одном из залов на третьем этаже. Сразу бросалось в глаза, что это яркая и неординарная личность. В этот момент она была серьезно пьяна, как и все ее собутыльники.

О ней много тогда говорили. Она производила впечатление настоящей южной женщины. Была при этом очень похожа на Брежнева. Темноволосая, с бровями генсека. Это особенность семьи Брежневых: они все похожи на отца: дети, внуки, правнуки.

Один человек сказал мне, что это не случайно. Брежнев был с изрядной долей южной крови. Достаточно беглого взгляда на его портрет, чтобы понять, что это не чисто русский человек. Мне сказали, что он был с персидской примесью. Если это так, то сия примесь давала о себе знать. В нем много было от шаха. Он очень любил красивые машины. Любил дорогие костюмы. Если Хрущев одевался, как колхозник, то при Брежневе появились длинные манжеты, золотые запонки. Он был весь такой пафосный. Причем пафос в нем был восточный. И во внутренней политике был этот восточно-византийский стиль. А внешняя политика всегда отличалась хорошими отношениями Москвы с арабами и персами.

В «Тихом Доне» описана история, когда казаки приходили с войны и привозили себе в жены персиянок. И вот я думаю: не был ли Илья Брежнев плодом такого вот романа нашего казачества с прекрасной половиной Персии?

Во всяком случае, по всему видно, что Леонид Ильич не был чисто русским человеком.

В этом вообще особенность России. Во все времена правили не русские, не славяне, не коренные жители. Начиная с Рюриковичей. Видно, что это не случайно. Взять, например, правителей двадцатого века: 30 лет — грузин, потом Брежнев с очевидной примесью южной крови, Хрущев — охотливый совершенно. В этом смысле и последний генсек Михаил Горбачев — не исключение. Ведь никто почему-то не вспоминает, что мать его — украинка и совсем не говорила по-русски. Она не понимала программу «Время», которую смотрела. Просила пересказывать ей, о чем там сообщалось. И Горбачев до 17 лет тоже говорил на украинском языке. А если были драки в деревне — русские против хохлов — Горбачев всегда был на стороне хохлов. И, может быть, в этом разгадка многих проблем Горбачева. Человек, который до 17 лет не говорил по-русски, потом имел страшный комплекс. Он все-

гда чувствовал, что ему нужна коррекция. Правильно я говорю или нет? А так говорят? В этом фокус Раисы Горбачевой. Раиса исполняла роль человека-корректора, который всегда должен находиться рядом, который скажет: нет, так не говорят.

И от этого все его «гэ», все его «мышления». По сути, страной опять правил человек, который русским не являлся. Даже не по крови, а по языку, по культуре. Он жил и вырос в другой культуре. Мать была дочкой председателя колхоза, который тоже говорил на украинском. Отец был русский, но он рано умер, и основное воспитание происходило в семье матери, именно от нее шла номенклатурная сила. Дед был председателем колхоза 17 лет — практически хозяином села. Когда он умер, его все село хоронило. И для Михаила это было чрезвычайно важно. Он жил в селе, где правил его дед. То есть он внучек председателя. Ощущение его - хозяйское. В 17 лет явно не без дедушкиных связей получил орден Трудового Красного Знамени, который потом открывал ему многие двери. Но главное, что он воспитывался в другой культуре.

Это фантастическая история - все руководители России XX века, за исключением Ельцина, воспитывались в другой культуре. Может быть, Путин, но он уже в этом веке пришел. Не было русских, и это, наверное, не случайно. Видимо, это формула России. Раньше немцы правили, заезжие немецкие бабенки. А теперь все больше с южными и восточными кровями. Россия посваталась к мужчине с Востока. Те были западниками, а эти восточниками.

Прослеживается некая закономерность. Империя была 300 лет — одни немцы и ни капли русской крови. Потом революция - и восточная кровь. А сейчас как бы возвращение к русской крови произошло. Но она очень холодная для управления огромной страной. В ней чего-то

не хватает. Нет дрожжей. А это важный элемент. В Брежнев были дрожди. Он заводной был, мы это видели.

И дочь его была с огоньком, веселая и приветливая. По крайней мере, казалась такой в тот вечер, когда я с ней познакомился. Обнималась со всеми. И мне перепало. Было видно, с каким огромным уважением она относилась к Махмуду Эсамбаеву. Тот шутил, пил со всеми коньяк.

Махмуд вообще большой выдумщик. Как-то я с родителями отдыхал в Гурзуфе, и он тоже был в нашей компании. И вот помню, как Махмуд однажды надел длинный женский халат, туго затянул пояс (а у него, как у профессионального танцора, была осиная талия), надел широкополую шляпу и очки. И крутя задницей, как он это умел, ходил по пляжу. Это вызывало бурную реакцию. На курорте просто революция происходила..

А тем более — дело было в кремлевском санатории с его пуританскими нравами. И вот все переглядывались, спрашивали: кто это приехал, чья это? Разные версии строили. А Махмуд переодевался, выходил, и никто не понимал, что это один и тот же человек.

В общем, настоящий актер, с большим чувством юмора. В компании с нами был еще один человек. Знакомый родителей — такой увалень, вялый, приехал отдыхать один. Махмуд решил устроить розыгрыш. Его все знали, часто подходили, особенно женщины. И вот он им говорил: «Знаете что это за человек? Это массажист Брежнева. Это чудо-массажист. Брежнев живет благодаря ему». Курортницы проявляли заинтересованность: «А шею? Шею-то он может?» — «И шею, и спину — это чудо-человек. Закрытый такой, аккуратный, осторожный — видите, как себя ведет. Только не говорите ему о его профессии. Он вам будет городить всякую херню, что он работает в министерстве где-то. Вы же понимаете его положение. Ему нельзя ничего говорить».

Утка прошла. И в итоге все бабы в санатории начали этого товарища охмурять. А он не понимал, что происхо-

дит, почему все к нему лезут, пытаются с ним заговорить, выйти вместе покурить.

Тогда Махмуд открыл своему знакомому глаза: «Знаешь, ну ты бабам нравишься! Есть в тебе что-то такое...» И мы с трудом сдерживали смех: мои-то родители знали истинную причину такого успеха...

Но вернусь к приятельнице Махмуда Галине Брежневой. Теперь уже абсолютно понятна суть событий, которые произошли с Галиной в 82-м году, когда был арестован цыган Борис Буряце, известный под кличкой Борис Бриллиантович. Он был арестован КГБ по делу о бриллиантах. Уже тогда знающие люди просекли, по кому бил этот арест: цыган был в одной компании с Галиной. Из одной, как сейчас говорят, тусовки. Вместе тусовались, выпивали-закусывали. Возможно, он даже был ее любовником. Так или иначе, было ясно, что вся эта история сострепана Андроповым, чтобы подвести мину под Брежневу. Но сделано это было крайне элегантно. Андропов опасался, понимал, что он ходит по тонкому льду. Открыто обострять отношения с шефом он не хотел.

И вообще в их общении видна была какая-то тайна. Было что-то, из-за чего Андропов боялся Брежнева. Я думаю, тут дело в переписанной биографии главного кагэбэшника страны.

Реально об Андропове мы узнаем с Карелии 50-х годов. Все остальное покрыто мраком и пахнет легендой. Например, что в Ставрополье в станице Нагутская, где работали родители Андропова, они умерли от голода, как он написал в своей биографии. В Ставрополье умереть от голода было очень трудно, даже при большевиках. Видимо, они были расстреляны красной властью. У Андропова была некая няня, которая помогала ему. Значит, родители были зажиточными. Судя по некоторым сведениям, они были греческими евреями, приехавшими в Россию из Греции или с каких-то югов. Но выкресты, принявшие православие и сделавшие карьеру в железнодорожной

отрасли. По совпадению там же, в тех же местах жил Сергей Медунов и его родители. И Медунов, будущий секретарь обкома Краснодарского края, знал всю эту историю, поскольку с детства соприкасался с этим человеком. И люто его ненавидел, зная, что вся его биография выдуманная. А тот, в свою очередь, ненавидел секретаря обкома как человека, который владеет более подробной, чем все остальные, информацией о его детстве.

Репрессированные родители конечно, пятно в биографии кремлевского руководителя. Широкой публике такие сведения знать не полагалось. С другой же стороны, этот факт не был большой преградой для карьеры. Таких карьер было много при большевиках. Начальники были заинтересованы иметь в подчинении скомпрометированных людей. Лучше работать с людьми, на которых есть крючки, чем с теми, на которых ничего нет. Первыми легко управлять. Поэтому, когда началась история с Галиной, надо было четко себе представлять, чем рисковал Андропов.

Цвигун и Цинев, зампреды КГБ, вопреки последующим трактовкам, были людьми Брежнева. Если выражаться совсем цинично, это были люди, подложенные под Андропова. Такова была схема Брежнева — два своих человека рядом с не очень своим председателем. Но ценность Андропова для Брежнева была в том, что тот был противовесом и Косыгину, которого генсек не любил, и Кириленко, и Суслову. Это была тогдашняя система сдержек и противовесов, которая позволяла Брежневу подолгу отсутствовать на рабочем месте, болеть, отдыхать. В его отсутствие система не рушилась, а наоборот, становилась все прочнее.

Снять Андропова и поставить Цинева или Цвигуна во главе КГБ Брежневу не хотелось, потому что нарушался баланс. Это были днепропетровские люди, находившиеся, например, в отличных отношениях с Кириленко, а Кириленко — второй секретарь ЦК. Тогда вся эта днепро-

петровская уния могла быстро заполнить пространство вокруг Брежнева. Зачем ему это было надо? Его замысел был в другом.

В начале 80-х Андропов, понимая, что Брежнев уже на исходе, обострил борьбу за власть. И арест Буряце был началом крупной операции. Естественно, действия компетентных органов вызвали соответствующую реакцию, и тогда при непонятных обстоятельствах погиб Цвигун. У меня нет сомнений, что его застрелили. Хотя подавалось все так, будто он застрелился сам. Судя по всему, это было сделано людьми Андропова. А представлено в нашей историографии так, как будто это было сделано со стороны Брежнева. Якобы был разговор Суслова с Цвигуном, разговор острый, после которого Цвигун вышел и застрелился. Якобы за то, что он осмелился вызвать свидетелем Галину Брежневу по делу Буряце.

То есть Андропов полностью перевернул всю картину. Когда Брежнев на него наехал, он скинул все это на Цвигуна. Как раз был удачный повод: Андропов в этот момент сильно болел и на хозяйстве действительно сидел Цвигун. Это дало Андропову дополнительные возможности для маневра. Появился предлог сказать: меня здесь не было, я ничего не понимаю, почему следствие так поступает.

Но ясно же, что Цвигун, представитель днепропетровского клана, никогда бы не пошел против генсека и, соответственно, против его дочери. Тем не менее когда он погиб, получилось так, будто в этом была виновна команда Брежнева. Тень упала на Брежнева и Суслова.

Потом умирает Суслов — вроде бы в результате этого скандала. И Андропова перемещают на пост секретаря ЦК по идеологии. Думаю, это была вовсе не подготовка к тому, что он станет генсеком. Скорее Брежнев его выдернул из КГБ, поняв, что он там засиделся (все-таки 15 лет!) и стал реально опасен.

Здесь стоит привести очень важное свидетельство

Владимира Мусаэльяна, бывшего фотографа Брежнева, многолетнего фотографа ТАССа, до сих пор работающего в Думе. Он был близок к Леониду Ильичу, постоянно находился у него на даче. И вот он рассказывал, что за три дня до смерти Брежнева они были в Завидово. И там при нем Брежнев обмолвился, что с Андроповым надо кончать. Володя уверял: это просто при мне было сказано.

7 ноября Брежнев отстоял парад. Вернулся к себе в хорошем настроении и вроде бы в нормальном состоянии. А 10 ноября при таинственных обстоятельствах умер.

И Галя, возможно, стала детонатором этой семейной трагедии. Вот этот ее разгул позволял Андропову взять брежневскую семью под свой колпак и спровоцировать дальнейшее развитие событий. Между прочим, благодаря возможностям КГБ за границей во всех журналах типа «Бунте», в Италии, Германии, Франции, там, где у нас всегда были хорошие позиции, печатались всякие статьи про кремлевскую невесту, про ее гулянки. Сплетни подхватывало Радио Свобода и тиражировало их на Россию, плюс интеллигенция приезжала на Запад и покупала эти газеты и журналы. Вот так создавался образ разгульной, развратной дочки генсека, которая его позорит, занимается бриллиантами. Эти образы в первозданном виде перекочевали в фильмы о той эпохе. И сегодня, через 20 лет, мы имеем совершенно андроповскую версию истории. И недавно выпущенный сериал «Брежнев» — ярчайшее воплощение данной версии.

ПУГАЧЕВА КАК ОБЪЕКТ МЕЖПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ

В чем значение Андропова? Он сделал из КГБ не обычную организацию, а политическую партию. Вот в чем фокус, которого никто так и не понял. И представители этой политической партии, которую заложил Андропов в 70-е годы, через 20 лет пришли к власти.

Не Сталин сделал охранку партией. Для Сталина

НКВД был инструментом. Актером в его театре теней. И как только этот инструмент загрязнялся, хозяин Кремля его с легкостью выбрасывал. Снял Ягоду, назначил Ежова, расстрелял Ежова, назначил Берию. Опускал их, чистки устраивал. Все было, как у хирурга: зажим, пинцет, нож.

Андропов же развернулся в других условиях — в условиях бюрократического социализма, который при Брежневе развивался. Это была целая эпоха. Где все было теневое. Искусство теневое — Высоцкий, бизнес теневой — фарцовщики. В обычных магазинах еда продается такая, а в специальных магазинах — сякая.

И вот в этой глубокой тени Андропов вырастил из КГБ настоящего монстра, эдакого новейшего Франкенштейна. Брежнев, мне кажется, эту историю пропустил. Или не пропустил; ему, как царедворцу, это было выгодно, но он не понял, что дело пошло дальше. Что Андропов создал альтернативную КПСС партию. Правда, не в нормальном официальном западном виде (парламент, борьба, открытые дискуссии, выборы и т.д.), а в советско-византийском.

То есть была создана организация, которая по всем элементам дублировала КПСС. Ну спрашивается, вы занимаетесь контрразведкой, военными делами, но зачем вам Пятое управление по работе с интеллигенцией? Вы что, партию хотите дублировать? Ведь именно партийные идеологи занимаются интеллигенцией! Нет, Андропов создает управление по работе с интеллигенцией, Андропов создает свои высшие учебные заведения. Андропов занимается СМИ. Андропов потребовал подключения своего ведомства к борьбе с крупными хозяйственными хищениями. Ты ведь шпионами занимаешься, какие хищения? Зачем Андропов полез еще в экономические преступления? Существовал ОБХСС. Тогда не было открытого рынка и проникновение зарубежных разведок было невозможно, как сейчас. Однако же полез. И в религию

полез. И вообще чем он только не занимался. Зачем-то направлял записки относительно творчества Евтушенко. Зачем-то приглашал Тихонова и предлагал ему стать тренером нашей сборной по хоккею. Ведь именно после беседы с Андроповым это произошло!

Зачем-то занимался фигурным катанием, когда ориентировал резидентов добиваться того, чтобы Роднина выигрывала бесконечные турниры. Давались жесткие команды. Шла системная работа с судьями. Допустим, судьи представляют 5—6 стран: из Польши (хотя о ней можно не говорить), из Франции, из Италии. К ним наши искали подходы, давали им заработать. Недавно был большой скандал вокруг Тайванчика и фигуристки Анисиной. Но это не Тайванчик придумал. Тайванчик — лишь некий отголосок прежней истории советской. Но тогда подобные скандалы не возможны были, ибо кто захочет ссориться с великим Советским Союзом? Кто поднимет такую бучу?

И все ведь получалось! Представьте, Роднина теряет партнера, берет мальчика, практически перворазрядника, и мальчик становится с ней через год чемпионом мира. Чудо? Нет, просто все судьи были наши. Все были схвачены. Не скажу — куплены. Здесь сложнее, чем купить. Здесь действовало государство. Давили всей силой системы. Допустим, ты судья. У тебя есть муж — он возит мясо. Я тебе не просто даю деньги. Я тебе даю контракт. Поставлять мясо на закрытый советский рынок. Тайно, через Польшу. Но я давя не только на твоего мужа, я иду выше. Ты, к примеру, от какой-то федерации. Я тоже нашел там понимание. А дальше вышел через, допустим, французских коммунистов на мэра города, где все это происходит. Он, оказывается, левый или сочувствовал. Мы и его обрабатываем, объясняем, что будет идеологически правильно создать определенные условия. Это такая операция, которую не может осуществить Тайванчик, а только государство.

Почему Андропов это делал? Потому что жена Леонида Ильича любила фигурное катание. И расстроится, если Роднина проиграет. Так же было по хоккею. Леонид Ильич очень любит хоккей, и если мы проиграем — у него испортится настроение. Блестящее объяснение для бюрократической системы.

Но мы-то понимаем, что Андропов лез не в свое дело. Под прикрытием «Леонид Ильич — это наше все» и с флагом этим он фактически захватывал страну. Пространство, которое, по идее, ему никоим образом не должно было принадлежать. К 80-му году люди привыкли, что везде кагэбэшники. Хотя, если мы вспомним, в 60-е годы Хрущев их хорошо опустил. Здорово. Они никогда в Политбюро не были. Им сказали: ребята, занимайтесь своей работой — шпионы есть у нас, вот и ищите шпионов. Разоблачайте их там, но дальше не лезьте.

А теперь вдруг полезли: футбол, хоккей, интеллигенция, записки в Политбюро по поводу Евтушенко. По идее, Брежнев должен был сказать: «Так, ребята, все! Вот этим у нас Суслов занимается». А Брежневу интересна была конкуренция. Почему он принял эту формулу? Ему было интересно, что Суслов пишет записку ему по Евтушенко, и Андропов тоже пишет.

В итоге в силовом поле КГБ конкурировало с МВД — в чисто правоохранительной работе. А в политике конкурировало с партийными идеологами, конечно не выпячиваясь. И фактически своими инструментами чекисты пронизали всю страну. В том числе и военную сферу. Еще одно преимущество Андропова: адъютант по безопасности был практически при каждом военном командующем. Под видом безопасности внедрялись люди куда только хотели. И все это разрослось до невероятных масштабов. И пошла конкуренция по-крупному.

Объектом такой межведомственной конкуренции оказалась и Алла Пугачева. Все началось с того, что на праздничном концерте ко Дню милиции, который транс-

лировался в прямом эфире, Пугачева спела песню про дежурного ангела - «Дежурный ангел ко мне спустился». Песня не была заявлена в программе. Алла пела ее на бис в прямом эфире. Эмвэдэшное начальство было в ярости. Какие ангелы могут быть в советской милиции? Откуда взялась такая религиозная тематика? И главное - почему такая несогласованность? Программа милицейского концерта составлялась за полгода. И все заранее знали, что там прозвучит. Прямых эфиров тогда не было, кроме хоккея. А тут прямой эфир — и Алла такое отчебучила! Что она себе позволила?!

Чурбанов был взбешен. Он был один из составителей концертной программы и имел все основания сильно обидеться. И последовали оргвыводы. Была дана команда — Пугачеву отовсюду исключить. За границу не выпускать, на большую сцену и телевидение не выпускать. Пусть поедит попоет по Запердяевкам.

Но происходит нечто из ряда вон. Идет очередной конкурс в Братиславе, и Аллу выпускают на сцену. Чурбанов начинает проверять, спрашивает у представителей ведомства Андропова: почему выпустили? А те мнутя: ну а что она сделала? В общем, два ведомства жутко сцепились из-за нее. Не из-за нее, конечно, а из принципа: а ну ка кто в доме хозяин?

История развивается. Алла приезжает в Чехию. Выпила, вышла на сцену, говорила что-то не то. На нее написали серьезный донос в Москву. Что вот так себя нехорошо вела советская певица. Приехал куратор из ЦК. И совершенно неожиданно вставил посольским за эту бумагу. «Вы тут не работой занимаетесь, а певиц отслеживаете!» - орал он на дипломатических сотрудников. Никто ничего не понял.

С этого момента КГБ стал Пугачеву поддерживать, вызывая ярость ментов. Идет запись ответственной передачи — «Огонька». А ее бац — и приглашают. Люди приходят и говорят: подождите, вы в курсе, что есть мнение,

что она нежелательна. Тем более Чурбанов, вы же знаете кто это такой, чей он зять? А зампред телевидения Мамедов, генерал-майор другой службы, отвечает с неподдельным изумлением: ну вы что, это же пение. Она поет. Ее любят, пишут письма.

Алла даже не знала, какая вокруг нее шла борьба — в тех же письмах, доносах... Важные люди болели за нее и против нее и тем самым ее раскручивали. Инициировались похабные статьи про нее — мол, хамка, хабалка. Но тут же давалась и положительная информация: мол, любит ее народ, хорошие песни.

Серьезнейшая борьба шла в идеологической сфере.

Большую роль здесь сыграл Юлиан Семенов, патронируемый Андроповым. Прославление чекистов, начавшееся с «Майора «Вихря», «Мертвого сезона», достигло апофеоза в «Семнадцати мгновениях весны». Все это были мощные пиар-акции КГБ. Менты вместе с Вайнером ответили на это фильмом «Место встречи изменить нельзя».

То есть полем битвы стал кинематограф. По поводу фильма Лиозновой в ЦК была неоднозначная реакция. Некоторые законно недоумевали: а что, у нас разве чекисты войну выиграли? Кстати, сейчас, когда широко отмечалось 60-летие Победы и вновь показывали «Семнадцать мгновений весны», и вообще очень много разведческих фильмов прошло на всех каналах, создавалось впечатление, что да - именно разведчики выиграли войну. И здесь версия Андропова восторжествовала.

То, что тогда происходило, можно было считать настоящей межпартийной борьбой. Не было партий в чистом западном понимании. Партии выступали в виде ведомственных корпораций. По моему мнению, сейчас тоже есть мягкое скольжение в эту сторону. Конечно, в точности это не повторится никогда. Но стремление такое есть: хотят заменить межфракционную борьбу межклановой. Чтобы с внешностью западной все построить, но с содержанием старым, нашим...

Мои встречи с Андроповым... Самое первое воспоминание — совместная прогулка на кораблике по Москве-реке. Примерно 1970-й год. Мне лет 7—8. Ему, стало быть, где-то под шестьдесят. Я знаю, что с этим важным и загадочным человеком дружит моя мама. Мы гуляем по парку где-то в районе Речного вокзала, а потом садимся на кораблик. Небольшой, типа «Москвы».

Этот важный дядя, мамин знакомый, учит меня делать из газеты кепку, какую носят строительные рабочие. Рассказывает разные истории полусказочные. У меня игривое настроение — и я ему заявляю: «А я не верю!» И он вдруг становится очень серьезным и не то чтобы грубо, но как-то настороженно произносит: «Взрослым нельзя говорить «Не верю!»».

И чувствую, как он напрягся. Разговор прерывается.

Тем не менее мне хочется похулиганить. И когда пришвартовывается корабль, я забегаю в рубку, подхожу к штурвалу и пытаюсь его покрутить. Корабль задергался. Подбежал капитан и меня отодвинул.

Вот все, что осталось в памяти от той прогулки.

Моя мать познакомилась с Андроповым в кремлевских санаториях где-то на юге до его самой высокой карьеры, когда он был более доступный. В начале 60-х, когда ему было 40 с хвостиком. Летом мама всегда работала у чекистов: принимала экзамены по русскому и литературе у учащихся Высшей школы КГБ. Организаторы курсов привозили маму на машине и платили не наличными, а переводили на книжку от имени какой-то полумифической конторы. Платили очень хорошо. Как я потом понял, эта работа была получена именно по протекции Андропова.

В другой раз я увидел уже Андропова — генсека. Но эта встреча была более тягостная и тяжелая. Шла осень 83-го года, он лежал в больнице. Мама решила его навес-

тить. И попросила меня ее сопровождать. Помню, от Старой площади до Триумфальной арки одна машина нас везла, а там ждала другая, которая доставила нас в больницу. Он лежал в специальном комплексе: огромный зал-лаборатория, как у фантастов.

У него были проблемы с почками. Был диализ. Недуг развивался многие годы. Где-то просифонило эти почки, и потом пошло. Часто ездил лечиться в Кисловодск.

И все это мифология, что в него кто-то стрелял. Что якобы почку прострелила жена Щелокова. Все это бред.

Впрочем, такой миф тоже лил воду на мельницу КГБ в его противостоянии с МВД. Вспомним, кстати, нашу-мевшую историю тех лет, про убийство кагэбэшника Мухина на Ждановской. Милиционеры действительно убили кагэбэшника, но там была бытовая история: выпил, повздорил, его сильно били... Однако поскольку его фамилия совпала с фамилией личного шифровальщика Андропова, то Андропов поднял шум несусветный и придал этому невероятное значение. Дошло до того, что наружка КГБ следила за ментами, а ментовская наружка за чекистской. По сути, началась борьба наружек. И это в советском социалистическом государстве! Что лишний раз доказывает: это были фактически конкурирующие в условиях управляемого социализма партии.

И в рамках такой конкуренции были вполне востребованы мифы про жену Щелокова, которая убивала честного генсека. Про Цвигуна, честного чекиста, который решил пойти против Брежнева (невзирая на то, что тот был друг и земляк)...

Миф про жену Щелокова, впрочем, стали раздувать несколько позже. А в тот день, когда мы с матерью посетили в больнице Андропова, не все знали, насколько серьезна его болезнь. Хотя уже в палате стало видно, что положение его критическое. Он уже себя так плохо чувствовал, что почти не мог двигаться без чужой помощи. Пом-

ню, я обратил внимание, что переворачивали его не медсестры, а ребята из охраны.

А разговор зашел довольно странный — о курортных планах. Он же каждое лето отдыхал в Ставрополье — в Минводах, Кисловодске, в «Красных камнях». Где, кстати, и подцепил Горбачева (о чем расскажу чуть ниже).

И вот генсек сначала интересуется у меня, как я учусь. Я отвечаю, что все нормально, я уже закончил все. И тогда Андропов обращается к матери. И заводит разговор о том, что как только наступит весна, хорошо бы поехать в Кисловодск.

Чувствовалось, что он проверял реакцию людей на свои планы. Дело было осенью, а его состояние было такое, что не позволяло думать о весне. Но мать, человек тонкий и хитрый говорит: «Да, Кисловодск получше. И вообще «Красные камни» - - отличный санаторий. По крайней мере получше, чем Железноводск». В общем перевела все в светскую беседу.

И чувствовалось, что он разрядился немного. Он как бы изучал ее реакцию. Было бы глупо заплакать или сказать: «Крепись!» Мать завязала разговор о том, какой санаторий лучше, где лучше обслуживание и дала понять, что не видит ничего противоестественного в том, что Андропов поедет в Кисловодск весной. Да и наша семья составит компанию. Понятно, что у генсека там отдельная дача. А мы бы могли остановиться в «Красных камнях». Он обрадовался: да, действительно, надо ехать.....

Мама посещала Юрия Владимировича на правах старой приятельницы. Ему было уже 70. Прошло 20—25 лет с тех пор, как они познакомились. И они общались, судя по всему, и после того, как он стал генсеком. Хотя гораздо реже. В 1981 году, когда умер отец, явно не без содействия со стороны Андропова мама получила персональную пенсию союзного значения. С льготами и прочими привилегиями. Хотя она была не пожилая женщина, ей едва перевалило за 50.

АЛЕКС ФИЛАТОВ САДИТСЯ ЗА СТОЛ ГОРБАЧЕВА

Здесь уместно отметить еще одну разницу в обычаях разных кремлевских кланов. Вся щелоковско-брежневская тусовка любила ездить отдыхать в Сочи, Крым. К югам, морям. А Суслов, Косыгин и Андропов — те отды-

хали всегда на водах, потому что им нужен был более тихий отдых и требовалось лечение. Они прогулочки любили, не выпивали. Их там пас Михаил Сергеевич тишайший. Под дверью стоял...

Однажды я почти случайно оказался в горбачевском кабинете. Шел 1976 год, я отдыхал в одном из санаториев, и оттуда очень трудно было прозвониться в Москву. Связь была отвратительная. И вот мать договорилась, чтобы меня вывезли в краевую столицу — подкормить фруктами и обеспечить «переговорным пунктом». Приехал человек из Ставропольского крайкома. Он привез меня прямо в крайком, а поскольку дело было в воскресенье, здание пустовало. Сидел одинокий дежурный. Можно было назвониться вдоволь, хоть всю Москву обзвонить. А повели меня прямо в кабинет секретаря. То есть в кабинет Горбачева. В 1976 году никто еще не предполагал, что через десяток лет он будет равен Иисусу Христу.

И вот меня торжественно посадили за стол Михаила Сергеевича. Поиронизировали: ну что, молодой человек, будешь начальником? Я внимательно рассматривал рабочий стол Горбачева. И обратил внимание на так называемую «простыню» — такую пластмассовую пластину, где слева краской обозначены санатории и резиденции: «Дубовая роща», «Красные камни» и так далее. А справа график такой, где карандашом написано: кто, когда и где отдыхает. Ластиком можно было стирать и обновлять записи. На графике были такие, например, пометки: Терешкова — с 5-го по 25-е, такой-то люкс, «Красные камни». Генерал такой-то — с 12-го по 30-е. И еще было написа-

но: госдачи. Но здесь фамилий не было. Просто писалось: с 13-го по 28-е... Понятно, что это уже были небожители.

Таким образом Горбачев вел полный учет всех великих московских людей, которые въезжали на его территорию. Наверняка звонил, поздравлял с праздниками, привозил цветы. А тех, кто был без фамилии, тех он уже обхаживал как положено. Не сомневаюсь, что утро краевой секретарь начинал с просмотра этого «боевого листка».

Так тогда делалась карьера. Кстати, и сегодня относительно высокое положение при дворе краснодарского начальника Ткачева объясняется тем же. Он по полной программе пытается использовать Сочи как место отдыха нынешнего московского руководства. Правда, он еще молод, неопытен, да и не так все это усложнено, выстроено. Тогда ведь начальники десятилетиями ездили в одни и те же места, отдыхали вместе, дружили. Сегодняшней власти всего 15 лет. Она у нас подросток. Если она просидит еще лет 15—30, в чем я сомневаюсь, она тоже будет такой усложненной.

Мать рассказывала, что у нее была близкая подруга, которая всегда работала врачом Андропова, когда он приезжал лечиться на воды. Ее звали Елизавета Кривцова. Каждый год, когда он приезжал, у Елизаветы начинались трудовые будни. К этому особому пациенту она подходила со знанием дела, давно и назубок зная все его проблемы, все его истории.

И вот Елизавета рассказывала матери, что ей часто приходилось ссориться с Раисой Горбачевой, которая после приезда Андропова буквально ходила за ним тенью. Михаил Сергеевич иногда наезжал, а его супруга околачивалась там просто круглосуточно. Приносила Андропову какие-то книги, другие предлоги находила для общения с членом Политбюро и председателем КГБ. «Послушайте, он больной человек, у него есть свой лечебный график. Дайте ему поспать и прийти в себя», — урезонивала Елизавета Раису. Но супруга Горбачева буквально

дежурила у дверей покоев Андропова. И каждый раз отнекивалась: «А вы знаете, мы договорились с Юрием Владимировичем, что я здесь его подожду!» Врач ворчала: «Да, вы договорились, но поспать-то он должен!»

Прошло много лет. Горбачевы уже переехали в Москву. Лизе должны были дать квартиру. Но никак не давали. И она говорит моей матери: «Вот вроде бы все вопросы везде решены, но где-то тормозится и тормозится дело. Не могу понять, где». Стала разбираться, подключила знакомых на самом верху. Оказалось — тормозила Раиса, потому что они с ней когда-то ругались за «доступ к телу».

Вполне понятно, почему Раиса чувствовала себя одним из архитекторов карьеры Горбачева. Не зря она вела себя так уверенно. Семейный подряд...

«ДЕЛО СИФИЛИТИКОВ» И ДРУГИЕ ПОДВИГИ ЧЕЛОВЕКА В ОЧКАХ

Моя мать тоже иногда приезжала на воды, когда там лечился Андропов. И были с ним какие-то контакты, о которых я имею весьма смутное представление. В Москве общения было мало, как я понимаю, а в Кисловодске больше. Мать мне до сих пор редко пересказывает детали их бесед. Но из того, что было интересно в ее рассказах, — запомнился разговор с Андроповым о Косыгине. Мать по какому-то поводу обронила: «Интересно, в магазине кто-нибудь картошку берет, а картошка гнилая и все говорят: «Вот Брежневу показали бы эту картошку!» Но никто не говорит — «Косыгину показали бы». Косыгина в народе уважают, а ругают все больше Брежнева». Мать не говорила, но знала, что к Косыгину хорошо относился промышленный аппарат страны, потому что он был инженером, знатоком производства. Андропов такой репликой был раздосадован: «Это тебе так кажется, что его уважают. Ведь на самом деле он отвечает за картошку, а не Брежнев! Что за выдумки!»

Не любил ли он Косыгина? Думаю, в какой-то степени действительно не любил. Вообще, ситуация, которая сложилась перед захватом им власти, была примечательная. Никто глубоко еще ее не анализировал. Что произошло перед решающими событиями? Вдруг у всех членов Политбюро возникают проблемы. Со скандалом возвращается из Парижа зять Громыко. Зять работал полпредом в ЮНЕСКО. Трое человек у него сбежали. Он приезжает с инфарктом. Громыко переживает.

Дальше — больше. Сын Кириленко, чекист, сбегает за рубеж. Это просто побег. Все в верхах об этом знают и это обсуждают. Скандал!

Вдруг происходят некие события, связанные с Афганистаном. Говорят, что генералы возят на самолетах какие-то дубленки для перепродажи, драгоценности, камни какие-то возят в гробах. Вообще проблема Афганистана висит на военных. Их винят, что они втянули страну в войну. Хотя втянули не они. Военные меньше всего хотели втягиваться в это. А на самом деле Андропов втянул нас в Афганистан. Именно по линии КГБ шли сигналы о развитии ситуации в Афганистане и о необходимости вмешательства со стороны Москвы. Громыко был против. Брежнев был против.

И вот совершенно неожиданно в конце 80-го уходит в отставку Косыгин. Все совпало. Для Андропова эта отставка означала: пора, зеленый свет зажегся! Решающая фаза наступила.

Думаю, Косыгина он боялся больше всего. Это наиболее сильная фигура из тогдашнего брежневского окружения. Обстоятельства отставки покрыты завесой секретности. Вроде бы Косыгина положили в больницу. Вроде бы там он психанул. Вроде ему предложили написать заявление. Он написал. Есть сведения, что попросил это сделать Черненко. Косыгин удивился: почему он просит, а не Леонид Ильич? Ему ответили, что Леонид Ильич сам себя плохо чувствует. Вот такая странная картина.

В это же время, о чем мы выше говорили, возникают проблемы с Галиной Брежневой. У Брежнева проблемы, у Кириленко проблемы с сыном, у Громыко проблемы с зятем, у Устинова проблемы с Афганистаном и обвинение военных в том, что они что-то там крадут. Менты в вечном говне. Такое системное подкладывание мин под всех возможных конкурентов.

И о Романове пустили слух про разбитые сервизы в Эрмитаже на свадьбе его дочери. Хотя тема эта не стоила и выведенного яйца. Просто подъехали в Эрмитаж, как обычно молодожены подъезжают. Они там не сидели, не пировали. Но залы, конечно, закрыли — все-таки охраняемые лица, задействовано Девятое управление КГБ. Молодожены зашли, их поздравили, и они уехали. И все. И вдруг пошли страшные слухи. О застолье в Эрмитаже, о битых тарелках...

Возникли проблемы и у Гришина — тогдашнего хозяина Москвы. Арестовывают директора Елисеевского, начинается операция против плодово-овощной торговли в Москве. Начальника базы арестовали. Трегубова, начальника торговли Москвы, арестовали. Тоже силами КГБ. А Гришин был, безусловно, влиятельной личностью.

То есть у всех ни с того ни с сего начинаются серьезные проблемы. И везде фигурирует КГБ. Вот эта технология, назовем ее юкосовская — когда системно обкладывают со всех сторон и отнимают бизнес, — была апробирована именно в тот период. Арест директора Мосторга Трегубова и расстрел директора Елисеевского гастронома Соколова — это дело ЮКОСа тогдашних масштабов. Начиналось, кстати, как рыбное дело. Или «дело рыбаков». Якобы не так переправляли рыбу за рубеж. Пострадал Ишаев, министр рыбной промышленности. Расстреляли заместителя министра. От этого нити тянулись к Елисеевскому, сфере торговли.

Проблемы возникали и у других руководителей...

чальника. Впрочем, «хлопковое дело» началось, когда Андропов уже стал генсеком. Тут он первым делом замочил Щелокова, потом узбека, азиатскую ветвь брежневской группировки. И подтянул в Москву, наоборот, Алиева, на котором тоже пробы негде было ставить. Зато он был свой, генерал КГБ.

Так вырабатывалась эта технология: ментовскими путями забирать собственность, забирать бизнес, забирать власть, через прокуратуру, суды, компрометацию, слухи, которые циркулировали.

Апофеозом этой работы Андропова по получению власти в стране стало дело сифилитиков. О котором никто толком не знает. Но многие слышали. Здесь уместно вкратце описать эту примечательную историю.

Было такое заведение — Институт рабочего движения ЦК КПСС. Там замдиректора был один активный товарищ. Назовем его Ашот. Был он доктор наук и любил женщин, как любой нормальный армянин. Однажды у него появилась новая секретарша, у которой муж был кагэбэшник. Муж-кагэбэшник в один прекрасный день пошел на обследование в свою поликлинику. У него взяли анализы и — о ужас! — установили, что у него — сифилис.

Его позвали на беседу. Объяснили сложность его нерадостного положения. Ну и пусть выкладывает все контакты.

Следом дернули жену. Потрясли ее маленько. Она призналась, что спала с этим Ашотом. Она — его секретарь. Дергают Ашота. А он рассказывает, как спал с половиной Москвы на цековских дачах. В его коллекции — кремлевские жены и дочери. Тех дергают тоже и говорят: вот такая ситуация. Неприятно, конечно, но надо помочь докторам. Таким образом люди рассказывали все, что произошло летом. С ними-то серьезные люди разговаривали, чего ж скрывать-то. «Вам надо пройти осмотр, вы ж понимаете. Мы ж из уважения к вам».

всех девушек, что оказались в зоне риска, «Нам неприятен этот разговор, но вам бы тоже неплохо провериться...»

Через несколько месяцев выяснилось, что это была медицинская ошибка. Никакого сифилиса у кагэбэшника не было. Официально этому офицеру сообщили — так и так, ошибочка вышла, приносим извинения. Но было уже поздно — всех уже взяли. В том числе фигурировала дочка одного секретаря ЦК, очень серьезного, который находился в плохих отношениях с Андроповым. Он занимался соцстранами и конкурировал с ним по линии ЦК.

Лучше сифилиса ничего нельзя было придумать. Причем все это было документировано. С людьми встречались, с ними беседовали врачи. Люди сдавали анализы. Таким образом скомпрометировали очень много серьезных товарищей. В расставленные сети попали десятки людей: кто оттягивался на даче, кто ездил в санатории... И все рассказали, кто, где и с кем спит. Это был блеск. Система достигла своего апофеоза. Все обосрались. Все же понимали, что это делали чекисты. И что теперь всю их тусовку взяли на крючок.

Это было важно. Представь, как ты будешь вести себя, если ты знаешь, что твоя дочь попала в такую идиотскую историю. Спала с каким-то чертом, оказалось — у нее сифилис. И вообще ситуация противнейшая.

Засим следовала другая знаменитая история: провал Трианона. По этой фабуле сделан фильм «ТАСС уполномочен заявить». Трианон — это Александр Огородник, это теперь известно всем. Огородник ухаживал за моей сестрой. Он бывал у нас дома. Сложно сказать, был ли он агентом. То, что он постоянно выезжал за границу и наверняка был в зоне деятельности КГБ, это точно. Но главный фокус был в том, что он был женихом дочки секретаря ЦК Русакова, который контролировал соцстраны.

И когда он оказался шпионом, загадочно покончил жизнь самоубийством при расстреле, разговаривая болтушкой

ций скандал: ничего себе женишок, что стреляется при аресте! Официально не было объявлено, что он шпион. В газетах такое не объявляли. Но был Юлиан Семенов, который знал свое дело. Юлику дали материалы, и он сострепал кино.

Помимо прочего, был достигнут эффект в сфере международной. Социалистический блок стран был тогда поделен между несколькими кремлевскими кланами. Янош Кадар — тот был ближе к Андропову. Но Живков, Цеденбал — это были люди Русакова, ближе к Брежневу. Андропов как ни пытался залезть туда, не мог. И поэтому была всегда конкуренция отдела соцстран с КГБ, Андропова с Русаковым. Последний был помощником Брежнева и пользовался его доверием. И поэтому Андропов со всех сторон его обкладывал. Андропов не мог простить Русакову, что тот не давал ему подойти к ряду стран, где генсеки на главу советского КГБ не ориентировались. А для главного чекиста было принципиально получить полный контроль, полную власть. Для того чтобы наверняка занять место Леонида Ильича, нужно было захватить все пространство.

Такой у них был бизнес. Их бизнес был СССР. Сегодняшние чиновники не понимают, что их бизнес может быть связан с властью как таковой, и потому торопливо хапают. Они настоящие цыгане. Помните, что ответил цыган Яшка, когда у него спросили, что бы он делал, если бы стал царем? Ел бы сало с салом, да обокрал бы царскую казну! Вот девиз нашей нынешней бюрократии...

Надо сказать, что мать к Андропову очень хорошо относилась. Юрий Владимирович был очень умным — таково ее мнение о нем. В этом смысле мама считала, что то, что он умный, перевешивало все остальные его недостатки. Она была уверена и до сих пор верит в то, что у него был стратегический план что-то сделать со страной, а не просто тусоваться и отдыхать. У него были «мысли про

страну». Как ее удержать, сделать мощной. Она считала его более серьезным политиком, чем прочие люди из высших сфер.

Сам я его реальный масштаб понял лет через 10 после его смерти. А тогда он мне казался одним из портретов, которые носили на демонстрации. Я просто дико радовался, что существует такая близость к такому большому начальнику. Что я вижу воочию один из портретов. Тем более что народ говорил о нем с уважением. Вообще это особое, непередаваемое ощущение, когда общаешься со столь сильной и масштабной личностью. Я это понял, когда сам пошел в большую политику...

В дом к родителям ходил и был очень близок с нашей семьей начальник секретного отдела Госплана Митрофан Иванович Апасов. Фактически это был подчиненный Андропова, работающий в Госплане. Лишь впоследствии я понял, почему его так интересовала наша семья: он, видимо, знал о неформальных отношениях матери с Юрием Владимировичем. Так или иначе, он к нам приезжал на все праздники, бывал и 7 Ноября, и 9 Мая, и 8 Марта. И после праздников приезжал к нам выпивать. Он был гораздо старше родителей — скорее из поколения Андропова.

В нашем доме жило много госплановцев. Когда люди на праздник видели, как подвыпивший главный чекист Госплана весело садился в машину, как провожала его мать, это производило на них сильное впечатление. Люди изумлялись немало. Тем более что знали, что ни к кому иному он в гости не ездил. И ни с кем не поддерживал никаких отношений внутри структуры Госплана.

Как-то так получалось, что вольно или невольно с Андроповым и его людьми нашу семью связывали многие видимые и невидимые нити. Сперва родителей, а потом и меня самого.

У Юрия Владимировича был заместитель — Емохов. Он занимался техническими делами. Генерал. С его

дочкой Еленой я подружился в институте. Она жила на Патриарших прудах, в булгаковских местах. Очень интересная такая подруга, которая никогда не любила ходить в общественные места: рестораны, кафе, на концерты. Любила встречаться дома. А если я куда-то ее звал, всегда говорила: а может, никуда не пойдем?

Для меня подобные отношения были вполне комфортными. Обычно девушки такого уровня дорого обходятся: хочу туда, хочу сюда. Лена была уникальна тем, что она ничего не хотела. Сказывалось домашнее воспитание, хотя что-то, конечно, и запрещалось. Она понимала, что может быть объектом интереса, она выросла в особой среде и предпочитала сидеть дома. Она была самой правильной из девушек, которых я встречал. Потому что даже при желании потратить на нее хотя бы один рубль — было практически невозможно. Можно было купить цветы, и то заслужив при этом подозрительные вопросы, мол, «цветы, зачем?». Если принести что-нибудь алкогольное, можно было нарваться на слова «у нас же все есть». Настолько дух этого человека был другой, чем то, что мы видим и знаем, и тогда, кстати, видели.

Такая вот была уникальная среда — андроповский круг.

Глава 3

Эта глава о том, кто посвятил Бориса Ельцина в мальтийские рыцари; о том, как Игорь Николаев и Игорь Матвиенко пытались обрести семейное счастье с Джуней; о том, как «Ласковый май» переплюнул «Битлз», а Андрей Разин оказался племянником Горбачева; а также о том, почему гражданин Украины Анатолий Кашпировский стал депутатом Госдумы РФ

ЕЛЬЦИНА ПРИНИМАЮТ В РЫЦАРИ МАЛЬТИЙСКОГО КРЕСТА

Время между правлением Брежнева и началом перестройки. Три-четыре загадочных года. Переходный период от советского к чему-то новому. Тон начинали задавать неформалы. Что перестройка фактически началась, поначалу, может быть, не знали миллионы людей в стране, но об этом знала московская элита.

Эти ветра задували в салоне Джуны. Набирала обороты новая эпоха. В салоне появлялись новые люди, чьи таланты — политические и артистические — скоро окажутся востребованы. К Джуне приходил Борис Ельцин. Здесь бывал Михаил Бочаров, знаменитый в то время депутат. Появлялся Сергей Филатов, глава администрации президента тех лет. Впрочем, это было чуть позже.

Мало кто знает, что Джуна приняла Ельцина в рыцари Мальтийского креста. Она ездила за рубеж и там завела знакомства с разными организациями, которые были связаны с Мальтийским крестом. Теперь я понимаю, что это были несерьезные организации. Здесь было нечто от шоу-бизнеса и какой-то элемент авантюры, но Джуне понравилась такая идея. Она стала всем раздавать рыцарские звания. Как бы имея на это разрешение от самого главы ордена. Вручила в том числе и Борису Николаевичу.

Общался Ельцин довольно странно: был приветлив, но ничего внятного не говорил. Такая была сильная партийная привычка не произносить ничего определенного. Хотя к тому времени он как раз ушел с высокого поста. Тем не менее излагал в таком стиле: «Ну они меня хотели!.. Но я им этого не давал!..» О чем речь? Кто они? А все, конечно, кивали. Вроде как понимали, кто они. Понимали, о чем идет речь. С другой стороны, к такому заявлению не придерешься. Что он сказал? А ничего не сказал!

Я впервые встретился с Ельциным, когда он сидел в Госстрое. Был снят со всех постов и лишен всех званий. Никто к нему не приходил, как я понял. Рядом был лишь помощник Суханов. Иногда какой-нибудь журналист иностранный звонил, и все. В тот момент у моих друзей появилась идея провести концерт памяти жертв сталинских репрессий. По этой теме я как раз и пришел к Ельцину. У нас с ним произошел часовой разговор. Мой собеседник никуда не торопился. Говорили обстоятельно, мне было очень интересно. И чувствовалось, он дорожит, что к нему пришли, что ищут его поддержки. Уже выйдя от него и будучи под большим впечатлением от нашей беседы, я вдруг сообразил, что ничего определенного по интересующей нас теме Ельцин так и не ответил. Сказал только, что надо думать...

К Джуне приходили и совсем молодые люди, которые потом стали знаменитостями, вскоре начали диктовать моду 80—90-х годов. А сюда пришли они совсем неопытными малоизвестными ребятами. Именно здесь я познакомился с Андреем Разиным. Тем самым отцом «Ласкового мая».

Очень узнаваемым персонажем из молодежи Джунинского салона был Игорь Матвиенко, отец «Любэ», потом, «Иванушек», сейчас группы «Корни» и «Фабрики». Хотя, конечно, «Любэ» — это самый грандиозный его проект. Песню «Батько Махно» я услышал первым из тех, кто не имел непосредственного отношения к музыке. Он мне первому поставил. Матвиенко часто ходил к Джуне, и

единственный из всей нашей тусовки сочетался с хозяйкой салона официальным браком. Брак этот продержался пару дней, не больше. Но была роспись и состоялась красивая и оригинальная свадьба в гостинице «Салют».

Вообще-то у Джуны было много женихов. Молодые люди выстраивались к ней косяком, потому что она дико всем нравилась. Потому что отличалась от всего того, что мы знали до этого. Признаюсь, и я ей как-то сделал предложение.

Но со мной была особая ситуация. Выслушав мое заявление, Джуна очень корректно сказала: «Алекс, послушай меня, я готова. Но во-первых, у нас огромная разница в возрасте, а во-вторых, мне просто неудобно. Ведь я лично давно и хорошо знаю твою маму. Я ее лечила. И мне, честное слово, как-то неудобно. Если бы я не знала твою мать, семью, мне бы было проще с тобой общаться. Я все время буду думать: а что же твоя мать подумает обо мне? Скажет, ну ничего себе, охмурила молоденького. В общем, я не знаю, как строить отношения». Это был очень тонкий ход со стороны Джуны. Она понимала мою психику. Боялась ее надломить. И она искала предлог, который меня бы не ранил, но убедил. Это ей удалось. Я не обиделся. Ладно, говорю, Джуна, проехали.

Джуна со многими своими женихами доходила до стадии подачи заявления. Подавалось заявление в ЗАГС, а потом все это расстраивалось. Она подавала заявление с Игорем Николаевым, с послан Палестины Рами, близким человеком к Ясиру Арафату. Он часто бывал у нее дома.

Замужество ей совсем не было нужно, но она была человеком театральным. Она принесла с Кавказа яркий постановочный стиль. И почти искренне советовалась с друзьями и родственниками: «Что Игорь за человек? А что за человек Рами? А может, мне и правда выйти замуж?» Братья кричали: «Куда тебе замуж! Тебе нельзя». Она говорила: «Нет, у меня должно быть простое женское счастье». Потом это все удачно разваливалось.

И только с Игорем Матвиенко она пошла чуть дальше. Поразительно, но заявление не было забрано. Видимо, она понимала, что нельзя все время подавать заявления и забирать их обратно. Однажды нужно заключить брак. И даже сыграть красивую свадьбу. И вот — подали, расписались. Но счастье длилось два-три дня, после чего Джуна обвинила Игоря в том, что тот с восторгом смотрел на какую-то девицу. А это возмутительно для женатого мужчины. И снова все закончилось.

История получилась трагикомическая. Но мы до сих пор с Игорем вспоминаем то время, и он признается, что этот эпизод - один из самых ярких в его жизни. Может, и не первая его попытка обрести семейное счастье, но самая яркая, как вспышка ракеты. Каждый про себя понимал, что невозможно жить семейной жизнью, но сыграть в эту игру было интересно...Хотя, может быть, в какой-то момент в глубине души и лелеял надежду, что, может, ему это уготовано, что он нашел наконец свою половинку.

И у Игоря Николаева, наверное, были такие чаяния. С Джуной его, кстати, познакомил я. Николаев в то время работал у Аллы. Не думаю, что он мог бы сделать такое предложение Пугачевой. Мне кажется, что Игорь скорее поддерживал с ней рабочие-деловые отношения, понимая, что он зависим, и границы особенно не переходил. Но он стал ее важнейшим музыкантом...

А теперь отматываем на пару лет вперед. И что мы видим? Что произошло нечто удивительное. Люди, которые оказались в Джуниной орбите, которых я встречал там в 85, 86-м годах, — Игорь Николаев, Бари Алибасов (темы женитьбы и любви не было, но он бывал там), Игорь Матвиенко, Андрей Разин — вдруг все превращаются в звезд. Происходит нечто странное. Ребята, которые просто собирались вместе у Джуны, слушали ее рассказы, сидели до утра, как будто по прикосновению магической руки — один за другим делают сумасшедшие карьеры. Разин - раскручивает свои суперуспешные и суперпопулярные проекты. Бари Алибасов — свои. Стал

знаменитым часто заходивший сюда Тальков. Одновременно восходят на вершину политического Олимпа и бывавшие там политики. Тот же Ельцин.

Могло сложиться впечатление, что люди заходили в салон Джуны как в некую магическую комнату, откуда выходили знаменитыми.

В этом помимо мистической была и прагматическая основа. В салоне бывало много влиятельных людей. И конечно, молодежь, которая там толкалась, обзаводилась весьма неплохими связями. Причем уже не формальными. Дойти до некоторых персон просто так практически невозможно. А вот после ночи на кухне Джуны можно было позвонить по телефону новому знакомому, оказавшемуся важной шишкой, сказать: здравствуйте, меня зовут Алекс, помните, мы у Джуны виделись. Это был пароль. И крупный начальник снисходительно отвечал: ну подъезжай, поговорим. Расскажешь, какая там у тебя история. Все было как в настоящем серьезном клубе.

Хотя на одних связях не придумаешь «Ласковый май». И на одних связях не придумаешь песни для «Дюбэ». С другой стороны, без некоторой мистики тоже не обходилось. В 86-м, когда Игорь Николаев пришел к Джуне, он был знаменитым композитором Пугачевой. Он уже тогда написал «Айсберг», «Паромщик». Но сам как исполнитель известен не был. И вот именно с 1986 года он впервые появляется в эфире с песней «Старая мельница». В период тесного общения с Джуной, композитор стартовал с собственной карьерой, и у него все получилось. Это надежная карьера. Отличающаяся стабильностью. Николаев постоянная величина нашей эстрады.

И ЖЕНСКИЕ ТРУСИКИ В ВОЗДУХ ЛЕТАТ

Мой же путь в какой-то момент совпал с тернистой дорогой Андрюши Разина. Он попросил и меня поучаствовать в судьбе «Ласкового мая», в проекте, который я до сих пор считаю великим. Потому что в истории шоу-биз-

неса не скоро будет ситуация, когда музыкальный коллектив дает 6—8 концертов в день на стадионах. На одном и том же стадионе. Концерты проходили, как сеансы в кинотеатре, где крутят кассовый фильм. Никакой «Битлз» не может угнаться за этим успехом Разина.

Допустим, в Благовещенске концерты «Ласкового мая» начинались в 9 утра. В 9 был первый концерт, в 11 - второй, следующее представление в 14 часов, потом в 16, потом в 19, потом в 21. Такое вот сумасшедшее было расписание. И народ шел! И народ платил деньги!

Здесь, конечно, была и моя скромная роль. Нужно было что-то придумать, чтобы учащихся освободить от занятий в школах. Кто в 9 утра ходит на концерты? Не пенсионеры же, а школьники! И вроде бы прогуливать школу неудобно... И тогда придумали такой предлог. Якобы «Ласковый май» — это коллектив, который помогает сиротам. На этих основаниях давали телефонограмму от благотворительного фонда в Москве секретарям обкомов с просьбой помочь обеспечить явку детей и облегчить сбор благотворительных средств для детей-сирот. Из обкома шла телефонограмма в школы: отпустить детей на концерты «Ласкового мая». Такого еще в природе не было. Это возможности административной экономики. И думаю, что никто никогда не повторит этот великий успех, этот наш подвиг.

Но главное ноу-хау было вот в чем: по стране ездило порядка 10—12 разных «Ласковых маев». Это уже довольно известная история. Интересно другое. Были общие «Ласковые май», принадлежащие учредителям этого бизнеса во главе с Андреем Разиным. Среди которых был и Александр Букреев, хозяин «Миража». Но параллельно, каждый в тайне от партнера имел по два, а может быть, и по три своих «Ласковых мая». Но и этого мало - появились вообще какие-то левые коллективы под тем же названием.

Здесь как раз потребовалась моя помощь. Я познако-

мил компаньонов с одним человеком на Петровке. Он занялся борьбой с пиратством: проще говоря, стал отлавливать по стране и разоблачать чужие «Ласковые май». А информация о леваках приходила из многих регионов. Бороться с этим можно было только правоохранными методами. И наш человек на Петровке эту ситуацию отслеживал. Ему звонили и говорили: приехал в город Зажопинск «Ласковый май». Диктовали паспортные данные участников: Сидоров Александр Николаевич 70-го года рождения, Иванов Петр Петрович, 1968-го... Мент звонил мне и спрашивал: «Слушай, Филатов, это ваш «Ласковый май»?» Я спрашивал у Разина: «Разин, наш?» Он через десять минут перезванивал и говорил: «Да, наш. Отбой!»

Но бывали веселые случаи, когда он звонил и говорил: «Нет, не наши». Тогда я перезванивал своему милиционеру: «Вяжите». Он давал команду местным ментам. Однако случались накладки. Помню, где-то в Саратове взяли такую бригаду. Привезли в кутузку. И вдруг звонит Разин и говорит: да это наши, оказывается. Видимо, его администраторы что-то напутали.

В чем вообще был секрет этой фирмы? Музыка записывалась. Набирались исполнители. То есть смазливые ребятишки, умеющие сносно под эту музыку дергаться. Конечно, они работали под фонограмму, а в последнее время даже начали набирать музыкантов на местах. Чтобы экономить деньги и не возить 3—4 человека. А возить только солиста и директора с фонограммой. А на месте набирать юнцов, которые подыграют, подпоют тебе, подтанцуют за пять копеек. Музыка все равно одна и та же - фонограмма, а какая разница, кто будет плясать там сзади?

Таким образом был устроен и «Мираж». Это такой родной брат «Ласкового мая». Или, лучше сказать, родная сестра. Естественно, нужно было девчонок центральных найти, блондинок. Их искали на дискотеках. Просто предлагали: хотите покататься?

Экономика этого проекта была сумасшедшей. Отцы бизнеса с концерта собирали по 10 тысяч рублей. А артистам платили на порядки меньше. Помню, сначала вообще по 50 рублей — солисту, а остальной молодежи по 20

— 30 рублей. Выгода была фантастическая. Представьте, что у вас работает 8 «Ласковых маев» по стране и 5 концертов в день они дают. Это 40 концертов в день. И 40 кон-

цертов в день вы умножаете на 10 тысяч. 400 тысяч рублей для 1988 года — это лютые деньги. Тогда же не было нефтяного бизнеса. Конечно, это вызывало дикое раздражение в различных официальных структурах, все ж понимали, сколько зарабатывается бабла.

Почему народ шел на это все? Это тоже интересная история. В противовес официальной культуре, уважаемому мной Кобзону и прочим, появилось искусство сверстников, чего никогда не было в Советском Союзе. Минимальный возраст артиста, который мог выйти на эстраду, был 25 лет. Считалось, что Муслим Магомаев, который стал знаменитым в 25- 27 лет — это потолок успеха. Никогда еще не было 15-, 16-, 18-летних знаменитостей. А молодежи, конечно, хотелось общаться со своими сверстниками. Хотелось свободы. Что уж говорить, на эстраде не было свободы. Свобода была на каких-то неофициальных роковых тусовках. Но рок ведь тоже не для всех. Не все хотели петь об изменениях и революции. И не все сочувствовали идеям революции. Хотелось праздника. И праздника со сверстниками.

Эта интонация была гениально найдена Разиным в музыкальном плане. Петь простенькие песни, рассчитанные на 14-летнюю девчонку, на 14-летнего мальчишку. Доверительно разговаривать с ними, делать то, что советское искусство уже потеряло.

И поставить все это на хорошую коммерческую осно-

отловом, телефонограммами, которые разлетались в обкомы...

Было еще одно обстоятельство, которое помогало Разину. Он был из деревни, где родился Горбачев. Из Привольного. Его бабушка работала горничной у Горбачева. Говорят, они были какими-то дальними родственниками, но что соседки — это точно. И это позволяло Разину пользоваться статусом племянника Горбачева, его родственника. Не сильно при этом лукавя, потому что действительно, связь же была, может быть, не такая кровная, но из одного села. Кстати, родственник Горбачева работал там секретарем райкома. И конечно, помогал Разину в нужный момент.

Понятно, что родная деревня генерального секретаря была на особом положении. Там жили сотрудники 9-го управления КГБ. И фильтровали всех приезжих еще на дальних подступах, на автобусной станции. К пассажирам автобуса, направлявшегося в Привольное, подходили люди и беседовали. К своим не шли, тех знали, но подхо-

дили к незнакомцам и интересовались: «А вы куда едете? К кому, если не секрет?» Все понимали, что Привольное — особое место, где живет мать генерального секретаря. Улица рядом с ее домом вообще была всегда перекрыта.

Разин этим пользовался. Не то чтобы Горбачев за него звонил, но сам образ человека из этого села (а он еще представлялся родственником) играл на него.

В общем, все было одно к одному, и все работало. Солисты были неузнаваемы, потому что известны были лишь записи. По телевизору их никто не видел. Никаких газетных статей с их фотографиями не появлялось. Группу знали только по кассетам. Фанаты переписывали. Тогда еще не прошла культура переписывать кассеты, копировать друг у друга.

И тут произошла интересная штука. Обычно люди

ить, иногда деньги за это платят. Здесь возникла обратная ситуация. Когда история с «Ласковым маем» стала слишком заметной, пришло письмо из МВД на Центральное ТВ с просьбой обеспечить показ группы «Ласковый май» в эфире с крупными планами солистов. То есть государство решило подрывать этот бизнес тем, что принудительно показывать хитрую группу всей многомиллионной телеаудитории. Чтобы, если приезжают «леваки», было возмущение. Это был беспрецедентный случай в шоу-бизнесе, когда милиция заставляет показывать по телевизору артистов. Артист всегда сам мечтает попасть в эфир, а здесь их буквально тянули за уши. А организаторы этих групп бегали от телевизионных редакторов, которые им звонили и говорили: «Мы с передачи «Песня года». Вы должны у нас выступить. Вы знаете об этом?» Те: «Нет! Ничего мы не знаем». «Вы обязаны у нас выступить! У вас будут крупные неприятности, если вы не явитесь».

И действительно начались неприятности. Письмо, в котором милиция просила показывать группу крупным планом, было первым звоночком.

Постепенно проект начал рассыпаться, пошел на убыль: все-таки всю страну, 300 миллионов, накрыли «Ласковым маем» и «Миражем». Начались критические публикации, стали проявлять активность правоохранительные органы — эпопея, словом, близилась к концу. Я встретился в ресторане с нашим другом милиционером, который помогал нам все это делать и который купил на этой операции свою первую машину. И напившись, в сердцах он мне сказал: «Да, поздно я во все врубился!» И оказалось, что по Подмоскovie уже два месяца колесит его собственный «Ласковый май». То есть милиционер, занимавшийся полтора года этой операцией, конфисковывавший пиратские записи, афиши, понял, как устроен бизнес, и решил забабахать свой «Ласковый май». Нашел ребят, похожих на Шатунова, на дискотеке.

Не поленился. Записи у него и афиши были, и он запустил свой проект в прокат. Он мне признался в этом. И говорит: «Но поздно. Уже нет таких заказов».

Да, к тому времени все знали, что есть такой солист Шатунов. Но его фамилия стала известна далеко не сразу. Шатунов появился на стадион, когда заставили показывать солистов группы.

Когда история с «клонами» получила огласку, Разин по моему совету предпринял еще одну операцию — сделал студию «Ласковый май». Теперь мы могли говорить: да, у нас ездят выступать 10 групп, но все они участники детской студии «Ласковый май»

Тем не менее раздражение системы было невероятным. Негодующие товарищи писали в министерство культуры, КГБ...И если бы хозяева «Ласкового мая» не защищались, если бы Разин с одной стороны не прикрывался именем, с другой стороны не помогала Джуна, с третьей стороны, что-то не организовывал я, проблемы были бы у них достаточно серьезные. Их бы съели. Никто бы не дал полтора года бурно работать по всей стране.

Кто-то будет говорить, что это предшественник МММ в эстрадной сфере. Но нужно сказать, что было и другое. Дикая и лютая популярность. Ведь 6 раз в день не придут на стадион, если не захотят. Никто ж никого не гнал под автоматом. И, я помню, когда я был на одном из концертов, и публика достигла экстаза, Разин кричал: «Ну что, девчонки, трусами кидаться будем?» И тут же в него полетело сотни три трусов (хорошо еще, что дело было летом). Девчонки, кто был в юбках, снимали трусики не задумываясь. И Разина просто закидали нижним бельем! Это был угар. Может быть, такое было на каких-то рок-концертах, но чтобы три сотни трусов... Я вновь сравниваю с «Битлз». Не думаю, что история с «Ласковым майем» слабее истории с «Битлз». А по ряду позиций — сильнее: по концертам, по ситуации, что было 10 коллективов, что ходили по 6 раз в день на стадионы, где собирались

18—20 тысяч. То есть 120 тысяч за день прогоняли через стадион. Танцует весь город!

Давление системы, однако, не ослабевало. В 1989 году, в ноябре, Разин пришел к Джуна и сказал: «Джуна, конец! Нас хотят посадить. Какую-то интригу плетут и хотят на днях показать сюжет в программе «Время».

А такой сюжет, да еще в самой главной программе советского ТВ их бизнес, конечно бы, здорово подрезал. Если бы в программе показали, что это афера, то директора стадионов просто бы испугались. Программу «Время» боялись. И вообще стало попахивать судебными делами.

И вот пришли к Джуна, и Разин говорит: «Джуна, помоги. Я знаю, только ты можешь что-то придумать. У нас точные данные, что через пару дней покажут этот сюжет, и после него у нас начнутся сильные неприятности». Но Джуна сказала: «Успокойся, сюжета не будет». Он спрашивает: «Ты будешь в этом как-то участвовать?» Она говорит: «Не беспокойся! Ничего этого не будет». Разин настаивал: «Но ты там поработаешь? Позвонишь кому-то?» А она: «Да нет, Андрюш, не будет сюжета. Что-то произойдет, что этот сюжет будет просто неуместен».

И ведь действительно произошло. Через несколько дней произошло страшное землетрясение в Армении. И весь эфир был забит совсем другим: плачущим Николаем Ивановичем Рыжковым, растерянным Горбачевым. А опасный сюжет не поставили. Если бы я сам не был свидетелем этого разговора и мне бы сообщили про подобное предсказание хозяйки нашего салона, то я подумал бы, что это сказки.

И ведь это был не единственный случай, когда Джуна предсказывала развитие ситуации, и ее пророчества сбывались совершенно удивительным образом. Однажды при ней заговорили про Индиру Ганди. Я тоже тогда присутствовал. Кто-то начал говорить про Индию, что это такая мирная страна. Джуна сказала: вы плохо знаете историю Индии. Индия далеко не мирная страна, совсем не

мирная. Это страна, которая взорвется в любую минуту. «Вы плохо знаете Восток, а я все-таки ассирийка. Все говорят, что Индия, это там, где сидят в храмах и что-то курят. Глупости! Она взорвется в одну секунду. Это очень жестокая страна».

Буквально через месяц после нашего спора Индира Ганди погибла.

Как и у «Ласкового мая», проблемы начались у «Миража». Стало известно, что за кадром пели Суханкина из Большого театра и Гулькина, а танцевали блондинки, умеющие только открывать свои очаровательные ротки. Они только плясали и были просто хорошими блондинками. А Суханкина была полноватая и вообще другого стиля. Это было сделано специально, чтобы одни не могли претендовать на лавры других. Была придумана замечательная система: у одних нет голоса и никогда не будет, а у других нет пластики и тоже никогда не будет. Поэтому тот, у кого есть голос, не закричит — это я пою! Ну и пой. Тебе позволяют твои данные плясать на сцене? Не позволяют. Идея была именно в том, чтобы не брать звезд, лучших, а разделить «ответственность» и сделать чисто продюсерскую группу, чтобы артисты не просили много денег.

Тем не менее из этих «миражей» вышло немало звезд. В «Мираже» была Ветлицкая, через «Мираж» прошли Гулькина, Овсиенко. Это была некая кузница — фабрика звезд того времени. Причем естественная фабрика, не выдуманная в мозгу американского продюсера. А наша советская фабрика, которую придумали наши подвижные люди. Стихи и музыку для «Ласкового мая» делал Кузнецов, парень из приюта. Точнее, до своей музыкальной карьеры он работал киномехаником в детском приюте.

А для «Миража» писал Андрей Литягин, выпускник МАИ, который в музыкальных кругах появился оттого, что очень любил инструменты, всю эту электронику. Вообще началось все с того, что у Литягина появилась своя

студия, где он сделал какие-то записи. Написал музыку, а потом попросил своего приятеля Букреева заняться менеджментом этого дела. Букреев сперва категорически не хотел. Он не знал, как зарабатывать на артистах. Уже тогда была кооперация. Он думал продавать что-нибудь более вещественное. Но его уломали на музыку, он включился, и дело это пошло.

Все это дети революции. Которая позволяет в своем хаосе людям по имени Никто делать фантастические карьеры. Кто был никем, тот станет всем — совершенно точно!

КАШПИРОВСКИЙ: РУССКИЙ ДЕПУТАТ, УКРАИНСКИЙ ГРАЖДАНИН И ПОЛЬСКИЙ МАГ

Кто никогда не был у Джуны, так это Анатолий Кашпировский. Они — как два полюса. Если Джуна — это пламя, то Кашпировский — настоящий лед. Здесь стилистика прагматики, стилистика сухого реализма. Ничего лишнего. Всегда одетый в одно и то же. Человек в свитере без всяких приамбасов, который говорит всегда серьезно и никогда не шутит. Человек, который 20 лет проработал в Виннице в сумасшедшем доме. В обычной психушке, не элитной. Простым врачом. Человек, который знает все крайние человеческие проявления.

Свои гастроли он начинал как лектор по вопросам психологии и психики. Просто ездил и читал лекции. Делался своим большим и своеобразным опытом. Его открытие заключалось в том (и это опять-таки открытие, органичное для того времени), что он решил вывести свои сеансы на большое телевидение. Он решил создать беспрецедентную по охвату аудиторию.

У него появилась догадка, что вынесенная на большую аудиторию работа с людьми создает совсем другой, качественно новый эффект. Пациент будет лечиться не только за счет внушения врача, но и за счет массового ре-

зонирующего воздействия. На человека начинают влиять положительные слухи. Разговоры о целителях. Мнение соседки. Человеку проще себе нечто внушить, если все вокруг толкуют, что это поможет. Стало быть, важно создать для него некую среду. Чтобы он, явившись на сеанс, обнаружил, что еще 4 тысячи таких же страждущих уверены, что у них все будет хорошо. И вот этот эффект совместности — он и лечит на самом деле.

Этого не могут взять в толк те, что предлагают, вот пусть Кашпировский лечит один на один, как любой врач-психиатр. А выносить на массовую аудиторию — это неправильно.

Такие советчики фактически лишают психотерапевта одного из важных его инструментов. Если не главного.

Сопричастность и вера. Вера победила войну. Вера ведет человека совершать чудеса. Вера вытаскивает его из сложнейших жизненных ситуаций. И эта вера не всегда рождается один на один.

Ну что увидит тет-а-тет пациент, который придет на прием к врачу Кашпировскому? Невысокого постриженного мужчину, который отрывисто говорит, который, естественно, воздействует, пытается давить на психику. Больной выйдет и скажет: «Что-то мне не понравилось. Кто он вообще такой, почему так давит? Что за ним стоит?» Это в нашей природе — пытаться уяснить, а есть ли авторитет у человека? Рассуждаем: а что он такого сделал, что так себя держит?

Совсем иное дело — аудитория в 100 миллионов. И пусть хотя бы 10 процентов верят, что недуг у них пройдет. Энергия 10 миллионов человек — это сила, которая многое может перевернуть. Мы помним, как было во время украинских выборов. На улицах Киева собиралось 500 тысяч, а то и миллион человек. Казалось бы, что такое миллион, когда в стране живут 50 миллионов? Разве могут два процента населения решать за всех остальных? Но смысл был в том, что они передавали всем свою энер-

гетику. А энергетика была сумасшедшая. Собственно, это сеанс Кашпиоровского, переданный на весь мир.

А теперь представьте десять миллионов, которые верят, что они исцелятся. 10 миллионов верующих людей! Это же страшная сила! Они способны завести всю страну. Они способны доказать другим, что им помогает. А если это передается другим, то механизм исцеления реально запущен.

Когда Кашпиоровский впервые появился в программе «Взгляд», а привел его туда Политковский, это имело колоссальный успех. На телевидении я с Анатолием Михайловичем и познакомился. И при мне, даже, не буду скромничать, не без моего участия, родилась идея: провести несколько массовых сеансов психотерапии прямо на голубом экране.

Проект запустили. Начались телесеансы. Было их всего шесть. Для многих сия констатация, наверное, прозвучит как откровение. Потому что возникло всеобщее ощущение, что Кашпиоровского на телеэкране «было очень много». Что это такой большой и длительный телепроект. В этом тоже был элемент внушения. Трудно вспомнить и назвать телевизионную передачу, которая бы шла шесть раз и так запомнилась населению. Есть передачи, которые идут 30 лет. Их все равно никто не смотрит и не помнит. А здесь шесть раз прошло — и народ вспоминает об этом так, как будто Кашпиоровский был всегда.

В чем секрет? В пресловутом резонансном эффекте. В этих знаменитых 10 миллионах, которые поверили и дали мощнейшую энергетику. В какой-то момент Кашпиоровский получал писем больше, чем газета «Правда». Возникло то, что потом на Украине называли «глазами Майдана». Глаза Майдана — это практически сверхъестественная сила.

Государство быстро осознало мощь Кашпиоровского. И явно испугалось его мощи. Возникло противодействие. Повсюду стали появляться разоблачительные и не-

годующие статьи наших старперов-академиков. Они писали, что все это безобразие, что на сеансах возникает отрицательный эффект, что люди себя плохо чувствуют. И что Кашпировский вообще-то шарлатан. Было в этом, правда, явное противоречие. С одной стороны, вы говорите, что Кашпировский шарлатан и вообще ничего не лечит; с другой стороны, вы утверждаете, что на его сеансах люди себя плохо почувствовали. А кто-то до сих пор крутит головой и не может остановиться. Но одно противоречит другому. Либо мы договариваемся, что все это иллюзион, либо эффект все-таки признаем, но допускаем, что он бывает иногда отрицательным. Впрочем, следовать логике никто и не пытался. Сеансы просто прекратили по команде с самого верху.

Но они продолжились в Польше. Еще несколько лет они шли в Варшаве и имели бешеный успех, не меньший, а может быть, и больший, чем в России. Потому что там как раз-таки было не 6 передач: сеансы шли длительное время. Кашпировский стал популярной личностью. И даже помог во второй раз избраться Леху Валенсе, с которым был в хороших отношениях.

Для польских выборов записали специальный предвыборный ролик. По замыслу сценаристов Кашпировский должен был что-то сказать за Валенсу, что-то типа «поддержите Валенсу!», сделать такое внушение. Но во время одного из дублей он чихнул. И чихнувши, автоматически произнес: «Ну, на правду!» А потом, пересмотрев, что получилось, попросил: «этот дубль с чиханием и оставьте». Он понял, что вот этот чих и последующая фраза — и есть толчок. И есть искомый удар. То, что он на-

зывает — установка. «На правду!» — вот это и бьет по аудитории. Получился такой интересный, креативный ролик, который отличался от всех остальных.

Но мне Кашпировский интересен и тем, что при своих потрясающих свойствах в бытовом плане он может

гическая сила компенсируется инфантилизмом. Какая-нибудь смешная идея его может сильно поразить. Допустим, приходят ученые и говорят, что если в бензин добавить какую-то ерунду, то в горячем резко повышается октановое число, и такая операция может принести миллиардные выгоды. И эта идея его по-настоящему заводит. Он может полгода с ней носиться, предлагать ее, вкладывать в нее деньги.

Или, например, следуют неожиданные проявления какого-то мальчишеского честолюбия. Он вспоминал, что в Виннице был один человек, имевший звезду Героя Советского Союза, и все его там уважали, потому что все видели, что он — герой. А потом добавлял: «А вот сейчас никто не может мне выхлопотать орден. А ведь все-таки ордена я достоин». Думаю, он шутит. Но нет! После рассуждений об ордене у него резко испортилось настроение. Современный человек его уровня совершенно не беспокоится об ордене. Однако Кашпировского почему-то это дико напрягало. У него портилось настроение и он сетовал: как же так!...

Такое вот хрестоматийное сочетание великого и смешного. Вообще человек очень своеобразный, волк-одиночка. Всегда передвигается один. Ничего не боится. Качает мускулы (а когда-то занимался тяжелой атлетикой). Вообще не пьет и, по моим данным, практически ничего не ест. Сколько я с ним находился, он всегда ел как птичка. Это, кстати, интересная особенность экстрасенсов. Ведь и Джуна очень мало ест. Какой-то бульончик, кусочек хлеба. Видимо, человек, который подкачивается некой иной энергией, живет на таком взводе, его потребности в пище уменьшаются. Да и потребности в сне. Он и спит рвано, не ритмично. Джуна — сова. Она бодрствовала всю ночь, потом ложилась, но спала совсем чуть-чуть. Кашпировский, тот, наоборот, очень рано встает. И тоже мало спит.

Несколько раз мне посчастливилось присутствовать

на индивидуальных сеансах Кашпировского, когда он проявил себя как мощный психотерапевт без всякого телевизионного «усилителя». Хотя сеансами в привычном смысле я бы эти импровизации не назвал. Наверное, здесь уместнее слово «этюды».

Первый эпизод был на Украине. Кашпировский сидел за кулисами во Дворце спорта, где тогда выступал. Отдыхал в перерыве. И по моей протекции в гримерку пришла одна женщина — жена ответственного работника ЦК Компартии Украины. Она была из категории дамочек от 35 до 45 лет, которые за собой очень следят. Хорошо выглядят. То, что называется «молодящиеся». Но была полноватой. Это ее беспокоило.

И вот я наблюдаю такую сцену. Она: «Здрасьте, Анатолий Михайлович». Он не оборачивается и смотрит в зеркало. Она замирает за его спиной. А он, проявляя полнейшее безразличие к гостье, жует свой бутерброд. Я говорю: «Вот, Анатолий Михайлович, пришла супруга Петра Алексеича, я вам передавал просьбу...» Он не поворачивается, медленно ест. И молча посматривает в зеркало. Дамочка в смятении. А доктор держит паузу, и лишь через несколько минут бросает сквозь зубы: «Ну, рассказывай!» Она по-прежнему видит только его отражение, он не поворачивается. «Анатолий Михайлович хочу с вами посоветоваться. Меня стал беспокоить лишний вес. Разные диеты пробовала, ходила к врачам диетологам. Хотелось бы совета». Он ей: «А ты так баба ничего!» Та напруглась. «За тобой можно было бы даже приударить...» Она ошарашенно молчит. «Но ты же распустила себя! Ты же жрешь по ночам!» — орет внезапно Кашпировский, не оборачиваясь. Она лепечет: «Да, иногда вот, по ситуации...» «По какой ситуации?! Ты превратилась в корову! Пирожки любишь? Свиные жирные отбивные жрешь ночью?» Она: «Ну иногда..» «Раз иногда — тогда пошла вон отсюда!» Тут он наконец разворачивается, с перекошенным гримасой злости лицом, хватая остаток своего бу-

терброда и швыряет в пациентку. Та ревет и выбегает. Я тоже в шоке.

Проходит час-два, меня находит по служебному телефону одного из начальников Дворца спорта (тогда не было мобильных) человек, который просил организовать этот сеанс. И буквально рычит в трубку: «Алекс, что за дела? Что это ты устроил?» Я оправдываюсь: «Во-первых, не я устроил». Он перебивает: «У меня будут неприятности. Там большой человек. Его жена плачет. Пришла, пересказала эту встречу. Что за поведение? Он что, дурак? Да мы его порвем!» — «Знаешь что, поговори с ним сам». И передаю трубку Кашпировскому: «Анатолий Михайлович, это по поводу женщины, которая сегодня приходила». Думаю: ты и отвечай, что мне-то отвечать! Кашпировский берет разговор в свои руки: «Так, слушайте меня внимательно, только ей не говорите. Первые три дня будет плакать, ничего не жрать. Прекратит жрать вечером. Она получила установку: нельзя жрать вечером, сейчас она корова, но за ней можно приударить. Я вам говорю дословно, какие она получила установки. Что она нормальная баба, если будет за собой следить. Что она жрет мерзкие жирные свиные отбивные и пирожки. Как только она захочет пожрать, она вспомнит мое лицо. И будет помнить его всю жизнь. И будет себя держать. Но вы ей этого не говорите. Чтобы лечение состоялось. Если хотите, позвоните через месяц. Мужу все это объясните. Это и есть лечение. Если бы я сел и сказал, а попробуйте пилюльки, а может быть, вы еще жир там примените — это был бы пустой номер, можно годами так ходить. Она от меня не как от врача, а как от мужика получила удар по своей психике. Должен произойти слом старой модели. Она запомнит. И умирать будет, вспомнит жирную отбивную, вспомнит, как я на нее смотрел, как швырнул в нее остаток бутерброда. И сказал: пшла вон. Люди тут ходят, умирают: помоги, Анатолий Михайлович, а эта распустила себя, звездой пришла сюда. Иди отсюда!.. И проследите

за этой историей. Чтобы не думали, будто я вам морочу голову, давайте проследим, как будут развиваться события».

Мужа толстушки я не знал, а вот с тем посредником иногда пересекался. И примерно через месяц он мне сообщил, что Кашпировский, конечно, свинья, но дело сделано. Дамочка худеет, смеется. Чудеса, да и только. А ведь первое время был шок. Плакала ночами, вставала... А теперь сбросила вес и всем довольна. Муж звонил, благодарил.

Вторая история. Мы с Кашпировским как-то зашли к одному директору очень крупного института, академику. Там велись какие-то важные эксперименты. Болтаем о том, о сем, кто-то обращает внимание на его секретаршу: что-то Лена мрачная у вас сидит. А он таким расстроенным голосом сообщает: у нашей Лены любовь. А у академика, видимо, у самого были отношения с этой секретаршей. Ее новое увлечение явно не было ему безразлично. И она это чувствовала и тоже переживала.

«Вот, Анатолий Михайлович, мы все говорим о большой науке, а вот вы психиатр, взяли бы и жизнь Ленке наладили, — обращается к Кашпировскому академик. — Девка психует, сидит сама не своя, ничего не помнит — любовь у нее, видите ли». «И кто этот сердцеед?» — интересуется Кашпировский. «Аспирант, молоденький, ходит, ждет ее каждый день под дверью». «Опишите!» Академик попытался описать: «Ну такой вот... Какой-то никакой вообще». — «Ну а она-то как себя ведет?» — «Да как ведет? Плохо! Ни черта не помнит, стала все забывать. Честно говоря, она стала меня раздражать. Хотя гнать я ее не хочу...»

Кашпировский подумал немного и говорит: «Давайте вот как сделаем. Сейчас вчетвером: я, вы, Алекс и она, пойдемте обедать. Но сядем отдельно, чтобы нас никто не видел. И посадите-ка ее напротив меня». Нет проблем, говорит нам знакомый. Он ведь директор. У него есть

свой банкетный зал. Зовет секретаршу: «Пойдем, Лена, с Анатолием Михайловичем пообедаем». Она: «Конечно, с удовольствием, что-то вы давно к нам, Анатолий Михайлович, не приходили».

Сели. Кашпировский ест, и смотрит на нее, и ничего не говорит. Она пытается завязать светскую беседу: «Анатолий Михайлович, что-то давно вас не было. Не звоните не заходите». Он молчит. Она немножко растерялась, удивленно на него смотрит. И делает еще одну робкую попытку завести разговор: «Анатолий Михайлович, а помните, когда вы звонили, спрашивали, а оказалось не то...» Он мрачно молчит. И ест супчик. Медленно окунает ложку в свою тарелку, не спеша подносит ко рту. А она что-то лепечет и все больше смущается. Совсем забыла про обед и тщетно пытается понять, почему собеседник ничего ей не отвечает. И в этот момент Кашпировский бросает ложку на тарелку, смотрит на Лену в упор и, не скрывая своего презрения, сердито говорит: «Нормальная девчонка, а связалась со слизняком. Тоже мне!» Отшвырнул салфетку, встал и, не сказав больше ни слова, вышел из столовой.

У нее просто челюсть отвисла. Сидит и смотрит по сторонам. Что вообще происходит? Где она оказалась? Что с ней? А директор бормочет: «Да, что-то плохо Анатолию Михайловичу, нервничает, дела не идут. Гноят его все, пишут всякое». На этом мы и разошлись.

Прошло несколько дней. Директор звонит и восхищается: «Вот Кашпировский — красавец! Ну какой красавец! Ленка пришла ко мне и говорит: «Вы знаете, я подумала, я была не права. Я вела себя не так, простите глупую». Она после того разговора сидела прибитая до вечера, потом отпросилась. А через некоторое время у нее прямо ломка началась!» Я звоню Кашпировскому. Говорю: «Возвращаем любимых». А он: «Простое дело. Я спросил его о том парне. И мне важно было подобрать под него слово. Слово негативное, но которое точно его ха-

растеризует. Я выбрал слово «слизняк». Я думал: дохлик, слизняк, что-нибудь такое. Если бы он был здоровым, я бы назвал его быком, бычарой. Если бы он был средним, я бы назвал его - лох. Эта фраза должна быть установкой на сбор отрицательной информации. Девушка была им очарована и воспринимала только положительное. Я переменил ее настрой, направил на отрицательный анализ. Теперь она начинает вспоминать: да, действительно слизняк, ребята все ходят нормальные, а этот какой-то дохлый. Как же так? А еще третьего дня я его о чем-то просила, а он отказал. И так далее. Негатив накапливается, позитив тает». Кашпировский объяснил мне и то, почему он молчал несколько минут. Он должен был подготовить ее к удару. Она должна была ждать удара. Он хотел не просто сказать, а — пригвоздить. Должны были прозвучать емкие, четкие, ударные фразы.

Естественно, Кашпировский понимал, что не каждый подвержен его влиянию. В аудитории он видел своих и не своих. Он мне признавался: «Каких-то людей я не могу сломать — это не мои люди». Спрашиваю: «А как вы это определяете?» «Так же, как ты определяешь, нравишься девушке или нет. Ты же сразу это чувствуешь. А если ты ей симпатичен, то знаешь, насколько сильно ее чувство. Этой ты просто нравишься, но тебе придется еще с ней поработать, а той — ну очень сильно нравишься. Так и я. Иду по аудитории и вижу — это мои люди, с ними я могу делать что угодно, а с этими — никогда. Я их буду долго обрабатывать, но только зря потрачу силы. Правда, задача облегчается тем, что на выступления приходят уже мои люди. Или, скажем так, большинство из них — мои. А чего бы они стали приходить? Чтобы удостовериться, что я не могу на них влиять? Глупости. Так не бывает», — разъяснял мне свою политику великий психолог.

Интересно, что Кашпировский стал потом депутатом Госдумы. Стал, можно сказать, с моей легкой руки. Когда собирали список ЛДПР 1993 года, а это происходило

практически сразу после расстрела Белого дома, я принимал самое непосредственное участие в составлении этого перечня. И предложил Кашпировскому присоединиться. Для меня это было очень важно. Я гораздо болезненнее, чем все остальные, ожидал, примет это предложение Кашпировский или отвергнет его. Его выбор для меня был знаковым: было очень существенно, верит или, наоборот, не верит в успех нашего дела этот неординарный человек. Многие люди той осенью, через несколько дней после расстрела Белого дома (уже 12 октября мы сдали партийные списки на думские выборы), будучи в шоке от всего произошедшего тогда, говорили: «В какую Думу можно сейчас идти? О чем вы говорите? Не та ситуация». И для меня было принципиально решение Кашпировского. Я ожидал, что если Кашпировский примет наше предложение, значит, все будет нормально. Это человек — с повышенной чувствительностью, с более тонким восприятием мира. Это был как бы тест: получится у нас или нет.

Он попросил сутки на размышление. Спустя отведенные сутки я позвонил ему с легким волнением: «Анатолий Михайлович, ну как вы?». Он сказал: «Да, я думаю, что пойду в список. Все нормально. И вообще я думаю, что у нас все будет просто отлично. Я тут посмотрел кой-какие материалы. Прочитал побольше об ЛДПР, о Жириновском. Все будет просто здорово!» И действительно, в ночь с 12 на 13 декабря 1993 года весь мир узнал, что мы победили на выборах. Кашпировский дал абсолютно правильную установку. И вновь подтвердил свою уникальность. Я знаю, у него были и другие предложения, но он сделал безошибочную ставку.

Потом он два года работал депутатом Государственной думы. Правда, как законодателю ему проявить себя особо не удалось. В этот момент у него случились какие-то неприятности с детьми и, к сожалению, он должен был этому уделять больше внимания, ездить в Америку, разбираться по делам сына. Так часто бывает: дети попадают

в истории, родителям приходится расхлебывать. И, конечно, обидно, что он не смог принять такого участия в государственных делах, которого заслуживал.

Но несколько любопытных эпизодов было. Он побывал во время теракта в Буденновске. Заходил в захваченную боевиками больницу и имел разговор с Шамилем Басаевым. Может, не часто вспоминают об этом, но телевизионные кадры остались: Кашпировский выходит к камерам вместе с Шамилем после некой серьезной беседы. Какую роль он сыграл в этом переговорном процессе — трудно сказать. Процесс был сложный. Но факт, что Кашпировский не побоялся пойти к террористам и по-мужски спокойно с ними разговаривал. А исход мог быть любой, экстрасенс не был приятелем чеченского главаря.

Были и забавные сцены, когда Кашпировский оказывал психотерапевтическую помощь коллегам-парламентариям. Как-то на Охотном ряду один депутат к нему подошел и буквально взмолился: «Анатолий Михайлович, так болит голова! Помогите, сделайте что-то. Вы же можете». На что Кашпировский ему ответил: «Да иди вон в буфет, коньяка хлопни и все пройдет. Что ты морочишь мне голову?» А тот: «Анатолий Михайлович, а может, как-нибудь руками воздействуете?» Но Кашпировский не соглашался: «Послушай, какое воздействие лучше рюмки коньяка в этой ситуации? Не может быть другого воздействия. Взрослый мужик. Глупости какие-то говоришь». Он не пытался поддерживать репутацию «целителя и мага».

У самого же Кашпировского была только одна личная проблема, которую он пытался решить на Охотном ряду. Она заключалась в том, что формально Кашпировский был гражданином Украины, потому что в советский паспорт ему поставили штамп об украинском гражданстве. Но когда он избирался в Думу, никто на это не обратил внимания. Тогда мы еще психологически воспринимали друг друга, как жителей единой страны. Что там какой-то

неправильный штамп в паспорте, ни избирателей, ни избиркомы, ни законодателей не волновало. И меня очень позабавило, когда Кашпировский, депутат Госдумы Российской Федерации, подошел к министру юстиции после выступления того на парламентской пленарке и попросил сделать ему паспорт заграничный или какой-то там еще. Тот был просто обескуражен: «А зачем вам? У вас же все нормально!» — «Да нет, не все нормально, я же формально гражданин Украины». Министр еще больше изумился: «Как гражданин Украины? А как же вы стали депутатом Госдумы?» Тут Кашпировский разозлился и говорит: «Я же не виноват, что страну развалили. Что для вас, Украина — это уже не Россия? Что за глупость? Что за формализм? Чушь собачья. Виноваты те, кто разваливал страну».

Глава четвертая

В главе рассказывается о том, почему на курсы ООН принимали только женатых людей; о том, почему не надо было разделять Чечено-Ингушскую республику; о том, К чему привело хобби дежурного оператора Чернобыльской АЭС; а также о том, как туалет в автобусе и девушки topless разрушили психику советского генерала

МОЯ ОСЕТИНСКАЯ СВАДЬБА

Ко времени перестройки я имел официальную работу — был сотрудником Министерства иностранных дел. Туда я попал после окончания так называемых курсов ООН. Курсы располагались в здании Института иностранных языков на Остоженке. Это была весьма оригинальная организация, существовавшая на деньги ООН и готовившая для ООН советские кадры. На курсах училось всего человек 20—25 в год. В коридоре на стене висел портрет генсека ООН. Это сразу налаживало людей на определенный лад: мол, это не совсем Советский Союз, вы одной ногой за границей. Директором курсов был тогда Юрий Степанович Жемчужников. Юрий Степанович много работал в Америке. Но, как говорили, он работал не только в ООН. Была у него и другая работа, на которой он как минимум дослужился до полковника.

На курсах основной упор делался на язык. То есть язык я, конечно, знал, но речь шла о подготовке устного и письменного переводчика. Плюс изучалась ООН как организация. Какие у нее существуют структуры. Как они функционируют. Какие там бюрократические взаимоотношения.

Преподаватели, которые готовили ооновских дипломатов, были людьми очень не простыми. Нам преподавалась древнегреческая мифология и, что самое любопытное, Библия, чего в советских учебных заведениях в ту пору не было и в помине. Мотивировалось это тем, что библейские образы постоянно присутствуют в речах ораторов, выступающих с трибуны ООН. Предполагалось, что наши сотрудники должны хоть что-то в этом понимать. Чтобы не удивляться, почему вам говорят о Моисее и Аароне. Так что педагогический состав был неординарным и высококвалифицированным. Кстати, преподаватели до сих пор работают в том же доме на Остоженке, хотя курсов давно уже нет. А многолетний секретарь этих курсов сейчас работает секретарем ректора Иняза.

Надо ли говорить, что и детишки были особенные. Впрочем, какие детишки? Специфика заведения состояла в том, что сюда принимали только женатых людей. Вместе с прочими документами при поступлении надо было предъявить свидетельство о регистрации брака. Это было жесткое требование. Другого пути не существовало. И лишь для меня сделали небольшое исключение, разрешив сперва подать документы, а уже потом жениться, хотя в любом случае к началу экзаменов я должен был распрощаться с холостой жизнью. Имелось в виду, что за оставшееся время я как-то решу этот вопрос: мне дали возможность справку о регистрации брака донести чуть позже. Была сделана, конечно, весьма крупная поправка для такого закрытого учебного заведения, куда своих выпускников направлял МГИМО и где экзамены принимала ооновская комиссия.

Тогда требования насчет женитьбы нам казались смеш-

ными, даже нелепыми, но сейчас я начинаю понимать, что своя логика здесь была. Представьте: начинающий дипломат приезжает, скажем, на 4-летнюю работу за рубеж. Молодой парень, без жены, одинокий, ошалевший от на-

знакомом городе. Тем более работая не в советской, а в международной организации. Он по определению находится не внутри посольства, а предоставлен сам себе. Следить за ним с утра до ночи никто не будет. Апеллировать только лишь к чувству долга и ответственности неразумно. А жена — это некий стабилизатор. При супруге, с нетерпением ждущей твоего прихода с работы, особо не разгуляешься.

Кстати, организаторы курсов хотели в течение года поработать и с супругой. Были специальные мероприятия для жен молодых специалистов. Чтобы можно было на практике посмотреть, к чему они готовы. Как они держатся на банкетах, как общаются с иностранцами.

Все складывалось удачно: как раз в тот год я и решил жениться. Не потому, что курсы уже припирали. В принципе, я уже закончил институт, понимал, что впереди дипломатическая карьера, и холостой статус с ней не очень совместим. К тому же появилась хорошая претендентка на место в моем сердце.

Но обстоятельства женитьбы были весьма своеобразны. Дело в том, что девушка, на которой я решил жениться, была близкой знакомой моих родителей. Точнее, дочерью их приятелей, которую я знал с раннего детства. Брак этот был одобрен моей матерью (отца к тому времени, увы, уже не было). И женитьба таким образом приветствовалась и ее и моими родителями. Они были с Кавказа. А именно из Северной Осетии. Отец занимал очень высокую должность в Москве. И работал в одной сфере с моим отцом. К тому времени ему было уже за 60. Такой умудренный, серьезный человек с весьма властным характером. А дочери было только 17.

Итак, она звалась Татьяной. Она только что закончила школу. И была прелестной южной девушкой. С внешностью утонченной кавказской княжны, очень красивая, невысокая, скромная, ориентирующаяся на родителей. Слово папы было как закон, да и мама оказывала на нее

очень сильное влияние. Она была из такой, знаете, московско-кавказской аристократии.

Наши матери были не просто приятельницами. Мои дедушка и бабушка взяли Танину маму к себе после того, как ее родителей репрессировали. И она с детства воспитывалась в нашей семье. Была фактически некровная сестра моей матери. Конечно, это усиливало связь между нашими семьями. Таня это знала. С другой же стороны, это отчасти затрудняло мои отношения с Таней. Для Тани я и моя мать — это такая домашняя легенда. Не просто парень, с которым встретилась на улице. А что-то более серьезное. Близость наших семей существовала как данность еще до Татьяны и помимо ее воли. Когда люди встре-

чаются, вообще ничего не зная друг о друге, не думая о «бэкграунде», выстраивать отношения в чем-то даже легче. А так с чистого листа уже не получается, «винчестер» уже загружен. Впрочем, об этом я подумал уже впоследствии, когда анализировал события того радостного и тревожного года...

Тем не менее у нас были трогательные, нежные отношения. Да, других эпитетов не подберу — трогательные и нежные. Мы договорились так: сначала расписываемся, а потом будет настоящая осетинская свадьба.

Очень интересно проходила договоренность о свадьбе. Мне мать полунамеками дала понять: я переговорила с Константином Владимировичем, и они ждут от тебя активных действий. Я решил не медлить. Позвонил Таниному отцу: «Константин Владимирович, я бы хотел с вами поговорить». Он без лишних вопросов сказал: «Хорошо, Алекс, приезжай!». Мы договорились на восемь.

Я прибыл в дом на Новослободской. Константин Владимирович сам проводил меня к себе в комнату, закрыл двери в гостиную. Мы сели. На столике стояли апельсины, яблоки и боржом. То есть обстановка была переговорная. Я сообщил, что пришел сделать предложение. Константин Владимирович сразу среагировал, не вставая с

меня долго подбирать соответствующие такому случаю слова. Он сказал, что это ожидаемое событие (именно так и сформулировал — «ожидаемое событие»), но тут надо понять несколько нюансов. Мы перешли к нюансам. Он стал интересоваться, когда я собираюсь ехать за рубеж, когда я иду на курсы, где бы я хотел работать за рубежом потом. Я сказал, что в Женеве. Вообще-то после этих курсов посылали в несколько точек. Это Нью-Йорк, Женева, Бангкок, Найроби (Кения), где были офисы ООН, и чуть меньше специалистов приглашалось в Париж, где располагался офис ЮНЕСКО. Но главными потребителями дипломатических кадров были все-таки Нью-Йорк и Женева. Нью-Йорк, говорю, мне не нужен, это слишком далеко от России, туда-сюда не налетаешься. А Европа лучше. Там спокойнее, и в Москву чаще можно приезжать.

Мы обсудили еще кое-какие детали. После чего Константин Владимирович встал, открыл дверь и торжественно сказал: «Заходите». И точно по команде, в комнату вплыли бабушка, мать и дочь Татьяна. Молча выстроились в ряд и терпеливо ждали, что скажет Константин Владимирович. И он, сделав небольшую паузу, объявил: «Только что Алексей сделал важное предложение. И, я думаю, надо это предложение принять». Тут женщины поняли, что теперь их очередь выступать, и стали это делать по старшинству. Сперва высказалась бабушка: «Да мы давно этого ждем». Затем взяла слово мама. Она промолвила всего одно слово: «Конечно». А Таня, как самая младшая и самая скромная, тихим голосом произнесла лишь короткое «Да». Суть моего предложения озвучена так и не была.

«Тогда готовьте на стол», — строгим голосом велел отец. И тут все женщины забегали. На приготовления к трапезе ушли считанные минуты. Я и опомниться не успел, как оказался за столом, уставленным яствами в кавказском стиле. Велась оживленная светская беседа, все присутствовавшие не скрывали своей радости. И уже ни-

каких деловых разговоров не было. Мама не задавала никаких вопросов: когда уедете, где будете жить. Ее это как бы не должно было интересовать. В русских семьях мать, наверное, замучила бы вопросами: куда, что, на какие шиши. Но тут был совсем другой мир, где все серьезные решения единолично принимает отец.

Итак, свадьбу мы решили сделать позже, в сентябре, а пока только расписаться. Причем предполагалось хранить наш брак в секрете, а значит, жить по-прежнему порознь. Чтобы не было никаких кривотолков. Дело происходило в мае 1983 года, еще был жив Андропов, я только что подал документы на дипломатические курсы. Мы подали заявление в ЗАГС. Там оказалась большая очередь. Мы задействовали связи. И вскоре из ЗАГСа позвонили и сообщили: мы можем вас расписать не через месяц, а в течение нескольких дней.

Расписались в мае. Расписались тоже при очень интересных обстоятельствах. Чтобы соблюсти полнейшую секретность, на церемонии присутствовало лишь четверо: я, Таня и два свидетеля. Свидетелем был приятель по имени Владик, которому я позвонил и попросил: «Я тут собрался жениться. Побудешь у меня свидетелем, ладно? Но только ты должен найти еще и свидетельницу, которая реально не была бы нашей знакомой». Таня со своей стороны вообще никого не могла позвать, потому что была уверена, что ее подруги, даже поклявшись на Библии хранить тайну, в два счета разнесут весть об этом загадочном бракосочетании по всему городу. Владик немного подумал и сказал: «У меня есть одна знакомая девица. Даже не совсем знакомая — я пообщался с ней на автобусной остановке и обменялся координатами. Девка отличная, хотел ей давно позвонить». Я говорю: «Прекрасно. Это то, что требуется. Подтягивай ее. Банкет за наш счет».

Мы прибыли в ЗАГС. Приехали на черной казенной «Волге» с мигалкой, в служебной машине Таниного отца. Нас уже ждали. Заведующая ЗАГСом даже переживала.

Ее заранее предупредили: никаких фотографов, никакой музыки. Заведите, распишите. А для убедительности напустили немного таинственности: товарищ собирается на заграничную работу, ему все это не нужно. Она выразила готовность сделать все, что от нее требуется. Но когда мы заходили, все же предложила: может быть, немножко пофотографируемся? «Не надо», — отрезал я жестко, еще больше усилив ее нервическое состояние.

Но в самом тяжелом положении оказалась свидетельница, та самая девица с автобусной остановки, которая нас увидела минут за 15 до этого, да и с Владиком была едва знакома. Эта девушка вообще ничего не понимала. Она начала нервничать:

— Ребят, а что такое?

Ей объясняют: у нас свадьба. Но она не врубается:

— А почему такая странная?

Я говорю, тут, мол, сложные отношения.

— Родители, что ли, не дают разрешения?

— Да нет, командировка за рубеж. Срочно надо. Уезжать через два дня.

— Ну все равно. Собрались бы, посидели как люди, каких-нибудь родственников пригласили.

Ко всему прочему, она увидела нашу машину и то, как начальница ЗАГСа вокруг нас бегают. И по-настоящему испугалась. В ее глазах стоял ужас: куда она вообще попала? И под чем она поставит свою подпись? Свидетельница начала ломаться и искать пути к отступлению. Но тут Владик ее просто толкнул и бросил что-то типа «подписывай, сука». И она подписала.

Засим мы отправились в гостиницу «Интурист», которую сейчас уже разобрали, в ресторан «Звездное небо». Все так же вчетвером посидели за столом. Счет за этот обед у меня до сих пор лежит дома — там что-то около 60 рублей. Мы сидели, вели неспешную беседу, закусывали. Свидетельница напилась, распоясалась. И начала кричать: «Ну, ребята, вы мне все-таки объясните, что это

было. Я что-то ничего не поняла. Кто куда уезжает?» Мы ее успокаивали, но ничего не объясняли.

Однако сильнее всего свидетельницу потряс финал этой сцены. Когда мы вышли из ресторана, Владик повез свою девушку домой, а мы, молодожены, разъехались в разные стороны. Вернее, сперва мы заехали домой к Татьяне, где нас уже ждали ее родители. Они нас поздравили. Мы посидели час и тогда окончательно разъехались.

Утром я позвонил Владику и говорю: «Как дела?». Он: «Отлично! Ленка уже пылесосит ковер. Я ее тут зарядил на уборку». Она оказалась очень гибкой девушкой, и в дальнейшем он с ней длительное время дружил. И все те годы, что они общались, она донимала его одним и тем же вопросом: «Ну, что-то вы мне не договариваете насчет той истории. Что это было, я понять не могу».

А дальше все пошло не совсем так, как мы планировали. У нас с Татьяной сохранялись хорошие отношения, хотя семейной такую жизнь назвать было трудно. И тут свою линию начала гнуть ее мать. Она стала говорить ей: понимаешь, Таня, тебе 17 лет. Ты уедешь за рубеж, ты не будешь учиться. Он же учился, он же окончил МГИМО. А ты-то без диплома. Что же получается — останешься домохозяйкой? Даже если ты будешь заочно учиться — это не учеба. Ты оторвешься от нас. И что дальше? Для тебя было бы лучше сделать так, чтобы вы пока остались здесь. Зачем торопиться? Ты поучишься, а потом уже можно поехать в заграникомандировку.

Мама переубеждала Татьяну очень тонко, хитро. Не в лоб. У нее были свои цели. Вероятно, она опасалась, что с отъездом Татьяны семья даст трещину. А если и не даст, то, во всяком случае, потеряет какой-то смысл. Таня была своего рода цементом этой семьи. Родителям Тани хотелось, чтоб зимой по воскресеньям зять с дочкой приходили, ели осетинские пироги, разговаривали, приезжали бы

родственники. А тут бах — и все уехали куда-то, тем более далеко и надолго.

Мы должны были уезжать почти сразу после окончания курсов, то есть через год. А она завела этот разговор сразу после регистрации. Ей казалось, что возможно как-то перекоммутировать наши планы. Убедить, что мне лучше сперва здесь некоторое время поработать, а уже потом...

Как раз в это время Таня должна была пойти в мидовскую поликлинику и пройти медобследование. Жены всех слушателей спецкурсов обследовались, чтобы подтвердить, что у них нет никаких противопоказаний к поездке. Но моя супруга по непонятным мне причинам эту процедуру оттягивала. Я поинтересовался: «Тань, почему ты не прошла медобследование? В чем, собственно, проблема?» «У меня не было вчера времени», — отмахнулась жена. Вижу, Таня начала тупить: то она не может, то она забыла, то еще что-то. Наверное, имеется какая-то причина, которую она боится объяснить мне открыто.

Я ее прижал. Говорю с нажимом:

— Тань, что такое? Я чего-то не понимаю. Нам нужно сдать справку.

И тут она мне сообщает:

— А может, нам не стоит туда ехать?

— Знаешь, Тань, мне не нравится, что изначальные договоренности начинают ломаться. Не то, что я такой заточенный ехать в Женеву. Но если с этого начинается, дальше будет больше. А может, нам то, а может, нам се. Мне не нравится, что вдруг идет перекоммутация. Что вообще происходит?!

У Тани в этой истории был свой интерес. Не то чтобы она очень хотела учиться, но она боялась попадания в новую среду, где нет подруг, где нет страховки папы. Где вообще ничего нет. Совершенно другой мир дипломатов. Чем эта командировка может закончиться, непонятно. Таня походила на пару приемов для сотрудников МИДа

и как-то затосковала. Она понимала, что она молодая, маленькая, ей всего 17 лет, а там серьезные тетki. И ее все это стало просто пугать. Конечно, сейчас, с позиции своего опыта, я повел бы себя по-другому. Попытался с ней поработать, что-то объяснить, дипломатию определенную проявить. Но тогда я был порезче. Меня раздражала игра за моей спиной. Вдруг что-то там придумали и ставят меня перед фактом.

Я заявил: «Таня, давай так. Завтра, как штык, ты должна быть в мидовской поликлинике. Если ты там не будешь — мое отношение к тебе резко изменится».

На следующий день днем, в два часа, я позвонил (мы по-прежнему жили порознь) и спросил: «Тань, ты была в поликлинике?» — «Ой, ты знаешь, я не успела!» В общем, начались те же бляения. «Тань, в общем, я все понял» — и бросил трубку.

Дело пошло к разводу. Процесс разрыва начал набирать обороты. Я изложил ситуацию моей матери. Она была на моей стороне, потому что ей тоже не понравилось, что они начали какую-то закулисную игру.

А Таня с ее мамой, судя по всему, по-женски поработали с главой семейства. Это тоже особенность Кавказа. Напрямую, может, никто ничего заявлять не будет, но тихой женской дипломатией создастся определенный фон. Они помаленьку его обрабатывали: «может быть, ей сейчас так лучше будет», «на ноги встать», «потом поехать», «что ж сразу так»...

Ее отец был всегда очень занят. Работал с утра до ночи. Он был помощником Алиева в тот момент. А последний год был особенно сложный: как раз случилась авария теплохода на Волге возле Ульяновска. На работе был аврал.

После этого мы с Таней практически не виделись. А еще через несколько недель развелись. Все было сделано быстро и технично. Претензий ни с одной стороны не

было. Не было ни ругани, ни оскорблений, ни угроз. Обе семьи пришли к выводу, что так для всех будет лучше.

Но получилась странная ситуация. Я был уже на курсах — и учился, находясь в разводе. Формально женился, через полгода развелся. Мне никто не звонил, не давил. Я доложил начальнику курсов, что такая вот история. Он развел руками: ну, что поделаешь — жизнь! С курсов меня не отчислили. Тем не менее перспектива моей поездки в Женеву оказалась весьма призрачной.

Потом я Татьяну видел периодически. Но не чаще, чем раз в три года. Как мне кажется, она переживала, что так все получилось. Она однажды сказала, что по-детски не оценивала всей странности ситуации.

Потом она жила отдельно от родителей. Как я понимаю, они были не слишком довольны ее личной жизнью. Танины ухажеры не соответствовали запросам ее семьи.

А отец по-прежнему работал в правительственных структурах, и мы с ним периодически созванивались. И я помню необычный звонок на Новый 97-й, не то 98-й год. Я уже был председателем думского комитета по геополитике.

31 декабря. До откупоривания шампанского остаются каких-то 2—3 часа. Я все еще на работе. Вдруг трещит правительственный телефон. Интересно, кто это в такое время? Снимаю трубку. Это Константин Владимирович: поздравляю, Алекс, всего тебе самого лучшего.

В общем дипломатические отношения у нас с ним сохранились, но никакой близости уже не было. Забавно и то, что я больше никогда не видел свою свидетельницу.

Следует сказать, что я смотрел на брак — так подготовили меня родители — как на некое системное решение. То есть не как на юридическое оформление сердечного влечения. А именно как на продуманное, взвешенное, системное решение, подобное, например, поступлению в институт. Которое, конечно же, не может без чувств осуществляться, но, тем не менее, человек должен понимать, с кем он связывается. С какой семьей, какие люди за этим

могут стоять. Я не принадлежал к той категории людей, которые готовы прыгать в обрыв загнув глаза. Делать какие-то шаги в неизвестном направлении. В этом плане ситуация с Татьяной мне нравилась, меня устраивало, что мне было все известно о невесте. Хорошие отношения между нашими семьями значили для меня если не все, то многое. Нельзя говорить, что это была задумка с целью фиктивного брака. Я искренне рассчитывал, что смогу создать с Таней семью, что нас ждут годы счастливой совместной жизни в Москве, Женеве, еще где-то, куда забросит судьба...

Эта история стала мне уроком на всю жизнь. Я понял, что так ультимативно ставить вопрос, как я его поставил, нельзя ни при каких обстоятельствах. Надо быть более осторожным, аккуратным. Всегда есть шансы убедить человека. Тем более можно было переубедить Татьяну. Она очень слушалась меня. Она испытывала ко мне огромный пиетет. Не так часто я встречал людей, которые бы так ко мне относились, как она. В ее глазах я был на тот момент почти небожитель. Человек, о котором она с двух лет постоянно слышала. Она - школьница, а я - студент МГИМО, дипломат...Все это выглядело пиком советского счастья. Я был уверен, что ей хотелось вырваться за пределы родительского дома. Там был гнет. Не то чтобы гнет жесткий, скорее либеральный. Но все равно прийти домой после девяти нельзя. Сразу начнутся вопросы: с кем ты ушла, кто тебе звонил. И даже, я помню, она меня просила ее поддержать: «Я с подружкой пойду в кино. Скажи, что я с тобой, а то они меня не выпустят».

ПЕРВЫЙ ГРОМ КАВКАЗА

Знакомство с этой семьей дало представление о многих любопытных особенностях кавказского уклада. Так, однажды я обнаружил, что тесть перестал со мной общаться, явно на что-то обиделся. Спрашиваю у жены:

— Татьян, а почему отец со мной почти не разговаривает? Что происходит?

— Ты знаешь, отец обижается, что мы не посетили их на 9 Мая, не поздравили.

— Во-первых по телефону мы поздравляли.

— Нет, ну как по телефону, — отвечает супруга. — Это-

го недостаточно. Отец спрашивает, почему не приехали?

Я развожу руками:

— Да, собственно, никто не приглашал.

— У нас так не принято. У нас своих не приглашают. Считается так: если есть желание — люди к тебе едут. Нет желания — люди не едут.

— А у нас дома все зависит от желания и планов родителей. Если надо, они пригласят каких-нибудь знакомых и родственников. А что свои должны приезжать без стука, я такой темы не знаю.

Думаю: ну ладно, надо исправлять ситуацию. Через пару дней приезжаю на дачу тестя в Рублево. Это была дача МПС, хотя к тому времени он уже в этом ведомстве не работал. Хорошая дача: сосновый лес, лодки, река... И я оттуда просто не выползал, лежал в гамаке эдаким бездельником, принимал знакомых из Москвы. Бабушка по случаю моего здесь пребывания каждый день делала пироги. И парадоксально, семья Татьяны этому радовалась. Мои родители большого удовольствия по такому поводу не испытали бы. Чего хорошего - бездельник-зять, который ничем не занимается, приглашает гостей, валяется целыми днями? Но в их представлении это самый желанный гость. Ему слово нельзя сказать. Нельзя спросить «а что ты вообще здесь делаешь?» или предложить «сбегайка за хлебом». Он свой. А тем, что так долго и увлеченно здесь гостит, он выражает свое уважение к этому дому.

Особый статус родственников — одна из основных особенностей осетинского уклада. Родственники могли приехать в любое время, и их следовало принимать как

ников приезжали к Татьянинному отцу и говорили: «Мы соседи вашей тети Тамары. Мы у вас проживем 3—4 дня». Заявлялись без звонка. Их нужно было разместить, кормить, водить по Москве. И у меня даже был такой прикормленный частный гид. Который имел машину и хорошо знал столицу. Я ему звонил и говорил: приехали родственники. О, отвечал он, замечательно. Сажал их в свои «Жигули», возил по Москве, что-то зарабатывал на этом. Товарищ очень выручал, потому что иначе мне самому пришлось бы ими заниматься. То есть поначалу как раз я и ходил, но потом понял, что это слишком утомительное времяпрепровождение. Звонила Таня и спрашивала: «А ты не хочешь пройтись на Красную площадь?» Я понимал, что это значит: очередную партию родственников требуется водить по центру столицы. И с некоторых пор я стал отвечать так: «Могу, конечно, мне не трудно. Но у нас есть замечательный гид Толя. С ним будет лучше». И Толя возил.

И все-таки иногда я проявлял непростительную бестактность в общении с осетинскими родственниками. Я помню, Танин отец принес нам билеты на группу «Спейс». Группа была очень модной, билеты достать было весьма непросто. И он торжественно за столом вручил нам два билета. «Вот и отлично, - говорю, — я тоже достал два билета — будет четыре, и мы возьмем еще людей». И тут я заметил, что отец напрягся, помрачнел. Мое замечание явно испортило ему настроение. Ведь он хотел показать особое к нам расположение. Билеты достать трудно, но ради нас он готов расстараться. Он сделал это и дарит нам праздник. Но я, не сумев этот поступок оценить, бестактно заявляю: «Я тоже достал два билета, будет еще два». Так нельзя было делать. Надо было с благодарностью принять этот дар. Сказать: «Спасибо. Мы об этом мечтали. Вчера думали об этом, а сегодня чудо свершилось. Не верю своим глазам. Возможно ли это?» А я так

легко: «Ребят с собой возьмем». Он для дочери и зятя старался, а тут какие-то ребята... Смешно.

Был и еще инцидент. В газете «Правда» вышла моя публикация о студенческой практике. Кто, где и как практикуется в летнее время. Ничего не значащая, в сущности, статья. Но она почему-то сильно взволновала Таниного отца. Он мне позвонил, предложил вечером встретиться. Когда я подъехал, он мне укоризненно сказал: «Алекс, ты все-таки советуйся, особенно когда публикуешься в «Правде». Я тут открываю газету, вижу тебя и, конечно, мне странно, что я ничего не знал о том, что ты готовил такую публикацию. Понимаешь, «Правда» — это особый случай. Все фамилии, которые там мелькают, жестко отсматриваются». — «Послушайте, но тема-то пустая, про студентов». Он не согласился: «Нет. В этой газете ничего пустого не бывает. Это не какая-нибудь студенческая газета. А мы теперь в одной упряжке. Понимаешь, ты там что-то напишешь, а у меня будут неприятности. Так что ты давай теперь, согласовывай. Собрался писать что-то там, будь так добр, позвони и скажи. Я не претендую на то, чтобы тебе нечто советовать, но хочу быть в курсе».

Мне такая постановка вопроса была в диковинку. Я не ожидал, что если не приеду 9 Мая, это вызовет волну непонимания. Что легковесно таким вот образом принять билеты на «Спейс». Что не проанонсированная заблаговременно публикация статьи в «Правде» будет восприниматься как крамола. Моя мать только радовалась моим журналистским успехам. А здесь все было очень сложно. Тесть полагал, что такая вот несанкционированная деятельность может привести к непредсказуемому эффекту. Сегодня наш Филатов будет писать про студентов, завтра про академиков, дальше начнет чего-то там критиковать...

Я бы не сказал, что для нашей семьи кавказские нравы казались большой экзотикой. Моя мать была в эвакуации в Орджоникидзе, до этого жила в Чечне, где дед руко-

водил крупным пищевым предприятием. Бывала в Ачхой-Мартане, посещала станицу Ассиновскую. И я уже с детства знал, что Ассиновская — это в просторечье Асиновка. Это слово я слышал на каждый праздник, когда вспоминали военные годы. Вспоминали истории забавные и страшненькие. Например, как мою бабушку чеченцы полностью обокрали. Могли бы и убить, но, видимо, кто-то из тех, кто был в бурке и маске, узнал жену директора. На своем языке что-то растолковал поделщикам. И они ее не тронули. Но забрали все вплоть до гребешка из волос.

Так называемый кавказский вопрос, или чеченский вопрос — я слышал с детства. Хорошо усвоил версии матери и других своих родственников насчет того, в чем там проблема, кто там с кем чего не поделил. Поэтому, когда я десятилетия спустя в Думе слушал рассуждения на эту тему депутатов, которые всю жизнь прожили в Вологодской области и никогда не видели Кавказских гор, во мне просто все кипело. Что он там выступает — этот гражданин, который ничего не смыслит в кавказских делах?

В 1982 году, в апреле, за несколько недель до свадьбы, мы с матерью отдыхали в санатории «Красные камни», рядом с дачей Андропова. Весной 2005-го, когда пишется эта книга, в том же санатории, по моим сведениям, поправлял здоровье Ельцин с группой однокурсников. В этих же местах, как я уже рассказывал, мужал Горбачев.

После «Красных камней» мы не вернулись сразу в Москву, а отправились во Владикавказ (носивший имя Орджоникидзе), где у матери еще с послевоенных времен было много знакомых. Побывали и у родственников Татьяны. Владикавказ тогда только пережил волну национальных волнений. Об этом публично не говорили, но в октябре 1981 года происходили весьма серьезные события. Настолько серьезные, что были введены внутренние войска и приезжал разнимать противоборствующие стороны кандидат в члены Политбюро Соломенцев. Это бы-

ли первые осетино-ингушские волнения. Как всегда в таких случаях, началось с инцидента на бытовой почве: убили таксиста. Люди посчитали, что должного расследования не ведется, что убийство произошло на почве межнациональной вражды. Двинулись к обкому. Секретарь обкома Кабалоев сбежал в багажнике машины из здания. И там началась настоящая резня.

А крайними оказались русские курсанты. Как раз неподалеку от эпицентра событий располагалось пограничное училище. И этих мальчишек вывели на улицу, предполагая, что такая демонстрация силы усмирит погромщиков. Вывели без всякого оружия. Тогда вообще оружие не очень применяли. Эта мера, естественно, ничего не дала. В общем, город горел и бился целые сутки. Происходило то, что на нынешнем сленге называют беспределом.

Теперь уже ясно, что это была прелюдия кровавых событий в Пригородном районе. Резни, которая произошла через одиннадцать лет. Но и тогда в Осетии относились к происходящему со всей серьезностью. В городе только и разговоров было, что о драматичном октябре 81-го. Во всех домах говорили о том, как и почему все это началось, кто там погиб, кого ударили, кто был там.

А на многих очень сильное впечатление произвела последовавшая сразу после вспышек насилия праздничная ноябрьская демонстрация. Республиканские власти решили во что бы то ни стало провести мероприятие по всем канонам. При этом все боялись, что шествие может спонтанно перерасти в новую резню. Поэтому демонстрацию проводили с величайшими мерами предосторожности: буквально через каждый метр вдоль главной городской улицы стоял чекист или военный. И по этим коридорам из военных и чекистов текли ручейки демонстрантов. Они что-то выкрикивали, диктор озвучивал: «Да здравствует 7 Ноября, день Великой Октябрьской Социалистической Революции!» На трибуне стоял Ка-

балоев (это была последняя его демонстрация — вскоре его снимут). На нем был большущий, старого образца бронежилет. Он выглядел, как беременная женщина. Всех горожан невероятно возмущала эта история.

И вот мы приезжаем буквально через полгода после этих событий. Гуляем по Орджоникидзе, где, кстати, мне уже начали подыскивать невесту. Многие хорошо знали мою маму и воспринимали меня, начинающего дипломата, как весьма знатного жениха. А остановились мы, между прочим, у маминых приятелей — директора Осетинской киностудии и его жены, народной артистки республики. По тогдашним меркам это была элита элиты. Мы прошлись по всем родственникам, выпивали и закусывали. На меня поглядывали с нескрываемым интересом. Но везде шел разговор об этих событиях. Нас водили и говорили: « вот здесь, на этом мосту было большое столкновение», «здесь они упали», «здесь его в спину ударили». Публично же эти события обсуждали только осетинские радиостанции, остальные СМИ Советского Союза дружно молчали.

Одним словом, первые раскаты нынешнего кавказского грома прозвучали еще при Брежневе. В Чечне крупных инцидентов не фиксировали, но, с другой стороны, там всегда было неспокойно. Я вспоминаю, как отец спросил однажды у Махмуда Эсамбаева: «А как чеченцы к русским относятся сейчас?» На что хитрый и мудрый Махмуд ответил: «Им сейчас не до русских, они разбираются с ингушами». У них всегда сложные отношения были. Отношения братьев, но все равно сложные: кто старший, кто младший? Ответ Махмуда был очень тонким, потом я его оценил. Ведь проблемы в Чечне начались с того, что разделили Чечено-Ингушскую республику. Это была одна из крупнейших ошибок демократических реформаторов. Дело в том, что пока они были в одной республике и решали вопрос, кто из них будет править, соблюдался определенный баланс. Периодически руководили то чеченцы, то ингуши, то русские. Пока два народа были заняты

друг другом, Москва могла не волноваться. Но когда они разделились, появился опасный интерес к Москве.

Отец спрашивал у Эсамбаева: «Махмуд, скажи, а что за народ чеченцы?» Тот в ответ излагал целую притчу:

— У нас в обкоме был большой начальник. Я кладу ластик в рот, чтоб он мой голос не узнал, звоню ему и говорю: «Ты, скотина, животное. Придет время, и мы с тобой рассчитаемся». Тот, задыхаясь от ярости, кричит: «Кто? Кто со мной так разговаривает?!» — «Нормальный честный человек, — отвечаю. - Если ты честный человек, выходи сейчас на улицу, в подворотню дома номер 9, и мы поговорим как мужчина с мужчиной». Тот говорит: «Да, я выйду». — «Но если ты, сука, приведешь с собой ментов или еще кого, считай, ты не мужчина». Он говорит: «И ты никого не приводи!» - «И я». Через час подхожу к этой подворотне, там в пальто он мечется. Машина брошена за 100 метров. Я подхожу и кошу под дурака: «Здравствуй, дорогой. Ты что здесь делаешь?» А тот: «Махмуд у меня тут дело важное, проходи, потом поговорим». Интересуюсь с ухмылочкой: «А что за дело? Не звонок ли телефонный вытащил тебя на улицу?» — «Какой звонок? А ты откуда знаешь?» — «Да потому что это я тебе звонил. Пошутил над тобой». — «Слушай, Махмуд, если б ты не был Махмудом, и я тебя так не знал, и ты не был таким великим, я бы тебя прибил прямо щас. Но поскольку ты человек такой серьезный, я тебя прощу, но ты сука страшная». — «Прости. Я готов тебе это компенсировать. Я решил проверить: мужчина ты или нет». — «А ты сам-то мужчина?» И тот по новой начинает заводиться.

И ведь это были лучшие, это были секретари обкомов, райкомов. Самые сознательные и политически грамотные. И даже таких можно было завести с полоборота...

Конечно, брожения и воинственные настроения там были всегда. Всегда были сложные отношения вайнахов с осетинами. Я это с детства осознавал.

После окончания курсов ООН мне не пришлось ехать в длительную командировку. По ооновским офисам разъезжали другие товарищи по курсам. Я был к тому времени в разводе, и мне такой путь был заказан. Я остался в России. Это определило мою судьбу.

Пошел в аппарат МИДа. Стал ездить в среднесрочные командировки — на месяц-два-три. Одна такая командировка на полгода случилась в Вену. И это оказалась самая знаменательная командировка в моей практике. Получилось так, что я попал в особое время в особое место. Дело в том, что меня отправили работать в секретариат МАГАТЭ — агентства по атомной энергетике. И именно в то лето, когда я оказался в Вене, Советский Союз расхлебывал последствия чернобыльской катастрофы. А мое агентство, естественно, было на острие этих проблем, в эпицентре мирового внимания.

Чернобыль произошел 26 апреля 1986 года, моя командировка заканчивалась 20 декабря. В известном смысле мне повезло. О Чернобыле писали во всех мировых газетах, а я был в центре этих событий. И обо всех мероприятиях, связанных с ликвидацией последствий аварии, получал информацию из первых рук. Я хорошо помню, как приезжал в МАГАТЭ тогдашний министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе. Как его принимали, как готовили эту поездку...

Когда пошла первая информация по Чернобылю, все кинулись к нам, русским сотрудникам МАГАТЭ, с запросами. Помню, мы как раз ехали в лифте агентства. И все коллеги приставали:

— Что у вас там происходит?

— Да все нормально, все под контролем.

— Нет. У вас там жуткая авария. Утечки зарегистрированы там-то и там-то.

Да нет же. Все нормально.

Мы действительно поначалу имели весьма скудные сведения и смутные представления о случившемся.

И наш посол ловил западные голоса, чтобы быть в курсе, что же на самом деле происходит в Чернобыле. Потому что мы запрашивали МИД, а нам упорно говорили: ничего, все в порядке. Западники начали мучить нашего посла, тот, в свою очередь, нашего представителя в атомном агентстве. А последний вообще ничего не знал. Но ему не верили, перешептывались: он все скрывает. В итоге у советского посла была надежда только на иностранные голоса — может, там прольют свет.

Секретность была полная. В МИДе невозможно было ничего узнать. На все вопросы следовала лаконичная формулировка: произошла авария, последствия выясняются. Впрочем, вскоре масштабы аварии и ее последствий мне стали ясны. Я перелопатил кучу материалов, докладов, которые у нас представляли. К тому же на все слушания и конференции по Чернобылю в МАГАТЭ приезжали десятки людей из Союза, крупных специалистов, наших академиков. В числе прочих побывал академик Легасов, с которым мы коротали вечера (он руководил ликвидацией последствий аварии).

Преимущество мидовского сотрудника, не женатого, заключается в том, что у него до хрена свободного времени, а командировочным некуда деваться в другой стране. Тем более ситуация была довольно мрачная. Ну в магазин можно было сходить. А вечерами мы сидели с приезжими специалистами и беседовали за бутылочкой. Таких ночных разговоров было много. О Чернобыле я узнал все. Наверное, столько, сколько я услышал об этой аварии, не слышал никто. Передо мной был весь спектр мнений и впечатлений: от рассказов пожарных до рассказов Легасова. Это были разные версии. Но в целом картина вырисовывалась.

Так, стала ясна точная причина аварии. Как это ни парадоксально звучит, чернобыльская катастрофа произошла из-за того, что один человек торопился на рыбалку. Имя этого человека Валерий Ходымчук. Это был оператор, который погиб во время аварии, но он же был и

главным ее виновником. Он проводил штатные мероприятия. И в связи с тем, что утром его компания уезжала на рыбалку, свою работу Ходымчук решил выполнить ночью. Уже самым выбором такого времени он нарушил регламент процедуры. Но особенность этой истории заключается в том, что он совершил последовательно несколько грубых ошибок. Он 4 раза принимал решения, и 4 раза это были ложные решения. Этого практически не бывает. Вероятность подобной цепочки проколов, как сказал Легасов, сравнима с тем, как если бы вы простились со своей женой, сели в самолет, прилетели в Бангкок, зашли бы наугад в какое-то заведение, оно оказалось борделем и там бы вы встретили свою жену, которая должна быть в Москве, дома. Вероятность такой последовательности близка к нулю. Но именно это произошло. Человек совершил одну за другой 4 роковые ошибки. Не специально, а просто потому, что торопился на рыбалку. Абсолютно русская история.

У американцев тоже были аварии, другого класса, но тоже крупные. В Род-Айленде, например, очень серьезное ЧП случилось. Но такой масштабной катастрофы, как у нас, конечно, не было. Отсюда и разговоры, что наши реакторы РБМК — дерьмо, что у нас не создана надлежащая система защиты. Это пустой разговор. Рвануло только в 1986 году в Чернобыле. Ни до, ни после ничего подобного не случалось.

Надо сказать, что когда рвануло, понимания глубины аварии ни у кого не было. Жители Чернобыля загорали в этот день на своих балконах. Никто не понимал, что происходит. Ну, горит что-то на станции — мало ли... Когда людей выселяли из 30-километровой зоны, многие недоумевали, зачем уезжать, если и так все спокойно. Мне рассказывали, что в ряде деревень людям говорили, что насчет аварии — это все вранье, а на самом деле немец наступает. И это на людей производило гораздо большее впечатление. Они привыкли, что им все время врут. Но война выглядела более правдоподобным поводом для эвакуации,

чем какая-то авария. «Вы же понимаете, вам не скажут правды, — объяснял представитель властей. — На самом деле началась война». Люди говорили: «Как война?» — «Да, война». Селяне эту тему знали, это были люди старшего поколения. И они начинали тихо собираться. А им говорили: «Только вы помалкивайте. Мы эту информацию особо не распространяем. Тихо уезжаем. А там посмотрим, как будут развиваться события». Но невозможно было убедить людей, что поводом для переселения может являться авария на предприятии.

Чернобыль был мощнейшим ударом по советскому строю. Когда проверялись на прочность все системы: идеологическая, политическая, экономическая. И приходится признать, что Советский Союз оказался достаточно устойчив в большинстве сфер — кроме одной, идеологической. Наше поведение было странным, местами немотивированным, попытки все секретить и ничего не разъяснять даже тому населению, которому такое разъяснение было жизненно необходимо — все это вызывало отторжение.

А вот технологически мы действительно справились с этой аварией своими силами. Были задействованы огромные ресурсы. И все-таки удалось нивелировать последствия катастрофы без посторонней помощи. Я задаюсь вопросом: а как бы мы сейчас справились со столь крупной аварией? К какого масштаба политическому и экономическому коллапсу привела бы в наши дни трагедия, подобная чернобыльской?

Конечно, и тогда не все делалось и проектировалось по уму. Так, среди вариантов, которые поначалу предлагались правительственной комиссией, был, например, такой полуфантастический проект: налить озеро вокруг 4-го блока, купить катера и с катеров брандспойтами тушить пожар. То есть даже правительственные спецы не до конца осознавали всю глубину произошедшей трагедии. Организация работы спасателей тоже оставляла желать лучшего. Все запомнили первую бомбежку реактора

с вертолетов мешками, набитыми песком. Но мало кто знает, что сами вертолетчики эти мешки и наполняли, таскали, грузили в вертолеты, а потом садились за штурвал и направлялись к месту «бомбардировки». Командир вертолетчиков жаловался московским чиновникам: «У моих людей руки дрожат, а они должны точно метать, а не мешки собирать!»

Все эти воспоминания живых свидетелей день за днем звучали в моей венской квартире. Я был молодой сотрудник МИДа, они — умудренные жизнью люди. Но за бутылкой кое-что все равно срывалось с языка. Играло свою роль и то, что я жил без жены, занимая при этом трехкомнатный номер на первом этаже в здании старого советского представительства. Этот номер был когда-то правительственным, но потом построили новое представительство, а «устаревшие» апартаменты перепали мне. В Вене я повадился готовить. Купил две серьезные поваренные книги. Подумал, а чем бабы умнее? Закупил несколько кило мяса по дешевке, прямо на мясокомбинате, всяких колбас, забил холодильник. Открывал книжки и начинал колдовать на кухне.

И слух о том, что я готовлю нормальную жаренку, стал влиять на местное русскоязычное население, особенно на командировочных специалистов. И то один, то другой академик ко мне эдак деликатно подходил: «Слушайте, Алекс! Вы, говорят, там что-то готовите». — «Конечно, — отвечаю, — милости просим». И вечером я их с удовольствием приглашал отведать говядины по-французски, запеченной в сыре. Под водку мои блюда шли «на ура». В Москве, когда жены под боком, особенно не разгуляешься: и в гостях не засидишься, и дома не в кайф. А здесь — свободный человек в свободном мире.

Многие сотрудники МАГАТЭ, особенно ученые, стремились тогда поехать в Чернобыль, в зону поражения. Посмотреть, что там происходит. Оценить последствия беспрецедентной техногенной аварии. Ведь это был, помимо прочего, огромный научный полигон. Но Совет-

ский Союз жестко стоял на своем: «Нет. Не бывать иностранному специалисту на нашей зараженной земле». Ведущими странами предлагались огромные деньги, чтобы хоть небольшие группы специалистов могли провести исследования на месте катастрофы. Я видел людей, которые мечтали туда поехать. Они понимали: научным бестселлером станет любая книга, написанная ими по итогам даже небольшой «экскурсии» в зону ЧП. Скажем, исследование о продовольственных цепочках в Чернобыле. Или о том, что там происходит с животным миром. Это будут важнейшие данные.

Вообще по составу МАГАТЭ видно, что это самая серьезная из всех международных организаций, какие только существуют на планете. Она принципиально отличается от всевозможных политических структур с этим сонным царством бюрократов. Это видно даже по стилю и ритму работы. Заходишь в один кабинет центрального офиса Агентства - там люди читают газеты. Заходишь в другой — там люди пишут на доске формулы. Спорят о чем-то. Ты понимаешь, что там, где читают газеты, сидят разведчики. А те, что спорят, — физики. Не физики в погонах, не чиновники, а настоящие ученые, толкающие науку. Горящие желанием решать актуальные проблемы. И создающие в своей организации живую, творческую атмосферу.

В соседнем кабинете работала молодая арабка, из кувейтской правящей семьи. Она приходилась племянницей эмиру. А в тот момент постоянно жила в Вене, здесь у нее была огромная роскошная квартира. Вела вполне независимый образ жизни. К себе на родину ездила только раз в год.

Такая очень богатая и вместе с тем утонченная восточная красавица. В средствах она была совершенно не ограничена. И явно хотела жить по западным стандартам. Вплоть до готовности выйти замуж за обычного европейца.

Она часто заходила ко мне. В основном по делу: она

переводила доклады по ситуации вокруг Чернобыля на арабский, и какие-то термины и географические названия ей было проще уточнять у меня. Начальство, видя, что эта восточная княжна ко мне зачастила, стало напрягаться: «Эй, Филатов, что это она у тебя топчется?» Особенно их смущало именно то, что эта девица была благородных кровей.

А мы с ней действительно подружились. Я бывал у нее на квартире, хотя совершал эти визиты предельно аккуратно. Все-таки я жил в советском представительстве, она жила в городе... И впервые от нее я услышал много интересного про ситуацию на Ближнем Востоке. Именно она мне рассказала, что в этой части Азии все боятся Саддама Хусейна. Так и было сказано: Саддам — самый серьезный человек, который рулит Ближним Востоком. Я говорю: «Но вы же независимые. Под покровительством американцев находитесь». Она качает головой: «Это все ваши разговоры: американцы, русские, контроль... В самой нашей деревне, на арабской улице самый сильный парень — это Саддам. И, конечно, все, что происходит с ним, всех сильно беспокоит. Кому-то в радость, кому-то нет. Но дядька очень серьезный».

Пристрастился я ходить и в Венскую оперу. Даже вошел в своеобразный клуб любителей Венской оперы. Там я впервые встретил живого Паваротти. Это было 20 лет назад, и Паваротти смотрелся гораздо свежее...

Встречи в Вене были примечательными и запомнились на всю жизнь. Однажды я принимал генерала, крупного пожарного начальника, который никогда прежде не выезжал за рубеж и впервые был командирован в связи с этими всеми чернобыльскими событиями. Побывал в Вене на нескольких симпозиумах по безопасности ядерных объектов. А потом, как водится, мы отправились на культурную программу в Зальцбург. На большом комфортабельном автобусе. Дорога дальняя, ведем светскую беседу. Вдруг чувствую, что ему плоховато стало. Вижу, он зеленеет. Обращаюсь к нему, а он практически уже не отвеча-

ет. Я говорю: «Вам плохо?» А он: «Да нет. Ничего, так». Но искренности в голосе нет. Через несколько минут он не выдерживает и все-таки признается: «Алекс, мне плохо. Останавливай автобус. Я хочу в туалет. Не могу больше терпеть. Останавливай!» Я говорю: «А что останавливать? Идите за мной». Завел его в автобусный туалет, который был сбоку. Открыл дверь: «Вот пожалуйста, все, что вам нужно». Он туда прямо ломанулся. Я закрыл дверцу, постоял, подождал. Наконец он вышел — такой облегченный и опустошенный — и восхищенно воскликнул: «Ну надо же, сортир в автобусе! Ну кто это мог придумать? Кто мог знать? А я мучался, погибал. Думал, неудобно останавливать целый автобус. Да ведь и на дороге посать негде: везде дома, деревца... Не то, что у нас в лес пойдешь. Ни леса тебе, ни кустов нормальных. Что делать-то?»

Так, я думаю, советская власть потеряла в этот день еще одного своего яркого и влиятельного сторонника. Человеческая психика разрушена. Туалет в автобусе, никто не ожидал. Новое явление природы. Генерал был просто потрясен.

Потом с ним же мы отправились на пляж. А тогда только пошла мода загорать *topless*. И когда генерал увидел кучу девушек без лифчиков, он передумал снимать спортивный костюм. Я говорю:

— Ну что же вы? Давайте загорать!

- Нет, нет. Я так.

Чуть позже, подумав, майку он все-таки снял, но брюки отказался снимать наотрез. И начал ворчать:

— Это что, они специально у нашего посольства устроили такую демонстрацию?

— Да нет же. Они тут просто загорают. У них так принято.

Он изумляется:

— Ну надо же. С ума сойти можно: с сиськами голыми ходят.

Это было уже второе потрясение, которое тоже жестоко подрубило советского генерала.

Глава пятая

Эта глава о том, почему в России возможен 37-й год, о том, что собой представляли первые леди Советского Союза, о том, как Раиса Максимовна следила за имиджем семьи Горбачевых, а также о том, как работает американская реклама и как США захватывают рынки

ШЕВАРДНАДЗЕ БОРЕТСЯ С СЕМЕЙСТВЕННОСТЬЮ И АЛКОГОЛИЗМОМ

В МИДе я работал в очень специфическое время. Уже ушел Громыко, и на Смоленской площади появился Шеварднадзе. Об Эдуарде Амвросьевиче надо сказать отдельно. Конечно, о нем уже очень много всякого писалось и говорилось в разное время, но период его работы в МИДе, взгляд на это изнутри самого министерства все-таки требуют отдельного освещения.

Скажу сразу: когда главой ведомства назначили Шеварднадзе, мидовские сотрудники не были в восторге от этого решения. Оно было очень неожиданное, совершенно непонятное — более того невероятное — и уже тогда нарушало принципы аппаратной работы ЦК КПСС. Все-таки столь неожиданных назначений не было. В дальнейшем, уже в перестройку, мы привыкнем к подобным кадровым странностям, а в эпоху Ельцина вообще перестанем чему-либо удивляться. Но тогда это было первое неожиданное назначение, которое всех поразило. Начать с того, что Шеварднадзе вообще не имел никакого опыта дипломатической работы. Он никакого отношения не имел к этой сфере. С другой же стороны, все понимали, что у него большой политический вес и он близок к генеральному секретарю. Поэтому с новым начальником придется считаться.

Конечно он не очень хорошо разбирался в международной политике, но он был хитрым грузином. Этого у него не отнимешь. А у кавказцев политический нюх в крови. То, что они не знают, они чувствуют на уровне интуиции.

Шеварднадзе начал с того, что решил взять под контроль аппарат и немножко его устрасить. Ну, наверное, как любой руководитель. Как бы замкнуть эти службы на себя. Новых людей он почти не привел за исключением Теймураза Степанова, человека, который работал когда-то в «Известиях» и потом ушел с ним вместе. В остальном новый министр предпочел опираться на старые кадры — но не на все. Приход его на Смоленскую площадь ознаменовался жесткой борьбой с так называемым «засильем семейственности». По сути, это была первая кампания, которую он начал.

Вспоминаю дурацкие собрания, на которых коллеги вставали и говорили: «Я сотрудник МИДа, мой сын работает в Дипломатической академии, работает со мной в одной системе, но у нас нет с ним прямого служебного соприкосновения. И если надо, пусть он уйдет из системы. Я тоже за это, поддерживаю меры, которые осуществляет сейчас Эдуард Амвросьевич по борьбе с семейственностью и протектированием в системе МИДа. Я считаю, что это правильная политика». И так каялись все, потому что у всех родственники работали в системе МИДа.

Но больше всего досталось родственникам Громыко. Естественно, что за 28 лет министр Громыко имел много, если можно так выразиться, своих людей. Не родственников, а скорее учеников. Фактически им было выращено два поколения дипломатов (если считать, что одно поколение — это 16 лет). Эту многочисленную когорту можно было назвать птенцами гнезда громыкинского. Конечно, многие люди были с ним и друг с другом связаны не только служебными отношениями.

Прежде всего поплатились люди, которые занима-

лись кадрами. В частности, был снят с работы Валерий Цыбуков, который был близок к семье Громыко. На смену пришли новые люди по цековско-кагэбэшной линии. Этих людей привел сам Шеварднадзе, имея в виду, что новые чиновники не завязаны с семейством Громыко.

Вообще, с самого начала эта кампания была очень неприятная, характеризовалась всяческим сведением счетов — как это бывает в подобных случаях. И тогда мне стало понятнее, каким образом крутились шестеренки в 1937 году. Если бы новые кремлевские начальники были пожестче, запустить по второму кругу колеса 37-го года им бы ничего не стоило. Опять полетели доносы. Затем начались чтения закрытых писем о поведении советских дипломатов за рубежом. Запомнилось горячее обсуждение одного из таких крамольных эпизодов — о том, что в Индонезии группа наших посольских сотрудников якобы ходила в публичные дома. Их там застукали, и ряд дипломатов, в том числе одного моего коллегу по институтскому курсу, убрали с работы.

Дальше в МИДе разгорелась идиотская борьба с употреблением спиртных напитков. В частности, погорел один посол, который написал Шеварднадзе телеграмму примерно такого содержания: «В связи с вашими указаниями возникает два вопроса. Первый: что делать с тем запасом спиртного, который уже накоплен в посольстве? Второй: что делать, если в жарких странах по медицинским показаниям надо употреблять немного алкоголя?» Посла сочли политически близоруким и приказали ему сдать дела и вернуться в Москву.

Так сложилась моя судьба, что я помимо Андропова близко соприкасался и соприкасаюсь с семьей Громыко, и в МИД пришел не без их помощи. Скажу еще более откровенно: в частности, не без помощи зятя Громыко Александра Сергеевича Пирадова, который помогал очень многим людям, включая Игоря Иванова, делать карьеру на Смоленской площади. Игорь Иванов, как известно,

наполовину грузин. А Александр Сергеевич Пирадов тоже имеет грузинские корни. Его отец был в сталинские годы военным прокурором, по-моему даже военным прокурором СССР. В общем, занимал очень крупные должности. Он с Кавказа и, естественно, был связан с правящими тогда товарищами. Александр Сергеевич одно время был женат на дочке Орджоникидзе и жил в Кремле на одной лестничной площадке со Сталиным. А второй его женой была дочь Громыко. Звездный зять.

К тому времени, когда я заканчивал МГИМО, Александр Сергеевич пользовался в МИДе очень большим авторитетом, а ко мне относился фактически по-семейному. У меня были очень хорошие отношения с дочерью Громыко Эмилией Андреевной. С Милей — как ее называли близкие. Я, собственно, и не скрывал дружбы с этой семьей. Приходил к Александру Сергеевичу на работу, консультировался. И при его непосредственном участии меня взяли на службу в МИД.

Вполне естественно, что когда у руля в министерстве встал Шеварднадзе, у меня начались неприятности по службе. Мелкие доносы, маленькие пакости, какие-то неприятные шушукания... Все это давало ощущение нервозности, неопределенности.

Чувствовал, что кольцо сжимается, что пошла минусовая динамика.

Ясно, что не сам Шеварднадзе все это делал. Поступила команда «Фас!», и все с большим удовольствием начали ее исполнять. Маленький 37-й год — без кровавых репрессий. Через много лет после тех событий я увидел фильм Дмитрия Месхиева «Свои», который меня поразил. Фильм рассказывает о начале войны: как вдруг свои начали сводить счеты со своими. На селе, как только пришли немцы, кто-то стал старостой, кто-то полицаем. И те, кто возвысился, начали мстить за старые обиды, унижать и убивать своих земляков, соседей. Во всем фильме нет ни одного немца. Точнее, немцы появляются буквально на

полминуты — проносятся мимо на мотоциклах. В остальном же идет война между своими.

Абсолютно понятная мне картина. Это по-нашему. Именно то, что я видел в МИДе и потом тысячу раз в московской политике. Только кинь клич, и все бросятся друг друга сжирать. И когда говорят о сталинских репрессиях, возникает вопрос: ну не сам же Сталин со своими грузинами приходил вас забирать? Это делали самые обычные люди: кто-то писал, кто-то хватал, следователи аккуратно заводили дело, кто-то исполнял приговор. И вся эта машина работала. Сталин ее только запустил. Значит, в обществе это глубоко сидит. И идет испокон веков. Вспомним историю: один князь уничтожал другого, стучал на него татарам, насылал татар, те сжигали города. А ведь князья были кровными братьями. С тех пор мало что изменилось.

Мне один человек рассказывал, что произошло в селе, в Волгоградской области, где жили его родители, после их смерти. Как только прошли похороны и дом опустел, селяне буквально разнесли дом, все вещи вынесли, вытащили все по кускам, разобрали чуть ли не до гвоздика. Вели себя хуже мародеров. Когда сын узнал про все эти дела, он просто разуверился в человеческом роде. Ему не жалко было вещей, но он был в шоке от того, как повели себя «милые соседи», которые совсем недавно ходили в гости, пили чай, расхваливали варенье. А как только хозяева умерли, превратились в жестоких мародеров. Мало того, некоторые из грабителей приходились родственниками. Вот что страшно.

Он приехал и устроил в этом селе форменную облаву. Он крупный человек, привлек определенные силы, и в селе была проведена жесткая зачистка. В каждом доме искали вещи родителей. Он сперва думал, что найдет одного-двух жуликов, которые все стащили. Но выяснилось, что стащила вся деревня. У всей деревни нашли какие-то вещи родителей. Произошло как в известном библей-

ском сюжете: не один, не два, но абсолютно все жители Содома пришли требовать выдачи и расправы над ангелами, остановившимися в доме Лота. После чего городу был вынесен окончательный приговор.

Произведенное открытие моего приятеля убило. Он хотел расправиться с вором, а ворами были все. И он плюнул, подарил этот дом каким-то своим дальним родственникам и уехал. Он мне рассказывал: «Я даже не думал, что такое может быть. Оказывается, может».

А я в этот момент вспоминал МИД. Могло ли быть так в МИДе? Абсолютно! Только запусти эту машину. Это в нашей российской традиции. Это те вещи, которые, как мне кажется, не понял Ходорковский. Он думал, что это невозможно в принципе. Он думал, что есть какой-то уровень, на который ты забираешься — и все, ты прошел точку невозврата, как в авиации. Тебя там не съедят. Нет. Тебя съедят всегда и везде. Это ты хорошо должен усвоить: в России нет и никогда не было такой точки невозврата. Тебя всегда съедят и с большим удовольствием. И никто не поднимется за тебя, даже если ты будешь 100-процентно прав. Это никого не интересует. Может, и прав. Но если машина заведена — ее уже не остановишь.

В МИДе это происходило без разврата, без кровавостей, культурно, с улыбкой, но тем не менее...

Что же касается новой внешней политики... Для меня поворотной точкой в понимании Шеварднадзе была история с Ливией. Когда американцы бомбили Ливию, а мы вместо решительных действий ограничились каким-то тупым вялым заявлением, типа — нехорошо бомбить чужую страну. У Каддафи погибла тогда приемная дочка, а ведь Каддафи был нашим союзником. Я вдруг понял, что Шеварднадзе и впредь будет сдавать наших союзников. Мне абсолютно стало ясно, что это человек, который будет любым путем уходить от конфронтации с Западом. Громыко реагировал бы совсем по-другому. Так, как мы прореагировали на кипрские события в 1974 году. Когда

турки залезли на Кипр, мы фактически завели двигатели атомных бомбардировщиков, и те готовы были взлетать. Мы уже приступали к реальной демонстрации своей военной силы. Была ли готовность применить ядерное оружие — это большой вопрос, но то, что двигатели самолетов заводились и объявлялось военное положение — это факт. Люди уже готовились. И в итоге мы спасли Кипр. И, между прочим, киприоты очень уважают Громыко и его семью: они понимают, что тогда турки бы их съели. Но решительность Советского Союза в данном случае спасла ситуацию.

А при Шеварднадзе начались пустые разговоры. Мол, этого не надо, нехорошо как-то. Когда американцы Ливию обстреляли, тоже можно было завести двигатели самолетов, поднять их в воздух, барражировать над Израилем или рядом с границами Израиля. То есть вариантов адекватного ответа было много, но действий никаких не предпринималось. Можно было вывести и корабли в море. Вообще делать все, что положено делать в таком случае — балансировать на грани применения военной силы. «Как? Вы применили силу против нашего союзника? Мы этого так не оставим!» И все. И мир бы увидел. Это очень важно — как воспринимается наша политика за рубежом. А если мир видит, что Советский Союз уже не «крыша», то, естественно, ситуация в мире меняется. Все бегут к тому, у кого есть реальная сила.

Газеты наши не молчали. Были заявления, возмущались, мол, нехорошо бомбить. Но возмущались уже довольно вяло. Видно было, что никаких решительных действий предпринимать никто не собирается.

В этот момент я понял, что внешняя политика страны принципиально изменилась. В мире складывалась совершенно новая ситуация. Шел 86-й год...

Еще меня насторожил интересный разговор. Я пришел к одному товарищу в штатском, который представлял в МИДе интересы спецслужб. Собственно, интересы

КГБ. Он был очень влиятельным человеком, и я попросил у него рекомендацию. Хочу, говорю, вступить в партию. Как раз пришла пора обзавестись красной корочкой. Я поступил в институт в 16 лет, закончил в 21 год и был, как тогда говорили, молодым специалистом. Рекомендация от этой важной персоны мне бы значительно упростила задачу.

И вот что он мне ответил:

— А ты определился, в какую партию вступать?

Такого поворота беседы я никак не ожидал:

— Но она же у нас одна!

— Ну это еще посмотрим. У нас их завтра может быть много.

Это был разговор в начале 1988 года. Перестройка шла, но о многопартийности говорили еще только на уровне интеллектуального прошупывания. А тут вдруг генерал, отвечающий за государственную безопасность, представитель, казалось бы, самой реакционной прослойки, начал вести такие крамольные речи.

И он не был белой вороной среди своих. Так стали говорить многие. Вообще от сотрудников спецслужб шли волны, которые потом, через много лет я переосмыслил и, как мне кажется, расшифровал. Я абсолютно уверен, что в крушении КПСС свою роль сыграли очень многие люди в КГБ. То есть на новый виток вышла подспудная борьба между КГБ и КПСС, о которой мы уже говорили. КГБ, превратившись при Андропове во вторую партию, только без публичных признаков, без тех признаков, которые обычно есть в демократическом обществе, фактически вел завуалированные бои с тогдашней главной партией власти. И добился своего. В итоге съел своими методами. Люди, занимавшие в этом ведомстве ответственные посты, понимали, к чему идет дело, и заранее настраивались на новую волну.

Создавалось впечатление, что спецслужбисты в это время уже лучше чувствовали ситуацию, чем партийные

функционеры — в каком-то смысле представители Лубянки были даже более прогрессивными.

Вот одна любопытная сценка из моей венской работы. Когда я только приехал работать в представительство, мне рекомендовали: «Перед тем, как начнешь работать, познакомься с двумя товарищами. Зайди в комнату №3 и в комнату №5».

Я зашел в комнату №3. Там сидел человек в очках, в сером костюме, обсыпанный перхотью, в какой-то несвежей рубашке — мрачный, угрюмый. И произносил такие слова:

— Вот вы приехали в Вену. Вы, молодой человек, отдаете себе отчет в том, что такое Вена?

— Ну как... Вена — столица Австрии.

— Это все понятно. Но да будет вам, товарищ Филатов, известно, что Вена — это же крупнейший шпионский центр. Здесь представлены интересы всех спецслужб. Здесь идет борьба днем и ночью. Это только кажется, что здесь тихо. Вам придется в Атомном агентстве работать, а там, куда ни плюнь, всюду шпионы. Так что учтите это. И проявляйте бдительность. Если у вас там будут какие-то сигналы — немедленно к нам. Звоните, стучите.

Он меня прямо закошмарил.

Затем я отправился в комнату №5, настраиваясь на не менее тяжкий разговор. Но на сей раз мои страхи были напрасными. Во втором кабинете сидел расслабленный человек в подтяжках, в хорошем костюме, вальяжный, как Ларри Кинг. Он был хорошо причесан, был добродушен, улыбался. И вел милую светскую беседу:

— Как я вам завидую, молодой человек! 22 года. И уже в Вене — в европейской столице! Знаете, Алекс, мы с женой так любим Вену! Мы уже второй раз здесь в командировке. Вы оперу любите? О, в оперу надо ходить. Вы, конечно, знаете, что это настоящая оперная столица. Один Паваротти чего стоит! И еда тут, конечно, потрясающая. Венский шницель — вы знаете, что это такое? Непремен-

но попробуйте, Алекс, не пожалете! И обязательно оставайтесь на Рождество. Зимние праздники в Вене — это просто фантастика! Короче, вам крупно повезло. Вы не женаты? Нет? Кофейку, может быть?

И только в конце он произнес искомую фразу — но так, что она казалась необязательной:

— Ну если почувствуете что-нибудь, заходите, тут посоветуемся, поговорим.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в комнате №3 сидел секретарь парткома, а в комнате №5 — представитель КГБ. Это было отражение мидовской картины того времени.

Я не хочу сказать, что все представители КГБ были такие расслабленные. Но тем не менее, чувствовалось, что им было больше позволено в той системе. Была иная мотивация, и это их делало более свободными людьми. «Партия Лубянки» могла позволить себе элементы демократии, свободного разговора, могла себе позволить какие-то там комбинации, какую-то аналитику, а для всех остальных госслужащих подобное было запрещено.

Не исключено, что это была одна из причин проигрыша КПСС. В принципе никому ничего не позволялось, но по специфике своей работы у КГБ было большее поле для маневра. И в итоге, внутри системы родился ее могильщик. Тот, кто и закопал устаревшую бюрократическую верхушку.

Поэтому я считаю, что приход Путина к власти — это закономерный финал пути «партии КГБ». Пути к власти, который начался на самом деле с середины 60-х годов, когда КГБ стал играть самостоятельную роль и потихоньку превращался в отдельную партию. 35—40 лет упорной работы привели эту партию на вершину отечественного Олимпа. Это был длительный переходный период, но в момент слома советской модели эти люди получили реальное ускорение. Хотя основу их победы заложил еще Андропов. Уверен, без Андропова не было бы Путина.

Андропов — это решительный перелом в данной борьбе. Первая ласточка, первый признак, что новая партия начала одолевать старую. При Андропове Лубянка еще не готова была взять всю полноту власти, нужно было подтянуть более молодые поколения, привести их в бизнес — в общем, выполнить ряд первоначальных задач. В конце 80-х они еще не были готовы. Но события шли в нужном для этой партии русле, это просто чувствовалось.

ВОЛОСАТЫЕ НОЖКИ ПЕРВОЙ ЛЕДИ

Однако снова вернусь к мидовским разговорам и встречам. Я очень хорошо помню, как Михаил Горбачев принимал в особняке МИДа Маргарет Тэтчер. Глава британского правительства была с мужем, а Горбачев, соответственно, с женой, с Раисой. Они были вчетвером, и Раиса почему-то взяла на себя роль хозяйки — стала показывать высоким гостям особняк МИДа, какие знатные картины здесь висят, какое еще имеется добро — так, как будто это был ее частный дом. Быть гидом в государственном особняке жене руководителя совсем не обязательно. Это все равно как если бы мы ходили по гостинице и показывали каким-то своим друзьям ее достопримечательности. Что ее показывать? Это не наша гостиница. Но Раиса вела себя именно так. Она как бы имитировала, что это ее личный особняк. Ей очень нравилось исполнять роль первой леди, хозяйки бала, ей казалось, что именно так принято на Западе. Этот момент мне очень запомнился. Я сильно удивился.

Еще я заметил, что у Раисы были волосатые ноги. Я уже тогда знал, что положено их брить. И однажды, когда я составлял обзор прессы (а было известно, что он идет на самый верх), вполне сознательно включил в свой дайджест высказывания одного журналиста, то ли из «Шпигеля», то ли из «Бунте», о том, что у Раисы волоса-

тые ноги. Оставил эту крамольную фразу и отправил дальше по инстанциям.

Мы, впрочем, даже не знали, куда именно идут эти обзоры. А тут вдруг звонят «оттуда» и закатывают страшную истерику: что это такое! Что вы там понаписали! А если бы это дошло до нее? Да нас тут бы всех того!

В общем, это вызвало внутримидовский мини-скандал. Точнее, для меня он был совсем даже не мини, потому что искали, кто виноват, и крайним оказался Алекс Филатов.

А я еще по молодости попытался спорить: «А может, наоборот, она примет какие-то меры?»

Советские женщины тогда еще не брили ноги, не говоря уже про интимные места. Это было не принято. И в такой позиции был даже свой определенный смысл — советскому человеку чужды подобные буржуазные утонченности, такое чрезмерное внимание к собственному телу.

Дело еще и в том, что все наши первые леди вышли из народа. В этом плане у нас до сих пор еще в большой степени государство рабочих и крестьян. Жены руководителей страны — не аристократического происхождения. Я не хочу тут никого уколоть. Это факт, и в этом ничего плохого нет. Даже наоборот: честь и хвала людям, которые сделали такую карьеру.

Может быть, такое даже к лучшему. Они не слишком отрываются от остального населения. Нынешний наш президент 30 лет в коммунальной квартире прожил из своих 53. Фактически большую часть своей жизни прожил не в резиденции, а в питерской коммуналке. Почему он должен иметь манеры английского лорда? И с женами такая же история. Со времен Сталина была такая этика: жены вождей должны быть простыми. Как трехлинейная винтовка, так сказать. Они не должны быть такими-этакими. У нас культивировалась антибуржуазность, принцессы нам были не нужны. Нам нужна была простота.

Простая была жена у Хрущева. Очень просто одевалась. Жена Брежнева вела себя достаточно замкнуто. Особенно на людях не появлялась. Еще хуже в семейном плане дела шли у следующего генсека. Андропов был женат, но, насколько мне известно, у него была трагедийная ситуация с супругой. Она нигде не появлялась и фактически сидела на наркотиках. Наркотиках медицинских. То есть все время ее кололи какими-то медикаментами, чтобы успокаивать. Потом был придуман аппаратный миф о том, что она пострадала во время событий в Венгрии. Получила такие сильные впечатления, что на всю жизнь была психически травмирована. Но на самом деле это была всего лишь попытка закамуфлировать реальность. Те, кто ее лечил, а я знаю этих врачей, мне говорили, что это, конечно, психиатрическое заболевание. И именно поэтому Юрий Владимирович ее никогда не показывал на людях. Она все время была то в больнице, то на даче, то на реабилитации, то в санатории.

В общем, по стечению объективных и субъективных обстоятельств у нас никогда не было таких жен, как, допустим, Жаклин Кеннеди. Но прежде всего потому, что потребность и этика рабоче-крестьянского государства требовала другого подхода. Жена вождя была как десятки, сотни миллионов других советских женщин. Глядя на жену Хрущева, ты не чувствовал, что это жена небожителя. Это такая женщина, которая ездит в автобусе, стоит в очереди в Сберкассах — одна из нас. Вожди и их половинки не только не пытались поломать такую схему, но иногда даже специально подыгрывали. Наина Ельцина играла на этой теме: мол, она добропорядочная хозяйка, простая и искренняя жена и мать. Все играли.

В этом смысле посыл нынешней жены президента непонятен. Она и не пытается быть простушкой, но с другой стороны, она не стала и леди. Не пристала к тому берегу, но и на этом ей не уютно. Возможно, ей было бы проще взять стиль намеренной простоты, манеры и облик обыч-

ной женщины, «среднестатистической россиянки». Однако не скажешь, что она хочет быть простой. Но в том, что она делает, не чувствуется и глубинных лондонских традиций.

Вот в Белоруссии ситуация более внятная. Лукашенко здорово поймал эту советскую тему и довел ее до точки. Жена вождя, которая живет в деревне. Президент управляет страной, а президентша доит коров. Рыгорыч пошел еще дальше, чем советские руководители. Он человек с юмором.

Будем ждать, когда придет новое поколение жен. А оно придет непременно. И тогда все будет зависеть от того, какова будет этика в государстве. Какой будет стилистика, какими окажутся идеологические принципы. Но, я думаю, появится и у нас своя Жаклин Кеннеди. У некоторых министров уже вполне современные и привлекательные жены. Потихоньку растет новое поколение женщин.

Возвращаясь к Раисе Горбачевой, констатируем, что она, возможно, искренне пыталась уйти от старых советских стереотипов и ориентироваться на западные образцы. Однако не очень получалось. Вспоминаю, как во время прогулки по Кремлю с женой президента Франции, не обращая на высокую гостью никакого внимания, Раиса чихвостила директора музея. За некачественно проведенный ремонт. Он ей отчитывался, что к настоящему времени сделано и чего не сделано. И когда закончит. Как будто нет никакого международного визита, нет рядом первой леди Франции, вместо директора музея — начальник хоздвора, а Раиса — управделами.

И вот они решали вопросы:

— Так когда же вы закончите?

— Я не знаю. Мы-то стараемся. Мне еще краску не подвезли, а деньги кончаются, а новых не дали.

— Это безобразие! Мне даже слушать все это противно. Я буду говорить с Петром Степанычем...

Они шли и все это перетирали.

А потом была другая примечательная сцена. Горбачев с каким-то очередным важным гостем, европейским лидером, вышел гулять на Красную площадь, как он это любил. И там ему журналисты задали вопрос, что он любит есть. И Горбачев, недолго думая, ответил, что он любит итальянскую пищу. Раису эта фраза почему-то покорила.

На обратном пути, когда с европейским гостем распрощались, Раиса начала мужу выговаривать: мол, это неправильный ответ, итальянская кухня — это низкая кухня по мировым представлениям, и отвечать так на весь мир было глупо. Французская кухня считается высокой, а на фиг ты сказал, что любишь спагетти или пиццу. Это тебя не поднимает. Она отчитывала мужа, не обращая внимания на то, что неподалеку идут мидовские и кремлевские сотрудники. В том числе и автор этих строк, до которого долетали обрывки странного разговора.

Горбачев оправдывался:

— Но я же ее действительно люблю. Мне правда нравится итальянская кухня. Я искренне сказал!

— Да, искренне, но этого не надо было говорить! Сказал бы русскую, тогда бы это было объяснимо политически. Но итальянскую! Все будут смеяться.

Он злился, она не отставала, и в итоге довела его до такого состояния, что он, тоже плюнув на присутствие рядом чужих ушей, прорычал: «Ну, не нравитс — разведись!» И только тогда диалог закончился.

Все это было слышно с небольшого расстояния. И выглядело немного по-деревенски, потому что генсеки старой эпохи никаких жен, во-первых, в свет не водили. Во-вторых, никаких разговоров об итальянской кухне при чужих людях не вели. Ну а в-третьих, жены, наверное, больше их уважали и боялись.

Во всем чувствовалась провинциальность. Это то, что, на мой взгляд, Горбачев так и не преодолел. Комплекс

провинциальности и сейчас в нем присутствует. При всей своей известности, Москву он не взял. Он ее не сломал.

В чем его отличие от многих других. Да хотя бы — если брать самые свежие примеры — от Ксюши Собчак. Я считаю, что Ксюша взломала Москву. Взломала и заставила себя уважать. Реально уважать. Имею в виду элиту, так называемое общество. Или, по-старому — двор. А Горбачев этот двор не взял. Он всегда будет в этом дворе считаться низкой итальянской кухней.

Даже при том, что все понимают, какие важные вещи сделал Горбачев. Открыл границы и многое другое.... Но все равно, отношение к нему формируется не по тому, что он сделал, а по тому, как он себя поставил. Он был всегда провинциалом для этой публики, а вот Ксюша нашла к ней ключик. Она уже не будет питерской провинциалкой. Она зашла внутрь этого тяжелого и консервативного московского бомонда. Большого бомонда, потому что это большая страна. Это элита большой страны, огромной по территории и по традициям. Здесь куча людей со всего мира. Очень сложная среда.

Горбачев так ее и не взял. И Раиса не взяла, хоть и старалась. Ничего не получилось. К этой паре настороженно относились в московской среде еще до избрания Михаила Сергеевича генсеком. Их обходили стороной. Они же и друзей не имели. Так, по театрам ездили. Но старые московские цековцы с ними мало общались. Горбачев был мало известным человеком до своего избрания. Да, собственно говоря, в стране удивились его избранию. Фамилию особенно не знали.

Забавные эпизоды происходили с горбачевскими переводчиками. С французского нашему лидеру переводил Шульгин. Он был на две головы выше президента и, когда снимались, Шульгин просто закрывал собой первое лицо. И было видно, как Горбачева это раздражает. Говорил он как бы шутя, но свое недовольство выказывал: «Шульгин, отойди, а то придется тебя укоротить. Вон ка-

кой здоровый вымахал». Чувствовалось, Горби напрягал, что он может выглядеть коротышкой на таком фоне. Хотя на самом деле Шульгин приличный и хороший человек. Отличный работник - спокойный, очень знающий. Но Михаил Сергеевич всякий раз раздражался - ничего не мог с собой сделать.

А на англоязычных переговорах работал Павел Палажченко. Возможно, те, кто следил за тогдашней политической хроникой, знают этого человека с такой запоминающейся внешностью - с большими усами, лысоватого. Он и сейчас работает с экс-президентом. Горбачев с ним не расстанется все эти 20 лет. А когда я начинал, Палажченко был переводчиком для самых важных переговоров: с Бушем, с Тэтчер, другими представителями «семерки». Не сомневаюсь, что Палажченко - носитель многих политических тайн. Секретов именно горбачевской эпохи: придя на высший пост, Горби сразу убрал тех переводчиков, что обслуживали предшественников - в том числе знаменитого брежневского толмача Суходрева. Появилось, соответственно, более молодое поколение.

С Палажченко в США случился эпизод, который отлично иллюстрирует отношение наших высших начальников к своим подчиненным. Дело происходило в Вашингтоне. На лужайке Белого дома шла какая-то церемония. Она затягивалась. И тут ливанул жуткий дождь. Рейган забрался со своей Нэнси под зонт, приобнял ее с шутливой сердечностью, как будто изображая некую сцену из голливудской мелодрамы (хотя на самом деле — только для того, чтобы полностью уместиться с супругой под зонтом).. Они стояли и изображали семейное счастье. За Раисой и Горбачевым сотрудники «девятого управления» тупо раскрыли дежурные зонты, и визитеры из Москвы стояли, как эдакие советские изваяния. А посередине стоял переводчик Палажченко, которому зонта, естественно, не предложили, потому что он не генеральный секретарь и не жена генсека. И который 40 ми-

нут в прямом эфире мок, как лягушка. Как стойкий оловянный солдатик принял удар стихии на себя. Он промок так, как будто его окунули в реку. Промокли деньги, документы. все исподнее. А он в этом положении должен был сесть в машину главы государства. И когда переводчик залезал в автомобиль. Горбачев недовольно поморщился: «Фу, какой ты мокрый!» Как будто не видел, что происходило с его сотрудником в течение 40 минут.

Очень характерный случай. Так обращались с «обслугой». Генсек же мог сказать охране: ребята, человек мокнет, сделайте что-нибудь. Но не сказал.

И досаднее всего, что это было в прямом эфире. Сию дурацкую картину видел мир.

К счастью, ничего плохого со здоровьем Палажгенко не случилось, но дорогой костюм ему пришлось просто выкинуть. Ребята нашли ему другой.

Ужасная была история. Таково у нас вообще отношение к человеку, а особенно во время подобных визитов. Допустим, все кинулись к машинам, а ты не успел. Никто тобой заниматься не будет. Потом разбирайся сам.

Это особенность визитов на высшем уровне. Я много поездил, посмотрел, и с меня хватит. Не хочу больше участвовать в подобных официозных поездках. Многие стремятся покататься с президентом... Никогда! В таких поездках первому лицу подчинено все внимание. Все только для комфорта главы государства. Остальных просто не существует, вообще нет в природе. Даже если ты попадешь под машину, тебе никто не окажет первую помощь. Ты никому не нужен. Тебя найдут через 24 часа уже окоченевшего.

В памяти выплывает еще одна история, уже ельцинского периода, которая приключилась в Стамбуле. Ельцин сократил свое пребывание, а его водитель, как это водится у нас, пошел покупать какие-то вещи для внучки. А мобильный телефон оставил в гостинице. И все посольство кинулось искать водителя.

Приказали его искать немедленно. Побежали по всем торговым улицам выяснять, где он может пропадать. Слава богу, его довольно быстро где-то выловили. Он такой заметный мужик с большим красным лицом. Среди турецкой толпы выделялся. Ему дали телефон, соединили с начальством. И он услышал на том конце:

— А мы уже на борту. А ты где?

— Да я еще тут, в городе, вот покупаю сувениры.

— Ну что ж ты так! А мы уже улетаем.

И дипломат, участвовавший в розыске ельцинского водилы, мне рассказывал, как белела физиономия этого типа. Я, говорит, о таких явлениях слышал, но впервые сам увидел, как красное лицо становится белым.

Это все к вопросу об отношении к людям во время таких мероприятий. Все подстроено под первое лицо, никто о других не думает. Все остальные — это просто детали большой правительственной машины. Винтики или гаечки той или иной важности. Винты есть винты. Их можно менять, выкидывать. Их дальнейшая судьба никого не интересует...

ОСТРОВОК ПРАГМАТИЗМА

После охоты на ведьм, которая началась в МИДе при Шеварднадзе, после всех неприятных впечатлений, полученных на горбачевских мероприятиях, я из здания на Смоленской площади ушел. Но ушел не просто абы куда.

В 1986 году произошло очень заметное событие в интеллектуальной жизни страны — особенно замеченное интеллигенцией. Вышла статья «Авансы и долги» Николая Шмелева. Это была публикация в «Новом мире». Шмелев — человек известный и в научных кругах, и в светских: он профессор и зять Хрущева. Он еще в студенчестве женился на дочке Хрущева Юлии. Если быть совсем точным, это удочеренная внучка Хрущева. Дочь того самого сына, который был летчиком и погиб.

В теперь уже знаменитой статье впервые были серьезно подняты вопросы экономических преобразований. Шмелев рассуждал о том, какой должна быть экономика, какими должны быть рыночные элементы. Помимо прочего, он сказал, что допустима небольшая безработица. Это для советской системы было совершенно провокационным заявлением. Звучало как крамола. Статью обсуждали повсюду - как большое событие в жизни общества.

Шмелев был профессором в Институте США и Канады, и в 1986 году стал своего рода экономическим гуру. Во всяком случае, приобрел очень большую известность и имел колоссальный авторитет. Именно к нему в 88-м я и ушел аспирантом. И не раскаялся. Это, возможно, был не самый длинный этап в моей жизни, но один из самых важных. Три года непрерывной и весьма обильной интеллектуальной подпитки. Я воспринимал Институт США и Канады как своего рода Пажеский корпус. Особое учебное заведение имени Арбатова, откуда вышли очень многие люди, ставшие впоследствии «прорабами перестройки» или ее пропагандистами, создателями своего рода «зеркала перестройки» (как, скажем, Николай Сванидзе).

Три года общения со Шмелевым - дорогого стоили. Сказать, что Николай Петрович — уникальный человек — будет звучать как банальность. Но это правда. Это человек абсолютного здравого смысла. Теперь, оглядываясь в ту эпоху, прихожу к выводу, что большой неудачей для страны стало то, что Шмелева не назначили премьер-министром. Если бы где-то в 89—90-х годах номенклатура готова была допустить такого премьера, то мы бы пошли по венгерскому пути реформ. То есть сохраняя социализм, сделали бы его более модернизированным, рыночным. Но делали бы это постепенно, не резали бы по живому.

Шмелев отличался прагматическим взглядом на вещи. Хотя в массе своей ученым свойственен фундаментализм, доктринерство. За что я многих из них и не люблю.

У них есть теория, и они уверены, что именно эта теория перевернет весь мир. Только если делать так, так и так — будет хорошо. Они пытаются открыть что-нибудь для мира. И считают, что если они что-то открывают, то мир перевернется. В этом убежден каждый писатель, так считает каждый художник. Но мир не переворачивается после них. Мир стоит. Хотя у них есть шанс привнести что-то новое, что-то важное. Физики, которые изобрели ядерное оружие, сделали мир другим, конечно. Но проблемы этого мира тем не менее остались. И не сильно изменились со времен Рима. Человеческие, эмоциональные, сексуальные проблемы...

Так вот, в отличие от экономистов-фундаменталистов, которые потом, во время перестройки, своими теориями нас задолбали, Шмелев был прагматиком. Он первый сказал, что в умеренных долгах нет ничего страшного. Не надо быть провинциальным. А то премьер Рыжков все волновался, переживал: что же это мы все больше и больше долгов набираем. А Шмелев говорил: не суетитесь, ничего страшного. Весь мир так живет: одной рукой дает, другой берет. Другое дело, куда деваешь ты эти деньги, в какую экономику вкладываешь. Николай Петрович, опять же первым, декриминализировал понятие «иждивенец» (или, как любили в советские времена говорить, тунеядец). Шмелев разъяснял, что если человек не хочет работать или у него есть возможность не работать, скажем, он живет в богатой семье, то почему его надо заставлять работать? Почему, спрашивал мой профессор, везде должен быть план на 100 процентов. Ну дайте люфт какой-то. Все это здравые и естественные вещи. Но тогда звучало как откровение.

Его взгляд и его идеи абсолютно мне понятны. И тогда были понятны, и сейчас. В отличие от тех людей, которые говорили, что надо все обвалить, а потом строить. Или от тех, кто, наоборот, предлагал ничего не перестраи-

вать, потому что и так все хорошо. Шмелев призывал не впадать в крайности, искать золотую середину, поступать в соответствии со здравым смыслом, а не абстрактными теориями. С ним было интересно работать.

И у меня получилась уникальная диссертация. Она называлась «США на мировом рынке продукции массовой культуры». То есть я изучал, как американцы работают в сфере производства телепродукции, кино, радио, печати и рекламы. Уже тогда, работая над диссертацией, я узнал, каким образом продаются сериалы. То, что у нас люди узнали лишь через 10—15 лет. А многие не узнали до сих пор. Как построена в США система кинопроката, как построена американская реклама, как американцы заходят на рынки.

Поэтому, когда в Думе инициировали закон о запрете рекламы табачных изделий, я единственный выступил и сказал: «Господа, мы сейчас участвуем в стратегической программе американских табачных компаний. Это их стандартная история. Первые 5 лет они выходят на рынок, занимаются агрессивной рекламой, потом через парламент протаскивают запрет рекламы. Почему? Чтобы новые бренды и новые конкуренты не вышли на рынок. Они его захватили уже за пять лет. Им не нужны какие-то новые сумасшедшие, которые придут, начнут выкладывать деньги и будут выталкивать с рынка. Кстати, будет и третий этап: повышение требований к качеству. Качество смолы, содержания никотина, внешнего вида. Прекрасно! Но наши табачные кустарные фабрики это убьет. Теперь поняли, о чем я говорю?

Так и произошло. Сначала убрали рекламу сигарет из электронных СМИ, через несколько лет началась тема ограничения по содержанию никотина, смолы и т.д. Работает точно та стратегия табачных компаний, которую я описал в своей диссертации. Именно так они заходили на рынки стран Латинской Америки. Ничего нового они не

придумали. Это наша печаль, что люди, которые сидят в профильных думских комитетах и в соответствующих кабинетах администрации, оказались неготовыми к новому миру, который, по сути, знали люди и в МИДе, и в нашем институте, и не только там. Может быть, они знали его не так глубоко, но и этих знаний хватило бы, чтобы не наделать всех тех глупостей, которые с приходом рынка были сотворены.

Глава шестая

В главе рассказывается о том, как «Утренняя почта» показала первую советскую рекламу, а фестиваль «Ступень к Парнасу» явил России Патрисию Каас, о том, как одна виртуальная встреча повысила статус и Раисы Максимовны, и Патрисию Каас, а также о том, как Стас Намин «недооценил» выступление Филиппа Киркорова

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ОТ МИШИ ЛЕСИНА

Аспирантская работа в Институте США и Канады давала большие преимущества. Она давала время. Появлялась возможность заниматься творческими вещами. Сотрудник МИДа работал с 9 утра до 8 вечера: времени и сил на что-нибудь другое уже не оставалось. А трудясь в институте, можно было заняться и каким-то бизнесом, и наукой, еще чем-нибудь, к чему лежит душа. В общем, можно было развиваться.

Советские научные институты, которые в застойные годы были предметом шуток сатириков (помните НИИ-ЧАВО братьев Стругацких?), в перестроечное время стали кузницей кадров для бизнеса, для телевидения, для новой политики. Это не случайно: там работали творческие люди, у которых при этом было свободное время. Они могли что-то выдумывать, анализировать, находить новые пути для самореализации.

Чиновник, как правило, это лошадь, которая бежит по кругу. И остановиться, о чем-то подумать, во что-то глубоко вникнуть — нет времени. А у ученых в советское время такая возможность была.

Я тоже использовал образовавшееся преимущество. Меня заинтересовало телевидение. Отчасти медийная сфера была связана с моими научными изысканиями: как

я уже говорил, моя диссертация называлась «США на мировом рынке массовой культуры». Это достаточно штучная тема. Мало кто, подобно мне, изучал западную культуру в экономическом разрезе: культура как бизнес. Берусь утверждать, что это единственная подобная диссертация за все годы советской власти. Советская власть изучала массовую культуру с точки зрения философии, никогда не рассматривая это явление как способ извлечения прибыли. Считалось, что массовая культура имеет большее отношение к идеологической сфере и никаким бизнесом не является. Экономическая активность на медиарынке, деятельность телевизионщиков в сфере рекламы, в сфере продажи телепродукции, проката кинопродукции — никогда не входила в зону внимания нашей науки. Да и самого слова — «телерынок» — в обиходе еще не было.

Нам пришлось сталкиваться со многими вещами, которых мы не знали в советские годы. А я в силу своего образования, в силу того, чем занимался в МИДе, в Институте, уже имел представление о некоторых вещах, очевидных на Западе, но совершенно новых для России. Уже знал то, что многие осваивали только в процессе перестройки или даже после ее окончания.

Итак, мне захотелось попробовать себя в сфере телевидения. Но я пошел туда не как штатный сотрудник какого-нибудь телеканала. А как специалист со стороны — как человек, который хотел сделать коммерческое производство на телевидении. Производство, которого на тот момент вообще не существовало.

И мне посчастливилось стать свидетелем рождения самой первой рекламы. Наверное, мало кто знает, что первая советская телереклама была показана в передаче «Утренняя почта». Ее разместила редактор Марта Могилевская. Так что ей можно поставить памятник как первой телевизионной рекламщице государства российского.

Что тогда рекламировалось - не помню, хоть убейте.

Это было настолько примитивно, что никак не зафиксировалось в памяти. Западники, наверное, засмеялись бы, увидев нашу тогдашнюю кустарщину. Но начало было положено. А дальше пошло-поехало.

Это были 1987—88 годы. Сначала реклама была легализована в музыкальных передачах, потом и в информационных. Но первая возможность коммерциализации телевидения появилась именно в сфере музыкальной продукции. Мне сразу стало очевидно: бесполезно что-то предлагать в новостных выпусках. А вот массовая культура — это то, что требуется.

И тут как раз нарисовался сценарист Александр Барынин, который, как он говорил, придумал проект международного фестиваля «Ступень к Парнасу». Мы были тогда под впечатлением от Сан-Ремо и решили сделать свой аналог западного фестиваля. Это был «наш ответ Сан-Ремо». Впрочем, Барынин утверждал, что в его проекте было много новых фишек и идей, которые до него никому в голову не приходили. Еще до материализации своих планов он высказывал намерения все это запатентовать, потому что у него это обязательно украдут и он не сможет получить свои миллионы долларов. Он, как любой автор, был уверен, что сотворил чудо.

Но для того, чтобы это стало чудом, надо было реально провести такой фестиваль. Больше ничего. Сделать из двух страниц сценария Барынина реальный фестиваль. Ни много ни мало...

После того, как Барынин получил аванс, он заявил, что его миссия на этом исчерпана. И больше фестивалем не занимался. Очень характерная для некоторых писателей позиция. Позже он уехал в Аргентину на ПМЖ.

Мы заключили договор с музыкальной редакцией Центрального телевидения. И впервые весь фестиваль организовывался за счет внебюджетных, автономных от телевидения средств. На деньги сторонних спонсоров. Редакция давала только своих режиссеров, эфир и техни-

ку. Все остальное делалось на привлеченные нами средства — зато это давало возможность размещения в эфире рекламы спонсоров. Впоследствии по такой системе проводилось большинство аналогичных мероприятий, схема стала вполне стандартной. Однако в то время это была новация. Это был еще совершенно неопробованный бизнес.. Отчасти рискованный. Но очень интересный.

Фестиваль был дорогой. Он проходил в гостинице «Космос». Арендовался конференц-зал гостиницы на целую неделю. Там строились декорации. Все это делалось очень долго и хлопотно. Прибывающие зарубежные звезды селились в том же «Космосе».

Творческая часть фестиваля была вполне традиционной. В этом плане все происходило по-советски: три отборочных тура. В результате шоу делалось фактически два месяца. Не так, как сейчас — три дня. Были длительные отборы, а в конце года масштабный финал.

Здесь я впервые столкнулся с Михаилом Лесиным. Возникла весьма специфическая ситуация. Мы уже заключили договор с телевидением и всю работу, как вдруг появился представитель кооператива «Игротехника». Этот кооператив возглавлял Миша Лесин. Правда, не сам Лесин заявился, а его представитель Володя Величко. И дал понять, что тоже намеревается поучаствовать в нашем проекте.

Меня это насторожило, потому что мы давно и активно работали и ни в каких новых партнерах не нуждались. Однако телевидение у нас было государственное и вело себя по-государственному, то есть безответственно. Телевизионная кураторша данного проекта представила нам товарища Величко и радостно сообщила: вот ребята тоже хотят в этом поучаствовать. В свою очередь, Величко сразу же проинформировал меня: что только что уволился с оборонного предприятия, телевидение для него новый вид бизнеса, и он совсем не понимает, как здесь

можно зарабатывать деньги и вообще зачем это нужно. Попросил меня об этом рассказать.

Я сделал вид, что принимаю новые правила игры. Не стал ни отговаривать ребят из «Игротехники», ни жаловаться телевизионному начальству на нарушение предварительных договоренностей. Понимал, что у телевизионщиков свои приоритеты и обязательства — спорить и ругаться бесполезно. «Игротехника» к тому времени уже сделала КВН, Лесин и его люди были фактически одни на этом рынке, и уже были ребята не просто так. Я решил как-нибудь осторожно избежать такого навязанного извне партнерства.

Величко, между тем, был полон энтузиазма. Он сделал мне заманчивое предложение: «Давай, мы будем делать декорации, а ты будешь отдавать нам половину от денег спонсоров». Я ничего не стал говорить, но немного удивился, почему я в своем бизнесе должен отдавать ему половину. И зачем мне его декорации? Что мы, без него не построим? Нам легче нанять людей, и они нам все построят. К чему брать каких-то партнеров?

Потом Володя посетовал, что этих телевизионных начальников никогда нельзя застать на рабочем месте. Где-то бегают все время. Как сумасшедшие. Он никак не мог взять в толк, что работа на телевидении — это не сидение за столом. Хотя, действительно, проблемы коммуникации существовали: мобильных телефонов тогда не было, и дозваниваться было весьма проблематично.

И тут, когда он стал жаловаться, я в шутку сказал ему: «А ты им звони домой, часиков в 7 утра, тогда точно всех застанешь, и договаривайся на день».

Он юмора не понял. Даже обрадовался.

И дней через десять теперь уже все телевизионные начальницы начали мне жаловаться, что он их достал, что он звонит утром. «Слушайте, Филатов, сделайте с ним что-нибудь, мы больше не можем!» Мой розыгрыш произвел эффект, которого я и сам не ожидал. Хотя все было

логично. Особенно если учитывать: телевидение — это все-таки связь производства и творчества, а не чистый бизнес. А для творческого человека звонок в 7 утра, когда он ложится в два или в три часа ночи, — это просто катастрофа. Другое дело — для человека, который работал на оборонном заводе и в 7 часов был уже на смене. Для Володи это было нормально. А телевизионщики от него просто начали шарахаться.

В итоге «Игротехника» не стала участвовать в этом проекте, потому что против нее окрысились все ответственные работники из музыкальной редакции телевидения. И Миша Лесин не зашел в этот бизнес. Наверное, он до сих пор не понимает, почему. Он активно работал, для того чтобы зайти. Но ничего не получалось. Люди из «Игротехники» думали, что это я подкручиваю музыкальную редакцию против них.

И вообще работа с музыкальной редакцией с этих пор у Лесина не задалась. Эта ниша для него осталась закрытой. Он не зашел в музыкальный бизнес. Допустим, КВН, еще что-нибудь, ему доступно. Но не музыка. Люди с оборонных заводов Мишу Лесина подвели: они просто не врубились, как нужно работать.

КАК МОЙ ДРУГ ПРЕДПОЧЕЛ ТАНЬКУ ИЗ КРЫЛАТСКОГО ПАТРИСИИ КААС

Особенность этого фестиваля была в том, что он был международный, и требовались заграничные звезды, причем звезды, признанные за кордоном. И тут по линии нашего советского, горячо мной любимого Госконцерта отрекомендовали одного французского агента. Агент — это сильно сказано. Это была дама в годах. Ее звали Лилет Волан. Поскольку я был единственным франкоговорящим, у меня возникла монополия на общение с агентом.

Через некоторое время от Лилет Волан поступило следующее предложение: «Мы вам дадим очень интерес-

ных молодых исполнителей. Например, Патрисию Каас. Она сейчас знаменита». Агентша прислала клипы своей протеже. Если честно, нам было все равно кто. Времени было мало, главное, чтобы приехали европейцы. Потому что это был международный фестиваль. Мы сказали: ладно, подгоняй в Москву Каас, хотя мы и не знаем, кто это такая.

Еще несколько недель ушло на переговоры с восходящей звездой. Наконец Лилет Волан перезвонила и сообщила: «Все, на открытие фестиваля она приедет, я договорилась. Но вы ее достойно встретите, машину хорошего уровня и прочее. Если вы плохо встретите, я вам больше хороших артистов не пришлю».

И тут случился форсмажор. Как назло, открытие фестиваля перенеслось на неделю по техническим причинам. Выяснилось все в последний момент. Патрисия должна приехать уже завтра, и отменить ее приезд невозможно: билеты уже на руках. Мы сгорали от стыда. Мы боялись потерять Лилет Волан. Позвонить вечером и сказать: извините, ехать не надо, все перенеслось? Это не вариант. Что же делать?

И мы начали выкручиваться. Мы решили сделать специальную телесъемку для Патрисии Каас, назвав это прологом к фестивалю. Получалась необычная прелюдия: не открытие фестиваля, когда в декольте приходят, а особый пролог, фактически выдуманный для заезжей звездочки.

Надо заметить, что продюсер Патрисии быстро нас просчитал: «Ну и где открытие вашего фестиваля?» Мы замялись: мол, у нас там перенеслось. Продюсер был в гневе. Но тут я сказал по-простому — выручил мой хороший французский язык: «Объясни, что тебе здесь надо? Тебе нужна *implantation dans le marche*, то есть имплантация в рынок? Тебе необходимо продвижение на нашем рынке? Или тебе нужен русский фестиваль «Ступень к Парнасу»? Ты его раньше знал? Зачем тебе фестиваль?

Тебе нужен промоушн. Мы тебя принимаем за свой счет. Я тебе гарантирую, что ту неделю, которую ты здесь обещал быть по плану, ты получишь полный набор промоционных мероприятий, в лучших советских газетах, на телевидении, в прямых эфирах. Ты будешь не вылезать с эфира, не потратив ни копейки». Он согласился: «Дайте мне график, когда и куда мы идем».

Мы им организовали радиоэфиры, газету «Правда», еще какую-то прессу. В то короткое время на фоне перестройки все были добродушны. Никто не знал Патрисию Каас, но всем хотелось с ней познакомиться: французская певица придет — интересно. Так что мы свои обязательства перед продюсером исполнили.

С ее приездом тоже чуть было не произошло большого конфуза. Приключилась довольно забавная история. Впрочем, тогда мне было не до смеха. Утром, когда мы собрались выезжать в аэропорт — встречать Патрисию, как всегда сломалась редакционная машина. Была, правда, еще одна машина. Но ее было явно недостаточно. Потому что их двое, нас двое, плюс еще вещи — ясно же, что французенка привезет гардероб.

Тогда я попросил своего приятеля подстраховать нас. Приезжает, говорю, французская певица, очень красивая и знаменитая. Получишь массу впечатлений. Он взял своего товарища. Помыл «Жигули». Надел замшевые перчатки, прибрал салон. Надел хорошую куртку, темные очки, и весь такой модный приехал встречать французскую певицу. Когда он ее увидел, а она вышла в клетчатой рубашке навыпуск и в джинсиках, без боевого раскраса, он не понял: то ли это девочка, то ли мальчик.

Спрашивает:

Кто это?

Я говорю:

— Она и есть.

— Да нет, старик, это смешно.

— А что я тебя просил, в постель с ней ложиться? Я тебя просил подстраховать, помочь.

— Ну, ты ж сказал — французская певица. Мы и кабак заказали, думали, гульнем по полной программе. А это какой-то подросток. Черт знает что. Ну ладно. Уже попали. Все равно в аэропорту. Так и быть, вещи до гостиницы довезем.

Когда приехали в гостиницу «Космос», я товарищей начал уговаривать:

— Да вы не торопитесь, не уезжайте. Может, по Москве захотят покататься.

— Нет, нет. На это геройство нас уже не хватит.

И после я услышал их разговор: «Звони Таньке из Крылатского. Она должна быть дома». Взял две копейки (столько тогда стоил звонок с телефона-автомата) и пошел звонить какой-то Таньке, которая должна быть дома. К ней-то, взяв бутылку водки, они в итоге и забурились.

Но через год, когда всюду крутились клипы и шли концерты Каас в «Олимпийском» (это было уже в 90-м году), приятель мне позвонил и говорит:

— Помнишь, мы возили французскую певицу. Ты знаешь, ничего так поет. Я вот посмотрел, нормально поет. А в жизни заморыш какой-то.

— Да ладно — заморыш. Ну а если твоя жена встанет со сна и будет бродить неприбранная по кухне — тоже, наверное, будет так выглядеть? Она же была только из самолета. После тяжелого перелета.

— Ну ладно, не кипятись. Ну ты сделай мне пару билетов, все-таки я помог тебе тогда.

И потом он всем рассказывал, как возил саму Патрисию Каас, хотя в тот день побрезговал повозить ее вечером по городу. Предпочел поехать к Таньке в Крылатское с бутылкой водки. Еще помню, ему не понравился продюсер Патрисии. Приятель мне по дороге все выговаривал: «А это что за мужик? Зачем он приехал?» Я говорю: «Ну,

как? Это продюсер. Я тебе что предлагал...» Ну, в общем, было все очень смешно.

Тогда я все-таки нашел «извозчика» и возил эту пару, показывал Москву. Возил по разным пьянкам-гулянкам, по обычной технологии. И на другой вечер, и на третий. В общем, мы весело провели неделю. За неделю я Патрисию Каас достаточно неплохо изучил. Своеобразная девушка. Весьма милая, но иногда может обидеться на ровном месте.

Это была очень удачная промоушн-поездка. Самое главное, были телеэфиры. Получилась довольно необычная вещь — особенно по нынешним временам. Мы взяли клипы Патрисии и разнесли по разным музыкальным программам. Никто не платил денег, ни о каких разговорах по бизнесу речи не шло. Мы вообще никого особенно не уговаривали. Все сложилось естественным образом: французская звездочка многим просто понравилась. Молчанов прокрутил сюжет с Каас в «До и после полуночи». И после двух показов все вдруг заинтересовались. Радио начало крутить. Все начали спрашивать эти клипы, обсуждалось, не рассказать ли о набирающей популярность певице в программе «Взгляд». Клипы целый год кочевали по радио- и телеэфиру. Ее имя стало на слуху. Ее лицо через год уже знала вся страна.

И когда год спустя Патрисия Каас приехала со своими музыкантами выступать на стадионе «Олимпийский» (а остановилась она на сей раз в гостинице «Украина»), ее узнавали повсюду. Здесь и там поклонники кидались за автографами. Впервые приехав совершенно безвестной исполнительницей, во второй раз она въезжала в страну уже знаменитостью. В этом незнакомом государстве ей просто не давали прохода. Она и сама поражалась такому успеху.

Вот тогда я подошел к ее продюсеру и спросил: «Помнишь наш разговор? Что тебе надо было? Фестиваль? Ты мне морочил весь вечер голову! Или ты хотел ее раскрут-

ки? Так вот, полюбуйся. Вот наша работа». Я, конечно, преувеличивал. Это была не только моя работа. Просто искусство Патрисии Каас действительно оказалось востребованным у нас, страна без всякого принуждения полюбила эту певицу. Но, с точки зрения западной психологии, «просто так» ничего не бывает. Никто не понимал, что можно совершенно бесплатно ротировать по всем каналам клипы зарубежной певицы просто потому, что это понравилось. На Западе это уже давно серьезный бизнес, в котором можно просчитать и вложения, и отдачу.

В общем, продюсер был очень мною доволен. А агентша Лилет Волане - та вообще была на седьмом небе, все время смеялась, меня обнимала, рассказывала какие-то анекдоты, байки. Я говорю продюсеру Каас:

- Какая веселая старушка. Молодец.

—Да уж. Молодец. 25 процентов имеет от всех наших концертов в течение 25 лет на территории СССР. Я подписал с ней контракт, перед тем, как поехал к вам.

—Зачем же ты такой обременительный договор подписывал?

- Ну как? Так принято. Она сказала: мы же вкладываемся в это дело. Это мои очень серьезные старые партнеры.

В общем, мы выяснили таким путем, что старушка получала огромную прибыль, не вложив вообще ни копейки. Билеты покупали мы. Все содержание организовали мы. Неделю ее катали, пробивали статьи в разных редакциях, протаскивали клипы на телевидение и радио. А люди Каас были уверены, что это старушкина работа.

Старушка оказалась не промах. Она все очень хорошо просчитала. Русские просят прислать француженку? Пожалуйста, получайте. Только подпишем договор на 25 лет. А Каас и ее продюсер подумали: какая-то непонятная страна, медвежий угол, все равно там доходов не будет, подписаться можно хоть на 25 лет, хоть на 50. К тому

же она еще никакая не звезда. Так, для прикола поката́ться. И подписались.

И вдруг выясняется, что Каас тут становится чемпионкой хит-парадов. Что здешний рынок огромен, публика благодарная и с хорошей памятью. В общем, эта «непонятная страна» кормит Патрисию до сих пор. Если отсчитывать с 1989 года, получаем, что 25-летний контракт еще не исчерпан. Он закончится только в 2014 году. Причем контракт имеет силу на всей территории бывшего СССР. В том же Казахстане, где Патрисия бывает довольно часто. Так что бабушка до сих пор получает свои 25 процентов, дай ей бог здоровья.

Поэтому она так меня целовала. Веселилась. Было отчего! У нее получилась прекрасная операция. А мы даже об этом не думали.

Продюсер тогда предлагал: «Постарайтесь заставить ее вам что-нибудь заплатить». Но я сразу понял, что это без вариантов. Зря, конечно, мы так вот запросто согласились работать без всякого бумажного оформления. Но поезд уже ушел. Мы вообще с ней не связаны никаким контрактом. Потому она и боялась, что мы что-нибудь не то сделаем.

Вот такая была веселая история. Первый опыт бизнеса. Денег мы много не заработали. Зато можем похвастаться, что это мы открыли стране Патрисию Каас, которая, на мой взгляд, навсегда вошла в душу России. Популярных певцов много, но вот занять какое-то место в душе народа мало кому удастся. Особенно иностранным исполнителям. А Каас такой подход, как мне кажется, имеет. Она, конечно, очень талантливая. Но есть, видимо, в ее облике, в ее голосе, манере исполнения нечто, импонирующее именно русскому слушателю.

Кстати, о деньгах. Патрисии мы вдобавок ко всему платили суточные. Естественно, в рублях. В день платили 15 или 20 рублей — уже не помню. В итоге у ее продю-

сера Сирила скопилась какая-то рублевая сумма. Что-то около 120 рублей. Он попросил моего совета:

— Как ты думаешь, Алекс, как их лучше потратить?

— Ну я не знаю, что тебе из наших вещей пригодится. Купи шапку. Русская шапка — очень оригинально.

— Алекс, ну сам подумай, зачем мне шапка? Что я с ней буду делать в Париже? Нет уж, лучше давай потратим эти деньги в ресторане.

Мы как раз подходили к гостинице «Космос», и Патрисия говорит: «Я очень хочу есть. Я целый день ничего не ела. Давайте здесь где-нибудь пообедаем». В тот день съемки были за городом, и перекусить было особо негде. Я согласился: «Ну пойдем». Направляемся в валютный ресторан гостиницы. Сирил уже на подходе передумал: «Нет, мы туда не пойдем. У нас же есть 100 рублей. Надо ж потратить советские деньги. Куда я их дену? Пойдем туда, где за рубли».

Но за рубли все было занято, как это у нас водится. «Местов» нет. Сирил настаивает: «Все равно в валютный не пойдем». И тогда Патрисия запротестовала: «А мне все равно! Я хочу жрать! Валютный, не валютный...» Однако Сирил был непреклонен: «Все равно не пойду. У нас есть 100 рублей, и мы будем ждать здесь места».

Тогда я понял, что такое настоящий западный продюсер. Жесткий, настойчивый, упорный.

Минут пять-десять у них продолжалась перепалка. Он категорически не хотел платить доллары:

И у нас есть валюта, советские рубли. Куда мы денем советские рубли?

— Ну хорошо, давай я умру.

— Причем здесь умру? Мы же поедим в любом случае.

— Ну тогда поехали в город.

Но в город уже я их везти не хотел. И со злачными местами было тогда туго, и вообще небезопасно. Тем более иностранцы. Думаю, ну их на фиг.

В общем, я выкрутился. Подозвал метрдотеля и ска-

зал: «Любезный, знаменитая французская певица. Вот тебе пять рублей, но столик должен быть найден». Он смекнул что к чему, и в углу нашелся для нас столик.

Приключений в этот их приезд было немало. И я думаю, Каас до сих пор хорошо помнит фестиваль «Ступень к Парнасу».

СОЧИНЯЮ ВСТРЕЧУ КААС И ГОРБАЧЕВОЙ

Могу похвалиться, что в карьере Патрисии Каас я сыграл определенную роль не на одном русском рынке. Но также и в глобальном плане. А дело в том, что я организовал им встречу, можно сказать, на самом-самом высоком уровне. Тоже весьма забавная история приключилась.

Я все думал, чем бы прижать этого Сирила, чтобы он мне не морочил голову. Потому что он каждый день меня доставал, жаловался, что все не так. И тогда я сказал ему немного таинственным голосом: слушай, я веду переговоры, и если вы себя хорошо будете вести, вас примет Раиса Горбачева. А поскольку в 1989 году весь Запад только и говорил о Горбачеве, этот француз от восторга сразу затих.

Я предупредил: «Но вести себя нужно спокойно. Потому что если ты будешь дергаться, вести себя плохо, то никто с тобой встречаться не будет. Я очень стараюсь. Вероятность процентов 30, но шанс есть».

Шансов, конечно, не было, но надо было его чем-то держать. И он стал поспокойнее. Правда, все время спрашивал: ну как там, скоро? Я отвечал: ну, подожди, быстро такие дела не делаются.

Французы — они не то чтобы горячие, как у нас любят о них говорить. А скорее нудные. Все время подковырнут, подшутят, обязательно отметят, где что не так. У Сирила никаких моральных прав давить на нас не было. Мы же работали с ними, можно сказать, на голом энтузиазме. Никакой прибыли мы от раскрутки Патрисии не получи-

ли. Мы получили лишь то, что сейчас называется продукт для фестиваля. Нужно было кого-то показывать. Француженка нам подходила, вот и все.

В общем, я этого товарища держал, держал, оттягивал час объяснений. Но в конце концов вынужден был объявить, что встречи с первой советской леди не будет. Он, конечно, был очень раздосадован, но было уже поздно.

И тут я изобрел еще один способ вывернуться и улучшить настроение у партнера. Я ему сказал: «Послушай, Сирил, а какая тебе разница — пройдет ли эта встреча в действительности? Важно, чтобы об этой встрече было кем-то объявлено. Давай, я дам утечку в «Франс пресс», что вы встречались, но в закрытом режиме, и договорились об этом ничего не сообщать. Тем более все знают, советское общество закрытое».

Конечно, по тем временам предложение было рискованное. Особенно когда дело касалось высочайших особ советской системы. Какая-никакая, а система существовала. Она уже ослабела к тому времени, но советские традиции сохранялись. Хотя открытость тогда уже приветствовалась.

Так или иначе, я решил сыграть на грани фола. Дал утечку французскому корреспонденту, что Патрисия Касас встречалась с Раисой в особняке МИДа, который я хорошо знал. Сказал ему: знаю, что встречались, пили чай, а о чем говорили, не знаю. Корреспондент тут же набросился на Патрисию, но она тоже хорошо отыграла свою роль. Мы научили ее на все вопросы глубокомысленно отвечать, что, мол, есть договоренность об этой встрече никому не рассказывать, что «это конфиденциальные вещи, я не хочу об этом говорить».

В итоге сенсация состоялась. Суперновость о встрече эстрадной дивы с супругой Горби пошла гулять во всей французской прессе. Произошло примерно то же, что с уткой насчет свадьбы дочери Путина в одном из греческих городов - этой новейшей легендой образца июня

2005 года. Быстро выяснилось, конечно, что это выдумка самого мэра греческого города. Но зато он поимел бесплатную рекламу своего местечка. А как же — ведь два дня по всему миру, во всем Интернете, по всем телеканалам крутилась эта деза про свадьбу путинской наследницы. Хотя если бы действительно там затевалась настоящая свадьба дочери Путина, никакой бы грек этого не выдал под страхом смерти. Потому что это серьезное дело. Но когда человек об этом говорит открыто, понятно, что все придумано.

Но у нас тогда все сработало замечательно. Нашу звезду стали осаждать. Я позвонил Сирилу во Францию, его переполняли эмоции: «Слушай, Алекс, тут такое творится! Просто осаждают! Все требуют подробностей о встрече с Горбачевой. Мы ходим и рассказываем». Понятно, почему был такой ажиотаж. Запад интересовался Горбачевым. Патрисия тоже была в эпицентре внимания. К тому же она только что приехала из русской столицы. Говорят, что встречалась с Раисой Горбачевой. И всем действительно хотелось, чтобы она повстречалась с русской президентшей.

Все стороны были заинтересованы в этом, включая и Раису Горбачеву. Возможно, было реально организовать такую встречу, но уже не имело никакого значения, состоялась ли она в действительности. История сработала. И очень хорошо отразилась на позициях команды Каас на западном рынке. Так что наш фестиваль для Патриции окупился дважды: и для советского, и для западного рынков.

Перед поездкой на фестиваль она уже имела определенное реноме, крутилась пара ее клипов, но она была во втором, а то и в третьем эшелоне. А после этой встречи стала двигаться, набирать обороты. Конечно, это совпало и с другими событиями в ее биографии. Не только Россия помогла. Я не хочу тянуть одеяло на себя. Но думаю, московская раскрутка сыграла свою роль. Это совершенно

очевидно. В течение года-двух Патрисия стала очень знаменитой и в Европе. Это, наверное, единственный случай в истории нашей культуры, когда западный проект раскручивался параллельно и на Западе, и в России, причем примерно с одинаковой скоростью. Обычно к нам приезжают те, кто уже давно известен на Западе, чье сияние уже затухает. А иные снимают кассу вообще только в России. А вот Патрисия одновременно поднималась и здесь, и там. Одни и те же клипы крутились.

Мы застали поп-звезду на стадии подъема. И это было интересно. Все произошло почти случайно. Волан нарисовалась почти случайно. Раскрутка случайно оказалась столь существенной. Великие вещи почти всегда происходят как некая случайность.

Наш ход, кстати, не испортил погоду и Горбачеву. Ведь Патрисия стала знаменитой французской певицей, ее полюбили здесь, и эта встреча работала на престиж Раисы Максимовны.

КИРКОВ ВЫСТУПИЛ НА НОЛЬ БАЛЛОВ

Скажу без ложной скромности, что и сам фестиваль удался на славу. Были и очень хорошие иностранные исполнители, и очень талантливые наши певцы. Победителем стал Сергей Манукян. Замечательный исполнитель. Настоящий музыкант, признанный в своей среде. За такого лауреата не стыдно. Попсой его творчество при всем желании не назовешь.

А вот Филипп Кирков на фестивале получил последнее место. У меня из-за этого даже проблемы возникли. Звонила его мать (в то время именно она занималась его делами), чуть не в истерике: «Зачем вы это сделали! Что вы себе позволяете? Вы его унизили!» Мы, правда, слегка отыграли — придумали для Киркова приз зрительских симпатий. Но получалось странно: последнее место с точки зрения жюри и одновременно приз зрительских симпатий.

А все дело в том, что подсадил Филиппа Стас Намин: он поставил певцу ноль. Даже не единицу. А когда кто-то получает ноль, средний балл дико падает. Если бы Намин не подсадил ему средний балл, Киркоров был бы где-нибудь в середине.

В этом заключается парадокс нашей жизни. Тот, кто получил последнее место на старте своей карьеры, стал впоследствии звездой первой величины. А Сергей Манукян, который получил первое место, конечно, является далеко не последним по качеству, но на нынешней отечественной эстраде он, увы, не лидер. По крайней мере в коммерческом смысле.

Фестиваль был интересным и важным, но уж очень сложный. Это был длительный и трудоемкий процесс. На целую неделю арендовали конференц-зал «Космоса». Телевизионные люди там дневали и ночевали. Естественно, там же и бухали. Естественно, разлагались. Потому что на телецентре есть какой-никакой контроль. А тут, в гостинице, среди кабаков и ресторанов, наш еще не окрепший человек, не привыкший к этим западным радостям, спивался.

То я вызволял сотрудника ТВ, который сидел в зимнем саду и изображал птицу в зарослях, махал крыльями и пробовал взлететь. То какую-то администраторшу обнаруживал в номере у неких английских артистов. Вытаскивали ее оттуда и отвозили на принудительное освидетельствование на Соколиную Гору вместе с проститутками. Причем проститутки ее били в машине, потому что считали залетной. Посягнувшей на их территорию. Она оправдывалась: «Я с телевидения». А они ее били еще больше, потому что считали, что она сука, да еще и врет. И смех и грех.

Не всегда просто складывались отношения и со спонсорами. Их было несколько. Например, Дядьковский хрустальный завод. Но был еще один человек. Так сказать, самый первый спонсор. По кличке Асфальт. Это имя намекало на профессию: он руководил коопера-

тивом по строительству дорог. Всегда ездил на запыленных «Жигулях». Было видно, что он производственник. По обрывкам фраз можно было понять: он только что вернулся с объекта, куда завезли битум, а на другой объект, где заканчивается стройка, должны привезти щебенку. Он всегда сам сидел за рулем своего авто. Пыльный, грязный, в пыльной машине, объезжавший объект за объектом.

Асфальт подъезжал к гостинице «Космос», останавливал машину где-то на углу. Выскакивал — запыхавшийся, взбаламученный, с нечесаной бородой. И спрашивал:

— Ну что там, Алекс? Как дела идут? Деньги нужны?

Я честно признавался:

— Нужны.

Тогда он открывал багажник и там среди газет выискивал нужную сумму.

— Этого хватит?

— Ну, может, еще что-нибудь дашь? — осторожно интересовался я.

И тогда он подбегал к заднему сиденью, вытаскивал что-то из портфеля.

И постоянно повторял одну фразу:

— Филатов, не называй мне цифры. Я не работаю на уровне цифр. Я работаю на уровне порядка цифр. Не говори мне «10 тысяч», говори: порядка 10, 20, 30 тысяч. Я вот так работаю. Не надо точных цифр. Я не бухгалтерия, говори: два, три нуля.

За всю работу мою на телевидении это был самый приятный спонсор.

Он приезжал по телефонному звонку и спрашивал: «Сколько я тебе в прошлый раз давал?» Я говорил: «Помоему, три тысячи». Он: «Да. Мне тоже кажется, что три тысячи». И уточнял: «Ну, что-то еще надо?» Я отвечал: «Да, желательно бы». И он лез в багажник, откуда сыпалась известка, потому что он только что командовал разгрузкой вагона с известью. Он лез туда и грязными рука-

ми вытаскивал пачки денег. В это же время крупные советские предприятия вели переговоры, говорили: «Дайте нам описание фестиваля, мы не знаем, зачем нам это нужно». А спонсор Асфальт вообще об этом не думал. Зато свой кайф он словил, когда на открытии фестиваля среди артистов, пьяный и довольный, весело отплясывал.

За все это Асфальт просил включить его жену в состав жюри. Мы ее в итоге куда-то включили, хотя резко против выступала музыкальная редакция. Тогда это сложно проходило. Я говорю: «Ну, поймите. Это требование спонсора». «При чем тут спонсоры? Спонсоры дают деньги, а жюри должно быть высокопрофессиональным». Так что мы его жену пристраивали с большим трудом.

Жил же он в тот момент в коммунальной квартире. Его квартира еще делалась, а он временно мыкался в коммуналке с какой-то теткой-соседкой. А его сотрудники на кухне считали бабки, которые они должны были куда-то везти. Их было пять человек, они кучками раскладывали деньги, отсчитывая по трешке или по пятерке. Бабка заходила со своей сковородкой и говорила: «Ой, свят, свят, свят». А ей: «Бабка, не гунди. Давай вари суп». Так начинался советский бизнес.

Но у этих людей, первых советских капиталистов, была какая-то широта души, присутствовал полет, им хотелось высокого: какой-то фестиваль забабахать, как-то пожить красиво. И когда Асфальт участвовал вместе с артистами в пьянке после открытия, он позвал официанта и строго спросил:

— Скажите, сколько стоит вон та бутылка коньяка? Вон — видите?

— Четыре рубля.

— Хорошо, а у вас есть коньяк на порядок дороже?

— Есть, конечно, подороже. Этот стоит 8 рублей, с наценкой 12. Ну если еще дороже хотите, то у нас есть и за 20, «Мартель», например, и за 25..

— Нет. Вы меня неправильно поняли. Мне нужно на

порядок дорожке. Потому что я работаю на уровне порядка цифр. Вот этот 12, а у вас есть за 120?

Официанту так хотелось сказать, что есть... Но он увидел меня. Я такой в очках стою, серьезный, внимательно слушаю их разговор. И он выпалил: «Нет».

Асфальт возмутился:

— Как вы работаете? Это совершенно невозможно! Ни черта у вас нет. Безобразие. Ну ладно, принесите, что есть, самые дорогие.

Однажды он мне пожаловался:

— У меня в бригаде строителей парень спивается. Ничего не могу сделать. Хороший парень. Но обстановка — сам понимаешь. Засасывает. Ни дня без стакана. Слушай, Филатов, забери его к себе на фестиваль. Там, по крайней мере, не на стройке. Наденет костюм. Станет на человека похож.

— Ну допустим, я его возьму. А что он будет там делать?

— Да что скажешь! Булавки носить. Может помощником тебе быть. Платить ему ничего не надо. Ну, спивается парень, что я могу сделать? А на стройке не проконтролируешь.

Я согласился.

Утром приходит его Леша. Оделся хорошо, все вроде бы нормально. Интересуется: «А какой фронт работ у нас будет?» Я говорю: «Пока будешь входить в курс дела. Поработаешь моим помощником. Будешь ходить за мной по пятам, смотреть, что я буду делать. Я тебя буду посылать туда-сюда».

Через какое-то время я послал этого Леху встречать английскую группу. Дал ему подробную инструкцию: он должен был помогать нашей администраторше встретить гостей из Лондона и проводить их в номер. Я говорю: «Людей разместишь, и мне доложишь». Он отправился по заданию. И с концами.

Я замотался, у меня какие-то дела остались. Потом вдруг хватился — парень не возвращается. Час, два, три

«Где он?» Мне говорят: где-то с англичанами. Тут у меня появились кое-какие подозрения:

— А англичане на репетицию приходили?

— Должны были в три, но что-то не появились.

— А где они могут быть?

— А черт их знает. В номере, наверное.

Короче, я почувствовал недоброе. Пошел в номер. Там музыка играет. Открывают дверь. Сидит этот Леха в тельняшке. На встречу-то он ехал культурно одетый. А тут сидит в тельняшке, в носках, рубашка его валяется. Ботинки его стоят при входе в номер. И тут же троица этих английских музыкальных мальчиков. И Леха, с бокалом в руках, толкает очередной тост: «Ну, как у нас водится, стремennую». Те: «What is it «стремennая»?» И Леха им по-русски растолковывает.

Как они общались, не очень понятно. Они слова не знали по-русски, Леха ни гугу по-английски. Но как-то нашли общий язык. Леха был в полную дупелину. Они все были вдугаря.

Я звоню Асфальту. Он сразу понял, по какому поводу.

— Что — чудит?

— Чудит. Он споил английскую группу. Из-за этого она не вышла на репетицию.

— Но как? Как он мог с англичанами бухать? О чем он с ними говорил?

— Да я сам не понимаю. Но я видел эту картину. Он им рассказывал про водку, как пить надо, как принято в России. «Вы обязательно огурчиком закусите...» Те слушают, кивают. Меня увидел и спрашивает: «Товарищ Филатов, вы нас поддерживаете?» Я говорю: «Нет, нет, брат». Вот такие дела

Вечером приехал Асфальт и забрал его. После первого же трудового рабочего дня. А Лешу я через некоторое время встретил, и он мне объяснил, что произошло тогда с этими англичанами: «Алекс, знаешь, я сразу так растерялся: что я буду здесь делать? Я ведь строитель. Не умею говорить. Но ты знаешь, потом я освоился. Они оказа-

лись нормальными, простыми. Я думал, музыканты, англичане какие-то, сейчас начнут задаваться. А они ничего. Говорят: наливай. И пошло, поехало...»

Фестиваль был ярчайшим событием в моей жизни. Но что касается Патрисии Каас, я в ней до сих пор толком не разберусь. Мне казалось, что она немного лесбиянка, потому что отношения с мужчинами у нее немного странные. Сирил, с которым они все время проводили вместе, теоретически мог бы претендовать на роль ее мужчины. Но нет. Мне кажется, они не жили. Хотя из экономии останавливались в одном номере. Близких отношений явно не было — все равно ведь сразу видно, есть они или нет. Их не было.

Ия у нее однажды спросил, почему она не замужем. Конечно, бестактно, но люди, которые провели неделю вместе, могут задавать такие вопросы. И она вдруг сорвалась: «А почему я должна быть замужем? Почему человек обязательно должен быть замужем? Что за глупые правила! А если человек не замужем, что это, плохо, что ли?»

Ей было 20 с чем-то. Я подумал, что она немножко чокнутая...

Однажды я провел своего рода разведку боем: мы остались одни в номере, и я пытался ее немного прижать на легкой алкогольной волне. Но почувствовал, что вся эта история ей не сильно нужна. Если бы она меня отталкивала, мол, не хочу... Это было бы понятно... Но тут повеяло холодом.

Ходит немало легенд про ее личную жизнь, но мне кажется, что этой личной жизни просто нет. По крайней мере, по мужской части. Замуж она так и не вышла. Но ей все время придумывают истории об очередных ее увлечениях. Как в свое время говорилось о ее контактах с Аленом Делоном. Мне-то кажется, что Ален Делон из той же серии, что Раиса Горбачева. Одно время у них был совместный бизнес-проект. Он делал программу, где она выступила. Требовалось все это немножко скандализировать,

добавить романтического флера. Но не более. Это все-таки были бизнес-отношения.

Одно из моих тогдашних открытий, откровений: не стоит верить тому, что на поверхности. Как правило, срывает принцип обратного. Часто мы видим в творчестве и политике, что человек играет обратную собственной натуре роль. Например, всем казалось, что Пугачева меняет любовников, как перчатки, что она совершенная оторва, которая переспала со всей Москвой, нимфоманка. Полстраны рассказывало такие истории. Особенно их любили на Кавказе. Я еще не встречал ни одного азербайджанца в те годы, который бы не рассказывал, что не спал с Пугачевой. Веселые сказки. Насколько я понимаю, Алла как раз вела очень замкнутый образ жизни. У нее всегда был узкий круг друзей. В этот круг особо никого не допускали. А вот по образу песен она была гулящей бабой с тяжелой судьбой, какую на Руси всегда любили и уважали. Потому что такие люди символизировали мечту о свободе.

Народ всегда жил в тяжелом униженном положении, и люди, которые демонстрировали свободу, принимались «на ура». Свободу во всех проявлениях, но главное — в поведении, в способности круто погулять и умении плевать на все условности. Очень нравились такие в народе. На этой волне и Ельцин потом пришел. Рубахипарни, девки-оторвы — это мечта. Это то, что приветствуется публикой и сейчас. И многие политики пытаются этот образ культивировать.

И наоборот, человек поет сентиментальные песни, сентиментально выступает, говорит о моральных нормах. Топкие психологи, как правило, читают за этим полное разложение, беспредел, намек на то, что это вконец испорченный извращенец. Чем больше он говорит о морали, тем больший он моральный урод. Это абсолютнейший закон. Правило сублимации.

Чем больше пост Патрисия Каас про любовь и про какие-то свои романы, чем больше она это показывает в сво-

их клипах, тем очевиднее, что никакой любви у нее нет. И ее жизнь — полнейшая противоположность.

Артист Вицин был тихим, спокойным, рассудительным человеком. Он не был ни пьяницей, ни балбесом, ни трусом, как все думали. Его натура совершенно противоположна имиджу. Или, например. Валерий Леонтьев — высокоинтеллектуальный человек, хотя многие считают, что он попсовый клоун. А он очень умный мужик, с которым есть о чем поговорить, трудолюбивый, в чем-то даже самоотверженный. Он очень мужественно выступает, хотя его много лет преследуют серьезные травмы. Но этого никто не знает. Это закон обратного. Каждый исповедует в публичной жизни то, чем он на самом деле не является. В этом плане имидж Жириновского лучше понятен. Жириновский в быту довольно-таки тихий, спокойный, милый человек. Во всем, что не касается политики, он очень выдержанный. Он вял. Политика — вот зона его страсти. Здесь он преображается. Становится другим. Это его состояние.

Глава седьмая

Эта глава о том, как из маленькой съемной квартиры в Рыбниковом переулке выросла партия ЛДПР, а правительственная дача на Николиной Горе пережила путч и взрастила Правую радикальную партию Эдички Лимонова; а также о том, почему «лучше пьяный русский, чем очень хороший, но чеченец»

ДИТЯ ДЕМОКРАТИИ, НЕНАВИСТНИК ДЕМОКРАТОВ

Одновременно с тем, как стартовала моя активная работа на телевидении, я начал снимать и документальные фильмы. Первая крупная работа, которую мы сделали, рассчитанная на кинопрокат, — фильм о Кашпировском «Пробуждение». Подчеркивая уникальность этой ленты, мы анонсировали ее как первый лечебно-оздоровительный фильм. Причем мы особо предупреждали почтеннейшую публику, что при перезаписи лечебные свойства картины утрачиваются. Фактически это был записанный при помощи методов художественного кино сеанс Кашпировского. С использованием актеров, со вполне киношным сценарием, но это был сеанс. Смонтированный хитрым образом из разных кусочков. Короче, сложная работа.

Но наши усилия оправдались. Фильм был совсем неплохо продан. Прокатчики получили отличные кассовые сборы. Чего на самом деле сложно было ожидать от документальных фильмов. В ту эпоху, когда вообще рухнуло кино, документалистика и вовсе исчезла с большого экрана. А этот фильм имел успех не хуже иных художественных. Тут, конечно, не столько наша была заслуга, сколько самого героя. Зритель заинтересовался карти-

ной именно благодаря личности Анатолия Кашпировского.

Во время съемок произошло небольшое ЧП. Стало плохо женщине-монтажеру. Которая, видимо, слишком близко к сердцу восприняла то, что делал на экране наш герой. Вечером ее отвезли в карете «Скорой помощи». В больнице она отошла, но позвонила и сказала, что больше фильм монтировать не будет. Просто не в состоянии. И от денег отказалась.

Это был уникальный случай, когда человек отказался от денег по таким непонятным, можно сказать, мистическим причинам. Я говорил с режиссером и пытался узнать у него, что же в действительности произошло с этой несчастной женщиной. А он пытался объяснить: «Ты бы посидел 10 часов. Посмотрел бы на лицо Кашпировского и на то, как мы по фразе монтируем самые важные его установки. Конечно, она не выдержала».

В общем, личность Кашпировского многое определяла — и в кадре, и за кадром.

В этот же момент я еще снял фильм о человеке, с которым стал связан на годы, точнее, навсегда — о Владимире Вольфовиче Жириновском. Ленту о Жириновском мы сделали для большого проката. И действительно, она собирала кинозалы. В Москве, например, с большим успехом фильм шел в кинотеатре «Стрела» и в кинотеатре «Горизонт».

Уникальность картины и ситуации, вызвавшей к фильму такой интерес, состояла в следующем. Был конец 1991 года. Рушилось государство, и Жириновский испытывал крайнее внутреннее потрясение. И вот это его потрясение, взбаламученность, крик гражданина СССР, чувствующего, что почва уходит у него из-под ног, этот крик души передается в нашем фильме.

Момент выхода картины был весьма драматичный. Октябрь, ноябрь 1991 года. СССР исчезает с географической карты. Республики расползаются. Еще никому тол-

ком не понятно, что же происходит. И поэтому получился такой своевременный, выстраданный фильм.

Один час пятнадцать минут на экране только Жириновский. Лишь изредка появляются другие люди. Показываем, как он ходит по рынку. Ходит с авоськой. Спрашивает, почем товар, и торгуется с продавцами. И ругается с торговцами, в основном выходцами с Кавказа. Потом выступает уже в своей квартире. Там и смешные, и грустные вещи. Зритель то смеется, то негодует, то просто задумывается...

Эти кадры обошли весь мир. К фильму возник интерес и на Западе, он был продан, в том числе, в Финляндию.

Мне и самому трудно объяснить этот феномен: как умудряется эту (самую разную по взглядам и настроениям) публику удерживать в течение часа с лишним всего один человек, не актер, а просто гражданин, который действует в разных ситуациях и рассказывает свою историю. Я помню очень хорошо премьеру фильма в кинотеатре «Стрела», когда собралось много народу и никто не ушел до финальных титров, а потом все какие-то задумчивые направились к выходу. На дворе было начало 1992 года, и все думал и о том, что же ждет героя картины и всех нас.

А ждало его большое будущее. Я думаю, что цели своей Жириновский в этом фильме достиг.

Но и я открыл новую фигуру. Для меня Жириновский уже тогда стал ясен. Все его грани. И абсолютно видна его большая будущность. Она была проверена на людях. Потому что я не знаю ни одного человека из любого другого мира — из мира науки, культуры, рабочих, крестьян, — который потянет на то, чтобы держать аудиторию в кинотеатре, просто рассказывая что-то с экрана. Это невозможно. Я не знаю второго такого, который способен на это.

Не только публика, но и я сам к Жириновскому стал

совершенно по-другому относиться после этой киноистории.

Кстати, делать фильм о Вольфовиче — это была моя инициатива. Не имевшая никакой политической подоплеки. Мы снимали коммерческие фильмы, и нам было интересно заработать. Мы вышли на этого, считающегося перспективным, политика. Он был уже заметной фигурой. Я с ним прежде немного пересекался, но в данном случае это был чисто коммерческий проект, который нас интересовал исключительно по материальным соображениям.

Существует старинный миф о том, что Жириновский раскрутился потому, что за ним стоял КГБ. В те годы, по моему, КГБ занимался только самим собой, как все наше государство и все ведомства. И никаких стратегических разработок у нас, к сожалению, не осуществляли. Кстати говоря, Жириновский никогда не скрывал, что ходил по разным организациям, ведомствам, просил помощи, содействия. В том числе просил от КГБ, от ЦК партии, просил дать деньги, просил оказать поддержку. Там его слушали, улыбались, иногда смеялись. Он дошел даже до Рыжкова и Лукьянова. Но дальше разговоров не пошло. Никаких замыслов у власти не существовало, никому ничего не было нужно, к сожалению. Тогдашняя власть не увидела огромный потенциал Жириновского.

Меня вот что поразило при знакомстве с Вольфовичем. Вся партийная штаб-квартира помещалась в небольшой квартирке, которую Жириновский арендовал. Там отключали электричество, зимой было холодно. Люди ходили в дубленках. Было грязновато. Было обшарпанное парадное. Но человек в дубленке, не обращая никакого внимания на всю эту житейскую неустроенность, стоял возле карты и рассказывал, как будет устроено будущее Европы. Это сильно потрясало на самом деле.

В этом был боевой дух, какая-то сила. Веяло ветром революционного восстания. Ходили какие-то люди, ко-

которые пили чай, наливали себе кипяток. Ходил Жириновский. Все это здорово напоминало фильмы, которые мы в детстве смотрели про революцию.

Это действительно был один из немногих людей, которого интересовали глобальные проблемы государства, устройства Европы, большая геополитика. В те годы, я уверен, никого больше такие высокие материи не волновали. С кем бы я ни разговаривал тогда в Москве, всех интересовали заработки, проблемы с налогами, бандитизм, но никого не занимало устройство Европы. Кроме тех, конечно, кто должен был заниматься по роду своей деятельности: моих коллег из МИДа. Но и они были далеки от мировых проблем. Они просто пили и говорили: «Все кончено». Был полный пофигизм, полное пораженчество.

И тут появился человек, который преодолевал это пораженчество. Говорил: вот такие у нас шансы, вот такая ситуация, здесь мы можем так, а здесь так. У нас сильные позиции. Это была не игра на публику, а искреннее внутреннее состояние.

Когда речь заходила о некоем бизнесе, Жириновский как-то сдувался. Чувствовалось, что эта тема не его. К нему часто приходили люди, которые говорили про бизнес. Он не очень все это понимал. И дискуссий на эту тему не заводил... И наоборот, преображался, когда речь шла о проблемах нашего континента, о Средней Азии, о проблемах демократии, о том, какой нам нужен парламент, какое губернское устройство.

И сейчас я вижу, что многое из того, что говорится и делается нынче, — суть то, что 10—15 лет назад излагал Жириновский в той холодной квартире в переулке Рыбниковой. Его планы реализуются. Медленно, не очень последовательно. Конечно, если мы будем такими темпами объединять автономные округа и области, то мы будем еще 50 лет реформировать территориальное устройство, еще полвека проводить референдумы. Конечно, это

нужно делать путем конституционной реформы, о чем Жириновский еще тогда говорил.

Все нынешние новации были мотивированы им в том далеком 1991-м: реформа партийного устройства, роли политических партий, выборы в Думу по пропорциональной системе. Тогда еще не было слова «Дума», был еще Верховный Совет. А я уже слышал о том, как следует проводить думские выборы. Эти разговоры шли в квартирке, где не топили и согревались чаем. А Жириновский рассуждал о том, что никому не нужны эти карликовые партии. Нужно создать несколько крупных партий, дать им возможность развиваться, а уже потом оказать определенную поддержку. Вольфовичем была обрисована вся эта схематика, которая потом нашла себе дорогу

По стилю Жириновский отличался от всего того, что было советским. Лидер ЛДПР мог пойти в ночные клубы. Плясал в красной рубашке. Общался с рокерами.

По технологии работы с избирателями у Жириновского очень четкие и понятные принципы: работай там, где есть избиратель. А избиратель наш повсюду: от мест лишения свободы, где люди не осуждены, а ждут приговора и имеют право голоса, до рок-н-рольного клуба. От домохозяек до военных. Мы не можем сказать: вот это наш избиратель, а вот эти нам не нужны. Все имеют один голос. И премьер, и 20-летний пацан — они все избиратели.

Была выбрана совсем не советская технология. То есть позвать как можно больше рук, со всеми общаться, побольше обо всех узнать, постараться, чтобы тебя лучше узнали. Идти туда, куда тебя приглашают, никогда не мешать фотографам тебя снимать, никогда не ругаться с прессой. Вернее, ругаться, но не ругаться с ней на уровне судов, исков, пересудов. Можно спорить с журналистами публично по каким-то проблемам, но никогда нельзя прессе угрожать. Не надо бояться, что за тобой где-то подсматривают, где-то тебя снимут с бутербродом. Потому что иначе вырастают комплексы и их преодолевать будет

тяжело. Не опасаться, что ты плохо выглядишь, быть естественным в этом смысле. Не специально плохо выглядеть, а быть таким, какой ты есть.

Такой технологии в Советском Союзе не существовало. Это была новость для всех нас. Потому что мы знали только мужиков в черных костюмах с галстуком, чьи портреты таскали на демонстрации. Это были наши публичные политики. Других не было. О них мы ничего не знали. Знали только их биографию. Они нигде не выступали, нигде не плясали. Про их жен ничего не было известно. Новую историю начал Жириновский.

Чрезвычайно сильный эффект произвело уже первое его появление в эфире московского канала у Меркуловой. С бабочкой. Первый политик, который надел не галстук, а бабочку. Он сразу обратил на себя внимание. Помимо прочего, и тем, что он первый сказал: «Надо разговаривать с иностранцами на их языке. Я знаю три языка. А сколько знают остальные? Ничего они не знают!» Этот разговор, где-то немного агрессивный, где-то немножко на грани фола был неведом для Страны Советов. Потому что все там были чиновниками. Тенями ходили. Был кремлевский театр теней. Без лица, без собственного мнения, без собственного положения.

Жириновский анимировал политическую жизнь, доказал, что и русские политики могут иметь лица, недостатки, причуды. Что от их прямого контакта с населением многое зависит. И поэтому я утверждаю: пока есть Жириновский, демократия в России будет жить. Это стопроцентное дитя демократии. И наоборот: если его не будет, то демократии в России нет. Хотя многие считают, что его предложения антидемократичны. Но в этом и парадокс обратного. Тот, кто больше ругает демократию, больше остальных эту демократию и несет. Потому что Жириновский всегда нес дискуссию. Потому что Жириновский был всегда за публичные бои. Он по самой своей сути — демократический политик. Хотя он всегда ругает де-

мократию. Жириновский впервые применил технологии публичной политики. Первый начал использовать телеэфир в качестве влияния на избирателей. На миллионы людей. И это единственный политик, который сделал карьеру благодаря воле избирателей. Больше никаких ресурсов он не применил.

Это тоже очень примечательный факт. Ведь если мы разберем всех политиков, мы поймем: все они сделали карьеру на бюрократическом фоне. Когда-то они были кем-то назначены, кем-то приведены за ручку во власть. Можно даже с точностью сказать: кто когда и кем был приведен. Жириновский пришел в политику благодаря воле миллионов людей. Ворвался туда сам, без всякой протекции, без чьей-то помощи, не благодаря, а скорее вопреки.

Фильм стал началом наших товарищеских и деловых отношений. Мы начали плотно вместе работать.

ТРИ ДНЯ ПУТЧА: ДАЧА, БАНКИРЫ, ШОУ-БАЛЕТ

Путч 1991 года застал меня на даче. Это была дача на Николиной Горе. Правительственная. Большой участок — примерно шесть гектаров, и большой дом. Сейчас представительская дача Совета Федерации. Когда-то правительство передало ее одной коммерческой структуре, довольно крупной по тем временам. А та, в свою очередь, заключила договор с нами. Короче говоря, правительство это дело в качестве борьбы с привилегиями сбросило с баланса, а мы домик забрали. Это была хорошая большая дача. Удобная тем, что там могло разместиться много народа. И 19 августа 1991 года волей судьбы я оказался на этой даче.

Она расположена как раз напротив дома Татьяны Дьяченко и через дачу от Михалкова. Самая крайняя дача, когда едешь по Николиной Горе. Заканчивается Николина Гора, и сразу упираешься в зеленый длинный за-

бор. Спускаешься с горы — слева пляж, а справа наши ворота. Трехэтажный дом, отделанный туфом - все в советском духе.

Там когда-то жили довольно крупные чиновники. Киселев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Его жена, кстати, хорошо подняла эту дачу. Особенно ее сельскохозяйственные угодья. Насадил фруктовые деревья, следила, чтобы росли сливы. Садовые работы — это была ее стихия. Сливовые деревья давали урожай и много лет спустя. Как-то Владимир Вольфович приехал на эту дачу, собрал много ведер слив и увез все это с собой.

Жил в этом доме и первый заместитель председателя Совета Министров СССР Мураховский. То есть это был уровень первого вице-премьера — если проводить аналогию с нынешней иерархией.

На той же территории был и еще один домик, поменьше, где жила обслуга. Обслуживающая дачу семейная пара, Рая и Коля, жила там с советских времен. Работала еще при Мураховском и Киселеве.

Дома были хорошо вписаны в рельеф: ведь это строилось не на ровной местности, архитекторам требовалось вписать строения в горку. И они справились с задачей весьма искусно. Большим достоинством дачи была огромная веранда, метров 150, где можно было устраивать танцы.

Этот дом потом описал Лимонов в своей книге «Лимонов против Жириновского». Потому что здесь собиралась молодая часть ЛДПР. Именно на этой даче. Здесь была создана праворадикальная партия - предшественница национал-большевиков.

Горячий август 1991 года застал кого где. А меня застал на вышеописанной даче при очень интересных обстоятельствах и в весьма любопытной компании. А дело вот в чем. Наша контора, параллельно с прочими проектами, занималась, как тогда было модно, отправкой каких-то коллективов на гастроли за рубеж. Мир только

что открылся, и все кинулись на Запад. В тот памятный август мы отправляли шоу-балет куда-то в Европу, кажется, в Италию. И вот мне позвонил мой товарищи сказал, что спонсоры, которые оплатили проезд этого коллектива, хотят встретиться с участниками гастролей, посмотреть, на что они вообще деньги отдавали. Они изрядно потратились на костюмы, на проезд, но никогда не видели тот коллектив, который спонсировали. Мы этих банкиров просто попросили, и они дали деньги чисто из-за хороших отношений. Но теперь изъявили желание взглянуть — во что же они вкладываются. «Устрой им просмотр. Привезем этот шоу-балет».

Встреча была назначена на 19 августа. На семь часов вечера. Шоу-балет должен был приехать на Николину Гору в полном составе. То есть семь девчонок и их художественный руководитель. Дача для такого просмотра вполне подходила: здесь был большой зал. Он позволял устраивать любые мероприятия.

В общем, все готовились к этому «творческому вечеру». А утром возникло ГКЧП. Мы созваниваемся с ребятами: «Ну что, сегодня отменяем?» «Почему отменяем? — говорят спонсоры. — Наоборот, все приедем. Что делать-то? Какая работа в такой день? Сейчас посмотрим за ситуацией...» Сейчас мне пришло в голову, что у ребят были некие другие замыслы. Их интересовал не только шоу-балет. Возможно, они просто хотели на госдаче пересидеть смутное время. Лучшего места было не найти. Раз государство взяло под контроль ситуацию, то уж за зеленым забором дачи этого государства их не тронут.

Тогда я отзваниваю руководительнице шоу-балета. Она говорит: «Наверное, отменяется все?» Я бодро отвечаю: «Наоборот, не отменяется. Все по плану». Она обрадовалась: «Нам в радость, потому что нам сказали, что в ресторане, где мы работаем, до выяснения обстоятельств никаких шоу-балетов не будет, даже не звоните».

Короче говоря, в семь вечера на дачу приехали банки-

ры и балет. И началось представление. Все как полагается — с выключенным светом, с костюмами, переодеванием. Восточные номера, русский танец, испанский. Здорово. Действительно профессиональный балет. Потом банкиры накрыли на стол.

Рая с Колей были потрясены. За все годы работы на Николиной Горе они никогда еще не видели на этой даче шоу-балет. Тем более они не могли представить себе шоу-балет в этот день, 19 августа. Они подошли ко мне, и Коля осторожно поинтересовался: «Скажите, Алекс, как вы прогнозируете ситуацию?» И я сказал уверенно, будучи выпивши, естественно: «Коля, успокойся. Все нормально. Это чисто наши дела. Понимаешь, просто решаются чисто верхушечные истории. Народ это вообще не должно интересовать». Коля изобразил, что мои объяснения ему понятны и его удовлетворили. Но главным успокоительным фактором для него, думаю, стала сама вечеринка - с банкирами и шоу-балетом. После, через несколько месяцев, он ко мне подойдет и скажет: «А ведь вы, наверное, знали, как закончится эта история». — «Коля, ну ты что! Естественно!»

А тут и смех и грех. Объявляют: вводится чрезвычайное положение. В городе вечером введен комендантский час. Транслируют выступление коменданта Москвы по телевизору. Банкиры принимают решение оставаться на даче. Звонят домой, чтобы закрыли дверь. Просят не волноваться, заверяют, что они в надежном месте. Девушки тоже остаются. Естественно, глупо ехать. Короче говоря, вся компания, человек 15, остается на даче. Начинается серьезная пьянка. Ну а что делать? «До выяснения обстоятельств» надо подождать.

Пьянка продолжалась два дня. За это время подъехала какая-то странная процессия. Я думаю, что это были сотрудники КГБ. Они вошли на дачу, спросили: «Кто тут старший?» Я сказал: «Я старший. А что?» Они спросили: «Никакой вам помощи, содействия не надо? Обста-

новка как? Нормальная?» «Нормальная», говорю. А в это время на веранде раздавались крики, визги, стреляли ракетницы, фейерверки. Чекисты были просто поражены и еще раз уточнили: «Вам не нужна никакая помощь?» Я их успокоил: «Нет. Нам помощь не нужна. У нас все просто замечательно».

Деваться было некуда двое суток, и такие обстоятельства всех устраивали. Банкиры звонили домой женам и голосом заговорщиков объясняли: «Я не могу тебе сказать, где нахожусь. Ты же понимаешь. Не ребенок, что я тебе сейчас буду рассказывать? Я нахожусь в надежном месте за городом. Как только обстановка выяснится, я появлюсь». С одной стороны, это была отмазка, но с другой стороны, действительно были соображения, что лучше сейчас не появляться на работе, мало ли что на самом деле.

Короче говоря, команда с 19 по 21 августа, весь путч, провела на даче. Периодически Рая и Коля ездили за мясом и вином. Запекали то свиную ножку, то еще что-то. Банкиры прекратили бриться, девушки стесняться. Ходили в халатах, а некоторые и вовсе почти голые. Было весело и мило.

Но сейчас я вспоминаю все это с некоторой грустью, в том смысле, что мы были не правы. Тогда решалась судьба страны, но мы как советские люди, в отличие от того же Жириновского, который тогда громче всех кричал, не понимали последствий того, что происходит. Мы не понимали тогда, что речь может пойти о развале страны. А все шло именно к этому.

Нам казалось, что идут сложные игры политиков, что они что-то там решают. Горбачев и другие о чем-то не договаривались. Нам до них вроде как дела нет. Но к сожалению, тогда решалась и наша судьба, судьба всей страны. И если бы знать, стоило прийти к Белому дому. Правда, если бы я и пришел, то не с целью поддержать, а наоборот, чтобы разогнать всю эту публику. Но с другой стороны — непонятно, кого надо было в этой ситуации защищать.

Защищать Янаева с его дрожащими руками? Всех этих? Уж очень они слабо смотрелись. Но, наверное, надо было плюнуть на это и защищать государство. Государство как таковое. Тогда этого никто не понимал.

Потом я позвонил на телевидение, спросил, как дела. «Ну, тут такие события. Снимают Кравченко, руководителя телевидения. Все бегает. Какие-то собрания идут». Я говорю своим дачным товарищам: «Мне надо бы срочно поехать» - «Езжай, езжай. Как раз разведаете обстановку. Трое суток мы тут только по телевизору с миром общаемся».

Когда я собирался, один товарищ мне сказал:

— Разве так можно ехать?

— А что?

— Ты такой какой-то... Слишком свежий. Может, тебе руку забинтовать?

— Зачем забинтовать?

— Ну как? Как будто ты где-то там был. Тебя ранили. Тебе же тоже надо быть в духе времени. А то приедешь свежий, веселый. Люди трое суток не спали. Ты тоже где-то был. Ты же не расскажешь, что был на даче. А дашь понять, что тоже где-то на баррикадах. Подносил сигареты, кормил солдат.

И под общий смех мне пытались завязать руку. «У тебя спросят, а что у тебя с рукой, а ты скажешь, мол, сейчас об этом уже не стоит говорить. Ну, 19-го был там эпизод ментами».

Я приехал в Останкино. Действительно, революционное броуновское движение. Встретил Станкевича. Он вышел из черной «Волги» и возмущается: «Представляешь, что происходит? Дурь какая! Народ грабит музей Ленина. Что они там грабят? Старое ленинское пальто простреленное?» Я был поражен его неосведомленностью. Я все-таки был кремлевский ребенок и понимал, что к чему. Говорю: «Какое старое пальто? Там дарения художников. Пикассо! Я уже не говорю про нашего Глазунова.

Пикассо, Сикейрос, Гутузо, чего только нет! Вы что, не знаете, что Ленинскому музею дарили все приезжающие президенты? Это богатейший музей. Пальто — это так, для отмазки». Станкевич слушает мою речь, продолжая двигаться по направлению к Телецентру. А потом тормозит и как бы механически разворачивается. А его «Волга» только-только отъезжает. Станкевич бежит к своей машине, догоняет ее и стучит по багажнику. Прыгает в «Волгу» — и по газам. А потом, через некоторое время, мне рассказали, что он приехал прямо в музей и стал там наводить порядок.

В общем, происходил дурдом. Хотя было приятное оживление, необходимый время от времени организму выброс адреналина.

Вечером я приехал и объявил народу, что, по моим данным, все рассосалось, наши в городе и волноваться не стоит. После чего наступила трогательная сцена прощания. Всем, честно говоря, не хотелось расставаться. Там уже возникла любовь, почти что семейные нары на фоне революции сложились, кто-то кому-то много чего наобещал, какие-то квартиры, сладкую спонсорскую поддержку. Банкиры же думали, что это, возможно, их последняя гастроль.

Трогательное прощание. Симпатичные девочки. Девочки закричали: «А зачем нам ехать в Италию? А зачем нам нужна Италия, раз тут такие хорошие ребята? В общем, ветераны революции разъезжались. Товарищи, вместе пережившие события 19—22 августа на даче на Николиной Горе, прощались, обнимались. Это было, пожалуй, посильнее, чем телешоу «Дом-2» на ТНТ...

Бриться никто не стал. Кто-то сформулировал позицию: «Нет, ребята, домой надо приехать мятыми, заросшими, потрепанными, чтобы было ясно: все эти дни боролись, сохраняли собственность».

Все-таки русский народ уникальный. Любое ЧП ветре-

чает шуткой. В самый разгар событий ребята подозвали горничную Раису и очень серьезно спросили:

- Скажи, Рая, у тебя есть трехлитровые банки?
- Да, для засола.
- На фиг твой засол. Будет серьезная работа. Будем

деньги закапывать на участке.

Она вся так сжалась, задрожала:

- Да вы что?
- ...Деньги, бриллианты. Предстоит много работы

ночью.

Они шутили, а Рас было не до смеха. Она, наверное, уже воображала, как после этих ночных работ последуют ночные обыски. И как грозный следователь будет допрашивать: ну что, Раиса, будем сообщать, куда вы спрятали буржуйские бриллианты?

Она взволнованно спрашивала у меня: точно ли они собираются закапывать, и когда приступят? Я пожалел бедную тетушку: «Не будут, Рая, успокойся. Революция победила. В ближайшие пять лет ничего закапывать не будут». И Рая даже немного расстроилась, что революция победила и ничего закапывать никто не собирается. Все-таки — очень заманчивое было бы предприятие. Я говорю: «Рая, но ты все-таки попридержи трехлитровые баллоны, они нам еще потребуются».

НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВИЛЛЕ О ТОПОРАХ И ВИЛАХ

Вообще, на этой даче на Николиной Горе весь 1991-й и 1992-й проходили интересные события. Именно там была рождена так называемая Правая радикальная партия. Первый лимоновский проект. Эдичка попытался создать свою партию, отколов некий фрагмент от ЛДПР, эдакий осколок партии Жириновского. И на этой даче состоялся их первый съезд. Лимонов начинал как партстроитель именно на правом — или даже ультраправом (с

национальным оттенком) фланге и только потом сдрейфовал в большевистскую сторону.

Почему-то потом считали, что я тоже раскалывал ЛДПР и хотел уйти к Лимонову от Жириновского. Это неправда. Весь мой вклад в этот проект ограничивался тем, что Лимонову и его товарищам я просто дал площадку для сборища. Предоставил радикальной молодежи свою дачу. Мне было интересно, что за публику они соберут. И потом, они меня просто попросили об этом. Они знали, что я радушный хозяин. У меня открытый дом.

Выбор этого помещения Лимонов объяснял так: «На даче лучше — она далеко. А в городе опасно — еще менты придут. Не возражаешь, если мы у тебя в бильярдной соберемся? Человек 40 привезем. Хорошо?» Я говорю: «Ну, давайте, интересно». После чего Лимонов действительно провел съезд в бильярдной и объявил о создании новой партии.

Шел 1992 год. Многие творческие люди к тому времени уже входили в ЛДПР. Были там и Лимонов, и Жариков (группа «Гражданская оборона»), и Архипов. Лимонову казалось, что с наиболее радикальными из своих соратников он может раскрутить новый политический проект. Но он ошибся — партии у него в тот раз не получилось. Старые соратники не оказали должной поддержки. И тогда он поставил на молодежь.

Лимонов постоянно куда-то звал. Но я не видел четкости его концепции. Особенно когда он говорил, что надо браться за топоры и вилы. Я ему и его ребятам возражал: «Вилы и топоры — это один из инструментов. Это один из методов работы. Но нельзя абсолютизировать ни один из методов. Тем более такой. Сейчас браться за вилы - это просто глупость». Вот чеченцы взяли за оружие. Но только оружием они ничего не решили. Нужно политическое влияние, лоббирование, информация, идеология, международная деятельность. А главное, ради чего? Ну, взяли за вилы, а чего добились? Кого скинули?

Гнилую бюрократию - ради того, чтобы самим прийти? Непонятно.

Тогда как у Жириновского была четкая позиция и понятная ситуация: прежде всего сохранить действующее государство, его границы, конфигурации. Четко и ясно. Ради этого партия и задумывалась. Потому до сих пор и существует: ясна цель ее существования. У нее есть стержень — чего никто не понимает. Все удивляются — почему Жириновский держится?

А я бы сравнил ЛДПР с орденом иезуитов при папском престоле. На чем был построен этот орден, какова была главная задача иезуитов? Укреплять папу! Не допускать разрушения, размывания папской власти. Это была первая идея. Орден появился как раз тогда, когда пошла борьба с папским престолом. То есть иезуиты усилились на волне реакции, они кричали: «Мы за папу!» За любого папу: хорошего, плохого, но мы за папскую власть.

И Жириновский появился тоже на этой волне. Да, плохой сейчас президент, а завтра будет еще хуже, но это государство, оно быть плохим не может, и мы должны быть заодно с этой действующей властью, должны это государство спасать. Сильное государство - это благо. Жириновского всегда критиковали: он и с этими руководителями страны контакт находит, и с теми. Да, потому что такова его идея — он служит государству. Работает с этим государством и хочет его укреплять. Для него нет такой темы: коли Горбачев плохой, давайте развалим СССР, чтобы выгнать Горбачева. Давайте — а что дальше? Потом говорят: Ельцин плохой, давайте развалим Россию, чтобы не было Ельцина. Это полная глупость. Кстати, это особенность менталитета многих в России: давайте выгоним «их» любой ценой.

На славную дачу на Николиной Горе приезжали самые разные люди. Бывали и политические герои тех дней. Однажды Гайдар решил устроить там рандеву с

Петровым, тогдашним управляющим делами президента. Мне позвонили чекисты: «Алекс, вы не против, если мы подъедем, посидим у вас, кое о чем потолкуем. Просто мы тут недалеко находимся, а у вас удобно».

Был конец 1992 года, Гайдар еще оставался в должности премьер-министра. Они подъехали, заперлись в одной из комнат по каким-то вопросам. Я к ним даже не заходил. Моральное право на такие посиделки они имели. Все-таки дача была изначально правительственная. Видимо, хотели так встретиться, чтобы не было лишних глаз, на какой-то совсем нейтральной территории.

После окончания приватной беседы произошел забавный эпизод. Дело в том, что когда они позвонили и сообщили, что через час приедут, у меня были свои гости. Были девушки, еще какие-то дети. Спровождать эту компанию я уже не успевал. Попросил только, чтобы они вели себя тихо и не мешали важным персонам. Но то, что бежит ребенок, Петров и Гайдар заметили. Когда у них переговоры закончились и чиновники направились к выходу, в этот самый момент сверху в длинной шубе до пола спускалась симпатичная девушка. Ей тоже надо было уезжать. Так получилось, что они буквально столкнулись. И Гайдар сказал: «Здрасьте». Она: «Здрасьте». «Какой красивый ребенок. А как зовут его?» Они подумали, что это как раз мама ребенка. Она удивленно посмотрела на премьера: «Да я вообще не знаю, как его зовут». И когда Гайдар сел в машину, он мне бросил: «Да, у вас тут весело. Нормально».

Перманентно появлялась в этом же доме Наташа Медведева, жена Лимонова. Любила она выпить, что не секрет. Приезжала с Лимоновым, рассказывала много интересного про Париж, всякие эмигрантские дела. Яркая, интересная...

Бывал Юра Бузов, будущий депутат от фракции ЛДПР. Мы с ним тогда сильно заружились, Юра любил снимать все происходящие процессы на видеокамеру. Не жалел на это ни времени, ни пленки и все приговаривал:

«Коплю, коплю. Когда вы будете править, я вам продам этот материал или буду показывать по телевизору».

Это был, я бы сказал, дух политического творчества — когда шли нескончаемые диспуты, мозговые штурмы, изобретались самые радикальные политические проекты. Все приезжали с большой охотой. И место хорошее: рядом Москва-река, дипломатический пляж на Николиной Горе, в советское время очень элитный, но впоследствии сильно запущенный. Пляж под боком давал дополнительные удобства.

Летом 1992 года по пляжу, вызывая ажиотаж среди московских девушек, которые приезжали туда загорать, ходила троица: Никита Михалков, Александр Руцкой и Александр Панкратов-Черный. Представляете их внешне? Три усача, таких серьезных, поглядывающих масленисто на гражданок, проходили по пляжу. Это было жаркое лето 1992 года, когда все говорили, что Руцкой вот-вот станет президентом. Что Ельцин слаб здоровьем, он уже готов отдать власть. А Руцкой, соответственно, со дня на день придет к власти. Такие темы, естественно, горячо обсуждались на нашей даче.

Там же появлялись «новые русские», банкиры, молодые предприниматели. Кстати, рядом находится известная дача Щелокова, о которой много писали. Сын Щелокова Игорь был важной фигурой в бизнесе на Николиной Горе. Он строил дома, к тому времени у него была своя строительная фирма. Это вообще один из первых предпринимателей, работающих в районе Николиной Горы, Барвихи, Одинцова — в зоне знаменитой сейчас и раньше Рублевки.

Вновь возвращаюсь мысленно к дням августовского путча. Как я уже рассказывал, загул с балеринами и банкирами начался вечером 19-го. А утром я побывал у вдовы Громыко. Лидии Дмитриевне Громыко было глубоко за 80. Я приехал вместе с ее внуком Андреем. И бабушка, которая знала лично всех советских и российских лиде-

ров, кроме, может быть, Ленина и Путина, спросила: «А что происходит там?» — «Ну как, бабушка, танки ввели в город. Они ездят туда-сюда. Переворот».

Бабушка очень заинтересовалась. Но вопросы она задавала по-особому — с расчетом на прослушивание, не называя фамилий, аккуратно так. Виден был огромный опыт. Она спрашивала:

— А какова судьба этой семьи? То есть основной пары?

— Сидит в Форосе. Их изолировали.

— Но они живы?

— Вроде живы.

Бабушка подумала и сказала:

— Тогда это не переворот.

Я эти слова запомнил на всю жизнь. Мудрая женщина.

Очень мне понравился и другой ее комментарий. Я заехал к семейству Громыко уже после окончания путча. Лидия Дмитриевна и ее семейные смотрели по телевизору трогательные кадры возвращения Горбачевых в Москву. Как Раиса в одеяло кутает ребенка, и вот они с трапа сходят, и их охраняют от невидимых врагов охранники с автоматами. В общем, цирк. Но бабушка вдруг заплакала. Запричитала:

— Ой, как жалко Раису Максимовну, как жалко!

Андрей удивился:

— Бабушка, ты чего? Бабушка, да прекрати. Их жалко? А они нас много жалели? Жалко прямо!

Его отношение к Горбачеву было понятным. И он никак не мог понять, что имеет в виду Лидия Дмитриевна.

— Нет, Андрюша, мне Раису все-таки жалко. Всю жизнь с дураком жить - - маяться. Он же дурак! Андрей Андреевич (Громыко. - *Прим.ред.*) был тяжелейший человек, сложный человек, но он никогда не был дураком. А с дураком-то жить — маяться.

Это был второй афоризм от жены Громыко, который мне надолго запомнился. «С дураком жить — маяться» и «Если основная пара умирает, то это не переворот».

Одно время я на Николиной Горе жил постоянно. Телевизионная работа позволяла: все-таки не было такой обязательной привязки к городу. Дача продолжала иметь статус государственной, но, как я уже говорил, она была отдана в аренду на волне пресловутой борьбы с привилегиями. Потом она все-таки вернулась государству — уже после того, как Строев стал спикером Совета Федерации. Хотя еще при Шумейко начался этот процесс ренационализации загородной собственности. Мне, кстати, предлагали ее приватизировать, но я решил почему зря не рисковать. Сегодня приватизируешь, а завтра кто-то напишет... И будут вечные разборки с этой недвижимостью. Что и демонстрирует нынче история с дачей Михаила Касьянова.

КАК ЛДПР ПРИВЕЗЛА ИЗ ФРГ ЯЩИКИ С ПАТРОНАМИ

Если первый путч я провел за городом, то второй застал и вовсе за границей. 2 октября 1993 года мы были в Германии. Задолго до горячих сентябрьских и октябрьских деньков нас пригласили на съезд Немецкой народной партии. Эта партия близка нам по идеологии - она патриотического толка. Нас пригласил доктор Фрай — старый партнер ЛДПР еще с самого начала 90-х. Он известный издатель. Доктор Фрай, а также его дочь и сын, патронируют Народную партию. В Германии они устраивали такой семейно-партийный митинг и очень хотели, чтобы туда приехал Жириновский. А в Москве закипали события. Жириновский хотел остаться. Но тут я сыграл определенную роль, уговорил Вольфовича не отказываться от Германии. Напомнил, что наш партнер давно прислал приглашение, да и сам Жириновский давно хотел выступить на германской трибуне, ждал этого выступления. К тому же немцам интересны известия из Москвы. «Ваш визит будет интересен немцам, поскольку у нас

очень горячие события», — доказывал я вождю. И мы все-таки выехали в Мюнхен.

Мои ожидания оправдались. Приезд ЛДПР на слет немецких народников произвел эффект. Жириновский блестяще выступил перед большой, солидной аудиторией. В огромном холле собралось тысяч пять местных партийцев. Народ выпивал, пел песни. И в этой непринужденной обстановке выступали ораторы. Такая форма партийного митинга с пивом нам казалась совершенно необычной: у нас ведь, как правило, на улице, на холоде стоят. А так, чтобы с удовольствием, с пивом, рыбкой, людей послушать, самому что-нибудь толкнуть — мы этого не понимаем.

Жириновского перед выступлением на всякий случай предупредили: здесь нельзя ничего плохого говорить об эмигрантах, иначе сразу пойдет иск в суд. Нельзя говорить о том, что неправильные границы, — тогда вообще замотают по судам. Нельзя говорить, что в Европе нет демократии, — это и подавно криминал. Жириновский недоумевал: «А про что же тогда можно говорить?» — «Ну, вот такие условия. И вообще, лучше чаще говорить слово «демократия», чтобы не привязывались».

И тогда Жириновский, поздоровавшись с аудиторией по-немецки, толкнул такую речь:

— Я знаю, что Германия — это страна демократии, где образцово решены многие вопросы. Но я приехал из другой страны, где многие вопросы не решены, поэтому я расскажу о своих проблемах, которые я знаю. Например, нас достали мигранты, особенно с юга. Они приезжают и захватывают места.

Тут толпа немецких партийцев буквально подпрыгнула от восторга.

— Но в Германии, в культурной цивилизованной стране, — продолжал Жириновский, — я знаю, таких проблем нет.

Толпа начинает визжать.

- Я знаю, что в Германии нет проблем с границами, они справедливые, а вот в России в результате распада часть территорий оказалась за пределами, и мы потеряли свою территорию. Нас это очень беспокоит, но Германия — это демократическая страна. Конечно, этот вопрос, вопрос границ, вас не беспокоит. Потом нас еще беспокоит такое образование, как Польша. Она ведет себя безответственно. Исторически эту Польшу всегда делили. В Германии, понятно, этот вопрос вообще никого не беспокоит, а вот в нашей стране...

И дальше в таком же духе. Вроде бы говорил о России, и при этом все время повторял, что в Германии демократия, решены все вопросы. Зато в нашей стране, к сожалению, вот такие есть проблемы, что мигранты с юга приезжают, захватывают места, ведут себя отвратительно, не хотят признавать культуру другого государства, не хотят с нами общаться, пытаются насильничать наших девушек.

Под конец он сорвал дикую овацию, потому что все поняли, о чем он говорит.

Мы поехали после этого отдыхать на дачу. Легли спать. И вдруг Жириновский всех будит, мы вскакиваем, и он командует: «Немедленно все едем в Москву!» Я знаю точно, что ему никто не звонил, но вдруг ночью его пробило. «Едем в Москву». А у нас билеты были на 4-е или даже на 5-е. Пытались уговорить шефа повременить. «Нет! — сказал Жириновский. — Уезжаем, улетаем, поднимаем начальника «Аэрофлота». Рвем в Москву».

И мы схватили за грудки представителя «Аэрофлота», требуя немедленно отправить нас на родину, хотя не было мест, были еще какие-то проблемы. Короче говоря, нас все-таки взяли на борт до Москвы. Более того, с собой мы еще привезли несколько ящиков хорошего немецкого вина, которыми доктор Фрай нас снабдил на дорогу.

Когда мы появились в аэропорту Шереметьево-2, шел шторм Останкино. И по телевизору показывали соответствующие кадры, журналист с дрожащим голосом твер-

дил, что идет штурм Останкина. Нас встречали наши партийные товарищи, и они докладывали: все, Ельцину конец. Штурмуется Останкино, взята мэрия. Эта власть накрывается, и точка. Но Жириновский отнесся к таким сообщениям очень осторожно.

Тем временем мы стали выгружать ящики с вином. Пронесли их через депутатский зал. И вдруг кто-то громко сказал: «Патроны привезли». Мол, приехал из Германии Жириновский, привез какие-то патроны.

К Жириновскому подошел мужик и спросил в лоб: «А вы-то что будете делать?» И мне понравилась фраза Вольфовича. «Будем помогать выносить раненых», — сказал просто Жириновский. И вот в этом была сформулирована его позиция. А позже и позиция партии. В принципе — ни за ту, ни за другую сторону мы не выступали. Считали, что обе стороны обострили и без того сложные отношения. Но помогать выносить раненых — это означает отстаивать интересы государства и страны, чтобы она не развалилась в результате этих событий.

Интересно, что у меня еще до октябрьских событий была встреча с Хасбулатовым. Был довольно длительный и напряженный разговор. Спикер Верховного Совета выразил свое раздражение Жириновским. Он запомнил, как за полгода до этого на партийном съезде лидер ЛДПР бросил одну жесткую фразу: лучше пьяный русский, чем очень хороший, но чеченец. И сформулировал это противостояние вполне конкретно: чеченец Хасбулатов против русского медведя Ельцина. Жириновский был единственным, кто так поставил тогда вопрос.

Так вот, это сильно напрягло Хасбулатова. Он понял, что удар нанесен в самую болевую точку. И тут же приказал не пускать Жириновского ни на какие мероприятия Верховного Совета, не иметь с ним вообще никаких контактов. Но меня он принял даже с каким-то особым интересом. Хасбулатов рассчитывал отыскать какую-то ли-

нию напряженности между мной и Жириновским. Он все время проводил эту идею.

Разговор затянулся. Он курил трубку. И между прочим сказал такую странную фразу: «Почему я, сын высланного человека, который в теплушке ехал среди чеченских выселенцев, должен больше думать о России, больше за нее переживать, чем сами русские? Почему русские так не переживают? Они что, не видят, что у них украли страну, что эта приватизация злодейская? Почему они не проникаются патриотическим духом?» И в этот момент мне показалось, что он входит в некую роль, что он почувствовал себя Сталиным, и подобно генералиссимусу, готов взять ответственность за страну на себя.

Он с болью говорил о том, что происходит: «Вот они все время смотрят на Запад, а ведь это неправильно. Надо смотреть и на Восток. И я знаю, куда надо смотреть на Восток, потому что на Востоке есть огромные деньги и возможности. И мы можем воспользоваться этими возможностями, но они смотрят только на Запад».

Одним словом, летом 1993 года он почувствовал себя каким-то миссионером, который должен выполнить свой великий долг. Он собирался стать руководителем России. Никакому Руцкому или другим людям он бы власть не отдал. И если бы они победили, самой трагической была бы эта ситуация. У него появилась реальная возможность стать правителем России, и шанс такой, повернись по-другому события, он бы вряд ли упустил. Соратники не отобрали бы у него власть. И был бы у нас чеченский правитель. Некоторые это понимали — и именно здесь было слабое место у Верховного Совета. Жириновский как-то сказал: «Ну, был бы Филатов с их стороны. Мы бы согласились. Почему не поддержать Верховный Совет. Но чеченец...» Этот национальный момент, возможно, и сыграл решающую роль.

Глава восьмая

В главе рассказывается о том, как Сталин добавил Жириновскому на выборах очки, о том, почему партийные будни и праздники ЛДПР в режиме «live» транслировала телекомпания CNN, о том, как побежденным путчистам вернули свободу, а также о том, как Сергей Мавроди пытался стать президентом России и почему он никогда не ездил за границу

КАК К ЖИРИНОВСКОМУ ПОДКЛЕИЛИ СТАЛИНА

В ыборы в Думу 1993 года. Прошла всего неделя после того, как расстреляли Белый дом, а я уже занимался составлением списков на выборы. В меньшей степени этого касался Жириновский: он был скорее занят организацией самой предвыборной кампании. Разъезжал по регионам, пытался мобилизовать местных партийцев. А подбор кандидатов доверил мне. Что было делом хлопотным и не всегда благодарным. Фон для такой кампании был мрачноватым. Еще даже не похоронили всех, кто погиб в дни путча. Стоял еще закопченный после танковых выстрелов Белый дом. В Москве еще не отменили комендантский час. И было такое ощущение, что вся эта затея с Думой — ненадолго. И вообще непонятно, что будет, какой будет политическая система в целом.

С людьми приходилось подолгу беседовать, убеждать, доказывать, что политическая борьба по-прежнему имеет смысл, что у ЛДПР в этом смысле большие перспективы. Ряд серьезных людей, с которыми я беседовал, так и не рискнули поместить свои имена в список Жириновского. И тем не менее команда собралась весьма приличная.

Наш первый думский список — это, по сути, настоящий советский средний класс. Единственным представителем старой партийной номенклатуры был Владимир Кузьмич Гусев. Некогда первый секретарь саратовского обкома КПСС и, кстати, один из вероятных кандидатов на пост генсека. Тогда это был молодой и прогрессивный секретарь обкома, руководитель крупной и важной в промышленном смысле области. Именно такие секретари составляли «скамейку запасных» кремлевского руководства. Он и сейчас — член Совета Федерации.

Все остальные были не из коммунистической обоймы: профессора, несколько академиков (не «почетных академиков», а реально работающих в науке), некоторое количество молодежи, подполковник милиции Нина Кривельская, преподаватель в академии МВД. Собралась такая чисто советская интеллигенция: не номенклатура, и не низы, и не какая-нибудь братва. И не цеховики с их специфическими представлениями. Были и военные, даже один генерал, но тоже — из военной науки. Сочетание молодежи и пожилых людей было сбалансированным. Очень приличная фракция получилась, и притом самая крупная (64 человека). Вообще, каждая последующая фракция ЛДПР была не похожа на предыдущую. Ее изменение отражало этапы развития страны. Со страной менялся и состав. Набирали силу определенные круги — они получали свое отражение во фракции. Не было такого цехового сектантства. Мы были открыты к ветру перемен.

Надо сказать, что некоторых моих знакомых напрягало мое участие в такой партии. Хотя по первому списку в Госдуму избиралась и моя сестра, тоже дипломат, которую в этот перечень, понятно, внес я (вообще там было несколько близких моих знакомых, сыгравших потом определенные роли в политической жизни страны). А в телевизионных кругах, где я в то время вращался, меня хорошо знали и понимали, что никакого фашизма наша команда не пропагандирует.

Кто проявил полнейшее понимание этого вопроса — так это моя мать. Все-таки человек тертый в политическом плане, знающий, что и как. Ей нравился Жириновский. Тем, что он необычный, не такой, как все, что идет своим путем. И она всегда оказывала мне важную идейную поддержку. Она человек другого поколения и ей, конечно, не все было ясно в наших действиях и планах, но она увидела, что Жириновскому можно многое простить за его неординарность. И самое главное, то, о чем говорил Жириновский, — это была действительно боль развалившейся страны. Боль, выливающаяся в крик. Иногда это был перебор. Но основной мотив был выбран верно. Страна развалилась, она искала свой путь. Еще существовала в республиках старая советская денежная система. Паспорта были советские. С другой стороны, штампы там ставили иностранные. Бывший Союз находился на развилке: куда идти, что делать? На этом поле и возник Жириновский, как крик души больного народа, который искал свое место. Мать была уверена, что появление Жириновского и его партии — политическая закономерность. Он же не появился в 75-м году. Такой потребности тогда не было. И в 85-м тоже. Когда все еще по-прежнему управлялось сверху, и весь политический класс ждал, что решат в ЦК.

Не было отторжения и среди моих знакомых и приятелей. Наоборот, многие даже с юмором относились к моей новой политической роли. И только Юлий Гусман почему-то очень резко на меня реагировал и до сих пор реагирует. Даже не на меня, а на партию. Все обзывал нас какими-то фашистами. Кстати, вся его карьера депутата в Думе 1993 года строилась на критике Жириновского. Если он и выступал, то только по поводу борьбы с ЛДПР. Ничем другим его вообще не запомнили. Хотя мне кажется, что ему, как человеку искусства, следовало бы тоньше понять сущность нашего проекта.

Потом много спорили: в чем все-таки секрет неожи-

данного триумфа ЛДПР в декабре 1993 года? А дело, помимо прочего, в том, что мы внутренне все время готовились к выборам. Потому и сориентировались быстрее. Вообще основная тактика партии состоит в том, что подготовка к выборам не прекращается ни на день. Все время партия должна жить в предвыборном режиме, в хорошей форме, как спортсмен, который постоянно тренируется и готовится к соревнованиям. Одновременно это сопрягается и с основными принципами демократии. Раз ты занимаешься публичной политикой, ты в любой момент должен быть готов к борьбе за власть, к тому, чтобы взять власть в свои руки. Нелепы разговоры о том, что нынешние выборы нужно пропустить, ориентироваться на следующие, а пока подождать, посмотреть, как еще развернется ситуация. Это все несерьезно для того, кто профессионально занимается политической деятельностью. Мы это осознавали и заблаговременно подготовились к тому, чтобы в нужный момент начать действовать, не теряя ни минуты.

Выборы-93 были специфическими. Они были первыми в постсоветскую эпоху и поэтому оказались самыми свободными из всех, которые когда-либо случались в нашей стране. Ни до ни после ничего подобного не было. А в тот период еще не знали, что такое политехнологии, грязные технологии, подтасовки при подсчете голосов. Относительно свободно было с эфиром. Телевидение было к нашим услугам, никто никого не отталкивал и не заслонял. Агитация велась открыто, с использованием прозрачных, публичных процедур.

Так получилось, что эфирную часть организовывал я. Здесь, конечно,годились все мои телевизионные связи и опыт работы в Останкине. На финишной прямой кампании мы с товарищем практически дневали и ночевали в Останкине. Здесь располагался своего рода телевизионный штаб партии. Причем мы были единственны-

ми представителями политических партий, которые постоянно находились в Телецентре.

Было несколько недель, когда в Останкино мы приходили как на работу, к 11—12 утра. Ждали, смотрели, как составляется телевизионная сетка на сегодняшний день. И иногда дожидались приятных новостей. Например, звонят аграрии и отказываются от дневного эфира: правительственный куратор села Заверюха не может выступить, его срочно вызвали на совещание. Остается пустое время. Мы немедленно начинаем действовать. Заполняем бланки с печатями, которые у нас всегда имеются при себе — заявки на агитационный эфир. Звоню Жириновскому и сообщаю: появились еще дополнительные 5 минут на втором канале, будем ставить наш ролик.

Потом возникают еще 5 минут на другом канале, кто-то снова отказался. Появляется «окошко» на радио. По кусочкам забираем эфирное время, насыщаем его нашими агитационными материалами. Эффект постоянного присутствия в Телецентре давал блестящие плоды. Все остальные политические партии присылали факсы. Никто их представителей в Останкине не видел. Никто их не знал, не слышал. А мы были своими людьми. И отправлялись по домам только поздним вечером, когда все эфирные программы заканчивались. Перед этим, часов в 9 вечера, сюда же приезжал Жириновский, мы его встречали. Он выступал, уезжал, а мы еще немного задерживались. Наш рабочий день заканчивался около полуночи: мы покидали студию вместе с бригадой, которая ведала выборами на телевидении. Так мы держали руку на пульсе событий.

Здесь же, в Останкине, произошел эпизод, который, наверное, сыграл решающую роль в нашей кампании. Почти на финише предвыборной страды мне позвонила начальник отдела кинопоказа, очень приятная дама, с которой у меня были неплохие отношения. Она сообщила любопытную новость:

- Поздравляю, кажется, к вам начали серьезно относиться. Поступила команда: где-то в субботу, за день до выборов, показать что-нибудь о фашизме. С намеком на вашу партию.

Я насторожился:

- И что ты хочешь показать?

- Пока точно не знаю. Может быть, «Обыкновенный фашизм» Ромма?

- Ну, если ты спрашиваешь мое мнение, то я бы сказал, что это нежелательно. Почему именно «Обыкновенный фашизм»?

- А что еще покажешь? Показывать-то нечего больше. А это точно по теме.

В общем, она по-простому смотрела на такие вещи. Думаю: что делать? Отменить команду нельзя. А можно только скорректировать выбор. И тут меня осенило:

- Послушай, а зачем гнать старье? Вот есть замечательный фильм «Ястреб», который был сделан для Израиля Павлом Чухраем. Документальный фильм о партии Жириновского. Без всякой там агитации, серьезное, критическое кино. Там с таким отрицательным подтекстом показываются все наши боевики, «соколы Жириновского», дается весьма впечатляющая картинка.

Кстати, словосочетание «соколы Жириновского» появилось еще в январе, и родителем его был мой приятель Андрей Архипов. Это был результат такого двухдневного пьяного угара под видом мозгового штурма. Родилась идея выпускать более радикальное молодежное издание партии. И Архипов изрек: «Соколы Жириновского! Вот что нам надо!» Газета получилась удачная. Издание быстро расхodziлось. Ноу-хау было в том, что печатались там не только материалы партийцев Жириновского, но и статьи других политических деятелей. Иногда далеких от нас по своей ориентации. Даже Валерия Новодворская публиковала там свои памфлеты.

Моя идея теленачаламнице понравилась. Я тут же под-

вез ей кассету с этим фильмом. Она пошла консультироваться к Брагину, тогдашнему руководителю Останкина. Изложила наш план ему. Брагина убеждать долго не пришлось — ему тоже показалось, что найдено верное решение. Разумеется! Вместо иносказания про фашизм гораздо лучше произвести лобовую атаку на умы телеаудитории. Он сказал: «Отлично!» и велел ставить Чухрая в субботний эфир.

И в субботу фильм «Ястреб» совершенно неожиданно для всей страны был показан вместо «Утренней почты». Эдак бесцеремонно отодвинув популярную передачу. А это была суббота за день до голосования. Когда в принципе ничего такого показывать нельзя. Считается, что это «день размышлений». Но тогда делалось все по молодежному, как говорили, «в порядке инициативы». И мало того, что показали фильм об ЛДПР. Ему в стык поставили часовой фильм о Сталине «Портрет на лобовом стекле». Это произошло тоже почти спонтанно. Все дело было в том, что автор картины, очень старый человек, давно и настойчиво просил выделить эфирное время для этой картины. Он умолял поторопиться — говорил, что мечтает увидеть свое творение при жизни. Редакторша мне жаловалась: «Он меня замучил. Два года звонит и говорит: ну вы уж поставьте, если будет возможность. Говорю: хорошо, поставлю как-нибудь, когда появится возможность. И так и не ставила. А тут я Брагину говорю: а может, про Сталина покажем в стык к Жириновскому? Получится мощнейшая пиар-акция! Люди смотрят часовой фильм про Жириновского, а потом про Сталина. И у них складываются все пазлы!»

Брагину в тот момент советоваться было не с кем, да и некогда, и он принял самостоятельное решение. Сказал: «Да, именно так и сделаем!» Дал прямую команду переверстать субботнюю сетку, не скрывая, что это делается по политическим соображениям.

Субботний эфир произвел эффект разорвавшейся

бомбы. Фактически было объявлено о том, кто именно является фаворитом этих выборов. Если власть вдруг начала кого-то серьезно ругать — значит, к нему-то и стоит присмотреться, его-то она и боится. Но критика получилась такой своеобразной, что многими воспринималась даже со знаком «плюс». Стыкуя Жириновского со Сталиным, власть неосознанно добавляла очки лидеру ЛДПР. Сталина в народе до сих пор уважают, а уж тогда точно. Развал СССР многими воспринимался очень болезненно, и был повод вспоминать вождя народов добрым словом.

Любопытно, что не только теленачалство не осознавало произведенного эффекта. Даже наши однопартийны поначалу не поняли, как сильно им подфартило. Сразу после эфира я позвонил в штаб Жириновского. Заранее о подготовке этих сюжетов я никого не предупреждал, боялся, что сорвется, а Владимир Вольфович скажет: «Что же вы понапрасну обещали?» И вот, когда я созвонился с партийцами, обнаружил, что они сидят в унынии, не могут врубиться, что же произошло, и сильно переживают. Трубку взял один полковник: «Филатов, скажу вам честно. Дело наше — дрянь. Звонили мне очень осведомленные люди и говорили: вас будут сносить. Видели, что творится в эфире? Вам надо быть поосторожнее!» Полковнику было невдомек, что именно я все это и организовал.

И только один человек в штабе был весел, как никогда. Жириновский все понял. Он взял трубку и сказал: «Да, Алекс. Нас критикуют. Немедленно в суд! Сегодня вечером надо подать в суд! Они не имели права показывать этот фильм». И уже вечером прошел сюжет о том, что Жириновский подает в суд. Демонстрировали, как он возмущается, кричит: «Безобразие! Всех засужу! По какому праву такие негативные фильмы показывают? На каком основании? Почему про других не показали фильм, а про меня показали? Я требую, чтобы и про аграриев показали, и про Травкина! Что мы такого сделали?» Воль-

фович вновь был на телеэкране, во всей своей красе, в прайм-тайм.

Дальше - больше. Мы сообщили разным каналам, что Жириновский пойдет на участок рано утром, буквально к открытию, и будет одним из первых проголосовавших политиков. Эту тактическую тонкость другие партии тогда еще не просекали. Их лидеры пришли голосовать только после обеда. А мы были первыми, и нас встречало уже огромное количество журналистов. Собралось не менее полусотни представителей прессы и телевидения, из которых полтора десятка иностранных. Картинку с этим ажиотажем, как все толкаются вокруг вождя ЛДПР, как один из журналистов падает в этой давке — в то время как Жириновский невозмутимо опускает свой бюллетень, — целый день показывали все каналы. А сюжеты про поход на участки других партийных лидеров пошли лишь к концу воскресенья. Когда большинство граждан свой выбор уже сделали. И все понимали, кто стал основным фаворитом этой гонки. Опять же, в этих сюжетах изображалось, будто Жириновский крайне недоволен, что против него развернули разнузданную контр-пропагандистскую кампанию. Это мобилизовало наших сторонников, которых и без того было немало. Они увидели, что симпатичная им партия гонима властями, они захотели помочь своим.

Ночью произошла известная и памятная всем история с телешоу из кремлевского Дворца съездов. Встреча нового политического года, которую устроили в прямом эфире. Когда представители всех политических партий уселись за столики и стали следить за подведением итогов голосования. Пошли сообщения из дальневосточных регионов. И почти для всех собравшихся эти данные оказались шокирующими. Сообщают: Сахалин — ЛДПР побеждает с огромным отрывом, Магадан — партия Жириновского лидирует с огромным отрывом. И в этот момент компьютер выключается. И Юрий Карякин восклицает:

«Россия, ты сдурела!» Эта фраза вскоре стала знаменитой. Между тем трансляция была прекращена. Но по всем признакам выходило, что мы везде выигрываем. Нам звонили из регионов и наперебой рапортовали о верной победе, о том, что мы на много процентов опережаем всех остальных.

Тогда Жириновский пошел по рядам Кремлевского дворца и разговаривал с каждым участником передачи. Шутил и веселился со всеми. Хазанова он грозился посадить. Составлял списки будущих подсудимых. У него спрашивали: «Что вы сегодня будете делать вечером?» «Как что? — удивлялся вождь ЛДПР. — Я пишу расстрельные списки, не мешайте».

Неплохо, кстати, выступили «Женщины России». Они тоже радовались. Все прочие имели бледный вид.

Только под утро я приехал на дачу. На другой день, едва высунулся из дома — подходит знакомый, который помогал нам в агитационной кампании. Радостно улыбается: «Алекс, ты уже слышал? Только что передали. Вы выиграли! Уже окончательные данные подвели. ЛДПР победила, с большим отрывом! Алекс, ты понимаешь, что произошло?» В этот момент я понимал только одно: жизнь круто изменилась.

Это был уникальный случай, когда партия, созданная буквально за три года до кампании, побеждает, причем так уверенно. Отрыв от ближайшего преследователя был более чем внушительный: под 24 процента у нас и где-то 14 процентов — у «Демвыбора России». Разница — 10 процентов — не могла не впечатлять. У коммунистов было процентов 9—10, аграрии прошли с 7—8 процентами. «Женщины России» выступили примерно так же. Преодолели барьер партия Травкина и «Яблоко». Не прошла партия Собчака и Попова «Движение демократических реформ».

И я вновь вынужден констатировать: это были единственные свободные демократические выборы. Во всех

остальных кампаниях было уже многое от лукавого. Запустили подленькие технологии, начались хитрые подсчеты, пошло ограничение эфиров. Здесь же реально не было никаких ограничений. Власть еще не была способна манипулировать, она еще не научилась. К тому же она еще отходила от октября 1993 года.

Был, впрочем, другой аспект, о котором мы до поры помалкивали, но теперь, наверное, можно уже сказать: у нас с Кремлем была определенная договоренность. Было негласное соглашение, выработанное при непосредственном участии автора этих строк. Мы договорились с тогдашним главой президентской администрации (моим однофамильцем, но не родственником) Сергеем Александровичем Филатовым о следующем: мы будем поддерживать на референдуме их проект Конституции, а они не будут нам мешать, не будут закрывать для нас эфир. Мы сказали: нам ничего не надо, мы вас ни о чем не просим, ни о материальной поддержке, ни о чем. Только не мешайте, не запрещайте нам агитировать. А мы будем поддерживать Конституцию. Мы, впрочем, ее и так будем поддерживать. Но обратите внимание: из всех участников выборов только ЛДПР и «Демвыбор» выступают за принятие Основного закона в этом виде.

По поводу готовящегося референдума наша позиция была простой: давайте не будем обсуждать Конституцию. Может, она не очень хорошая, но она должна быть. Впрочем, я-то считал, да и сегодня не сомневаюсь, что это действительно хорошая Конституция. Хотя бы потому, что она вводила вполне передовую систему управления. Конечно в ней есть некоторые узкие места. Например, толком не прописана процедура формирования Совета Федерации. То ли он выбирается, то ли назначается. Впоследствии это создало немало конфликтных ситуаций и поле для различных политических игр. Невнятица возникала и вокруг выборов глав регионов. Надо было четко прописать, что руководители областей и республик изби-

раются всенародным голосованием. Либо назначаются. Но что-то одно. Позиция ЛДПР была известна - губернаторов следует назначать. Но лучше было бы все это прописать. Однако ответить на данные деликатные вопросы авторы Конституции не решились. Они предпочли оставить эти головоломки для законодателей.

И тем не менее Конституция получилась прогрессивная. С соблюдением баланса всех ветвей власти. А кроме того, как можно было длительное время не иметь Конституции? Как жить без Основного закона? Опять получаем больной зуб... Неужели коммунисты этого не понимали?

До поры Филатов свое слово держал. Но в конце выборов, я думаю, кремлевские чиновники посмотрели некоторые социологические замеры, увидели, кто может реально победить. И власть немного психанула, решив устроить эту историю с фильмами, которая, однако, обернулась против самих зачинщиков такой кампании. Хотя эта пиар-акция могла бы и дать плоды, если бы показали что-то другое, тот же «Обыкновенный фашизм». Как знать...

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ И МИРУ

Так или иначе, власть нарушила под конец выборов давнюю договоренность. Что развязало руки Жириновскому, который, конечно, виртуозно провел всю кампанию. С настроением и огоньком. Что было очень важно для страны, которая еще не отошла от расстрела Белого дома, находилась в глубокой прострации. Многие просто не ожидали, что такое может произойти: расстрел парламента из танков. Даже товарищ Сталин такой методологии не применял. Причем все это происходило практически в прямом эфире, под камеры, вся страна видела, как выходящих из здания депутатов бьют дубинками. Эта история, конечно, потрясла людей. Население находилось в шоке, мы это видели во время встреч с избирателями.

И Жириновский все же вдохнул жизнь в страну. Он дал толчок, надежду на то, что юная демократия не скончалась. И вообще увел всех в другую сторону от этой истории. К декабрю 1993 года Жириновский заставил почти забыть историю Белого дома. Тема октябрьских событий стала уже не такой острой и животрепещущей. После 12 декабря все говорили только о Жириновском. Уже никто не говорил о Хасбулатове, мало вспоминали Руцкого. Новая яркая фигура затмила прежних героев политической сцены. Оттянула на себя все общественное внимание. Сняла весь прошлый негатив. Я бы сказал, что это был суперпрофессиональный психотерапевтический политический сеанс.

Был и другой эффект. Жириновский дал очень многим талантливым людям, которые хотели сделать карьеру в бизнесе или каких-то иных сферах, надежду. Своей историей он показал: вот смотрите, человек сам с нуля создал свою партию, выиграл выборы. Вот так! Появились новые возможности! Необязательно быть из номенклатуры. Вот человек старается, и у него получается.

Конечно, сразу же начался и противоток. В связи с нашим триумфом в так называемом цивилизованном мире возникла истерика. Которая началась уже 13 декабря, когда вице-президент США Эл Гор произнес запомнившуюся всем фразу: в России на выборах победили фашисты. Парламент, мол, захватила партия фашистского толка. И вся Европа начала перепевать эту песню про фашизм.

Но одно полезное для нас дело Гор совершил. Он поставил Жириновского в эпицентр мирового внимания. Теперь не только в России, но и во всех мировых СМИ говорили про феномен ЛДПР. Камера CNN просто прописалась у нас в штаб-квартире. Американская телекомпания рассказывала о наших партийных буднях и праздниках в режиме «лайф».

С декабря 1993 года по апрель-май 1994 года происходило триумфальное шествие Жириновского по стране

и миру. Все его встречи собирали тысячи людей, огромное количество журналистов. Масштабные пресс-конференции освещались всеми ведущими телеканалами. Какие-то страны не давали ему въезжать. В аэропортах собирались демонстрации за и против.

Я участвовал в нескольких поездках и, конечно, это было ощущение наркоманическое. И сам лидер партии испытывал огромный прилив сил, понимая, что он в эпицентре всеобщего внимания. Было ясно, что открывается новая глава политической истории страны.

Произошла феерическая поездка в Страсбург. Мы ходили по Страсбургу как кинозвезды. Это город отнюдь не провинциальный, здесь случается немало политических событий мирового значения, расположены офисы многих европейских структур, в том числе Совета Европы. Здесь политиков-то видали. И тем не менее нас принимали как героев. Даже дети подходили и просили автографы. Приставали в магазинах. Была невероятная популярность у обычных людей, не у политиков. Его узнавали, когда он шел в кепке. Кивали в нашу сторону — вон идет Жириновский.

Он, конечно, обыгрывал эту ситуацию. Позвонил в консульство и попросил: найдите баян. А у нас один из депутатов умеет играть на баяне. В делегации ЛДПР было десять человек. И вот всей этой компанией в 10 человек, в центре баянист, мы ходили по Страсбургу. Двое плясали. Впереди шел Жириновский. Собиралась огромная толпа зевак. В общем, Страсбург мы захватили.

Да и на европейских политиков производили сильное, часто шокирующее впечатление высказывания Жириновского по тем или иным вопросам. Особенно когда он затрагивал собственно европейские темы, то, что связано с внутренней политикой страны, в которую мы приезжали.

Прилетаем во Францию. Жириновского в аэропорту берут в кольцо журналисты. Атакуют банальными вопросами: «Как вы расцениваете события в России, что

происходит?» А он говорит: «Я приехал во Францию, что я буду говорить о России? Я ж приехал во Францию поддержать Ширака! Я считаю, что Ширак — это очень хорошо. У него есть все шансы победить на президентских выборах. Я его буду поддерживать. А вот социалисты слабы...» И пошел по французским проблемам высказываться.

После чего мне звонили всякие иностранные люди и говорили: «Попросите его попридержать язык. У нас ведь идут выборы. Шираку поддержка Жириновского совсем не в кассу». Я ему передаю: «Владимир Вольфович, просят не высказываться по этому поводу». А он: «Пусть прекратят ругать Россию! Что это они ругают нашу страну? Сейчас я им здесь устрою!» Трудно сказать, была ли его агитация плюсом или минусом для кандидата Ширака, но Жириновский эффектно врезался во внутренние политические дискуссии во Франции. Что дико раздражало и местных политиков, и западную прессу.

С Ле Пенom мы тогда уже общались. Но наделавший много шума приезд Ле Пена на свадьбу Жириновского произошел чуть позднее. Точнее, это была не свадьба, а венчание в церкви, религиозная церемония. К тому времени Жириновский был женат уже много лет.

ПРОИГРАВШИХ НЕ СУДЯТ

Как раз в этот момент, на той нашей волне радости, что вся партия испытывала, Жириновский выдвинул идею амнистии. Он сказал: всех предыдущих надо простить. И мне выпала честь готовить текст этой знаменательной амнистии, которая была объявлена 23 февраля 1994 года.

Парламент стал горячо обсуждать данную тему. Коммунисты, по определению, поддерживали. Аграрники тоже. Демократические фракции были против. Ко мне подходил озабоченный адвокат и депутат Андрей Макаров, убеждал: «Алекс, вы даже не понимаете, что вы раскручи-

ваете. Выйдет на свободу Руцкой. Так вам же будет хуже! Кто такой Жириновский, если выйдет Руцкой? Правильно? Сейчас он пользуется славой, а потом славы не будет. Вы выпускаете людей, которые вас же будут потом отодвигать».

И такая опасность действительно была. Что, если они создадут партию, будут нашими конкурентами?

Но вот эта волна, на гребне которой находился тогда Жириновский, делала нас выше подобных мелких соображений. Было ощущение победителя, который должен даровать свободу проигравшим. Правда в том, что не он воевал с Руцким и с Хасбулатовым, но в результате этих обстоятельств он оказался победителем. Ельцин получил Конституцию и успокоение. Жириновский получил славу, видное место в Госдуме. Были два победителя и были проигравшие, которые находились тогда в тюрьмах. Такой контраст был слишком некомфортным.

И потом, лидер ЛДПР понимал, что надо закрывать эту тему. Никто не заинтересован в том, чтобы уголовно-политический процесс слишком разрастался. Чтобы шло длительное следствие, выяснение отношений: кто в кого стрелял, кто какие приказы отдавал. Стране от этого лучше не будет. Хотя по всем принципам справедливости виновных следовало бы найти — ведь погибли люди, десятки, если не сотни людей. Думаю, через некоторое время, лет через 10—20, следствие опять возникнет. Оно обязательно возобновится, но будет уже спокойным. Будут изучаться поступки отдельных лиц, но в целом общество не будет этим следствием подрываться. Таков наш долг перед погибшими.

Но тогда, проводя по всем правилам следственные мероприятия, можно было получить вторую фазу гражданской войны.

В итоге амнистия, как и планировалось, была принята 23 февраля 1994 года. Жириновский пришел в Госдуму в военной форме и выступал, демонстрируя свои погоны,

по случаю армейского праздника. И сказал очень важную фразу: «Мы прощаем, но и нас прощают». Вот формула этой амнистии. Мы победители. Да, мы не в одной команде с Ельциным. Но волей судеб мы и он стали победителями, и те, кто в тот момент оказался в здании Госдумы, тоже ведь оказались победителями в какой-то степени: коммунисты и Зюганов создали свою фракцию в новом парламенте. Пусть же и нас прощают. Разойдемся с миром.

А расчет на то, что освобожденные путчисты потеснят Жириновского, не оправдался. Хотя многие вышедшие из тюрьмы гэкачеписты стали видными, уважаемыми фигурами. Кто-то снова оказался в парламенте. Руцкой стал губернатором. Хасбулатов вернулся в науку. Но никто из них не стал национальным лидером, как некоторые опасались. Фронду не создал. Более того, встроились в систему и неплохо себя чувствовали и сейчас чувствуют. Варенников выступает — он депутат, генерал, глава Совета ветеранов. Участвовал в подготовке к празднованию 60-летия Победы. У Язова тоже все в порядке, возвращены погоны.

Получилось, что мы сделали очень важное и хорошее дело. И, повторю, спасли страну от второй фазы гражданской войны, которая могла бы быть. Мы не должны забывать, как развиваются события в Ираке или в том же самом Дагестане. Когда элиты не договариваются, в дело идут фугасы.

СПОНСОР ЛДПР НА ПРИЕМЕ У КЛИНТОНА

Нам досталось четыре комитета и кресло вице-спикера. Председателем парламента Жириновский быть не мог в связи с тогдашней конъюнктурой. По всем понятиям он, как лидер победившей партии, должен был стать спикером, но он не стал даже вице-спикером. В Кремле резко возражали против того, чтобы включать его в руководство Думы.

Тем не менее Жириновский, претендовавший на вице-спикерство (избирали зампреда парламента по хозяйственным вопросам), выступил с весьма характерной для него и запоминающейся речью. Понимая, что его все равно не изберут, он толкнул такой спич, что народ просто рухнул. Он сказал: «Если я буду вице-спикером, я вплотную займусь хозяйственными вопросами в Думе. Многие говорят, что для меня, как политического деятеля, мелко заниматься хозяйственной деятельностью, но не скажите. Я буду заниматься хозяйственной деятельностью так, как никто никогда не занимался. Во-первых, у демократов я отберу кабинеты. Я запрещу им ходить по думским коридорам, просто не буду пускать. Машины и прочее будет передано ЛДПР, самой прогрессивной партии, победившей на выборах...»

И в таком духе продолжал развивать свою мысль под смех и аплодисменты коллег.

В январе 1994 года случился памятный визит в Москву президента Клинтона. Мне прислали приглашение на прием в американское посольство. В том, что позвали не первое лицо в партии, содержался определенный вызов. Хотя вполне понятный: после победы Жириновского и заявления Эла Гора американцами была принята стратегия принципиального необщения с лидером ЛДПР. Получалось, что партию предстоит представлять мне. Посоветовался с Жириновским. Он среагировал как всегда быстро: «Не ходи, Алекс, тоже. Раз они так делают». И действительно: что это они всех приглашают, а его, лидера партии, победившей на выборах, нет. Да и я оказывался в неловком положении: формально я был даже не вторым лицом, а зампредом думского комитета по международным делам.

И мы договорились о таком ходе: послать туда нашего человека, но не из депутатов. Как бы немножко со стороны. Я предложил сходить своему близкому товарищу, Максиму Травкину. Он не имел отношения к политике.

Занимался бизнесом. И вообще был очень молодым парнем — ему едва ли стукнуло 25 лет. Вместе с тем Максим смотрелся очень импозантно, и у него неплохо подвешен язык.

Я передал ему приглашение. Попросив при этом, чтобы он представлялся членом ЛДПР. У него возник только один вопрос:

— А могу я подругу взять?

Я удивился:

— А что за подруга?

— Да так, познакомился с девчонкой. Думаю, было бы клево снести ей голову. Пусть на Клинтона посмотрит. Она мне нравится, но ведет себя так, знаешь, настороженно. Я ее приглашу на прием, пусть платье наденет суперское. А американцы ее заценят. Девка — класс, ну просто таких нет в Москве.

Я подумал: вот будет интересно — пара от ЛДПР. Ждали фашистов, а придет разодетая модная девица в бриллиантах и импозантный парень.

Так и заявили на прием. И когда поднимались по мраморной лестнице, все время повторяли: «Мы представляем Либерально-демократическую партию России. Мы от Жириновского». В конце концов Макса и его девицу подвели здороваться за руку с Клинтонем и сказали: знакомьтесь, это представители ЛДПР. Клинтон посмотрел коротко на парня, а потом таким долгим взглядом на девушку, и, конечно, был поражен. Да и все смотрели на них с нескрываемым изумлением. Потом и американские дипломаты, и журналисты подходили и спрашивали: «Какое положение в партии вы занимаете?» Макс скромно признавался: «Я спонсор. Вот ходят всякие разговоры, кто же финансирует такую партию? Так вот, это я». И начинал раздавать свои визитки.

В общем, эта пара произвела настоящий фурор. Причем это мне рассказывали другие люди: «Представь, Алекс, все смотрели на эту парочку представителей ЛДПР, на

человека, который называет себя спонсором партии, и на его шикарную даму». К слову сказать, девчонка настолько была потрясена этим приемом и Клинтоном, что ее мнение об ухажере резко улучшилось, и они сильно заружились. Макс мне потом сказал: «Я ей разрушил голову. Потому что, когда я ей позвонил и спросил, не хочет ли она сходить на встречу с Клинтоном, она просто не поверила, что это возможно».

Что касается финансовой стороны кампании-93, следует отметить, что это были самые дешевые выборы. Никогда таких дешевых выборов не было и не будет. Уже сейчас можно сказать, что все выборы для партии обошлись в 200 тысяч долларов. Что, в общем-то, копейки по нынешним масштабам. Хотя тогда и заработки были другие, и на политику никто не тратил, так что найти даже подобные суммы не было такой уж легкой задачей. Особенно после расстрела Белого дома: кто хотел лезть в политику и платить за это? Конечно, никто не хотел.

И все-таки нашлись люди, решившиеся помогать, в том числе и этот спонсор Максим. И подобные ему молодые ребята, которые финансировали только из спортивного интереса. Никаких у них не было планов, задачи продвигать своих людей не стояло. Они спонсировали ради собственного удовольствия: им было прикольно поиграться в выборы, им нравился Жириновский. В том числе содействие оказала моя компания, которая занималась телевизионными делами. Я думаю, половину той суммы перечислила именно она. И это было абсолютно справедливо: мы заработали на фильме о Жириновском, раскрутились с помощью этого проекта, а теперь эти деньги вложили в политическую раскрутку нашего киногероя. К тому же два человека, работавшие в этой компании, стали депутатами. В данном случае можно сказать, что компания что-то получила. Но с другой стороны, задачи такой не было. Мы же были искренними членами партии.

Потом все наши спонсоры попали в знаменитый список США и фигурировали в докладе Госдепа. Их названия перепевались на весь мир. Во всех публикациях задавался один и тот же вопрос: кто это дело финансирует? Кто стоит за Жириновским? Конечно, такая засветка создала проблемы для некоторых наших бизнесменов.

«ЕСЛИ Я СОБИРАЮСЬ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ - КАК Я МОГУ КОГО-ТО КИДАТЬ?»

Первая Дума — это, конечно, еще и депутат Мавроди. Ярчайший персонаж того созыва. Если до середины 1994 года главные события были связаны с нами, то с лета пальма первенства перешла к знаменитому пирамидостроителю. Первые полосы всех газет пестрели описаниями драматических событий вокруг МММ. Когда государство заблокировало МММ, вдруг стало ясно, что эта контора собирает колоссальные деньги и является весьма значимым персонажем экономической жизни страны. Власти не совсем понимали, что в этой ситуации лучше предпринять. Началась известная эпопея с уголовным «делом МММ». Сергея арестовали. Ряд людей упростили прокурора Ильюшенко выпустить Мавроди на свободу. А вскоре все убедились в правильности такого шага. Прошли события в Албании, связанные с финансовыми пирамидами: там неумелые действия властей привели к массовым уличным беспорядкам.

Вот и у нас, арестовав отца МММ, государство сразу же получило большую головную боль. Тысячи вкладчиков начали штурмовать прокуратуру. Претензии стали предъявляться именно к государству, а не к финансисту. Государству так подставляться было ни к чему: МММ частная фирма. У нее есть хозяин. Пусть разбираются между собой. Людям надо было объяснить: вы общались с частным лицом. Вот и идите, договаривайтесь с ним, изла-

гайте, что вам не нравится. Вы туда относили деньги, вам обещали огромные проценты. Разбирайтесь сами.

Единственным возможным выходом стало освобождение Мавроди. То, что он вышел из СИЗО, а потом стал депутатом Госдумы, дало людям надежду, что он все-таки рассчитается по своим обязательствам. Это успокоило ситуацию.

Мавроди стал депутатом-одномандатником. Появлялся в Думе нечасто. Ни к одной фракции не примкнул. Сам попытался создать в Думе депутатскую группу со странноватым названием «Народный капитал». Даже просил меня заняться ее организацией. Он был членом международного комитета, где я работал заместителем председателя. На этой почве мы и начали общаться.

И когда я соприкоснулся с Мавроди, поговорил с ним по душам несколько раз, то почувствовал масштаб этого человека. Его примитивно представляли каким-то мошенником. А он мыслил куда глобальнее, чем организация банальной аферы. Его интересовало совсем другое — получение экономической, а затем и политической власти в стране.

Он объяснил мне свою нехитрую стратегию следующим образом. Когда было объявлено, что следом за ваучерной будет еще и денежная приватизация, то кроме Чубайса и его друзей эта информация никого не заинтересовала. Но она заинтересовала еще и Мавроди. Он посмотрел список подлежащих денежной приватизации предприятий и задался вопросом: «А как это все можно купить?» Нет, не одно предприятие, даже не несколько, а именно все, в глобальном масштабе.

Такая безумная идея никому больше в голову не пришла. Каждый думал, как бы заводик ухватить. Директор просчитывал, как бы свое предприятие приватизировать. Банкиры прикидывали, как бы прихватить прибыльную отрасль. А был человек, который мыслил другими катего-

риями: а как бы получить контроль сразу над всем хозяйством страны?

Есть несколько путей, рассуждал он. Первый. Получить кредит на Западе. Но Запад пока осторожен. Второй. Получить кредит в Сбербанке. Но тот не даст. Нет соответствующего залога и поручителя. Остается третий путь. Собрать деньги у народа. Накопить необходимую сумму и приобрести предприятия.

Тогда Мавроди, как человек с точным образованием (не помню, правда, с каким), описал математику этого вопроса. Он подсчитал, сколько денег требуется и где их надо собирать - для того, чтобы к июлю 1994 года, когда начнется денежная приватизация, у него были такие суммы, которые позволили бы купить всю российскую промышленность. Ему был интересен этот проект с точки зрения практического решения сложной математической задачи. Но и с точки зрения реализации своих огромных политических амбиций. Захват колоссальной собственности не был самоцелью. Его интересовала власть политическая. Он считал, что если он будет управлять гигантским АО, которое монополизировало все основные отрасли и у которого будет 30—40 миллионов акционеров, то в 1996 году он станет президентом России.

Я пытался спустить его с небес на землю. Говорил: если ты действительно хочешь такой масштабный проект осуществить, пообщайся с определенными кругами в правительстве, заручись политической поддержкой. Без нее ничего не выйдет. Жизнь ломает любые схемы.

Кстати, к нему и в самом деле проявляли интерес во властных кругах. Его пригласили в Кремль, на встречу с очень важными людьми. Собралось несколько высокопоставленных чиновников. Всем было интересно на этого деятеля посмотреть. Ему даже дали проехать на территорию Кремля на своей машине. Это знак особого уважения, такое мало кому позволяют. Провели в знаменитый 14-й корпус. Здесь его принимали помощники президен-

та Сатаров и Лившиц и еще несколько ответственных товарищей. Все хотели услышать его главную идею. Понять его планы и его методы.

А методы были уникальные. Он посмотрел, сколько стоит каждое предприятие, посчитал, сколько требуется для такой масштабной денежной приватизации, на какую сумму надо в итоге выйти, как надо наращивать сбор средств, чтобы собрать нужную сумму. Продумал, на кого записывать приобретаемые предприятия, и потихоньку начал их скупать. Или, как он выражался, «собирать». Этот план, который начал последовательно реализовываться, лишний раз демонстрирует: Мавроди собирал деньги не для того, чтобы с ними убежать на необитаемый остров. Он действительно намеревался купить все то, что Чубайс собирался выставить на приватизацию. Именно это кремлевских мужей беспокоило более всего. Ударили по Мавроди не когда он начал активно аккумулировать средства населения, а гораздо позже, когда увидели, что он ведет реальную скупку предприятий. И бороться с ним экономическими методами невозможно. Ни иностранцам, ни тем более нашим.

Забавно, что люди, которые скупали для него предприятия, были взяты из массовки «Мосфильма». Почему? А потому, что эти люди обладали определенными качествами. Они нагловатые, они могут стойко переносить трудности, они четко выполняют поставленную задачу. Они артистичны в определенном смысле. Они пробивные. И вот такие ребята приходили на завод и говорили директору: «Ну что, у вас приватизация? А дадите нам 50 процентов акций? Деньги принесем завтра».

А тут одновременно какие-то американцы приезжают. Изучают всякие бумаги, приглашают директора в Америку на какой-то семинар, говорят, что в течение года вложат некие деньги.

И параллельно ходят ребята Мавроди, в рваных джинсах, но с понятными предложениями. Они говорят про-

сто: «Так, мужик, завтра мы к тебе приводим человека, на которого ты 50 процентов акций оформляешь, и вот тебе в чемодане 2 миллиона долларов. Лично тебе. Ты «за» такую операцию?» И, конечно, человек ломался.

Все приобретаемые Мавроди предприятия записывались на третьих лиц. Он разработал особые юридические схемы, позволявшие легко производить подобные операции.

Так Мавроди накопил себе много чего. Я знаю лишь несколько крупных объектов: Ульяновский автомобильный завод, АвтоВАЗ (доля Мавроди доходила до 17 процентов), Московский ювелирный завод, гостиница «Палас» и 2 процента акций Газпрома. Думаю, последнее приобретение и было основной проблемой в его взаимоотношениях с государством. Он покусился на святое.

Самое интересное, что в своей рекламе он прямо, без экивоков разъяснял свои намерения. Сначала Леня Голубков говорил: «Куплю жене сапоги». А потом, в следующих роликах, спохватываясь: «Повременю-ка я с сапогами. Лучше в предприятие вложу». Таким образом Мавроди начал готовить своих вкладчиков к тому, что постепенно выплаты по вкладам начнут понижаться. Не 100 процентов в месяц будет, а какой-то более реальный процент. Но с другой стороны, у людей будут акции МММ, на балансе которого — огромные активы. Мавроди рассчитывал сделать полстраны совладельцами своего гигантского бизнеса.

Спрашиваю у него: «А где же сверхзадача?» Он отвечал без промедления: «Сверхзадача — это 1996 год. Я президент. Потому что у меня будет 30—40 миллионов моих акционеров. Это будет вся страна. Вся страна будет акционерами. Всем станет интересно. Я буду отчитываться. Выплачивать дивиденды. Они поймут, как полезно обладать этими акциями. Допустим, кто-то много купил акций МММ, а кто-то поменьше. У кого-то будет 0,2 процента, у кого-то 0,5. Но зато какие мощные активы будут в

этих акциях! И все это будет расти. Мы станем самой уважаемой компанией».

Я пытался его разубедить: «Сергей, поверь, политика вещь сложная. Такие схемы хороши в математике. Но в жизни тебе никто не даст. Ты ни с кем не договорился. Почему люди у власти должны тебя пустить к управлению? Они что, идиоты?»

Но искать контакты он не стал. В этом смысле он похож на Ходорковского. Вообще, у меня такое впечатление, что это очень схожие темпераменты, и спустя 10 лет история Мавроди откликнулась эхом в истории Ходорковского. Между этими двумя деятелями можно провести много аналогий: у обоих были сверхзадачи, внутриполитические амбиции, мировые амбиции — типа трубопровода в Китай. У обоих — реальные возможности приступить к реализации своих наполеоновских планов. В лучшее время Мавроди собирал в день 50 миллионов долларов. Это много. Особенно по тем временам, когда промышленность не стоила так дорого.

Разница между МММ и другими пирамидами принципиальная. Мавроди перестал работать не по своему желанию, а в результате целенаправленных действий государства. Его арестовали. В его фирмах проводились бесконечные обыски. Работа была парализована.

Другие пирамидостроители по собственной воле прекращали выплаты и исчезали с «баблом». Здесь была иная ситуация. Даже когда начался «наезд» со стороны силовых структур, Мавроди дал команду продолжать выплаты по акциям. Он приказал работать как ни в чем не бывало, думая, что если он продержится две недели, государственная атака захлебнется. И люди поверят в него, а не в государство. В течение двух недель, после того, как у МММ начались трудности, с акционерами продолжали рассчитываться. Позже он признал, что это была его ошибка. Он не понял, с кем связался. Что у государства неизме-

римо большой запас прочности. Оно может целый месяц продолжать давление без особых усилий.

Надо было при первых появлениях проблемы сориентироваться. Закрывать лавочку и сказать: «Ребята, пока выдавать ничего не будем. Будем выяснять наши отношения с государством. Я никуда не убегаю. Вот он я. Но только когда выясним отношения с государством, мы сможем возобновить работу». А он из принципа выплачивал все, чтобы не допустить паники. И тем более он не собирался никого кидать. Он мне все время это твердил: «Если я собираюсь быть президентом, как я могу кого-то кидать?»

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТАПОЧКИ СЕРГЕЯ МАВРОДИ

Итак, в октябре 1994 года он избрался. Год проработал депутатом. Но в Думе появлялся редко.

Жизнь его строилась так. Он вставал в 9 утра. Но никуда из своей квартиры на Комсомольской не выходил. Никогда не ездил в офис. Во всяком случае, его никто никогда там не видел. Он работал исключительно дома. Завтракал. Потом выходил на связь. Около 4—5 часов рабочий процесс у него заканчивался. Он ложился спать. Спал несколько часов. Потом смотрел программу «Время». Читал до 3 ночи. Опять ложился и в 9 вставал. Он никогда не гулял. Случаи выхода «в свет» были редчайшие, и это была целая операция. А так сидел всегда дома. Жил в квартире своих родителей. Соседом по лестничной клетке у него был, по чистой случайности, Дима Маликов. Они жили с ним стенка в стенку. И было забавно. Одни охранники стояли у дверей Димы другие у дверей Мавроди. Этим парням было не скучно.

Контакты со своими сотрудниками он поддерживал только по телефону, и его кроме двух-трех человек вообще никто не знал. Когда он стал работать в Думе, круг его знакомых несколько расширился. А так даже в фирме, где

он работал, его видели только на банкетах. Это был такой великий маг, который откуда-то вещал, но физически же не присутствовал никогда.

Дома была старая мебель. Старые тапочки. Текущий унитаз. Однако ни в офисе своей фирмы, ни в каком другом месте он встречаться не желал. Единственное, что было у него в квартире хорошего качества, — это техника: телефоны, компьютерная техника, всякие приставки и прибабасы. Все самое свежее и дорогое. Еще была коллекция бабочек, о которой все тогда писали, и аквариум с рыбками. И он рассказывал, что в день ареста он вышел и увидел, что рыбка выскочила из аквариума и упала на пол. Совершенно необъяснимо, как она сумела выскочить из такого большого аквариума, с такими высокими стенами. Для него это был знак свыше, что нечто трагическое должно произойти.

Однажды мы зашли к нему со знакомым депутатом, и тот пошутил: «Сергея, у тебя новые тапочки появились. Разбогател, что ли?» И почему-то Мавроди занервничал: «Ну а что, ну нормальные, новые. Почему разбогател?» Не то чтобы он совсем лишен чувства юмора, но его ирония всегда была своеобразной.

Он был настоящий аскет: невероятно трудолюбивый, готовый переносить любые лишения, не нуждавшийся не то чтобы в роскоши, а вообще ни в каких удобствах. Мавроди не ездил за границу, у него даже загранпаспорта не было. Я спрашивал: «Почему ты пришел в международный комитет?» А он: «Для меня это кайф, я никогда не был за границей». Впрочем, и будучи депутатом, он ездить не стал. Он просто хотел почувствовать себя в другом измерении. Был в этом некий прикол: я член международного комитета, но ни разу не был за границей. Он говорил: «А зачем? Я читаю книги. И про любую страну знаю больше, чем они сами, которые живут там. Какой смысл там ходить? Везде все одинаково. Какие-то гости-

ницы, какие-то музеи. Сейчас есть Интернет, телевизор. Какой смысл вообще ездить?»

Поэтому разговор о том, что он скрывался за рубежом, это какие-то выдумки. Я абсолютно уверен, что все это время он был в Москве. Вплоть до второго ареста...

Произошла уникальная история. Мандатная комиссия лишила его мандата. Это было беспрецедентно и противозаконно. Дума имеет право снимать депутатскую неприкосновенность. Но Дума не может исключать депутата из своего состава. Тем не менее Мавроди в октябре 95 года Дума исключила-таки из своего состава. После чего он исчез из зоны видимости. Дома он не жил и, видимо, перешел на нелегальное положение, что для него, по его характеру, было просто. Он всегда так жил. Теперь он пребывал в каком-нибудь Митине. Так же сидел в Интернете и читал книжки. Ибо его жизнь — это компьютер. Интернет и книжки. И телефон. И больше ничего ему не надо.

Есть, правда, еще жена Лена, очень красивая девушка. Тоже баллотировалась на ряде выборов и небезуспешно. На выборах в Туле ее сняли с забега только потому, что она могла составить серьезную конкуренцию генералу Коржакову. А все дело в том, что и на своих выборах, и в кампании Лены Мавроди ее муж применял опять же свою особую технологию. Была разработана так называемая сетевая схема агитаторов. В законе не было оговорено количество агитаторов, поэтому Мавроди применил следующую систему. Вы становитесь агитатором и приводите еще двоих, за каждого агитатора вы получаете по 100 рублей, а агитатор, которого вы привели, тоже получает 100 рублей. Но он также, в свою очередь, может приводить сколько угодно агитаторов и аналогичным образом получает за каждого по 100 р. Все, что надо человеку для этого нехитрого заработка, — иметь паспорт с местной регистрацией. Эти данные забивают в компьютер. И таким образом все жители области могут стать потен-

циальными агитаторами. С агитатором заключался договор, и ему обещались дополнительные выплаты по результатам выборов. Это была такая циничная, но очень эффективная схема. Ее стали копировать и другие технологи. Все это привело к тому, что именно после Мавроди на законодательном уровне запретили материальные обещания и подарки избирателям в качестве инструмента давления на электорат. В переработанном законе об основных гарантиях избирательных прав такой запрет особо прописали.

Вообще все схемы Мавроди строились на дырках в законодательстве. Он брал закон, внимательно его читал, пытался понять, какие тот дает люфты. И если появлялась возможность, в эти прорехи проскакивал.

Красавица Елена приходила к мужу несколько раз в неделю. Жила она рядом, но в своей квартире. Она была приходящая жена. Для управления супругой и контроля за ее поступками Мавроди разработал еще одну управленческую схему. Жена была знакома с известным астрологом. Астролог был человеком Сергея, о чем Елена не догадывалась. Постепенно она подсела на предсказания этого звездочета. А он консультировался с Сергеем.

Допустим, Лена звонила астрологу и спрашивала: «Какой сегодня для меня день?» Он говорил: «Сегодня день неудачный. Надо сидеть дома. Никуда не ходить». На другой день: «А сегодня что делать?» «А сегодня можно мужа посетить. Провести с ним время. Сейчас звезды очень хорошо стоят для этого». А на самом деле астролог получал предсказания от Сергея. Мавроди говорил, допустим: «Вот если бы она уехала куда-нибудь на неделю. Было бы неплохо». Но когда муж это напрямую жене говорит, она может заартачиться: «А что это ты меня отправляешь?» А когда астролог говорит, что очень благоприятное время для поездок, — это хорошо воспринимается.

Это была опять же гениальная система по управле-

нию женой, придуманная гениальным человеком. Мало того, он разыгрывал супругу, делая вид, что не очень-то доверяет ее астрологу. Когда она приходила и говорила, что астролог ей посоветовал на неделю уехать отдыхать, Сергей раздражался и ворчал:

— Этот астролог меня достал, честно говоря, своими глупостями. И ты слушаешь эту дурь!

— Нет, Сергей, это не дурь. Он очень умный человек. Он чувствует...

— Ну не знаю. По-моему, он аферист, ваш астролог, Чушь какая-то.

Если бы он говорил «слушай астролога», она бы могла что-нибудь недоброе заподозрить. Но поскольку он предсказателя постоянно ругал, то жена этому типу всецело доверяла. А ведь это непросто — управлять молодой красивой женщиной, которая живет отдельно, жаждет всяких развлечений, светских тусовок, хочет получить дивиденды от статуса жены знаменитого и богатого человека. А ему никаких светских раутов не хочется. И тем не менее ему надо как-то на нее влиять.

Мавроди — человек, который с детства живет по неординарным схемам, возникшим в его голове. Какая-то схема, видимо, была придумана и на время учебы в институте. И когда она не реализовалась, получился конфуз. Уже на первой своей лекции (он мне рассказывал), через 20 минут после ее начала, Сергей встал и через весь зал пошел к выходу. Это был праздничный день 1 сентября. И профессор злобно спросил первокурсника: «Молодой человек, вы уходите?» Мавроди сказал: «Да, я пришел за новой информацией. Сижу здесь уже 20 минут, ничего нового я не услышал». И ушел. Он, кстати, поклонник Бродского, который таким же макаром ушел из школы.

Во всем, что он делал, был замечательный креатив. Даже его Леня Голубков запомнился. Сколько сейчас идет рекламы! Ничего нельзя запомнить. Все обезличено, технологично. Но этот его Леня, потом Мария Серге-

евна... Причем Мавроди признался, что идею рекламы он взял от нас, у ЛДПР. Когда он увидел, как Вольфович адресуется к разным слоям населения, то к молодежи, то к ветеранам, то к военным, ему пришла идея так же по-разному рекламировать МММ для разных слоев.

Все было креативно: и Леня Голубков, и использование людей из массовки «Мосфильма», а не каких-то там тренированных экономистов. И даже его пиар-акции: бесплатный проезд для москвичей в метро. Несколько раз он оплачивал такие бесплатные дни в метро. Это запоминается на всю жизнь. Или девочки на роликах с листовками МММ, которые стояли у МИДа или у «Метрополя»: не бомжи или какие-то там псевдоафганцы, вымалывающие подаяние. А симпатичные девочки на роликах. Сейчас ничего подобного не делается, хотя это не так дорого.

Наверное, все-таки государство должно было к нему по-другому относиться. Его гениальные данные нужно было использовать во благо страны. Кстати, у него были и оригинальные международные проекты. Так, он хотел построить свои пункты по сбору средств по периметру границы. От Благовещенска до границы с Финляндией. Но особенно важной частью этого «кольца» он считал китайскую границу. Мавроди был уверен, что китайцы, люди очень горячие в плане игр, пирамид, охотно понесут свои денежки. У него был план: сделать так, чтобы все деньги Китая перетекли к нам. И снова напрашивается аналогия с китайским проектом Ходорковского...

Глава девятая

Эта глава о том, как «дружба с Россией и андроповский порядок» сделали из Александра Григорьевича президента Лукашенко; о том, как Ельцин помог Рыгорычу, а Черномырдин потерял Белоруссию; а также о том, почему белорусские гаишники не берут взятки, а у белорусской армии нет проблем с топливом

КОЛХОЗНЫЙ ЗАЕМ РЫГОРЫЧА

Тогда же, в начале 1994 года я участвовал в предвыборной кампании белорусского депутата Александра Лукашенко. Я познакомился с этим минским деятелем чуть раньше, когда один мой знакомый попросил устроить в Москву лечиться от астмы приятеля Лукашенко Коноплева. Тогда он был не слишком известен даже в своей республике, а сейчас занимает весьма высокое место в законодательной власти. Это один из тех близких людей Лукашенко, который позволяет себе обращаться к батьке на «ты». И вот этого человека Лукашенко просил пристроить в хорошую московскую больницу. Я взялся помогать.

А Лукашенко был уже заметной фигурой в парламенте. У меня возникла идея устроить ему политические гастроли в Москве. Я выступил в Думе с инициативой провести совместное заседание белорусского и нашего парламентов. Тогда еще не было планов создания союзного государства. Но ощущение, что необходимо налаживать какую-то совместную работу, уже появилось. Хотя, к сожалению, не у всех на Охотном Ряду. Моя инициатива с первого захода не прошла. Правда, мы ставили вопрос достаточно жестко, и эта идея, по крайней мере, получила широкую огласку.

Мы все плотнее общались с Лукашенко. Тут как раз были объявлены президентские выборы. Лукашенко решил рискнуть. Я взялся оказывать ему содействие в организации выступлений в Москве. Предложил заслушать белорусского коллегу на Охотном Ряду. Теперь уже одного Лукашенко. И на сей раз мой ход прошел. Выступление перед российским парламентом стало важным эпизодом в предвыборной кампании будущего президента.

Он был тогда председателем комиссии по коррупции. И, конечно, по статусу выступать на нашем пленарном заседании не мог. Регламент не позволял. Но эпоха революций расширяла возможности. И с участием аграрников и тогдашнего спикера Рыбкина договорились, в порядке исключения, все-таки дать возможность выступить с думской трибуны «белорусскому товарищу».

Это была большая неожиданность для официального Минска. И тогдашний премьер Кебич, и экс-спикер Шушкевич, которые конкурировали за место президента и считались основными кандидатами, не воспринимали Лукашенко как реального противника. И только после того, как он с большим эффектом выступил перед российским парламентом, они встrepенулись и были весьма раздражены. Звонили даже Черномырдину и жаловались: «Что это вообще за история! Кто его туда пустил!» На что Черномырдин резонно отвечал: «Мы парламент не контролируем, вы это прекрасно знаете»

Эффект от пребывания Лукашенко на Охотном Ряду был усилен еще и тем, что после выступления на пленарке я провел с ним совместную пресс-конференцию, куда для повышения статусности был приглашен вице-спикер от нашей фракции Венгеровский. Наша троица сидела на трибуне малого зала Госдумы, где с депутатами общается пресса. Что тоже достаточно почетно. И очень редко происходит в отношении иностранных деятелей.

Лукашенко толкнул отличную речь. Он говорил о братских отношениях между Россией и Белоруссией, о

проблемах коррупции в Белоруссии, которые он, как председатель антикоррупционной комиссии, знал не понаслышке. Он, не скупясь на детали, поведал, как его комиссия разоблачила Шушкевича, который за государственный счет ремонтировал квартиру. В целом весь ремонт обошелся в 4 тысячи долларов, взятых из государственной казны. Журналисты дружно засмеялись. Что за деньги! Лукашенко сделал паузу: «Знаете... — пресса притихла, и тут я впервые заметил, что этот человек обладает гипнотическим даром, — вы смеетесь, и может, по московским масштабам 4 тысячи долларов — это не деньги. Но у нас человек существует, получая пенсию в 10 долларов. И это деньги. А Шушкевич потратил на свой ремонт 400 пенсий. Бабушка какая-нибудь должна копить, отказывая себе во всем, 40 лет, чтобы эти 4 тысячи собрать». И когда он это сказал, смеяться перестали. Его логика сработала. Все представили бедную белорусскую крестьянку, которая получает 10 долларов и негодует по поводу коррупционеров во власти. Он, конечно, очень талантливо реагировал на журналистский стеб.

А ведь действительно, ничего смешного в истории с этим мелким ремонтом не было. Шушкевичу это, между прочим, стоило поста спикера Верховного Совета. Лукашенко тогда много чего накопал, поднял громкий скандал, и Шушкевича подвинули. У Белоруссии еще не было президента. И вот с этого эпизода фактически стартовала президентская кампания.

Сейчас можно только удивляться, насколько демократична была Беларусь, чтобы депутат, за которым реально не стояло никаких группировок, никаких капиталов, практически никакой внешней поддержки, стал президентом. Это невозможно ни в одной стране. И уж тем более в нашей.

В Минск Лукашенко вернулся уже заметной политической фигурой, его перспективы начали всерьез обсуждать... И штаб Кебича сделал крупную ошибку. Он вооб-

ще-то много совершал ошибок, причем трагических, одну за одной — но эта была посерьезнее прочих. С подачи агитаторов Кебича минская пресса начала писать о том, что Лукашенко — белорусский Жириновский. Я созванивался с Александром Григорьевичем, и он сетовал: «Вот видишь, Алекс, меня уже называют белорусским Жириновским. Не знаю, что делать». Я говорю: «А что делать? Надо наоборот, радостно подтверждать: «Да! Я белорусский Жириновский!» В каком смысле? А в таком, что в России Жириновский всего несколько месяцев назад выиграл выборы. И пользуется уважением огромного количества людей. Если в этом смысле Жириновский, то я готов им быть!» Тем самым вы гарантируете, что соберете не меньшее количество голосов на этих выборах. Что вы фактически уже являетесь фаворитом этой гонки. Жириновский стал победителем. Значит, вы признаете: да, я победитель».

Теперь уже нет сомнений, что такая аналогия действительно сыграла ему на руку. Хотя, конечно, очень значима была его беспроектная программа. Фактически в своей кампании Лукашенко обещал две вещи. Он обещал дружбу с Россией и андроповский порядок. Всего два пункта! Но главное, все четко понимали, что он обещает и что он говорит. Центральная идея была внятной и перспективной.

Плюсом для него было и то, что он голосовал против ратификации Беловежских соглашений. Причем, единственный в белорусском парламенте. Он при всяком удобном случае это напоминал, доставая свой любимый козырь.

Отменной была и его манера общаться, такая доверительно-народная и немного колхозная. Эта интонация подкупала огромное количество людей. Он по-прежнему считался недавним председателем колхоза.

И такая вот прическа — манера прикрывать лысину с помощью заема. Я поначалу изумлялся: чего он этот про-

винциальный заем делает? Надо постричься, как сейчас модно: коротко или наголо. Но потом понял: он же по-прежнему в образе председателя колхоза, а они именно так должны делать. Это такая деревенская стилистика. Он же не московский человек. А «наш Рыгорыч», как произносили его отчество на белорусский манер. Тимошенко косу кладет, а у Лукашенко — заем.

Чем больше я с ним общался, тем сильнее у меня крепло впечатление, что это человек, обладающий, если можно так выразиться, лунатическим провидением. На всех важных развилках он всегда выбирал единственно верный путь, чутко прислушиваясь к голосу судьбы. Когда-то он служил в армии, тянул офицерскую лямку. И вдруг, вроде бы ни с того ни с сего, решил армейскую службу оставить, уйти на гражданку. «Вот утром, — рассказывал Лукашенко, — я проснулся и понял: я не должен служить в армии. Почему? Не знаю. Но я ушел». Он ушел, когда вообще не представлял, чем будет заниматься. А ведь уже была семья. И он был перспективным офицером. Какой человек в советское время откажется от офицерской карьеры? Когда все понятно, все ясно, надежно. А он ушел. Ждал чего-то.

Вдруг его вызывают в райком и говорят: «Примешь отстающий колхоз?» Снова ни с того ни с сего. «Конечно, приму», — сказал он без раздумий. И взялся восстанавливать разваливающееся хозяйство.

У него все получалось. О колхозе говорили и шумели. Туда приезжали комиссии. Лукашенко попал в газету. Сообщалось, что этот нетривиальный председатель решил сеять лен. Сеял он его или не сеял, но колхоз и его председатель прославились.

После, при Горбачеве, он, будучи уже известным сельским руководителем, стал замечен на республиканском уровне. Лукашенко начали приглашать на заседания партактива. И однажды он выступал на активе с участием Горбачева. Эту дискуссию показывали по всей

стране. А Лукашенко как раз позволил себе выступить довольно вольно по тем временам. Не то чтобы он решил вступить в полемику с Горбачевым. Но говорил ярко, не в обычной номенклатурной стилистике. Вызывал смех в зале, оживление, как тогда писали. Горбачев по поводу его выступления тоже высказался. Так Лукашенко обратил на себя внимание уже на союзном уровне.

Стартовали выборы в Верховный Совет Белоруссии. Ему, человеку заметному на местной политической арене, предложили поучаствовать. Он хорошо провел кампанию, ходил по дворам, разговаривал со всеми колхозниками и колхозницами. И уверенно победил.

Стал работать в парламенте. Все депутаты кинулись в комитеты, где бюджет, экономика, что-то зарабатывать. А ему, как он мне впоследствии признавался, ничего хлебного не досталось. И он пошел в совершенно иную степь, в ту сферу, которая тогда не сулила никаких преимуществ, а только одни неприятности. Комиссия по коррупции — институт достаточно специфичный. Но именно благодаря этой комиссии он раскручивался. Если бы он ушел в какой-нибудь комитет по экономике, он бы там тихо, может быть, и сидел до сих пор. Но к комиссии по коррупции было привлечено внимание прессы постоянно.

Так сама судьба вела его за руку. Все у него сходилось: ушел из армии, попал в колхоз, потом в Верховный Совет, а потом и в главное минское здание. Его Величество Случай сделал его президентом республики. При невероятных обстоятельствах. И как тут не поверишь, что у тебя есть особое предназначение.

ВАМ ПРИВЕТ ОТ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА

Раскрутка продолжалась. Я организовывал Лукашенко эфир с Любимовым, на ОРТ. Что тоже было важно, поскольку Первый канал смотрели в Белоруссии. Вообще Любимов сыграл большую роль в его продвижении. Сказались и наши с Сашей давние отношения. Мы вместе

учились в институте, я был на год старше. Сошлись на общественной работе: он был профсоюзный активист, а я был зампредом профбюро факультета. Я отвечал за соцсоревнование и собирал данные об успеваемости по своему курсу. Мы встречались с ним как активист с активистом. Отношения перешли в новую фазу, когда была запущена программа «Взгляд», и я участвовал в организации эфиров с Кашпировским. Вообще эта четверка «взглядовская» — Любимов, Политковский, Листьев и Захаров — одно время была по популярности сравнима с «битлами» периода расцвета, начала 60-х. «Взгляд» на разных этапах вели еще Ломакин и Мукусев. Но все же запомнились именно Захаров, Листьев, Любимов и Политковский с их нестандартными ходами.

Итак, Любимов дал эфир Лукашенко. Эфир привлек к себе большое внимание, потому что теперь не только московские депутаты и журналисты, но и более широкая телеаудитория увидела крупную, неординарную фигуру перспективного белорусского политика.

После эфира, я помню, у меня случился неприятный разговор с депутатом нашей, российской Госдумы Николаем Гончаром. Он подошел ко мне и укоризненно произнес:

— Ты что, не знаешь, что у него справка, у этого Лукашенко? То есть он вообще ку-ку!

Мне было известно, что Гончар помогал кампании Кебича. Но я виду не подал, а только переспросил:

— Какая такая справка?

— Слушай, Алекс, чем вы занимаетесь? Зачем вам это? Он наберет от силы 2 процента, и все. Вы какие-то люди странные. Ему светит максимум 2 процента — это же курам на смех. Тем более, я знаю, денег у него нет. Он вам не платит. Какой у вас там интерес?

— Ну и на этом спасибо, что ты знаешь. Дядька-то он вообще отличный, действительно.

— И Сашу Любимова зачем-то втравил в эту исто-

рию. Все равно ваш Лукашенко ни черта не соберет. Да ему и не дадут вообще.

Может быть, при иных раскладах и не дали бы. Но тут надо отметить еще одну огромную трагическую ошибку белорусской номенклатуры. Если в России попробовали начать новую демократическую жизнь с выборов в парламент, то белорусы начали сразу выбирать главного начальника страны. А напрасно. Наши парламентские выборы 1993 года, фактический провал тогдашней российской номенклатуры, когда победил далекий от Кремля Жириновский, преподали властям великолепный урок. Они усвоили, что с электоратом надо вести себя очень осторожно.

Судьбы людские складываются причудливо. Позже Гончар стал ярким фанатом Лукашенко.

На этих выборах многому научились, потом были еще одни выборы, 1995 года. И только после этого, в 96-м, состоялись выборы президента. Таким образом, российская власть потренировалась дважды. Состоялись две репетиции перед главной кампанией 96-го года. И то она тяжело прошла. Без этих репетиций в 96-м году победил бы Жириновский. И была бы такая же история, как с Белоруссией. Но тут другое. Россия - это не Белоруссия. Тут и ядерный фактор, и много иных усугубляющих обстоятельств...

Между прочим, все забыли про некоторые пункты знаменитого ельцинского указа № 1400. В указе 1400 было написано, что в декабре 1993 года проходят выборы в Думу, а 12 июня 1994 года выборы президента России. После победы Жириновского ни один человек, кроме самого Жириновского, не вспоминал о пункте втором этого указа. Про взятые на себя обязательства в скором времени переизбрать исполнительную власть все как-то дружно забыли. Потом автор Конституции Шахрай мне рассказывал, что поскольку принята новая Конституция, она ельцинский указ как бы отменяет, она выше того ука-

за. Я говорю: «Стоп, это было политическое обещание власти: проведения и тех, и этих выборов. Ради чего стреляли в парламент?» Ведь Ельцин предложил развязку: им твоя, ни моя. Сначала Дума, а потом выборы президента. И если бы депутаты не пошли по радикальному хасбулатовскому пути, у них были все шансы на успех. Они бы победили на выборах в декабре 93-го года. И потом через полгода требовали выборов президента. И все. И бороться с этим было нельзя. Ельцин тогда был на нике своей непопулярности. А уж после разгона парламента непопулярность стала вопиющей.

Но, видимо, в том раскладе Хасбулатов не видел для себя места. Потому что на публичных выборах он не выигрывает. Хотя бы потому что чеченец. Ясное дело, он это понимал. Силовая попытка взять власть, может быть, была последним шансом лично для него. При других раскладах к власти он прийти не мог. Да и не факт, что он в новой Думе занял бы какое-то там видное место. А на публичных выборах президента он и подавно ничего не выигрывал. Тут как раз интерес был у Руцкого. Но Руцкой не контролировал Верховный Совет. Такая вот цепочка неувязок...

Белорусским властям, увидевшим в декабре победу Жириновского, нужно было бы задуматься. Но номенклатура опять пропустила эту ситуацию. У нее был старый парламент 90-го года. И здесь была засада. Они не понимали, как важно потренироваться в новой, постсоветской ситуации. Ведь выборы при советской власти — совсем другая история. Прошелся Лукашенко по колхозам, по бабкам, и все - стал депутатом. В 94-м началась уже иная политическая игра. И никто не мог предположить, чем она завершится.

Как сказал один умный политолог, белорусские начальники, подобно Валерию Ходымчуку, оператору Чернобыльской АЭС, сделали последовательно несколько крупных ошибок. И первая была в том, что эти выборы

вообще были объявлены в 1994 году. Задумались бы, у виде-ев российский пример, отложили бы выборы — все было бы по-другому. Но они не задумались. Они были так уверены, что все пройдет, как в старые добрые времена, что власть есть власть, и она по определению победитель, что Кебич все держит в своем кулаке...

... Эфир у Любимова, выступление в Думе дали кандидату Лукашенко отличный московский фон. Скажу честно, что вообще вся его избирательная программа обошлась тысяч в 100— 150 долларов. Из них московская часть тянула тысяч на 10. Для выборов главы государства, где живут миллионы людей, еще и европейского государства, это вообще не деньги. И в этом тоже — мистика Лукашенко.

А дальше происходит нечто, что во всем мире восприняли как невероятную сенсацию. В первом же туре Лукашенко набрал 47 процентов голосов. То есть до победы не хватило буквально трех процентов. Совсем чуть-чуть. Вторым выходит Кебич, получивший всего лишь 19 процентов, третьим — Шушкевич. У властей шок. Но и в стане Лукашенко царит атмосфера, близкая к панической. Такого результата не ожидал никто. Мне звонит человек от Лукашенко, в полной истерике, и стонет: «Нам конец. Тут со всех сторон идет информация, что Александру Григорьевичу крышка. Такой подвиг ему никто не простит, и сейчас Кебич просто решает, по какому сценарию идти. Может быть, они заставят его сняться. Просто написать заявление, и все».

То есть в этот момент у власти еще был шанс взять ситуацию в свои руки. Победители были деморализованы не меньше. Если бы Кебич пригласил Лукашенко в этот вечер на жесткий разговор и сказал: «Ну, все. Шутки кончены. Пиши заявление. Будешь зампредом Верховного Совета или министром сельского хозяйства...» Я думаю, тот бы согласился. Он сам был в шоке от произошедшего. И все были в ужасе.

Но власть совершает еще один проигрышный ход. Тем же вечером Кебич делает заявление, что второй тур — это, мол, не первый. Это совершенно другие выборы, и мы преисполнены решимости победить на них. Когда я услышал это заявление, я подумал - они сумасшедшие, эти его штабисты. Притом, я вижу, как нервничает Лукашенко. Особенно когда ему позвонили и сказали: «Саша, сегодня не выходи никуда, тебя просто убьют. У тебя других вариантов просто нет». Даже те, кто ему помогал, искренне хотел поторговаться и получить какое-нибудь место, не ожидая более благоприятного исхода. И Лукашенко в этот момент был согласен на все условия. Стать даже не премьером, а просто министром сельского хозяйства. А они делают заявление, что идут на второй тур. И Кебич еще добавляет: «У нас есть такие сильные ходы. Вы увидите, они полностью изменят характер этой кампании».

Они продолжали играть в демократию и были уверены в своей победе. Они совсем рехнулись...

Я сказал одному человеку из кебичевской команды:

- Ну вы что, не понимаете, что вашему конкуренту до победы осталось три процента?

Тогда штабист мне стал приводить какие-то глупые расчеты - что, мол, если суммировать все голоса, если Кебич заберет проценты всех, кто не голосовал за Лукашенко, то получится больше, чем у Лукашенко. Я его перебил:

- Подождите. Вы отдаете себе отчет, что даже если во время телевизионного эфира Лукашенко помочится в студии, это уже не помешает ему выиграть выборы? Он набрал 47 процентов! Вы что, ненормальные, что ли?

- Нет, у нас четкие расчеты. Московские политологи все разложили...

- Я понимаю, московским политологам надо зарабатывать...

Но даже в этой ситуации Лукашенко очень боялся.

У него было упадочническое настроение. Он твердил сам себе: ну они же власть не отдадут. Не знаю, что они придумают, но власть они не отдадут. А если власть в итоге останется у них, то как-то они будут решать мой вопрос? И вряд ли в мою пользу он будет решен. Они же не идиоты.

Он исходил из того, что эти люди власть не отдадут. И не знал, что дальше следует предпринять.

Тогда один из близких Лукашенко людей, из его штабников позвонил мне и сказал: «Слушай, Филатов, надо как-то в Сашу вдохнуть жизнь, потому что он очень напряжен. Он просто под плитой находится».

И мы придумали хитроумную комбинацию.

Я приехал в Минск. Попросился с Александром Григорьевичем встретиться. И настаивал на том, чтобы эта встреча произошла где-нибудь в лесу.

Он приехал с водителем на «Волге». За ним уже следили, понятно. Но он ушел от преследования, пересел с одной машины в другую. После чего мы с ним не спеша прогуливались по лесу. И тихо беседовали. Я намеренно придал нашей встрече характер эпизода из «Семнадцати мгновений весны». Это было очень важно...

И во время этой лесной прогулки я, выбрав надлежащий момент, торжественно сообщил:

- Я привез привет от Бориса Николаевича Ельцина.

Он остолбенел.

- И Борис Николаевич передал тебе, - продолжал я ровным голосом, - самые теплые свои чувства. И сказал, что у тебя огромный шанс.

Лукашенко заволновался:

- Подожди, так пусть он публично это скажет.

- Нет, публично никак нельзя. Кебич - премьер действующий. Никто с ним ссориться не будет, и никаких публичных заявлений тоже не будет. Это детский сад. Но наш лидер сделает то, что в его силах. А у него возможности большие, чтобы тебе помочь. Ты сам понимаешь.

— А зачем же тогда приезжает Черномырдин и под-
держивает Кебича?

— Черномырдин не Ельцин. Это разные команды и
разные люди. Кебич связан с Черномырдиным бизнесом.
А Ельцин - чистый политик, он ни с кем бизнесом не
связан.

Тут я ему прочитал небольшую лекцию по кремлено-
логии.

Конечно, Ельцин ему никакого привета не передавал.
На самом деле Ельцин к Лукашенко никак не относился.
Так же как и внутри страны, кстати, он никогда не делал
предпочтений, даже если его просили поддержать Черно-
мырдина или еще кого. Он никого никогда не поддержи-
вал, чем и создал для ЛДПР режим наибольшего благо-
приятствования.

Но я понимал, как Лукашенко в тот момент был ва-
жен подобный сигнал из Москвы. После моего сообщения
он буквально задышал. И сказал уже совсем другим тоном:

— Кебич, ха. Да кому этот Кебич нужен? Сегодня же
надо созвать пресс-конференцию и врезать.

Он сразу ожил и задвигался: сейчас мы... Вновь обрел
чувство юмора и чувство реальности.

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ ПРЕМЬЕРОВ НА ЗАДНЕМ СИДЕНЬЕ

В этот же вечер он выступал в прямом эфире, от кото-
рого раньше отказывался. Ему задают вопрос: «Скажите,
вот приезжает Черномырдин. Не переломает ли он всю
вашу кампанию?» А перед этим московские политологи
сказали Кебичу, что надо придумать такое событие, кото-
рое ломает отношение избирателей. И это событие -
приезд Черномырдина, великого пиарщика и посла Рос-
сии. И вот спрашивают у Лукашенко: «Вы не боитесь это-
го?» На что Лукашенко отвечает: «Вы знаете, я бы боялся
этого зимой. Потому что действительно, Россия может

отключить газ. Но летом, когда все на огородах, кого интересуют проблемы российского газа? Никого. Сейчас все на полевых работах и всех интересует дешевый дизель. Поэтому данная тема меня совсем не беспокоит». В общем, с юмором отбивался.

Визит Черномырдина, между тем, был обставлен весьма помпезно. В прямом эфире показывали ковровые дорожки, которые, как в советские времена, когда приезжал генсек, постилали под ноги высокому гостю. В том же прямом эфире была видна картина, которая меня убила, как и многих, которые сидели у экранов. Российские и белорусские начальники долго стояли на официальном мероприятии. Церемония, проходившая под открытым небом, затянулась. Нещадно палило солнце. По физиономиям премьеров текли струйки пота. И вот в какой-то момент Кебич достал платок и протер пот на лбу Черномырдина. Эта была потрясающая сцена.

Вторая сцена, которая сразила наповал уже всех наблюдателей, была запечатлена фотокамерами, а потом показана и расписана во многих газетах. Это поцелуй двух премьеров на заднем сиденье правительственной машины, не помню, «Чайки» или «ЗИЛа». За занавеской было видно, как они целуются в губы, буквально взасос. Это была престранная картина. Допустим, Брежнев с Хонеккером тоже целовались при встрече, но на официальной встрече. А эти целовались и обнимались на заднем сиденье отъезжающей машины. Видимо, такой прилив чувств произошел не совсем спонтанно, а в тот момент, когда эти господа заметили камеры, а придурочные московские политологи шепнули: покажите братство, продемонстрируйте тесную дружбу. И братские премьеры перестарались. Этот идиотский поцелуй двух толстых мужиков на заднем сиденье создавал впечатление, что у белорусской номенклатуры просто «поехала крыша». Журналисты смеялись до упаду.

И диалоги двух высокопоставленных друзей были не

менее смешными. Разговор велся примерно такой. Кебич говорил: «Виктор Степанович — мой друг. И только потому, что Виктор Степанович мой друг, он нам в долг даст газ. Собственно, за газ мы не платим. А мы должны платить за газ. А если мы будем платить за газ, то вообще останемся без штанов. Но поскольку Виктор Степанович мой друг, то мы не платим за газ». А Виктор Степанович вторил: «Да. Вячеслав Францевич — мой друг. И из-за этого я не беру с него денег за газ. Потому что мы с ним — друзья». Более глупой предвыборной кампании придумать было невозможно...

Прав был тот политолог. Происходил политический Чернобыль: ошибка за ошибкой. И на каждом этапе можно было все исправить очень легко. Но следовали новые, еще более крупные проколы.

На Украине похожая история происходила на последних выборах. И опять свою руку приложил Черномырдин, потерявший тогда Белоруссию.

Закономерным итогом стала головокружительная победа Лукашенко во втором туре — свыше 80 процентов. Народ все понял.

А вот Кебич умудрился получить меньше, чем в предыдущем туре. Не 19 процентов, а всего лишь 17. Это беспрецедентно. Во втором туре любой кандидат демонстрирует лучший результат, чем в первом, потому что за счет голосов других кандидатов хотя бы чуть-чуть увеличивает свой процент. *Л* чтобы ухудшить свои показатели — это надо было сильно постараться.

ПРОГРАММА-МАКСИМУМ ЛУКАШЕНКО

Через год-два, когда мы приехали в Белоруссию по каким-то делам, Лукашенко отвел меня в сторонку и сказал:

- Слушай, Алекс, а помнишь, как Ельцин передавал привет?

- Конечно, как же такое можно забыть.

- Ты знаешь, а я его спросил при встрече. Мол, Борис Николаевич, ну вы ж меня поддержали еще тогда?

Я думаю: вот неприятность-то. Но на всякий случай интересуюсь:

- А Ельцин-то что?

- А он сказал: а мы за вами давно следили. Вы что думаете, мы не знали ситуации в Белоруссии? Мы, говорит, все понимали. Слушай, какой мощный дед!

И еще через несколько лет, в 1997 году, когда в Москве постоянно шли разговоры о том, сколько проживет Ельцин... А он постоянно работал с документами в Барвихе... И уже оживились коммунисты, Немцов... И все гадали на кофейной гуще: кто будет следующим?.. Лукашенко мне четко сказал: следующим будет тот, кого назначит Ельцин. Прямо на кого он покажет пальцем, тот и будет. Я выразил сомнение: «Ну, это еще большой вопрос. Ельцин на ладан дышит. В Москве его вообще никто не ставит серьезно». «Все это на фиг, все это бредни. Он кому-то отдаст эту власть. И вопрос только в одном: кто будет этот кто-то?»

То есть Лукашенко раньше остальных увидел схему. И не зря он ездил, играл с ним в теннис, поддерживал хорошие личные отношения. Не зря вся кремлевская братия очень боялась Лукашенко. К тому же он лунатик. То есть человек, который может принимать неожиданные решения, идущий по своей интуиции, которая его никогда не подводит.

Но хотя Лукашенко первый понял, какой важный происходит выбор, Ельцин указал не на него. И все эти игры вокруг союзного государства были связаны с намерением Лукашенко попробовать нечто большее, чем белорусский престол. Раз судьба его так ведет, раз все время совершает сногшибательные ходы в его пользу, то что-то, он уверовал, должно произойти дальше. И я представляю, как он расстроился, когда увидел, что сценарий, который он предсказал, был разыгран без его участия.

В этом — корень его сложных отношений с Путиным.

Это где-то и Путин понимает. Он же знает об активности Лукашенко на российской политической сцене, которая так настораживала все кремлевское окружение Ельцина. Сейчас, при построенной системе, на московский престол из Минска трудно зайти. А в том мощном хаотическом движении Лукашенко вполне мог попробовать. Он не зря выступал в Думе, поддерживал хорошие отношения с влиятельными депутатами, приглашал многих в Белоруссию. И много ездил по российским регионам, корешился с губернаторами. Выступал в городах и весях. Я думаю, что подспудно его ставка на Россию, помимо экономических причин, помимо того, что он получает огромные материальные дивиденды, содержит и такой политический план. Он понимает, что в объединенной Европе он не сделает такой карьеры. Максимум — будет стоять в предбаннике 28-м членом ЕС, с которым даже никто и разговаривать не захочет. А в России он может играть серьезную роль, и никто не возьмется предсказать, как развернутся события в дальнейшем.

Не сомневаюсь, что он мечтал тогда и до сих пор мечтает стать президентом России. Большой нашей страны, а не маленькой Белоруссии. Хотя она не такая маленькая на самом деле. Но, тем не менее, предел его мечтаний — именно большая страна. Похоже, у него есть по этому поводу какое-то внутреннее ощущение, предчувствие, что ли. Кто знает — может, и на этот раз его внутренний голос говорит правду?

Но то, что это человек особой судьбы, для меня нет сомнений. Особых, нестандартных решений. Человек с лунатическим предвидением.

В то же время он нормальный трудоголик. Он до утра не спит. Много занимается спортом. У него много физических сил, которые надо на что-то расходовать. Потратить, например, на хоккей, на лыжи. Он единственный креативный человек в нынешней белорусской номенклатуре.

При этом, конечно, со своими чудачествами. Напри-

мер, жена его до сих пор живет в деревне. И когда его журналисты спросили насчет его «половины», он совершенно гениально ответил. Западные журналисты как-то пристали: «Почему вы всегда один? Где ваша супруга?» «Где? — он озабоченно посмотрел на часы. Ага. Как раз сейчас начинается вечерняя дойка. Она доит. У нас две коровы». И даже назвал, как этих коров зовут. Сколько каждая молока дает. Как за ними нужно ухаживать. И пояснил, что так хорошо, как хозяйка может ухаживать, никто другой не сможет. Корова любит знакомую руку. Поэтому супруга сейчас на вечерней дойке.

Кто еще из глав государства может так сказать о своей жене? Никто.

Вообще при личной встрече Лукашенко производит на всех сильнейшее впечатление. Начать с того, что он огромный. У него размер ноги, наверное, 49-й. Невероятный размер ноги, огромный рост. Фактура нетрадиционная. Уже этим он обращает на себя внимание. К тому же он зажигающийся. От него идет электричество. Играть в хоккей, ему явно нравится такая мужская агрессивная игра. Силовые приемы. Физическая борьба. Впрочем, когда с ним играют, всех спортсменов заранее предупреждают, чтобы были поосторожнее. Чтобы силовых приемов не делали, не толкали. И дали хотя бы один гол забить. Иначе он будет в плохом настроении и может потом ругаться. Ну, это обычная для больших начальников история.

Лукашенко эмоциональный и заводной. О его личной жизни тоже ходят разные легенды. Это тоже обычная ситуация. О ком еще сплетничать, как не о любимом вожде...

И сейчас, когда Запад в открытую поставил цель его ликвидировать, это будет не так-то просто. Лукашенко может стать европейским Фиделем Кастро. По крайней мере, популярность в широких слоях населения ему обеспечена надолго.

Не могу не согласиться с теми, кто говорит, что Рыго-

рыч спас белорусов. Потому что белорусы народ спокойный, который не очень-то может бороться за себя в условиях дикого рынка, в отличие, кстати, от украинцев. Те пошебутнее, поактивнее. Допустим, в начале 90-х, когда пошел экономический развал, украинцы смогли быстрее адаптироваться, поехали на заработки в Москву, что-то стали предпринимать. А в Белоруссии без поддержки родного государства все бы просто померли. Особенно сельское население. Оно бы тихо загибалось. По болотам бы ходили, собирали клюкву...

Сохранив фактически советскую модель, небольшую, но регулярную зарплату, порядок, в советском значении этого слова, подчиняемость, колхозы — Лукашенко в 90-е годы подстелил людям соломку. По сути, все эти 10 лет он их спасал. Сейчас люди сориентировались более или менее. А тогда же никакого опыта не было, а есть-то надо три раза в день.

Нынче другая ситуация. Выросли коммерсанты, бизнес. Уже понятно, где и что можно продавать, как все это строится. В сегодняшней ситуации Лукашенко может позволить что-нибудь приватизировать.

Но тогда обвальный переход к рынку по российской модели, учитывая характерные особенности белорусов, их неумение работать локтями, привел бы к краху. Особенно села. Именно селяне, кстати, и поддерживают Лукашенко. Недовольна им минская интеллигенция. Ей хочется больше прав, больше свобод для бизнеса. А селу нужна более-менее твердая, но гарантирующая что-то власть, которая не бросит их на улице.

Он выбрал китайский путь. Но с опорой не на партию, как в Китае, а с опорой на спецслужбы. И тут надо сказать, что у Лукашенко хорошие спецслужбы и хорошая армия. У него реальная 100-тысячная армия, которая реально занимается спецподготовкой, а не покраской газонов.

Кстати, о спецслужбах. Была одна история, в которой я задействовал свои связи с Лукашенко и его окружением. Мой московский знакомый гнал машину через Бело-

руссию, и его остановил инспектор. Обнаружил какие-то нарушения. Тут мой приятель по привычке вытащил 100 баксов. Дал ему. Тот вызвал несколько человек. Приятеля забрали и завели уголовное дело по факту дачи взятки должностному лицу. Товарищ не сразу сообразил, что происходит, и признал, что давал 100 долларов. Упирал на то, что это не взятка: он якобы рассчитывал, что милиционер сам пойдет и внесет эту сумму в сберкасса. Главное, он признал сам факт. И представьте, его посадили на несколько лет за взяточничество. История, которой просто не может быть в Москве. Кроме как если это подставная история, намеренная провокация. А здесь история была ординарная, не подставная. Обычный инспектор, который вроде бы мог взять деньги. Но воспитание не позволило. Воспитание у спецслужб совершенно другое. Они реально боятся. Их проверяют. В этом смысле в Белоруссии ситуация куда лучше.

В итоге моему приятелю все-таки помогли освободиться. Но для этого надо было дойти до Лукашенко лично. Никакие министры ничего не могли сделать. Вытащили парня с большим трудом, хотя история не стоила и выеденного яйца.

Такова особенность белорусской системы. Поэтому у них в армии есть топливо, в отличие от армии нашей страны, где добывается нефти и газа столько, что на них сидит пол-Европы. У нас не находится для самолетов горючего, а там есть топливо и для самолетов, и для танков, и для прочих машин. Они занимаются реальной боевой подготовкой.

Казалось бы, кому противостоять? А тут может опять сказаться лунатическое предвидение Лукашенко.

Была такая история. В России случился очередной политический кризис. Были какие-то контры между Думой и правительством. Я выступал утром в прямом эфире ОРТ, в студии «Россия», и меня спросили из студии Останкина: «Алекс, а вы не боитесь, что такое противостояние может привести, как многие говорят, к гражданской

войне?» И тогда я ответил: «Я не исключаю никакого развития событий. Надеюсь, не дойдет до хаоса. Но если хаос у нас случится, то так же, как в 68-м году чехи, мы попросим интернациональную помощь. Обратимся к Лукашенко, пусть он вводит войска и наводит здесь порядок». Диктор ошалел и говорит: «Но белорусские войска — это же иностранные войска». Я возражаю: «Ну какие это иностранные войска? Ну что вы? Когда это Белоруссия для нас иностранной стала? Мы с удовольствием напишем письмо от имени группы депутатов, обратимся к Лукашенко за поддержкой. Как, помните, в 68-м году группа товарищей во главе с Василом Биляком написала советским товарищам и попросила помочь в это трудное время. И советские товарищи, помните, откликнулись. И мы подпишем». В общем, ведущая была вынуждена прервать этот разговор: «Ну, мы заканчиваем наше интервью с депутатом Филатовым».

Я вернулся в Думу. Изучаю реакцию товарищей. И только один человек, по-моему, отреагировал на это адекватно, повеселился, поулыбался. Ко мне подошел, говорит: «Слышал. Ну приколы ты дал!» И все. Больше никакой реакции не было. Ну, сказал и сказал.

Через полгода у меня была встреча с Лукашенко, и он попросил: «Ну не подводи меня, Алекс. Ну что ты там нагородил — белорусские танки, которые будто бы за вечер из Минска доедут до Москвы». Я возражаю: «А что, переход недалекий, из Минска они будут быстро». И тут он говорит: «Ну, вообще-то, за несколько часов они не дойдут. Нужен хотя бы день».

Так что мы не знаем, какое мистическое предназначение есть у белорусской армии. Может быть, такое. Сейчас-то постабильнее, но почему в 1998, 1999 годах здесь не мог быть хаос? Мог быть. На фоне импичмента, дефолта, черного четверга или вторника, да всего, что угодно. И конечно, белорусская мобилизованная родная армия, говорящая на том же языке, принималась бы «на ура». Это фактически наша армия, но выведенная за границы

страны. Разумеется, никто бы не стрелял, парад белорусских танков носил бы чисто символический смысл, естественно, никто воевать не собирался. Но демонстрация силы охладила бы страсти. Кто знает...

Сегодня это кажется странным. Завтра может быть по-другому. А в конце 90-х годов, на фоне тогдашнего запредельного недовольства властью, белорусских военных с цветами бы встречали. Они что, шли бы как завоеватели? Конечно, нет! Они стали бы символом патриотической власти, восставшей против власти прозападной, компрадорской. Лукашенко выступал бы как патриотический лидер в противовес, как газета «Завтра» любит говорить, оккупационному режиму.

Конечно, Александр Лукашенко символизирует патерналистскую власть. Отец народа. И в то же время это человек заводной, непосредственный, с юмором. Весьма обаятельный в общении. Не зря он нравился избирателям. Не будем забывать, его избрали в Верховный Совет на основе истинной демократии, без подтасовок. И так же избрали первый раз президентом. Он не захватил власть. И он сделал практически невозможное: получил свыше 80 процентов, не имея так называемого административного ресурса.

Другой разговор, что он же сам и свернул все эти демократические процедуры. Тут вступили в силу законы компенсаторики, когда натуральное дитя демократии становится в итоге могильщиком этой демократии — в ее западническом понимании. Но в 1996 году, когда он сворачивал демократию, я был на его стороне. В той ситуации надо было дать людям выжить.

Вместе с тем, надо иметь стратегию, как потом это дело размораживать. Анестезия хороша во время операции. Белорусская заморозка была уместна, потому что по живому резать, как в России, тоже не дело. Но нельзя держать под анестезией человека всегда, всю жизнь.

Глава десятая

В главе рассказывается о том, кто наживался на контрабанде иракской нефти, о методах работы иракских «чекистов»; о том, почему Буши уничтожают врагов саудовского режима; о том, какова цена прощения за массовое убийство; а также о том, как ЛДПР спасала иракских младенцев

ГОВОРИШЬ С САДДАМОМ- ВСПОМИНАЕШЬ СТАЛИНА

В середине 90-х годов я занялся международной деятельностью в Думе и в партии. У нас исторически были очень тесные контакты с арабским миром, в целом с мусульманским миром. К нам на Востоке хорошо относились. Партия решила эту линию развивать. И с конца 1992 года у ЛДПР, еще за год до парламентских выборов, установились хорошие, прочные контакты с Ираком, с его президентом. Который к тому времени правил страной уже 13 лет. Саддам решил открыть новую страницу отношений с русскими. Потому что СССР не стало, а отношения с советским руководством развалились. Горбачев предал его, когда в 90-м году, перед началом войны в Персидском заливе, не оказал ему никакой поддержки, и даже более того, стал на сторону коалиции. Хотя нас связывали союзнические обязательства.

По прошествии двух-трех лет иракцы стали потихоньку работать с нашим парламентом и с отдельными депутатами. Серьезных официальных контактов с ельцинским правительством не было. Зато появилась совершенно новая свежая сила в России — Жириновский. Саддама наша партия сильно заинтересовала. В ноябре 1992 года председатель ЛДПР впервые встретился с Ху-

сейном. А в декабре того же года, по следам Жириновского, приехал в Ирак и я.

Когда мы победили на выборах, Саддам очень радовался. Это было доказательство его прозорливости, политического чутья. Потому что во время подготовки первого визита Жириновского в Багдад некоторые иракские руководители, в том числе Тарик Азиз, не очень советовали Саддаму встречаться с Владимиром Вольфовичем. Они ныли, что лидер ЛДПР имеет сомнительную репутацию, депутатом не является, фракции своей в парламенте не имеет. Ну, был кандидатом в президенты, набрал 8 процентов голосов. Но, конечно, не является той фигурой, которую можно принимать на столь высоком уровне. Однако, видимо, другие источники дали Саддаму много информации, которая его расположила. Возможно, иракский вождь прочел, что говорил Жириновский в своей книге «Последний бросок на юг», возможно, посмотрел еще какие-то выступления и заинтересовался: что это за человек с такой системой взглядов на жизнь. Импонировал, наверное, и некоторый антиамериканизм основателя ЛДПР.

Так или иначе, Саддам, вопреки советам своих дипломатов, Жириновского принял. Не исходя из формата Жириновского как руководителя партии, а из интереса к личности, интереса к сути вопроса, к наличию особого взгляда на мироустройство. И они побеседовали два часа. Причем это был не светский трен, а крупный разговор, по широкому спектру тем: о видах на развитие мира, страны, о проблеме курдов.

И когда Жириновский победил на выборах, Саддам был очень доволен, что утер нос своей дипломатической службе. Сказал: «Ну что? Кто умнее — вы со своими технологиями или я, который интуитивно принял важное решение?» О такой реакции Хусейна рассказал мне впоследствии сам Тарик Азиз в приватной беседе: вот наш

президент оказался мудрее и умнее нас — мы-то, если честно, осторожничали насчет Жириновского.

В первые же наши приезды в Багдад встречали нас как самых дорогих гостей. Особенность Ирака тех дней состояла в том, что там вообще не было иностранцев. Я жил в Багдаде, в известной гостинице «Аль-Рашид», которую теперь показывают в каждом выпуске новостей об Ираке. И был едва ли не единственным ее постояльцем. Такое, по крайней мере, сложилось впечатление. Это был период жестких санкций, так называемых послевоенных санкций ООН, когда страна была закрыта для внешнего мира. Нефтью торговать не разрешалось. Ирак варился в собственном соку. Никаких контактов. Разве только старые связи с арабским миром. Но с европейцами никаких отношений не было.

Собственно, именно мы начали прокладывать в Ирак из Европы новые тропинки. Начиная с 1992 года мы привозили в Ирак самых разных людей, в том числе европейских депутатов из союзных нам политических партий. Расширяли зону поддержки Ирака и в своей стране, и на Западе. Мы привели туда десятки коммерсантов, которые заключили контракты, стали торговать, зарабатывать. Это было исключительно важно для России, потому что в Ираке не работала промышленность, и все заказы в то время перепадали нам. Особенно то, что касалось машиностроения.

Тогда же я встретился с Саддамом. Помню первое впечатление: я беседую с Иосифом Виссарионовичем. Я много слышал от старых партийцев о том, как генералиссимус себя вел. В поведении Хусейна прослеживалось что-то подобное. Даже внешне они похожи, с манерой тихо говорить, все делать медленно, со значением, не суетиться, гармонировавшей с военным френчевым костюмом. Вообще у всех руководителей партии БААС была зеленая а-ля армейская одежда. Все высшие партийцы располагались в особняках, очень нам знакомых. Их дачи

походили на загородные резиденции ЦК КПСС — с таким восточно-партийным стилем. Крупные и не очень дома, похожие на наши госдачи. С такой же подчеркнутой скромностью: сразу было видно, что это рабочие резиденции, где не было ничего лишнего, где все люди ходили в военной форме. Это все очень напоминало сталинское руководство.

Даже по конкретным персонажам из окружения двух вождей можно найти прямые аналоги. Допустим, Сталин — это Саддам, Тарик Азиз — это Микоян, он и внешне похож. Вице-президент Рамадан был похож на Кагановича. Иссат Ибрагим, тоже важнейший партийный деятель, — на Молотова. Это был костяк режима — старые партийные товарищи, которые вместе занимались революцией, сидели в тюрьмах. Знакомая нам история.

Может быть, западники этот режим не очень просекали, а нам он был понятен. Почему нам и удалось так быстро адаптироваться к иракским реалиям. Мы понимали, как все строится, как принимаются решения. Если на верхнем уровне уже приняли решение — допустим, работаем с ЛДПР, и если мы ничего плохого не сделаем, то это решение надолго. Оно стратегическое. А не как у нас: на второй день кто-то сказал "не надо», и все планы сразу отменены. Нет, раз принято решение, значит, оно будет работать.

Ирак нас интересовал по вполне очевидным причинам. Мы осознавали, что эпицентр мировой политики и мировой экономики находится именно там, на Ближнем Востоке, где качается нефть. И показатель мировых цен на нефть влияет на экономику. Соответственно, Саддам, от которого зависит качка нефтяной цены, является джокером в мировой политике. Самым настоящим джокером. Даже в условиях, когда полностью перекрыты все каналы поставок... Любые слухи из этого региона, даже одно ожидание новой войны с Ираком, переброска войск, болезнь диктатора, вообще любые шевеления — приво-

дили к колебаниям цен на нефть. Так, биржу потрясли слухи 1994 года о том, что Хусейн готовится ко второму броску на Кувейт, о том, что он перебрасывает войска, пошло Обострение...

Ситуация в Ираке и вокруг него была и, наверное, долго еще будет мощнейшим фактором мировой политики. Надо отдать должное Жириновскому: он увидел это раньше других. Понял, что в данном регионе находится не просто богатая нефтью страна, а один из нервных узлов планеты. И что России выгодно присутствовать там, где есть нерв мировой политики, чтобы играть в ту или иную сторону.

Наша игра может быть разной, но если ты не участвуешь в этом процессе — ты провинциальная держава. Ты не великая держава. Почему Советский Союз активно вмешивался в арабские дела? Он понимал, что от этого зависит и его благополучие. Революция цен на нефть в 1974 году дала нам огромную денежную подушку, мы активно модернизировали свои производственные мощности, закупая самое передовое западное оборудование, и в общем-то неплохо жили, как теперь выясняется.

Существенным было и сильнейшее влияние Багдада на весь остальной арабский мир. Как только стало известно, что ЛДПР активно работает на иракском направлении, то и все прочие арабские страны нами очень сильно заинтересовались. Спустя пару лет, в 1994 году, я встречался с эмиром Кувейта и всем высшим руководством этой страны. Будучи всего лишь заместителем председателя комитета по международным делам. Конечно, мой статус не дотягивает до встреч с первыми лицами государств. Но тем не менее, по всем каналам кувейтскому руководству рекомендовали встретиться — именно из-за того, что мы дружили с Саддамом. И естественно, во время разговора с эмиром Кувейта мы так или иначе затронули тему Хусейна. Был задан вопрос: «Правда ли, что вы недавно встречались с Саддамом? Как он выглядит, как

вы оцениваете состояние его здоровья? Есть слухи, что он серьезно болен». Я сказал, что не нашел ничего, что могло бы свидетельствовать о его болезни.

Всем было интересно, что происходит с Саддамом и теми, кто с ним рядом. Здоровье багдадского начальника тоже было фактором политической игры. Как раз настал момент очередного обострения ситуации в Персидском заливе..

После того, как мы победили, стали фракцией, сотрудничество пошло полным ходом. В 93, 94, 95-м годах мы были единственной политической силой, которая серьезно контактировала с Ираком. А уже при нашем посредничестве туда приходили люди из Англии, Франции, Словении, Италии. И, конечно, России. Бизнесмены, политики, партии. Мы оказались каналом связи с этой страной. И к 1996 году результатом этой лоббистской деятельности, в хорошем смысле слова, стало то, что санкции частично начали отменять. И появилась известная программа «Нефть в обмен на продовольствие». Не просто так она возникла. Она была создана как результат усилий многих политических сил, итог меняющегося мнения в мире по поводу Ирака и возобладания определенных экономических интересов. И во Франции, и в других странах политики трясли свое руководство и требовали от него изменения отношений с Багдадом.

Сразу после того, как программа «Нефть в обмен на продовольствие» была запущена, желание поработать в Ираке выказал весь мир. Все кому не лень сюда полезли. Уже в гостинице «Аль-Рашид» было не протолкнуться. Все бегали, суетились. И мне всем им хотелось сказать: «Где вы были три года назад, когда мы ходили и всех убеждал и, что это нужно делать? А все отмахивались — кому, мол, нужен этот Багдад?»

Вот сегодня американцы поднимают шум, что кто-то получал взятки на той программе. Это выдуманная история. Основные деньги делались не на программе «Нефть

в обмен на продовольствие», а на контрабанде нефти. Контрабанда шла несколькими путями.

Ночью она шла наземными путями через Иорданию. Последняя просто озолотилась на этих санкциях. Точнее, озолотились иорданские власти, а в инфраструктуру страны они вкладывать прибыль так и не захотели: по крайней мере, нормальные дороги почему-то не построили. Когда едешь из столицы Иордании Аммана до границы с Ираком — жуткие, отвратительные шоссе. Особенно неприятно ночью, когда тебе навстречу едут бензовозы и ты опасаясь: вот занесет эту дырину, заденет она тебя — и полный вперед. Приезжаешь на территорию Ирака — отличные трассы. Несколько полос в одну сторону, несколько в другую. Начинаешь просто дышать. Саддам не скупился на дорожное строительство. А король иорданский, который столько лет зарабатывал на санкциях, ничего не построил. Все разворовали...

Днем же контрабанда шла морским путем. И тут она проходила под контролем американцев. У меня нет ни малейших сомнений, что стоявшие в Персидском заливе американские военные были в доле. Потому что любые перемещения морского транспорта фиксировались. Они не могли не знать о том, что бесперебойно шли суда с нефтью.

Знали, но помалкивали. И лишь изредка, раз в три или четыре месяца, театрально ловили какое-нибудь судно, показывали его по телевизору и еще месяц определяли, что там была за нефть и чья она. И часто выяснялось, что там нефть из... Ирана. Но на этом показательные суды останавливали.

Схема была такая. За поставки в обход санкций отвечала иракская нефтяная компания «Сомо». Она давала нефть не всем, а только хорошим людям. Плохим (по иракским понятиям) она не отдавала. Причем черное золото отгружали даже без предоплаты. Нефть стоила в три раза меньше мировой цены. Ты забирал, реализовывал по мировой цене и возвращал долг через полгода, а то и год.

Они не трясли. И многие люди этим пользовались и просто кидали иракских поставщиков. Глупые люди, конечно. А умные рассчитывались, и им еще хватало.

Правда, надо было рассчитаться со многими. С иранцами, потому что морские пути нефтяной контрабанды, шедшие через Басру, контролировали стражи иранской революции. И с американцами, которые закрывали глаза на эту бурную деятельность.

И пусть они теперь не морочат головы, не говорят, что не знали, — суда шли непрерывно. Не видеть их было невозможно, те же спутники легко засекали. А военные суда могли перехватить эти караваны в две секунды. Они просто закрывали глаза.

Работали специальные лоцманы, которые знали, как вести эти танкеры, куда сливать. Был построен серьезный бизнес, и делались большие деньги. Нефть шла на мировой рынок, и процентов 60 ее покупали те же американцы.

Контрабанда шла всегда, но с появлением программы «Нефть в обмен на продовольствие» появился и легальный путь, через ООН. Действительно, были некоторые откаты. Фирмы-посредники требовали где-то 15 центов с барреля. Куда это все уходило — дело темное. 15 центов с барреля — это не так уж и много, если посчитать. Это не такие радикальные деньги, чтобы из-за них так шуметь, как это делают американцы.

Вот на том нелегальном «шелковом пути» действительно делались деньги. То, что зарабатывалось там, можно было назвать хорошими деньгами. А то, что наваривалось вокруг программы «Нефть в обмен на продовольствие», — это так, сопли и слезы,

КЛЕМЕНТИНА ИЗ ГОСТИНИЦЫ «АЛЬ-РАШИД»

Конечно, Ирак был жесткой страной. Этого отрицать не будем. Особенно в условиях санкций. Вообще история Ирака делится на этапы. Довоенные и послевоенные. До

вторжения в Кувейт и начала «Бури в пустыне» это было процветающее государство. Здешние специалисты имели отличную зарплату. Люди спокойно ездили за границу. У них были превосходные дома. Даже когда шла война с Ираном, фронт казался где-то далеко, а в главных городах все было спокойно.

Многие мои знакомые с большим удовольствием вспоминали это время.

Период жестких санкций очень больно ударил по всему обществу. Люди обеднели: интеллигенция, средний бизнес. Они сильно переживали по поводу этих изменений в своем статусе. Их угнетала невозможность куда-либо поехать по иракскому паспорту. С иракским паспортом ты был как бомж.

Разыгрывались настоящие человеческие трагедии. Жесточайшая экономическая и дипломатическая блокада оказалась неким новым, очень мрачным явлением, с которым никто прежде не сталкивался.

Жесткость, подчас жестокость иракской власти по отношению к своим гражданам была естественной реакцией на колоссальное внешнее давление.

Я вспоминаю один эпизод, о котором до сих пор сильно сожалею. Однажды в гостинице «Аль-Рашид» я зашел в магазин. Там было множество ларьков, где продавалась всякая всячина. Между прочим, попадались приличные вещи, даже известных мировых марок. Я разговорился с девушкой, торговавшей в одном гостиничном бутике. Выяснилось, что она из семьи предпринимателей, что это у них семейная лавка.

В прежние времена они выезжали, много путешествовали. Она очень хорошо говорила по-английски, получила отменное образование. Но сейчас им плохо, тяжело...

Семья жила в этой же гостинице — так было удобнее содержать бутик. У них был свой дом, но сейчас они снимали в «Аль-Рашиде» офис, где жили и работали.

Мне показалось, что ей очень приятно со мной побол-

тать. Как с человеком, приехавшим из Европы. Где когда-то гуляла и она — «бывала в Париже, в Лондоне в лучшие времена, но, к сожалению, никогда не была в России». В ней чувствовалось тяготение к европейской культуре. Развитая, модная, красивая женщина.

Звали ее Клементина. У нее, естественно, было какое-то арабское имя. Но сложно произносимое. А Клементиной ее прозвали в Париже, где она некоторое время пребывала. Иностранцы давно забыли дорогу в Багдад, жителей ее страны тоже никуда не пускают, и я был для нее как форточка во внешний мир. Я рассказывал про Россию, пригласил ее в Москву. Она заулыбалась. А я залюбовался: холеная, с большой грудью, сама не толстая, видно, что еще не рожавшая. Замечательная.

Я был выпивши, и это отразилось на моем поведении. В другой бы раз, может, поостерегся, а тут заявляю без обиняков:

— А может быть, ты зайдешь ко мне? Чайку попьем...

— Да нет. Вы знаете, в этой гостинице это неуместно.

— Конечно, понимаю. Но я исключение. Понимаешь, я здесь гость на самом высоком уровне.

— Здесь не так много гостей. Мы всех знаем.

Чувствовалось, она вся в сомнениях, вроде бы ей и хочется, но понятно, что нельзя. Я говорю:

— Ну ладно. Я тебя жду. Сейчас поднимусь, чтобы мы не вместе ходили. Приведу себя в порядок. А через часок приходи.

— Хорошо, я постараюсь...

Поднимаюсь к себе в номер. Жду ее, забыв, что у меня стоит охрана у номера. Помимо обычной гостиничной охраны к каждому из нас, членов делегации из России, были приставлены персональные охранники, дежурившие у дверей номера.

И вдруг она мне звонит и взволнованно лепечет:

— Вы знаете, я, наверное, не смогу прийти. Потому что я приехала на ваш этаж, вышла. А меня встретила ох-

рана и спросила: «Куда вы идете?» Ну, я сказала, что ошиблась этажом. Они пристали, начали пытать, кто я и откуда.

— Слушай, Клементина, ты не беспокойся, я все улажу. Я с ними переговорю. А ты давай, подходи.

Я вышел и попытался что-то этим чертям растолковать. Они рассеянно кивали. По крайней мере, по-русски они явно не понимали, а может, просто не обнаруживали понимание русского языка. По-английски — то же самое. Или делали вид, что не понимают. Я вернулся в номер. И ее ждал.

Она не пришла.

Утром пошел на завтрак, и думаю: дай зайду в лавку к Клементине, сделаю выговор. Захожу в бутик и вижу, что там сидит мужик, а продается все совершенно другое. Со всем другим. Она торговала одеждой, а теперь здесь были какие-то сабли. Начинаю у него выяснять, что произошло. Он по-английски знает три слова.

— А где женщина, которая здесь вчера работала?

— Какая женщина? Я тут всегда работал, здесь никаких женщин не было.

— Ну как? Я вчера здесь был.

— Да нет. Вы ошиблись.

Ну, думаю, кто-то из нас двоих сошел с ума. Прошелся по всем лавкам. Заходил в каждый закуток. Но так и не обнаружил ни ее, ни ее вещей.

Что все это значило? Только то, что за ночь ее убрали вместе со всей этой лавочкой и со всей ее семьей. Вот как работала система безопасности. Мои ребята, видимо, тут же стуканули, и семью Клементины просто вышвырнули из этой гостиницы. Надеюсь, что ничего худшего не произошло. Хотелось бы в это верить.

Я потом иракским коллегам, с которыми работал, эту историю изложил. Да, говорю, я повел себя неправильно, но нельзя ли сделать так, чтобы хотя бы человеку никаких санкций не было? На что иракские чекисты пожима-

ли плечами: «Да какие проблемы. Никаких проблем. Все нормально. Не беспокойтесь. Все хорошо». Я-то понимал, что ничего хорошего, что история получилась жесткая. Что вот так играючи можно человеку жизнь поломать...

До сих пор простить себе этого не могу.

Хотя ничего удивительного в такой ситуации не было. Уже тогда, в 90-е годы, мы были детьми свободы. И расслабились, как профессор Плейшнер в «Семнадцать мгновений весны». Забыли, что есть другие страны с другими правилами. А ведь, казалось бы, нам-то это не следовало забывать...

ЗА ЧТО БУШИ ЛЮБЯТ САУДИТОВ

Саддам был первым человеком, от которого я услышал, еще в 1997 году, что следующим лидером США будет Джордж Буш. И причем это было сказано пафосно «Хотите, я назову, кто станет следующим президентом США? Это будет Буш. И когда он придет, главным словом, которое вы будете слышать все годы его президентства, будет «Ирак». Как в воду глядел.

Саддам, конечно, блестяще знал всю историю, все перипетии борьбы на арабском Востоке, роль отдельных политиков. Понимал, как это все отражается на нефтяной цене. Прекрасно знал цену себе. И свою роль в мировой политике очень точно себе представлял.

Ситуация в его изложении (а позже я получил многократное подтверждение его правоты) выглядела следующим образом. Семья Бушей сделала себе карьеру благодаря семье саудовских правителей. Джордж Буш-старший, будучи еще конгрессменом, съездил в Саудовскую Аравию, познакомился с правящей семьей. Это был конец 60-х годов. Буш-отец пытался сделать там даже какой-то бизнес. Бизнес не получился, но остались связи.

И потом саудовцы последовательно толкали Буша

вперед. Он их политически крышевал, а они это честно отрабатывали. При всех перипетиях режим Саудовской Аравии, очень мрачный и жестокий, оставался незыблемым. Всех его врагов Буш отгоняет палкой.

Тут нужно понимать, какие Буш представляет крути в самой Америке. А представляет он такую консервативную ирландскую часть США. Тех самых белых айришей, которые всегда были в контрах с евреями. Или, если сказать помягче никогда по поводу евреев не питали никаких теплых чувств. Хотя Америке приходится учитывать израильский фактор.

Буши — это «крыша» саудовской семьи. Благодаря которой они живут. Но именно поэтому у Бушей безразмерные деньги.

Ведь все эти 30 лет Саудовская Аравия зарабатывала на нефти под 100 миллиардов долларов в год. Население королевства маленькое. Бедуинам вообще много не надо. И поэтому за 30 лет одна семья заработала фактически чистые 3 триллиона долларов. Все эти деньги размещены, естественно, в американских банках, их крутят американские управляющие компании. Какой частью из них может располагать семья Бушей, мы не знаем, но даже если они получают 20 или хотя бы 10 процентов, то это нормальные деньги, на которые можно избрать сначала одного сына, потом другого, потом внучку...

Когда Буш был директором ЦРУ, вся эта история с нефтью, революция цен на нефть и состоялась. Не сомневаюсь, что в ЦРУ Буша, который к разведке никакого отношения не имел, делегировали именно нефтяники (королевская семья). И как раз тогда начались блуды: война 1973 года между арабами и Израилем, закрытие Суэцкого канала, взлет цен на нефть. С того момента, как Буш приходит в ЦРУ, нефтяная цена становится постоянным фактором мировой политики. Ведь раньше нефть стоила меньше воды. А с этого момента начинается спекулятивная игра на нефтяных ценах. И все то время, пока Буш-па-

па был в Белом доме, а потом там же оказался его сын, - мы слышим одно и то же: нефть, нефть, нефть... Нефть в обмен на власть.

Ведь что произошло? За эти 30 лет были ликвидированы или обезврежены все враги саудовского режима, включая Саддама Хусейна и Бен Ладена. Кто такой был Бен Ладен? Его семья была связана с Фейсалами. В свое время Фейсалы подняли отца Бен Ладена. На их подрядах он разбогател, стал большим человеком, завел 50 детей от многих жен. Сам Бен Ладен поехал в Афганистан, там занимался боевыми операциями под американским присмотром и потом, вернувшись назад, с группой товарищей намеревался королевской семье, что надо бы делиться. Делиться никто не желал. Что это такое, рассуждал Бен Ладен, одна семья сидит — все себе, а деньги хранит в американских банках, или, как еще любил говорить Бен Ладен, в еврейских банках и корпорациях. Зачем же Аллах послал нам такое счастье? Чтобы этим счастьем распоряжалась одна семья, да еще в интересах евреев? Фактически Бен Ладен заявил о своих претензиях на власть. И с этого момента включилась вся гигантская машина саудовского короля, его нефтяников, американская лоббистская машина, чтобы изолировать этого «выскачку». Представить дело так, будто Бен Ладен — это исчадие ада, урод, гений зла.

Я думаю, что первые теракты, которые произошли в Кении, сделал не он. Стопроцентно, это на него повесили, чтобы сделать его изгоем. Потому что в Саудовской Аравии запахло порохом. В 1993 году к власти пришел Клинтон, и, видимо, Клинтону кто-то предложил такую операцию: а не убрать ли нам одну семью в Саудовской Аравии и не поставить ли на ее место другую? Нашу семью. Зачем нам Фейсалы, которые кормят Бушей столько лет, республиканскую партию? Давайте заберем у них эту кормушку. Есть хороший парень Бен Ладен, он пользуется авторитетом, за ним стоят большие силы. Как раз в это

время Бен Ладен и заявил о своих претензиях на власть. Конечно, он это сделал не потому, что он сумасшедший, а потому, что он чувствовал поддержку с разных сторон.

Это не мои домыслы. Я однажды встречался с самим Бен Ладеном, о чем разговор особый. Мы с ним разговаривали, в частности, и о ситуации, складывавшейся в то время вокруг саудовской семьи. И в его словах прозвучал намек на то, что он начал фрондировать не без оглядки на Вашингтон, не без сигналов из Белого дома.

А Клинтон был в то время провинциалом, совершенно не сведущим в мировой политике. Парень из Арканзаса, неожиданно для себя пришедший к власти. Что интересно, в этот момент и в России, и в США к власти пришли новые люди, которые сами того не ожидали. И потому начали чудить.

Клинтону, как я теперь понимаю, эта идея понравилась, и Бен Ладен начал стремительно раскручиваться. В ответ саудовская семья включила все свои рычаги и прежде всего Бушей. Буши заработали. И очень скоро обстоятельства сложились таким образом, что Бен Ладен превратился в изгоя, бежал в Судан.

В результате Клинтон от плана смены власти в Саудовской Аравии отказался. Он понял, что лучше на этот Ближний Восток вообще забить, потому что это чужая вотчина и там только шею свернешь. Там сидят другие люди, это их тема, они ее никогда не отдадут. Зато в Америке началась гигантская афера с хайтековскими биржами, с компьютерными мыльными пузырями. И команда Клинтона нырнула в иную тему. Там для них была работа поинтереснее.

Саддам говорил уверенно: пока Клинтон в Белом доме, ничего на Ближнем Востоке меняться не будет. Будет такая вязкая ситуация. Но вот когда к власти вернутся Буши, то возобновится энергичная работа по зачистке врагов саудовской семьи. Тем более, Советского Союза — нет. И те страны, которые находились под его крышей, теперь остались без защиты.

Все так и произошло.

Почему Саддама не любили Фейсалы? Он их всегда пугал. Потому что он самый крутой на арабской улице. Армия миллионная, мощная промышленность. А Саудовская Аравия без крыши Буша — вообще не страна. Там нет ничего: ни производства, ни армии. Пустота.

Саддам — крутой по всем понятиям. Представьте, живет в вашем доме эдакий авторитетный бизнесмен, в шестикомнатной квартире, сложенной из двух трехкомнатных. У него охрана, автопарк под домом стоит, мальчики дежурят, у него дома гранатомет лежит. И иногда пьяный он всем угрожает... Говорит: "Вы, суки, ведите себя нормально, а то я вас всех это самое». Ну, конечно, в доме такого бояться и не любят.

Багдадский диктатор показал с Кувейтом, как он может всем арабам в зубы настучать. В принципе он мог дойти и до Саудовской Аравии. А что там идти? Без американской помощи этим ребятам вообще нечего делать.

Бен Ладен возмущался, почему саудовский посол, тоже родственник правителей, фактически из той же семьи, запросто живет у Буша дома. Буквально открыто у него ночует. Вот говорят — лоббизм, другие умные слова произносят. Это уже не просто лоббизм, когда саудовский товарищ живет в вашингтонском доме, принадлежащем президентской семье. Какие у них отношения? Он Бушу сын или брат родной?

Газетчики не трогают эту тему, потому что связываться с людьми, у которых три триллиона, — бесполезно. Укатают.

Ведь возьмите эту истерику по поводу Бен Ладена, которая началась с 1994 года, но всему миру. Стало быть, кто-то зарядил такую глобальную кампанию? Все газеты стали голосить. И все только для того, чтобы не допустить перекрышевания Саудовской Аравии. В то же время, сколько евреи ни ставят вопрос о саудитах как главных спонсорах палестинских террористов, ничего у них

не получается. Хотя, казалось бы, никакой демократии в этой стране нет, никакого парламента вообще никаких намеков на цивилизацию. И ничего, им позволяется. Никто их и пальцем не тронет. Потому что это священная корова семьи Буша. Настоящая дойная, золотая коровка.

Бен Ладен мне тоже подтвердил эту историю.

Фактически мы сейчас имеем всю версию ближневосточной политики с точки зрения семьи Бушей. Что нынче происходит? Нейтрализован Саддам, ослабляется Сирия - которая саудитам тоже не нравится, потому что тоже имеет военную силу. И Хафез Асад был очень независимым политиком на Ближнем Востоке, чем западников и раздражал. Бен Ладен, как внутренний враг режима, объявлен мировым исчадьем ада. Ну а других сильных внутренних врагов у саудовских правителей просто нет - их уничтожают как класс.

Поэтому Саддам точно знал, что если Буши придут - его будут зачищать. Он, конечно, мог бы попытаться договориться, поторговаться за свою жизнь. Но он понимал: есть объективные законы. Зачем он нужен саудитам? Он там лишний.

Выход Саддам понимал в другом: он тоже хотел найти крышу адекватную. Он ее искал мучительно. Ельцина он не любил, даже говорить о нем не хотел, потому что считал, что это человек просто американский. Он прямо говорил: «Ну, евреи его там плотно держат, и в рамках американской политики он никуда не шелохнется». А вот когда появился Путин, Хусейн проявлял к нему интерес. И поражался, почему нет интереса ответного: «Ну, неужели Путину не нужны нефтяные скважины? Я могу подарить для него, для его семьи самые лучшие месторождения в мире. Одни лишь лицензии на них — это колоссальные деньги. Только пусть разрулит политическую ситуацию». Он искал поддержки у нас. Но Россия такой крышей не оказалась. Китайцы тоже занимали вялую позицию...

Сейчас все твердят о каком-то исламском факторе. Это все выдумки. При чем здесь ислам? Я скажу, что исламизма в Саддаме я вообще не чувствовал. Никакого. Даже не обсуждали никогда эту тему. Это был военный режим, очень похожий на сталинский. Партия власти БААС — это слепок КПСС.

Еще одну особенность в Ираке я подметил — это очень хороший профессиональный аппарат управления. Если это директора завода — знатоки производства, опытейшие управленцы, а не мальчики, которые сейчас рулят у нас. Этот директор сперва был рабочим, потом мастером, потом начальником цеха, потом замдиректора, потом директором. 20 лет на одном заводе лазил, каждую гайку знает. Где, в какой арабской стране есть такой промышленный аппарат — рабочие, специалисты, производственники? Здесь было великолепно развито дорожное строительство, азотная промышленность, военная промышленность. Иракцы всегда привлекали лучших иностранных специалистов. И там сложился реальный производственный потенциал. Ирак даже не стоит сравнивать с Саудовской Аравией или Кувейтом, где никто не работает, где нет ни производств, ни производственников.

Здесь директора завода сразу видишь по тому, как он одет. Седой, представительный — ну настоящий советский директор, красный директор, как раньше называли. И даже было стыдно, когда мы приводили наших бизнесменов, так называемых новых, и у них начинался разговор. Наши бизнесмены ничего не знали. Они хотели торговать, не вдаваясь в подробности. А против них сидел иракский директор, который для начала вспоминал по именам директоров советских заводов: «А как там Валерий работает? Ушел уже? А вот там у него главный инженер был Степанов. Он как сейчас? Я помню, пять лет назад мы с ним последний раз встречались...» То есть они знали по именам всех своих визави.

Если это зав. отделом ЦК партии БААС — это профессионал-международник. Если дипломат, то настоящий, сильный дипломат. Знаток своего дела. В этом плане Саддам за годы войны — а он воевал непрерывно, сначала с Ираном, потом с Кувейтом, потом начались новые испытания, период санкций — за все эти годы, он, конечно, выдрессировал серьезную партию.

Именно эта партия сейчас и воюет. Участвуют, конечно, разные силы, но от суннитской части — это, конечно, кадры глубоко эшелонированной партии БААС. Поэтому американцы сделали глупость колоссальную, не сумев с БААС договориться. Мозг нынешней борьбы — это партия и спецслужбы. Так и не уничтоженные. Просто партия перешла в новое состояние. На месте парткомов возникли группировки, что то же самое. Партийные активисты стали лидерами группировок. Какие-то люди ослабли и упали, какие-то, наоборот, поднялись. Но возникли еще и исламские факторы. Саддам их зажимал, а сейчас они заработали.

База у партии очень серьезная. Это весьма профессиональная публика. И самое главное: люди воюют с 1979 года. Они знают, как это делается. В Саудовской Аравии никто никогда не воевал. Там всегда сидели под навесом и пили зеленый чай. А здесь воевали. И, конечно, здесь тренированная гвардия, для которой, скажем, заложить фугас ничего не стоит. Это их профессия — фугасы закладывать. Более того, иракские офицеры учились на советских курсах. Сам Саддам выпускник таких курсов.

Очень хорошая школа.

Мы знаем всех этих людей, много общались с ними и знаем их нехилый потенциал. Их многолетнюю выучку.

Всего этого американцы не учли, когда готовили свою операцию. Так что партизанская война была неизбежна. И она — надолго, на годы.

У отношений Жириновского с Саддамом была одна важная особенность. Владимир Вольфович — единствен-

ный независимый человек, с которым готов был общаться иракский диктатор. И Вольфович позволял себе открыто критиковать Саддама. Из-за этого в последние годы у нас даже похолодели отношения. Это был оригинальный разговор великого вождя с человеком совершенно независимым, тоже вождем, но только из России.

Жириновский говорил ему: «Ну что ты, не видишь, что дело идет к войне? Запад обвиняет, что нарушения прав человека, кровавый режим и тому подобное. Понятно, что Буши будут делать свое дело, понятно, к чему дело идет... Но надо же с ними тоже играть. Почему бы не пойти на какую-то демократизацию. Провести демократические выборы, какие-то партии создать. Пусть правящая будет БААС, но пусть появится еще несколько мелких. Пусть начнут говорить чуть-чуть о правах. Чтобы нам Европе можно было сказать: смотрите, режим меняется, появилась оппозиция! Какого-нибудь оппозиционного профессора Мустафу создать, который независимо мыслит, один какой-нибудь журнал независимый. Телевидение можешь не трогать, но газетку какую-нибудь независимую издай, чтобы интеллектуалы читали».

Саддам не соглашался: «Нет. Мы на это пойти не можем, у нас другая психология. У нас народ един». Все эти сталинские разговоры о том, что раз народ решил...

Потом Жириновский говорил: «Запад раздражает ваша поддержка Арафата». Каждый год не менее миллиарда долларов Саддам давал Арафату. Иракский лидер объяснял свое упорство так: «Мы не можем не помогать. Они наши братья. Что бы там ни было, мы будем с ними. И будем им платить и помогать. Это часть нашей идеологии. Если у саудитов — это Коран, то здесь - идея Палестинского государства. Палестинцы должны обрести свое отечество». Жириновский уговаривал: «Ну, вы же раздражаете Израиль и всех прочих. Вы сами создаете альянс, толкаете израильтян дружить с Бушами против вас. Потому что у Бушей практические цели, а у Израиля про-

блемы. А вы — спонсоры палестинцев, вы даете им деньги. Причем даете много. Это раздражает. Нельзя ли как-то пересмотреть?»

Эти же слова Жириновский говорил и Каддафи, и тот послушался. Ливийский начальник пошел именно по такому пути и потому выжил. Можно сказать, перекрышевался. Ему отменили санкции. Хотя он фактически признался, что взорвал пассажирский самолет.

Невероятный факт. Люди признали, что совершили теракт, но обещали заплатить по 10 миллионов каждому из семьи погибших. И за это им даровали снятие санкций. Мир продемонстрировал, что есть цена прощения за массовое убийство. В этом рейсе погибло 270 пассажиров. Получается, если у тебя есть по 10 миллионов на каждого, то ты можешь взрывать самолеты.

Саддам ни в чем не был виноват. Никакого оружия массового поражения, нам это было известно уже тогда, в Ираке не изготовлялось. Но Саддама наказали. Каддафи признался, что взорвал самолет, но раз он обещал рассчитаться, его простили и санкции сняли.

Работая с Каддафи, Жириновский бывал у него в гостях в Ливии неоднократно. Входил в его палатку. Подолгу беседовал. И Каддафи понял эту ситуацию. Он действительно многое воспринял из того, что говорил Жириновский. Ливийский вождь оказался гибче, чем Хусейн. Но и, конечно, мельче. Так легче быть гибким.

А иракцы Вольфовича, увы, не слушали. Хотя он постоянно доказывал, что надо убрать из официальной идеологии арабов весь этот антисемитизм. Зачем нужны такие враги сейчас? Ну, был Советский Союз, он вас поддерживал. Но сейчас-то такого влиятельного друга нет — так стоит ли множить врагов? Чего вы этим добиваетесь? Надо развиваться. Нельзя вот так сидеть и говорить: нет, не будем, не дадим. Ну, сделайте новую витрину. Пусть внутри, как в Японии, будет большая жесткость, но внеш-

не будет европейская витрина. Людям это нравится. Почему вы не хотите?

Причем Жириновский позволял себе это говорить не только в закрытых беседах, но и на некоторых публичных семинарах, организованных партией БААС. И иракцы немного нервно реагировали на такое. Хотя он подчеркивал, что это советы друзей, а не вражеская пропаганда.

Этим Жириновский разительно отличался от других наших ходоков к Хусейну. Как правило, все, кто ездил к Саддаму, скулили и просили квоты, просили что-то подсобить по бизнесу. В том числе и наши чудо-коммунисты. Кричали про антинародный режим Ельцина, чтобы понравиться иракскому вождю. И никто никогда не позволял себе критику.

К сожалению, и нам сделать ничего не удалось. Вернее, что-то удалось. Все-таки 10 лет российские фирмы работали. Поставляли, зарабатывали. Нам это тогда было очень нужно. Крайне полезная история оказалась и для Москвы, и для Багдада. Это наша заслуга.

Попытались мы вмешаться в ситуацию и тогда, когда стало уже ясно, что будет нападение, остановить войну не удастся, никакие европейские антивоенные демонстрации не помогут. Нужно было что-то делать, и тогда мы по определенным каналам стали сообщать американцам, что если вы, ребята, нападете, мы можем дать кое-какие ценные советы. Мы спрашивали: у вас есть вообще политический план, что вы будете делать в Ираке? И предлагали: только не делайте, как в Афганистане. Не гоните партию БААС. Поставьте вместо Саддама Тарика Азиза. Во-первых, он не мусульманин. Во-вторых, он один из руководителей партии, то есть вы не разрушите государство, его стержень — партия — сохранится. Саддама вы уберете, естественно, раз такая стоит задача. Но не раскачивайте лодку. Не выплескивайте мусульманство в диком виде.

И наша идея, я знаю, обсуждалась внутри американ-

ских механизмов принятия решений. Но ведь там есть тоже своя конкуренция различных ведомств. Судя по всему, победила точка зрения ЦРУ, которое кричало повсюду: «У нас есть суперлюди, из местных, которые полностью влияют на ситуацию в Ираке, они сидят в Лондоне, мы их привезем, они все возьмут под контроль». К сожалению, в ЦРУ большую роль играют бывшие советологи. А советологи эти все время пережевывают историю большевистской революции, когда привезли из Германии в plombированном вагоне каких-то там эмигрантов и они быстро взяли страну под контроль. Но это не история Ирака.

А в Ираке получилось иначе: американцы привезли иракских эмигрантов, а те оказались полными нулями. Основные претензии надо предъявлять к ЦРУ не за неправильную информацию о наличии у Хусейна оружия массового уничтожения, а за то, что их сценарий управления Ираком оказался идиотским. Они совершенно ничего не учли. Не надо было ломать партию БААС. Надо было ставить прагматиков западного толка. Дать развиваться таким прагматикам, как Тарик Азиз, хорошо известный в западном и арабском мире, человек, имеющий очень приличный имидж. Такой иракский Махмуд Аббас. Надо было пойти по этому пути.

У меня был разговор на эту тему с Немцовым, который тогда общался напрямую с Путиным. И Борис пришел с этими идеями к президенту. По моим данным, Путину такой проект тоже понравился, президент обсуждал его с американцами, с Бушем. Но те уперлись. Мол, Тарик Азиз такой же замаранный, всю эту партию надо гнать поганой метлой.

Тем не менее Азиза не жестко брали. Он сам явился. С ним произошла странная история. Как, впрочем, и с другими партийными вождями. Никто толком не знает, как на самом деле происходила их сдача. Ясно только то, что когда идет война, вся информация носит характер спецоперации. Правду мы не узнаем. Можно только га-

дать, как брали того же Саддама. У экс-президента всегда были неофициальные каналы связи с американцами, и я не исключаю, что эти каналы были задействованы и враги могли договориться. И что ни в каких ямах он не сидел. А просто сдался, да и все.

ТАЙНА ВОСЬМИ ДЕТЕЙ ИЗ БАГДАДА, ПЕРЕДАННЫХ ЛДПР

Во время войны много чего загадочного происходит. Вот хотя бы такой эпизод. Перед самым началом американского вторжения, уже понимая, что войны не избежать, наша команда предложила, чтобы часть семей, имущества и денег иракских руководителей были на время перемещены к нам. Правда, Саддам продолжал хорохориться: «Мы победим! Вы увидите, что мы с ними сделаем. Вы же помните, как немцы дошли до Москвы, до Сталинграда, а потом их погнали». Ему говорили: «Ну, мы предлагаем, а там уж поступайте, как считаете нужным».

И вот за месяц до войны на последнем самолете вдруг привезли 8 грудных детей. Привез посол Аббас. Он сказал, что это дети мидовских сотрудников, но я подозреваю, что он не стал бы заботиться о детях мидовских сотрудников. Думаю, это были дети руководства.

Меня расстроила такая неискренность. Другьям можно было и сказать. Но они делали из нас дураков: мы, мол, привезем детей на несколько месяцев, пусть переждут, потом мы прилетим и их заберем. Детей здесь раскидали по обычным детским домам. Придумали им имена и легенду попадания туда. Какие-то матери отказные...

Потом, когда в Багдаде уже стояли оккупационные войска, а бывшие багдадские начальники сидели по тюрьмам, мы созвонились с Аббасом. Он все это время находился в Москве. И я как бы между прочим поинтересовался: «Ну а что с детьми-то делать?» А он неожиданно ответил: «Ну, это все в вашей власти. Что хотите, то и делайте. Мы надеемся, что вы люди честные и наши братья.

Все в ваших руках». В итоге детей раскидали по всяким партийным товарищам. Забрали из детдомов и отдали в хорошие семьи. Богатые семьи, дети не будут обделены там ничем. Но Аббас мог хотя бы сказать, кто чей ребенок. Ничего не сказал. А потом выяснится, что это были дети Азиза, а то и отпрыски самого Хусейна.

Это уже из области предположений — но среди них могли быть и внуки иракского диктатора. Или даже дети. Ведь у Саддама была вторая молодая жена. Ее первенца называли, кажется, Али, и ему на тот момент было лет восемь. Но перед самой войной она вроде бы родила еще одного... Одним словом, темная история.

Посол, наверное, решил, что если мы будем знать, что это дети Азиза или какого другого видного начальника, мы будем держать их за хвост и шантажировать. Я ему говорю: «Ну, ты хоть скажи, как кого зовут, если что». Но он назвал их совершенно условно: Мустафа, Иса, Абдалла. Есть условный список имен, и все. Но кто за каким именем прячется, знает только посол.

Он торчит в Москве, звонит с разных телефонов.

Вообще, примечательная личность этот доктор Аббас — последний посол Ирака в России. Он старейший переводчик. Буквально с детства был переводчиком Саддама с русского языка. Он застал всех — от Громыко до Жириновского. Был очень близок к Саддаму. В иракском МИДе он числился всего лишь начальником отдела, но по уровню близости его можно было бы назвать «начальником правого уха» Саддама. То есть вся русская проблематика шла через него. И он, конечно, знает все. Сколько кому помогали, что тут происходило.

Аббас, конечно, сильнейший кадр, и он в Ираке не появляется. Как-то я его встретил в Москве. Он испуганно сказал: «Вот лечусь, проблемы с глазами». Но телефонов не дал, звонит с каких-то автоматов. Словом, находится на полулегальном положении.

Ему доверено много тайн — в том числе, наверное, и тайна исчезновения кассы посольства. Поскольку были

санкции, Ирак многие операции не мог проводить через европейские банки, опасаясь, во-первых, контроля, а во-вторых, блокирования денег. В банках засвечивались лишь официальные операции по ооновской линии. Атак деньги курсировали черным налом. Посольство в России тоже пользовалось наличными. Поэтому у иракцев в кассе всегда лежало 10—15 миллионов долларов — «на мелкие расходы».

Когда наступательная фаза американского вторжения завершилась, когда режим упал, на территории посольства вдруг произошла кража. Кто-то неизвестный вскрыл сейф и снял всю кассу... Составили протокол, что какие-то злоумышленники проникли в посольство, преодолели охрану, вскрыли сейф, все там вытащили. Выглядела эта версия достаточно смешно. В посольство сильно не полезешь. Я думаю, кто-то из дипломатов старого режима таким образом обеспечил себе дальнейшую жизнь...

У нас был еще один план, связанный с Ираком. Незадолго до начала войны появилась идея сделать так, чтобы Россия опередила американцев и ввела войска заранее. Эту идею я тоже обсуждал с Немцовым, а Немцов с Путиным. В том числе в сочинской резиденции президента.

Никто не собирался оккупировать всю территорию Ирака, но Россия могла бы ввести войска в некоторые части этой страны в превентивном порядке. Так же, как это было во время войны в Югославии, когда русские и американские войска заходили с разных сторон. В принципе, Ирак и сам Саддам, официально, естественно, этого не одобряя, давали сигнал, что такой вариант может быть интересен на самом деле. Наши войска заняли бы какую-то зону, и партия БААС прекрасно понимала, что в этой зоне она могла бы свободно функционировать и жить.

Но наши отказались от этого. Немцов советовал Путину, но Путин сказал: «Мы влезать не будем». Конечно, это авантюра, но уж очень перспективная. И в Курдистане нас бы население приветствовало, и это был бы неожи-

данный ход, который мог бы американцев дезориентировать: кто, что, почему? Но Путин на это не пошел.

Похожую идею я обсуждал с украинцами и белорусами. Говорилось об их возможном участии в коалиции. Мы считали, что раз уж война будет, или Белоруссии или Украине хорошо бы в ней поучаствовать. Присутствовать и смотреть, что там происходит. Нельзя упускать такие вещи. Допустим, России это не с руки. Особенно после Афганистана и во время Чечни. Остается Белоруссия или Украина.

Ну, белорусы юмора не поняли. Батька сказал: ну как, мы же дружим с Саддамом, как же мы будем туда вторгаться? Это неуместно. Тогда мы переговорили с Марчуком, секретарем украинского Совета безопасности. Помню, мы с ним встречались в Алуште, в санатории «Море», и беседа происходила на пляже. И вот он за эту мысль сразу же ухватился. Я предлагал: «Обратитесь к американцам, что вы хотите участвовать в коалиции. Потому что им выгодно, чтобы кто-то из нас там присутствовал. Мало ли как может ситуация повернуться. Может, те же баасисты будут в вашу зону бежать. Желательно там какую-то зону получить, сектор ответственности».

А у Кучмы как раз начались проблемы с Вашингтоном. По словам Марчука, президент все время его доставал, мол, найди способ с американцами договориться, они меня тут совсем замучили: пленки Мельниченко, дело Лазаренко. «Это хорошая идея, - резюмировал Марчук. — Я переговорю с президентом, это может улучшить наши отношения с американцами».

И действительно, фактически Украина заключила сделку. Ведь ложка к обеду всегда хороша. Украинцы предложили помощь до войны. Пусть они там почти не участвовали, но сам факт был знаковый. И конечно, американцы фитилек притушили по поводу всех этих пленок. Договоренность состоялась. Правда, свой сектор украинцам не дали, а дали подряд в рамках польского сектора ответственности. Но, по крайней мере, украинцы повели

себя прагматично. Это помогло им притушить скандал на годик. Потому что одно время американцы ставили вопрос о том, что Кучма должен уйти, что его уже нельзя никуда приглашать. Так сегодня травят Лукашенко. Но после этого хода ситуация нормализовалась.

Вообще американцы очень болезненно воспринимают бесконечный иракский кризис. В Вашингтоне понимают, что рано или поздно Бушам придется за это отвечать. И за то, что они без санкции ООН и вопреки мнению мирового сообщества начали эту войну. И зато, что война получилась такой долгой и с неизвестным финалом. Рано или поздно этот вопрос возникнет. И это будет постоянная дискуссия, которая будет перманентно наносить урон репутации Бушей. Тем более что, насколько я понимаю, это не последний Буш, что метит на трон. В Америке скоро установится такая норма демократических династий. Две династии Клинтонов и Бушей будут менять друг друга в течение 30 лет. Если еще Хиллари станет президентом, выяснится, что только две семьи: пана и сын, жена и муж — меняют друг друга у власти. А у брата нынешнего президента большие возможности — фактически уже есть штаб, с которым можно баллотироваться. Не исключено, это будет после Хиллари, и тогда мы до 20-го года будем только Клинтонов и Бушей видеть в Белом доме.

В общем, иракская проблема для Бушей стоит серьезно. И они будут предпринимать немало пропагандистских усилий к тому, чтобы дискредитировать Европу, которая была против войны. Доказать ей, что антивоенное движение, что вся поддержка Саддама имела прагматический аспект. Носила коррупционный характер. Фактически была покупой. Эта любовь была за деньги, а не по идейным соображениям... Видно, что американцы сильно комплексуют и что им нужно во что бы то ни стало дискредитировать союзников Саддама и его друзей. И они будут копать в этом грязном белье еще очень долго.

Глава одиннадцатая

Эта глава о том, почему Бен Ладен не мог спланировать 11 сентября, о том, была ли Моника Левински единственной пассией Билла Клинтона, а также о том, как Борис Березовский назначал министров, а Владимир Гусинский строил свой собственный театр

В ГОСТЯХ У БЕН ЛАДЕНА

Бен Ладеном я встречался в Судане, когда тот уже **С**был изгнан из Саудовской Аравии. Встречу устраивал спикер суданского парламента и один из идеологов мусульманства Тураби. Человек, известный в кругу исламских проповедников. Президент этой страны - военный. Он даже ночует в казарме. А спикер — идеолог.

Нашу делегацию разместили в пятизвездочной гостинице. Отель неплохой, но кондиционер был слабоват. Так что тяжелый климат мы прочувствовали.

Встреча проходила в одной из правительственных резиденций. Где-то за городом. Обычный дом в арабском стиле: диваны, ковры. Там был немного затхлый воздух, а при жаре — вообще нечем было дышать. Бен Ладен, как и Тураби, носил это их традиционное одеяние, которое как раз идеально подходит под такую погоду. Была б в России жара под 40, и мы бы ходили в простынях, чтобы все проветривалось.

Пили зеленый чай. Бен Ладен пил много, не спеша отхлебывая из своей пиалы. Нам помогал местный переводчик с арабского на русский.

Мы уже воспринимали Бен Ладена как одну из значительных фигур в арабском мире. Я знал, что он воевал в Афганистане с той стороны. Организовывал операции.

Он был на 10 лет моложе, чем сейчас. Стало быть, довольно молодой человек. Тихий голос, спокойный, без всякого надрыва, пафоса. Логично рассуждал. Подо воем, о чем он говорил тогда, можно было подписаться.

Он рассуждал: «Если бог нам дал в Саудовской Аравии нефть, деньги... То я считаю, что это на всех мусульман. Почему не помочь нашим братьям здесь, в Судане? Не построить им дорогу? У них бедность. Почему не помочь нашим братьям в других странах. Я сказал всем лидерам — это будут наши общие деньги. Это деньги на всех нас, а не на одну семью, за которой идет Буш и какие-то фонды, банки. А они покупают себе самолеты, шикуют. И ничего не делают ни для кого. Они дают два миллиарда на хадж. Зарабатывают 100, а дают 2. Они должны из 100 давать 90. Ну себе взять. А они дают 2 миллиарда на хадж и на всякую пропаганду. А все остальные деньги в нью-йорских банках под контролем евреев».

Предложения у него были простые: семья нынешних правителей должна уйти. И должны прийти люди, которые обладают ответственностью перед мусульманским миром.

Его в основном интересовала Саудовская Аравия. О России говорил так: «Россия тоже мусульманская страна. Там 20 миллионов людей нашей веры». А пафос был вот в чем: «Мы голос России не слышим. Где она, Россия? Почему она позволяет американцам так себя вести? Но с другой стороны, мы не против Америки. Вообще, мы не против никого. Дайте нам разобраться. Не мешайте нам. У нас есть здесь своя жизнь, и мы хотим разобраться в этой ситуации».

Общался я и с президентом Судана Омаром Баширом. Помню, он был потрясен, что Калашников еще жив. Автор знаменитого автомата. Ему было любопытно, потому что он думал, что тот давно уже умер. «О, как интересно! Надо его пригласить к нам. В любое время, вы ему передайте, я готов его принять». Я сказал, что Калашни-

ков делает какой-то новый автомат, я где-то об этом читал. А он говорит: «Как интересно, я попрошу посла, может быть, нам пару образцов вышлют. Мы следим за его творчеством. Великий человек».

Больше мы с Бен Ладеном не виделись. Это была единственная встреча.

Позже ему пришлось покинуть и эту страну. Спикера Судана под влиянием пресловутой борьбы с терроризмом и атаки на все мусульманские организации сместили. Естественно, под давлением американцев. И таким образом, роль мусульманского фактора в Судане была снижена.

Насчет дьявольской роли Бен Ладена в трагедии 11 сентября я не особо верю. Я считаю, что это выдумка. Вряд ли это его работа. Сценарий такого теракта был абсолютно голливудский. Он мог родиться только в головах людей, которые регулярно нюхают кокаин, которые живут где-нибудь на Беверли-Хиллз и пишут сценарии к фильмам... Потому что мусульманские идеологи с их специфическим мышлением такого не придумают. Это же было задумано очень хитро и с явным расчетом на особый телевизионный эффект. После атаки первого самолета была некоторая пауза — достаточная, чтобы собрать телекамеры. И уже второй удар идет в прямом эфире. В чем, собственно, главная особенность этого теракта? Он шел «вживую» на глазах у всего мира.

По сути, в прямом эфире мы видели два теракта. Это 11 сентября и Беслан. В Беслане такое стало возможно из-за хаотического развития ситуации и безалаберности наших спецслужб. А 11 сентября было очень четко срежиссировано.

Когда я включил телевизор, по CNN уже шел прямой репортаж с места событий. И когда второй самолет таранил вторую башню, за этим наблюдала вся гигантская телеаудитория, и комментатор был в шоке.

Это не воплощенная выдумка исламских дикарей.

Это не их мышление. Они могли бы что-то крупное сделать, но сделали бы это по-другому. Они могли что-то подорвать, фугасов понаставить, но придумать такую сюрреалистическую картину — нет, никогда.

А главное, какой смысл Бен Ладену это делать? Он не фанатик, не безумец. Это человек, задача которого заключается в том, чтобы забрать власть в очень богатой стране Саудовская Аравия.

Представьте, есть, например, человек, который мечтает стать президентом Башкирии. Я знаю несколько таких персонажей. Ну вот, допустим, есть банкир Х. Тс, кто не хочет этого допустить, кинут на пиар 100 миллионов долларов и будут доказывать, что Х. - бандит, убийца, подрывник и вообще террорист. Эта версия овладевает умами. И вот в результате борьбы за власть в Башкирии человек становится изгоем. С Бен Ладеном произошла примерно та же история.

Это не история человека, который патологически хочет что-то взорвать. Есть у человека цель, и он за ее воплощение реально борется. Он борется с саудовской правящей семьей. Думаю, некоторые нападения, взрывы, атаки, убийства — в рамках противоборства с данным режимом - возможно, его рук дело. Такими вещами Бен Ладен, конечно, может заниматься. Но вот зачем бороться с «крышей»? Тем более с кем бороться? Тогда имело бы смысл ликвидировать отца-Буша. Это был бы серьезный удар. Если бы, повторяю, Бен Ладен решил замахнуться на американских покровителей своих врагов. Физическая ликвидация отца означает хотя бы расстройство всех этих связей. А атаковать Нью-Йорк? Какой смысл? Абсолютно выдуманная тема, я считаю. А «чистосердечное признание» на видеопленке — это вообще детский сад какой-то.

С другой стороны, не исключая, что логика сегодняшней борьбы противопоставила Бен Ладена американцам. Когда началась атака на Афганистан, он был вынужден,

естественно, платить, помогать талибам, в гостях у которых находится. Конечно, его затащило во все эти маховики. Раз ты помогаешь талибам, ты уже начинаешь грозить Америке. И, возможно, теперь он завелся.

Но первоначально таких идей не было. Идея была, и она остается, забрать Саудовскую Аравию. Вообще будущее саудовского режима — это крайне интересный политический вопрос. Не может же это вечно происходить: ни демократии, ни выборов... Сидят родственнички, зарабатывают огромные деньги и делятся с очень влиятельными людьми в Вашингтоне. Им плевать на всех. Никого видеть не хотят. Никакой международной деятельности не ведут толком. И выделяют 2 миллиарда на исламское движение.

КАК КЛИНТОН СНЯЛ ДЕВУШКУ В РЕСТОРАНЕ «ПИРОСМАНИ»

Билл Клинтон — еще одна интересная, крупная фигура, появившаяся в 90-е годы. Мне кажется, что это последний счастливый американский президент. Его будут вспоминать, как Брежнева. Это высшая точка американского процветания. Эдакий застой по-американски во главе с молодыми ребятами, которые пришли с одной целью - зарабатывать деньги. Ребята без идеологии. Удивительно, как это совпало с появлением таких же чубайсовских ребят в России. Не зря у наших экономистов был альянс с Гором: они были совершенно одинаковыми. Такие же гарвардские мальчики.

С Клинтоном я виделся во время его визитов в Москву, во время приемов, которые были в американском посольстве. Но впервые я познакомился с Клинтоном в Америке, когда он еще не был президентом. Мы обедали вместе, и один человек, высокий член российской делегации, сказал, что этот парень, губернатор Арканзаса будет выдвигаться в президенты. Он очень динамичный и уже хо-

рошо известный в Москве, так как именно в Арканзасе проходили традиционные ежегодные месячники советско-американской дружбы. Туда ездили раз в год представители Комитета защиты мира, других подобных организаций, и так сложилось, что многие наши люди знали Клинтона не один год.

Он сразу мне очень понравился. На том памятном обеде я был представлен как политик из новой молодой российской партии. Мы тогда еще не победили. Он еще не был президентом. Еще много месяцев оставалось то того, как мы стали, с подачи Гора, называться «фашистами», а Клинтон стал президентом США. А пока же я был представителем новой молодой партии. Я тогда назывался «министр иностранных дел теневого кабинета ЛДПР». Мне это очень льстило. А он был губернатором, который подает надежды...

На самом же деле Клинтона сделали женщины. Еще тогда я услышал о чрезвычайном влиянии разных важных дам на судьбу арканзасского политика. В частности жены Гарримана, известного посла Америки в России еще в советские времена. У этой леди был очень влиятельный салон, связанный с демократической партией, где собирались видные деятели, дискутировали. Туда попал и провинциальный юноша, губернатор Арканзаса. По нашим меркам, это все равно, что губернатор Псковской области. Все равно что Кузнецов. Кто сейчас знает Мишу Кузнецова, хозяина псковской земли? Ответ очевиден. Вот и Клинтона поначалу никто не знал, и великосветские женщины начали его таскать за собой, приручать к столичной тусовке. Там он познакомился со многими значительными особами. И там, видимо, родился этот альянс: Гор и Клинтон. Гор — сын американского конгрессмена, крутой вашингтонский интриган, который знает все ходы-выходы, но публично не привлекательный. И наоборот, публично привлекательный, про-

стой парень из глубинки, немножко распиздяй, который должен обаять Америку.

Клинтон шел на выборы, зная, что его не изберут, поэтому вел себя спокойно, внутренне развязно. Потому что все понимали, что бороться с президентом Бушем, за которым стоят миллиарды долларов, блестяще проведенная операция «Буря в пустыне» и победа в иракской войне, сокрушение коммунизма, падение Берлинской стены, — бороться с таким человеком невозможно. Это супертяжеловес. Такой Виктор Степанович Черномырдин. Победить такого Голиафа никому не под силу.

Это давало Клинтону легкость. И он обаял Америку и победил...

Мне памятен обед 20 апреля 1996 года в грузинском ресторане «Пиросмани», напротив Новодевичьего монастыря. Там был и Клинтон, и упомянутый Виктор Степанович Черномырдин. Собрался достаточно узкий круг людей. Говорят, что Клинтон особо попросил, чтобы ресторан не оцепили, не выгоняли посетителей, чтобы все было по-человечески.

Ну, наши решили сделать по-человечески. То есть снайперы висели на каждом дереве. Внутри же была следующая диспозиция. Стоял большой стол, где сидели официальные лица. А неподалеку был стол поменьше, за которым сидели три симпатичные девушки и как ни в чем не бывало выпивали вино и немножко закусывали. Присутствие трех девиц должно было свидетельствовать о том, что ресторан тих и открыт для всех.

После обеда к Клинтону подошла одна из этих посетительниц и сообщила: «Мы празднуем день рождения нашей подруги. Ее зовут Маша». Клинтон заулыбался: «Маша, я поздравляю вас с днем рождения». И подарил ей памятный знак президента США. Такую тарелочку, где написано: «President of United States of America». Поцеловал, сфотографировались на память. Потом все направились к машинам.

Девушки все так же сидели и выпивали. И тут к одной из красавиц подошел дядя. И что-то прошептал ей на ухо. Она резко встала. Быстро простилась с подругами. И направилась к выходу.

После чего эта девушка была замечена в гостинице «Рэдиссон-Славянская», где останавливался президент. А знающие люди сделали выводы (в чем, впрочем, и раньше никто не сомневался), что три красотки сидели в ресторане «Пиросмани» отнюдь не случайно.

Говорят также, что Ельцин специально предупредил Коржакова: «Саш, ты смотри, всего там не записывай, в этой гостинице. Ты ж понимаешь, Клинтон мой друг. Что ж мы будем друзей-то...» Генерал спорить не стал: «Нет, нет. Что вы, Борис Николаевич. Мы что, идиоты, американская гостиница. Мы вообще ничего...»

Но, конечно, на самом деле была полная координация между российской и американской охранами. Девушек, судя по всему, приглашала наша охрана, а та сторона была в курсе проходящей операции. Потому что в апартаменты Клинтона в «Рэдиссон-Славянской» девушку провожали уже американцы. По всей видимости, Клинтон, выходя, дал установку, какая из трех девушек ему понравилась. Наш охранник отвел ее в сторону, после чего ее сдали американской охране, которая ее уже довела до президентских покоев. Но, конечно, без некой публичной прелюдии обойтись не могли. Клинтон должен был пообщаться с девушками, они должны были ему сказать, что празднуют день рождения подруги, он должен был удивиться — «о, как здорово, как хорошо» — а потом вручить подарок. Все было сыграно как по нотам.

Так что про все художества Клинтона еще до Моники Левински было хорошо известно. Было известно, что такое проходило во всех поездках, во всех тусовках.

И в этом плане Клинтон мало чем отличается, скажем, от Бориса Немцова. Одна когорта. Они даже внешне похожи. Не зря Ельцин выдумал эту идею наследника

Немцова, который нравился американцам, и понятно, почему нравился. Просто близнецы-братья. Губернаторы из провинции, молодые, обаятельные, привлекательные...

Кстати, несмотря на заявление Гора, у ЛДПР особых проблем с американцами впоследствии не было. Америка всегда Жириновского пускала. Проблемы были с Европой. С Германией, Францией. Но не с Вашингтоном. Более того, первая поездка Жириновского в Америку в 1995 году обеспечивалась службой безопасности президента США. Машина и охрана были от них. Очень, кстати, хорошая, профессиональная охрана. Американцы уделяли внимание перемещениям Жириновского не просто так, а из опасений: как бы в ходе его поездки чего-нибудь не произошло, каких-нибудь манифестаций и беспорядков.

Произошло. Но не то, чего опасались. Усилия президентских служб привели к неожиданной разборке на высоком уровне. Влиятельная газета написала, что расходы на транспортное обслуживание и охрану, гласную и негласную, делегации ЛДПР составили 500 тысяч долларов. И, мол, какого черта американские избиратели и налогоплательщики должны оплачивать похождения Жириновского в Америке. Но это, видимо, какие-то недруги администрации, собрав информацию, перекинули ее в газету. Был большой шум.

Тем не менее на официальном уровне американцы проводят политику необщения с Жириновским. То есть официальные лица с ним не общаются, а все остальные контактируют: журналисты, политологи и бывшие чиновники. Но на уровне действующих членов правительства, Госдепартамента контактов нет. И это все последствия того ночного заявления Эла Гора. В данном случае американцы уподобляются советским руководителям.

Так было в Советском Союзе: приняли решение, что это друг СССР, а это враг СССР, и все, многие годы дей-

ствуют, исходя из подобных установок. Я помню, мы почему-то всегда ругали Франца Йозефа Штрауса, германского партийного лидера, заклеив его как фашиста. И чего бы этот Штраус ни делал, во всех газетах его полоскали в противовес Брандту. Брандт такой хороший, а вот Штраус плохой. Хотя Штраус был обычным консервативным, правым политиком. Представлял баварскую бюрократию. Он никогда не был правителем в Германии. И ничего такого уж плохого не говорил и не совершал. Но в советском мышлении он был раскручен в минус.

Вот нечто похожее сделали американцы по Жириновскому. Это своего рода «русский Штраус» с точки зрения западных политиков. Штрауса в Советском Союзе знали все, кого хоть немножко интересовала международная тематика. Его усиленно раскручивали. «Международная панорама» все время о нем вещала. Так и Жириновского активно показывают, но рассказывают о нем всегда только негативно.

ПОЛЕТЫ С ПЧЕЛКОЙ ПО ИМЕНИ БОРИС АБРАМЫЧ

Рассказывая о 90-х годах, нельзя пройти мимо фигур Березовского и Гусинского. Почему? Потому что эти два человека являются создателями и наставниками кремлевского правящего класса. Это как бы худруки тогдашнего политического театра. Потому что любой правящий класс, особенно после такой революции, что произошла в начале 90-х, сам по себе не складывается. Как правило, есть наставник. Самоорганизация, конечно, существует, но есть наставник. Тот, кто формулирует задачи. Коротко сформулировать идею Березы и Гуся можно так: зарабатывать деньги.

Второй базовый постулат, кстати, отличный от Чубайса, такой: тип собственности не важен. Это может быть государственная, смешанная, частная собственность. Не

имеет значения. Бабки можно зарабатывать везде. И еще непонятно, где зарабатывается больше. Если фундаменталисты Гайдары говорили: «Главное — это собственность. Частная собственность — это эффективность, приватизация решит все вопросы», Береза говорил: «Нет. Важен ответ на вопрос: наш ли человек управляет? Важен не тип собственности, а какой человек сидит на кассе. Если это наш кассир, то это хорошее дело. Он может быть, и на государственном и на частном предприятии. Какая разница».

Третье правило: манипуляция общественным мнением и пиар могут решить все проблемы. Что бы ни было, отовремся. Это все ерунда. Главное, сколько денег это будет стоить.

Четвертое: большой бизнес должен управлять всем. В том числе и политиками, и правоохранителями, и судами. Должны управлять мы, а их нанимать. Они будут у нас на зарплате, пусть даже на очень большой.

Конечно, они оба неординарные люди. Их личности не менее интересны, чем их технологии.

Памятно одно забавное путешествие с Березовским. Мы с ним встретились на приеме, и он мне так заговорицки пробурчал: «Слушай, надо поговорить». Я ответил: «Ну, назначайте, когда по времени». Он говорит: «А ты можешь сегодня в 3 часа ночи? Потому что у меня раньше времени не будет». Я потом понял, что если бы я сказал: «Да нет, какие 3 часа ночи. У меня семья, жена, дом...», то я бы просто перестал для него существовать. Это был тест. Наш человек или нет. Понимаешь ты наше движение, что мы все 24 часа включены, или ты тупой, бюрократ... Я говорю: «Ну, в три так в три». А он: «Ну, приезжай в ЛогоВАЗ».

Я приехал в особняк ЛогоВАЗа в три часа ночи. Березы не было — ни в три, ни в полчетвертого, ни в четыре. Я пил чай, потом коньяк, потом пил воду, потом разговаривал с Бадри, другими интересными людьми... Береза

появился в полпятого. Он забежал с девкой, которая его ждала. Он ей что-то отдал, она уехала. Он подбежал и говорит:

— Да, Алекс. Нужно поговорить. Слушай, а у тебя это, загранпаспорт с собой?

— С собой.

— Шенген есть?

— Есть.

— Ну, молодец. Наш человек. А полетим в Париж? Почему нам в Париж-то не полететь? Виза есть. Самолет стоит. Мы уже улетаем. В самолете как раз и поговорим. Что мы тут на бегу будем разговаривать? В самолете сидим спокойно...

Короче говоря, я полетел в Париж. Позвонил домой, предупредил, что еду в командировку. И позже, приходя к Березе, я уже имел полную готовность к отлету в любую точку. Минимальный набор необходимых предметов: тапочки, бритву, зубную щетку.

Ему очень нравятся люди, которые вот так все делают. Мобильные, умеющие быстро, буквально на бегу все решать. Не говорят: «У меня нет визы, нет паспорта». Нет? Иди к черту!

В общем, сели в самолет. Когда взлетели, Береза выпил вина и сказал: «Что-то я дико устал. Давай, я чуть-чуть посплю». Раз — и уснул. Прилетели в Париж. Он спрашивает:

— У тебя дела в Париже есть?

— Конечно, есть. Куча знакомых.

— Отлично. Давай так. Вечером мы вылетаем обратно. Днем дела. А вечером поговорим в самолете.

— Ну хорошо.

Я тусуюсь день в Париже, хожу куда-то. На всякий случай я ему три раза звонил: «А где вы?» Потому что понял: человека нужно мониторить каждые два часа, так как может неожиданно выясниться, что он уже улетел. Он отвечал: «Вылетаем сегодня в восемь, нет, сегодня в десять». В итоге мы вылетели, но не в Москву, а в Ленин-

град, потому что ему срочно понадобилось встретиться с Яковлевым. Кой о чем все-таки поговорили в дороге. Но не обо всем. Опять что-то отвлекло. Сели в Пулкове. Он говорит: «У тебя дела есть в Питере?» Я его успокаиваю: «Конечно!» Он говорит: «Ну, смотри...»

Потом поступило новое предложение: «Вот что, Алекс, садитесь на машину и езжайте в баню, которую наши люди уже готовят». Мы сели и поехали в эту баню. Приезжаем, там слоняются какие-то мрачные господа, какие-то девки в простынях. Охранник взял одну девицу и с ней удалился. В это время разрывался телефон. И я сидел и не понимал, приедет Береза или нет.

Тут забегают охранник и, запыхавшись, сообщает: звонил Боря и сказал, что он едет обратно и сюда уже не приедет. Он срочно вылетает в Москву. Я говорю: «Стой, он же сказал, что сюда приедет». — «Нет, он позвонил и сказал: почему вы не в самолете? Я говорю: да мы в бане. А он: нет, нет. Баня отменяется».

Короче говоря, из этой бани мы выскочили как ошпаренные, запрыгнули в машину и со скоростью 180 километров в час, с нарушением всех возможных правил, с сиренами, воем, подлетели к самолету. А Березовский уже был на борту. Еще бы чуть-чуть, и он бы улетел без нас. В этом даже нет сомнений. Динамика у него была уникальная. Он вращался как пчела, опылял все цветы, все направления.

Причем многие серьезные проблемы решались в таком стиле, походя. Он пробежал мимо и давал указание.

Шел 97-й год. Его начали величать крестным отцом Кремля. Серым кардиналом. Борис сам создавал о себе такое мнение. Ему нравилось, когда о нем подобным образом говорили. Тем самым он нарушал определенные правила игры. Уж если ты теневой игрок, то тебе не надо светиться. Но Береза хотел светиться. Он хотел быть и теневым и публичным, и запутался окончательно в этих ролях. Ему, откровенно говоря, хотелось всего. А так не бывает. Если бы он тихо сидел, ну и на здоровье, решал бы

свои вопросы. В этом отношении Волошин был более последовательным. Волошин не стал развивать публичную часть, и это его спасает до сих пор. Он не стал публичным героем России, поэтому, кроме чиновников, его толком никто не знает. Он широкой публике не нужен. Поэтому он тихо ушел и сидит себе. А у Бори такой шлейф, что он не может никуда тихо уйти. Как сказал о нем Волошин, беда Бориса заключается в том, что «у него каждые 20 секунд рождается гениальная мысль, а мы, простые люди, можем переваривать одну гениальную мысль в год. Мы не можем этот фонтан укротить».

Помимо прочего, Боре нравилось создавать мнение, будто везде сидят его люди. Я ему как-то сообщил: вы уже слышали, Борис Абрамович, что чиновника К. назначили замминистра. Березовский встрепнулся: «Да? А у тебя есть его мобильный телефон?» — «Ну, есть». Он говорит: «А ну-ка дай-ка мне его. Набери его». Я набираю: «Здравствуйте. С вами хочет поговорить Березовский». Береза хватается трубку: «Здравствуй. Это Борис. Нам надо с тобой поговорить. Ты подъезжай в ЛогоВАЗ. Ты что делаешь завтра? А лучше сегодня подъезжай к двенадцати». Человек ошалел, но с ним же говорит Березовский, и он же не может ему сказать «Знаете, я не приеду». И уже вечером чиновник К. приехал в ЛогоВАЗ. До этого момента он был ничейным человеком. И Березовский даже не знал, что его назначили на довольно важную должность. Но в этот вечер он стал человеком Березовского. И уже в последующие дни сам Береза забыл эти обстоятельства и рассказывал, что «нашего человека продвинули на пост замминистра. Наш человек теперь там сидит».

Так же, говорят, был назначен Адамов. Он месяцами торчал в приемной у Михайлова, тогдашнего министра атомной энергетики, который его часами не принимал, и вообще считал, этот адамовский институт, ремонтирующий реакторы, для министерства — дело двадцатое. Совершенно неважный такой институт. Но тут мимо пробежал Береза. Адамов его однажды поймал и сказал: «Вот я

директор института. Борис Абрамович, я хочу с вами поговорить. Тут такое происходит. Все вокруг мерзавцы, придурки. Там такие деньги крадут». На словах «крадут деньги» Борис Абрамович оживился: «О! Стой. Приезжай в ЛогоВАЗ». И через какое-то время все знали, что Адамов — это человек Березы. Хотя Береза с ним познакомился три дня назад, чуть ли не в туалете. Тем не менее Адамова он протолкнул на пост министра Так, кстати, Береза помогал кого-то назначать, не зная людей и не ведя с ними глубинную работу. Поэтому многие люди потом сбегали, предавали его, переворачивались.

На самом деле в моем понимании Березовский никакой не бизнесмен. Ничего общего. Это в чистом виде политика, сфокусированная не на идеологию, а на бизнес и заработка. То есть он открыл новый вид политики, nämlich лишенной идеологического содержания. Если Жириновский — это в чистом виде идеолог, идеология — это есть его питательная среда, то у Березы все наоборот. Это политика, замаскированная под бизнес. Это не бизнес в чистом виде — захватывать государственные компании. Это политическая работа, напроць лишенная какой-то сверхзадачи. Просто — тупой захват и зарабатывание денег. Предприятие, лишенное какого-то даже легкого флера, который свойственен все-таки политике.

ХУДРУК ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Хотя имя Гусинского часто звучит рядом с именем Березовского, Гусинский — это совсем другой типаж. Прежде всего Гусинский — театральный деятель. Это очень важно. Любой театральный деятель, особенно не ставший Станиславским, это человек немного больной. Он этим болен всю жизнь. Любой неудавшийся художник, режиссер, артист, вернее, не неудавшийся, а не ставший великим на своем поприще, не сделавший сверхкарьеру, всегда сознательно или подсознательно мучается этим и ищет другие способы для самовыражения. И Гу-

синский, не ставший Станиславским, в каком-то смысле им все-таки стал, создав НТВ. То есть НТВ — это была его театральная труппа. Это была его Таганка, в которой он был Любимовым.

Он заботился об актерах. Он положил им очень высокую зарплату, он действительно делал хорошее телевидение, он дарил звездам квартиры. Именно благодаря его усилиям появилось понятие «звезды телевидения». Он их любил, он им звонил, он ими занимался, он мог давать им советы: ты плохо выглядишь, надо что-то с твоей внешностью сделать. Надо поменять прическу. Это такое чисто режиссерское управление.

Если Береза — математик, технолог, для него цифра была во главе угла, то Гусинский — человек в высшей степени творческий. Для него театральность, постановка важнее, чем просто цифра. Деньги — это понятно. Они все сражались за деньги. Но подход был другой. На этой почве они и столкнулись.

Однажды Гусинский позвонил мне ночью, после того, как я в Думе стучал кулаком по трибуне и кричал, что «мы вас будем молотить», обращаясь к коммунистам. Это был 98-й или 99-й год. Тогда коммунисты уже открыто пошли на запуск процедуры импичмента. Стали угрожать. Я сорвался. Я стал орать на них в открытую, чего никто себе до этого не позволял.

И вот позвонил Гусинский и сказал: «Я видел, как ты сегодня в Думе стучал и кричал: «Мы будем вас молотить». Это было здорово. Хорошо, хорошо!» И добавляет «Я дал указания Жене Киселеву показывать это где надо и не надо целую неделю. Гонять будут просто как иллюстрацию в разных сюжетах. В «Итогах» пойдет несколько раз. Я Жене сказал: «Классный эпизод. Все были просто в шоке. У них даже рожи вытянулись. И рожи мы покажем». Слушаю и пытаюсь сообразить - зачем он все-таки звонит? Предполагаю, что сейчас пойдет деловая часть надо то и се. Но вопреки ожиданиям делового разговора

не состоялось. Ради чего человек в 12 ночи звонит и говорит, что было здорово? Не могу понять. Ну, думаю, ладно. Может, завтра что-то попросит. Ну не бывает так в Москве, чтобы деловые люди звонили друг другу по ночам, чтобы просто обменяться впечатлениями.

А потом подумал: почему не бывает? Он же режиссер, ему в кайф, ему понравилась сцена, хорошо сыграна, хороший контекст, неожиданный поворот. Там же сначала я говорил по делу. Потом стал усиливаться, усиливаться и сорвался уже на крик. Я ж не сразу на них орал. Я аргументировал, потом начал заводиться и стал орать на них и стучать кулаком по трибуне. И Гусинскому это понравилось. И потом я увидел, что этот эпизод действительно где надо и не надо показывали на НТВ.

Этот человек создал театр. Там были свои герои. Своя драматургия. Его борьба с Березой, Чубайсом, Коржаковым — это все были его театральные постановки. Вся страна наблюдала за этой схваткой. То Гусь Березу, то Береза Гуся. Первая информационная война, Вторая информационная война. Война каналов. Для него это был театр, где он сублимировался. Но надо отдать ему должное, он сумел создать серьезное телевидение. А когда сломали НТВ, разбили, его осколки, частички оплодотворили остальное телепространство. Эти семена все равно всходят на других каналах.

Повторю, в моем понимании НТВ 90-х — это Таганка эпохи Высоцкого. Можно найти немало аналогий. Тогда интеллигенция кайфовала от такого иносказания, от этого «нового театра», от Высоцкого, Золотухина, Любимова. А теперь интеллигенция кайфовала от «нового телевидения», телевидения западного, Парфенова, Митковой. От того, что это новый стиль, новый мир, когда корреспондент в кадре движется, не стоит на месте. Все эти стенд-апы, все эти лайфы, много живых эфиров, телемосты. В этом смысле Гусинский создал новое телевидение, хотя бы и ради неких военных целей...

И он, несомненно, человек своего времени.

Березовский и Гусинский — вероучители и наставники того политического класса, который пришел к управлению с Ельциным в 1991 году. Наставники-практики.

Егор Гайдар был скорее теоретическим наставником. Гайдар дал главную идею: мы жестко привязываемся к доллару и Америке. Это до сих пор незыблемая основа нового правящего класса.

А вот практические советы — как вести себя, как зарабатывать деньги, как взламывать государство, как через знакомого мента забирать производства, как возбуждать дела в прокуратуре — этому всему научили Береза и Гусь.

И когда мы говорим про дело Ходорковского, неужели мы этого не понимаем?

Я об этом уже говорил с самим Березовским. После 2000 года я неоднократно видел Березу в Лондоне. Там уже спешить было некуда, там пространство для него оказалось суженным. Хотя он по-прежнему активно передвигается, но поле уже не то. То было поле — весь мир. А теперь поле сужено.

Меньше пространства — больше времени. В Лондоне мы уже поспокойнее обо всем говорили. Береза стал смотреть на некоторые вещи по-другому.

Я ему сказал: ну это же вы создали такую систему. Вы научили, как через уголовные дела, через наезды, через судебные санкции забирать бизнес. Надо было учить другому. Ребята, давайте, у кого больше денег, кто лучше организовал производство, тот и забирает. Что ж мы сразу пошли работать с помощью «черного» пиара, обмана в избирательных комиссиях? Мол, не надо честно избираться, а надо иметь своих людей в избиркомах и решать все вопросы. Это ж вы всему научили, и сами попали под этот танк.

Потому что вы думали, что тот человек, которого вы приведете, будет абсолютно ваш партнер. А он подумал: зачем вы ему нужны? Вот и все. Вы попали под эту разда-

чу, которую сами и организовали. Почему они нас выгнали? — сетуете вы. Так это же вы делали. Против вас применена та же технология. Вы у одних таким образом забирали, а теперь у вас.

Это вы втянули милицейских генералов в коммерческие разборки. Именно они сейчас становятся центральными фигурами споров по бизнесу. Они же должны заниматься преступниками, а не экономикой. Тем более неясно, зачем было втягивать в это ФСБ. Они должны ловить шпионов, а они разбирают конфликт на каком-то комбинате.

Чтобы изменить ситуацию в стране, нужно эти механизмы сломать и заставить людей заниматься своими делами. Бизнес отдельно, правоохранительные органы отдельно, никаких заказных историй. Четко об этом договориться. Тех, кто в это полезет, жестоко наказывать. ФСБ вообще вывести из зоны хозяйственных конфликтов. У них масса своих проблем. Это и военная безопасность, армия та же, состояние убежищ, терроризм, состояние охраны военных объектов, утечка секретной информации, шпионы, в конце концов. Не втягивать их в приватизацию какого-то там комбината. Когда под видом, что это стратегический объект, влезают в сделку, где нет ни иностранного участия, ни иностранной разведки.

Гусь и Береза стали заложниками системы, созданной собственными руками. Все эти заготовки, наработанные ими тогда, потом были реализованы против них же.

Борис Абрамыч это осознает. Он это понимает. Он не отрицает, что многие идеи, которые были реализованы с 2000 года, — это его идеи. Например, что Гуся надо выгнать из страны, и вообще завалить его политически. Он мечтал об этом. Это сделали. Но и с ним сделали то же, вот в чем беда.

Ходорковский. Он Березу тоже всегда напрягал. Береза ему завидовал, что тот был молодой, богатый, независимый, и бизнес у него был посерьезнее, чем у них. Они

всегда бегали по верхам, что-то там хватали, а Миша системно захватывал большие куски собственности...

Но абсолютно неправильно винить Путина в создавшейся ситуации. Путин сел в заранее заведенную машину. Каток этот ехал и до него.

Ведь это они же ломали Быкова, отобрали у него долю в Красноярском алюминиевом заводе.

Ну если вы это делаете, почему с вами это нельзя делать? Почему вы считаете, что можете? Потому что у него нет крыши в Кремле?

На самом деле не было никакого страшного авторитета Быкова. Быков — это был интерес местных. Быков — человек, который отвечал за этот регион. Как бы вся элита договорилась. И деньги, которые шли Быкову, — это деньги, которые шли в регион. Это доля региона от алюминиевого производства. И когда вы эту долю забирали, крича, что Быков бандит, вы забрали и у тех людей, которые брали у него в кредит. Которые могли прийти и попросить у него на операцию жене, на какие-то поездки. Ведь он там был как отец. К нему приходили и говорили: «Дай три тысячи долларов матери на операцию, катаракту надо удалить» или «Дай на колбасный цех». Он: «Хорошо, только меня в долю возьмете. Я вам дам деньги, делайте колбасный цех». И спортсменам местным помогал — проводил турниры. И много еще кому. Не потому что он добрый парень, а потому, что такова была его функция в Красноярске.

Когда его выгнали, на это место пришли безликие менеджеры. Управление в Москве, Лондоне или еще где-то, а менеджер на зарплате, у него не попросишь на операцию и на колбасный цех. Стало и не с кем разговаривать. Власть обезличена. Она куда-то туда далеко уходит. Мы ее не знаем. С менеджером говорить не о чем.

А люди живут на этой земле, вот в чем дело. Они хотят развиваться на этой земле. И у них уехал отец. Можно жить без отца? Конечно, можно. Можно жить с матерью,

но без отца плохо. Отец это и заступник, и какая-то сила. И ее не стало.

Быков, как говорится, отвечал перед местными на все вопросы. Это был такой «окончательный человек». Вот Петрович скажет, значит, так и будет. И это хорошо.

Такой человек должен на земле присутствовать. Неважно, как он называется: секретарь райкома, местный координатор ЛДПР, главный акционер... Но кто-то же должен заниматься проблемами этой земли. Тем более в России общинные традиции существуют. Мы все-таки не такие индивидуалисты и по религии, и по культуре. Чтобы сказать: «Вот я тебе тысячу долларов заплатил. Вот на них и разбирайся, как хочешь. Нужен кредит - иди в банк. Банк рассмотрит. Залога нет, значит иди, к черту, кредит не получишь».

Поэтому и был человек, который отвечал на все подобные вопросы. Естественно, отец был строгий. Где-то мог и по заднице настучать. Не без этого...

Так вот, если вы так поступили с Быковым, почему нельзя так же поступить и с вами? Что мешает? Вы так поступили, и мир не кричал, не возмущался. Не было никакой истерики, когда забирали Быкова, или когда посадили банкира Ангелевича. Не мирового уровня человек был Ангелевич, но все равно у него был банк. Банк уничтожили. И Гусинский играл в этом вполне определенную роль. Они были конкурентами. Ангелевич дружил с министром юстиции Ковалевым. Который в какой-то момент поругался с милицией. Последняя отыгралась на банкире. А Гусинский приложил руку, пытался кое-что из бизнеса забрать. Ангелевича раскурочили теми же административными и уголовно-процессуальными путями.

Власть тренировалась на более мелких. Впрочем, они не были такими уж мелкими, может быть, сейчас они не рассматриваются крупными. У Ангелевича был достаточно крупный банк. Да и Быков был достаточно крупной фигурой. И это была серьезная история.

Или вот Живило, фактически один из первых оли-

гархов. И первый, которого изгнали. Это делали Береза и Волошин.

Этот порочный круг гражданской войны надо останавливать. Потому что сама она не кончится, если кто-то не проведет амнистию по старым делам. Не скажет: «Так, сегодня подводим черту. А теперь начинается совершенно новая игра».

Но этого не может сделать сам коммерсант. Это должно быть сделано государством, сверху. Иначе вновь и вновь будут возникать подобные проблемы.

...Особенность нынешнего положения Березовского заключается в том, и это не очень хорошо понимает власть, что ему теперь нечего терять. Он уже сжег все мосты, и он будет играть с властью, придумывая какие-то новые комбинации. И девять из десяти, может, не самые удачные. Но одна может оказаться для власти опасной.

Почему? Во-первых, он решения принимает сам. У него нет бюрократической системы из 100 человек советников, которые что-то там говорят. Он волк-одиночка, поэтому у него есть гибкость. Он все мосты сжег, поэтому он будет играть по своим правилам. Ограничений в этой игре у него нет вообще. Ни моральных, ни организационных, никаких. И в этом смысле такой одиночка реально опасен для этой власти. И она зря его недооценивает. Власть думает: мы машина, государство сильнее одного человека, у нас есть все ресурсы и средства, чтобы его нейтрализовать. Но даже деньгами здесь ничего не сделаешь. Любой оперативник вам скажет, что с одиночками сложнее работать, чем с организованной бригадой. Их труднее вычислить. Труднее понять, как они принимают решения.

Глава двенадцатая

В главе рассказывается о том, почему в 1996 году в России не произошла «оранжевая» революция, а также о Ельцине, который никогда не матерится, но любит розыгрыши и шутки на грани фола

КОРЖАКОВЦЫ ИГРАЮТ В КАЧЕЛИ НА ВЫСОТЕ 8 КМ

В ыборы 1996 года. Новый рубикон. Именно тогда власть впервые начала сильно жухать, как сказали бы дворовые ребята. Она начала прибегать к совершенно мошенническим технологиям. Началось, конечно, с парламентских выборов, но особенно бессовестный обман был на президентских 96-го.

У меня есть один дагестанский приятель, занимающий некоторое ответственное положение во властных структурах своего региона. Сразу после второго тура мы были у него в гостях. Открываю по некой надобности его багажник, а там лежат бюллетени. Целыми пачками. Меня разобрало любопытство:

- Что это у тебя такое?

- Да надо выбросить куда-нибудь, но все забываю.

- Но что это, откуда?

- Одну урну забрали, вожу ее в багажнике. А другую привезли, поставили. А эту вот вожу. Так же просто ее не выбросишь. Бюллетени надо сжечь. Да еще так, чтобы ничего не осталось

- К чему такие ухищрения?

- Да вот велели... В первом туре у нас Зюганов с большим отрывом прошел. Зато во втором Ельцин. За эти две недели все сильно изменилось. Начальство на нас здоро-

во наехало: чем вы там занимаетесь, идиоты? Давайте, работайте! Ладно, отвечаем, сделаем — не вопрос.

Конечно, такого не было ни в 90-м, ни в 93-м, ни даже в 95-м. Власть начала прибегать к таким силовым приемам, потому что уже появились люди, кровно в этом заинтересованные. Они понимали: если они будут в обойме, постоянно на плаву — все будет нормально, а если нет для них все заканчивается.

Честно говоря, было понятно, что Зюганов набрал больше. И утром после второго тура Жириновский позвонил и поздравил Зюганова с победой. Потому что, конечно, коммунисты победили.

Но Зюганов испугался. И сам позвонил Ельцину.

Кстати, оранжевый сценарий был у нас вполне возможен. Еще неизвестно, как бы все сложилось, если бы Зюганов вывел людей на улицы. А он это теоретически мог проделать. И никто бы ему не помешал. Ведь тогда весь силовой блок был обезглавлен. Коржакова с Барсуковым Ельцин выгнал. Министр обороны Грачев был уволен. Сам Борис Николаевич лежал с инфарктом. Власть была в весьма ослабленном состоянии.

В этом смысле, конечно, Зюганов не оказался бойцом. Если бы он вывел людей на улицы, повторяю, он бы смог что-то исправить. Но не решился.

Вообще, постепенно приходишь к выводу, что страшные коммунисты и коммунистическая угроза — это одна из тех пьес, что была выдумана Гусинским и блестяще поставлена на НТВ.

Весь 94-й год в эфире царил Жириновский. А коммунисты были такими тихими зачуханными людьми, как тени, перемещавшимися в Думе. Они не выступали, ничего не требовали. Что-то пытался Семаго делать, но сам Зюганов оставался незаметным. А Шандыбин появился позже — во втором созыве. Все прочие ничего из себя не представляли и старались держаться в тени.

И вдруг с начала 95-го года во всех эфирах начинают

давать рейтинги. И сообщать, что Зюганов хорошо набирает. Любые выступления, поездки Зюганова постоянно освещались. Любые заявления Зюганова становились сенсацией. За ним начали бегать думские журналисты.

Коммунисты, между прочим, сами не поняли, почему это все. Вначале они даже струхнули, начали подозревать, что это какая-то провокация власти, с тем, чтобы их окончательно удушить. Но это придумал Гусинский, чтобы сначала испугать Ельцина коммунистической угрозой, а затем договориться с ним о том, что олигархи ему помогают, но не бесплатно.

Если угрозы нет - не о чем договариваться. Жириновский не годился на эту роль, потому что Жириновский мог договориться с Ельциным напрямую и ему посредники в этом плане не были нужны. Правда, были люди, которые говорили: «Ну, зачем вы искусственно надуваете коммунистов? Давайте Жириновского возьмем. Он уже известен — мировая угроза... Зачем это менять? Если будут выборы, Ельцину легче бороться с Жириновским, поскольку мир будет однозначно на нашей стороне. С коммунистами в этом смысле труднее».

Но Гусинскому, поскольку он владел НТВ, да и Березовскому вообще всей компании было выгодно надуть того, кто в тот момент не мог пойти на самостоятельные переговоры с властью и не мог бы делать неожиданные ходы. Кто не стал бы вести таких переговоров и собственноручно не имел такого веса: Зюганов тогда не был вождем. Это сейчас его власть в партии укрепилась и стала единоличной. А тогда он был одним из многих. Тот же Купцов в спину ему дышал, были и другие авторитеты. И самостоятельные переговоры с властью для него были невозможны, потому что партийные товарищи его бы удушили.

С Жириновским была другая ситуация. Он был самостоятельный хозяин. Это его партия, его хозяйство. Мой огород — хочу, огурцы сажаю, хочу, их ем, хочу солю.

Естественным путем мы были гораздо сильнее в

1994 году. Ярче. У нас была динамика, молодежный угар. Нас поддерживали на местах. Нам симпатизировали новые коммерсанты.

И вот этот театр Гуся за год активной рекламы в 95-м году обеспечил коммунистам сначала победу на парламентских выборах. То есть показал Ельцину реальную опасность - коммунисты собрали более 20 процентов. А затем превратил самого Зюганова в очень опасную фигуру вселенского масштаба. И убедил, что главный претендент на президентских выборах Зюганов и есть.

Выскажу смелую мысль, что «красный пояс» тоже возник на базе театра Гусинского. Благодаря выборам 1995 года, росту авторитета Зюганова, в ряде регионов красные захватили власть. Это было выгодно Ельцину, потому что он снимал с себя ответственность за некоторую часть страны. Он говорил: «Ну, вот там красные правят, к ним и предъявляйте претензии. Мы тут при чем?» То есть в политическом плане Ельцин мог получить какие-то дивиденды. Ему даже было выгодно, что и Дума не его. Он всегда мог сослаться на Думу. В постановке это все играло определенную роль. То, что мутно называли «сдержками и противовесами», на самом деле было театром эпохи Гуся и Березы. Всегда можно было сказать: «А Дума не наша». А губернатор не наш. Что вы пристаёте. Ну, плохой там Черногоров. Или Кондратенко на Кубани. Что я могу сделать. Пусть население с них там и спрашивает зарплату, пенсии. Мы тут при чем?»

Но ближе к президентским выборам возникла та самая искомая ситуация, когда властям понадобилось что-то предпринимать. Рейтинг у Ельцина низкий. Надо было его вытягивать. Любым путем.

Тогда и начались всякие разговоры, что к врачу Ельцин стал ездить, преобразился, стал людям нравиться. Самочувствие отличное...

Я участвовал активно в кампании-96. Ряд забавных эпизодов врезались в память. Например, эпизод в Президент-отеле, где были ельцинские штабисты. Когда идет Татьяна, а рядом семенит Береза. И Береза говорит: «Татьяна Борисовна, Татьяна Борисовна. Вот мы же в нашей фирме получили 10 американских джинов на тест-драйв. Очень хорошие машины. Посмотрите, может, возьмете. Машины действительно хорошие...» И так, разговаривая, они выходят из отеля. А я вижу в окно, как разворачивается один из «тестируемых» джипов и подъезжает ко входу, и там уже водила Татьяны сияющий сидит. То есть, видимо, с водилой Береза заранее договорился. «Татьяна Борисовна, — продолжает уговаривать Борис Абрамыч, — ну ваше «Вольво» не такое же большое и удобное. Вот это попробуйте. Покатайтесь кружок». Открывает дверь. «Татьяна Борисовна, сюда. А парень ваш будет подробно записывать данные, как двигатель ведет, нам это все нужно, американцы вот прислали...»

Покаталась. Вышла и говорит: «Да, машина хорошая, вместительная, новая...» Береза подхватывает: «Да, да. Может, еще каким-то знакомым нужно? У нас их десять, джипов этих, мы же не будем искать пассажиров на автобусной остановке...»

Еще во время выборов 1995 года мне Любимов рассказывал, как он летал на самолете в ельцинской команде. На первом борту летел Ельцин, а на втором его обслуга и люди из агитбригады. В том числе и Саша Любимов. Саша попытался сзади прикорнуть. Но спать ему не давали, потому что на том же самолете веселилась коржаковская охрана.

Эти бравые ребята, сбросивши пиджаки, с пистолетами на боку, устроили трапезу. Еда была взята с последнего приема. Покидали все в пакеты — остатки сладки. Естественно все заплыло жиром, слиплось, сыр, колбаса, еще что-то там, какие-то недоеденные салаты. И вот все это добро они выложили в самолете.

Пили водку и поглядывали недобро на Любимова. И приговаривали:

— А что, с нами звезды не хотят выпивать? Зазнались звезды-то?

— Да нет. Я в принципе не против, но...

— Ну, тогда наливай стакан.

— Но сейчас пить не хочу.

— Как это не хочу? А за президента?

Тост за президента пришлось выпить.

Однако охранники не отставали.

— А теперь у нас второй обязательный тост. Второй тост мы всегда пьем за Александра Васильевича Коржакова. Что, товарищ Любимов, не желаешь пить за Александра Васильевича Коржакова?

В итоге Любимову пришлось опрокинуть три стакана. Потому что и третий тост нельзя было не пить. Третий был за успех на выборах.

Наконец Саше позволили вернуться на свое место. Он прикрылся пледиком и попытался уснуть. Но не тут-то было. Коржаковские хлопчики приступили к главному развлечению. Они выстроились в линейку и начали по команде бегать от одного борта к другому. И самолет послушно начал качаться. Эта забава называлась у них «качелями». Тут в салоне появилась стюардесса. Вместо того, чтобы накричать на нарушителей, она приветливо заулыбалась: «А, качели!» Видимо, она уже не раз наблюдала забаву президентских телохранителей. Стюардесса помалкивала, а самолет тем временем все сильнее качал крыльями.

Любимов с ужасом смотрел на своих попутчиков и воображал, что же еще они могут учудить до прилета. «Я думал только о том, когда же наконец закончится этот жуткий полет».

Так шла кампания 1996 года.

В одном из городов Ельцин тоже решил оттянуться. И весьма крупно подставил Коржакова. Вечером пред-

стояла прогулка в метро: президент должен был осматривать новую станцию. Он весьма своеобразно к этому подготовился. Еще днем Борис Николаевич попросил домашних: «Дайте-ка мне жетон на метро и никому не говорите». Татьяна послушалась. И когда президент вместе со всей своей свитой спустился в метро, в самый разгар церемонии открытия новой станции, Ельцин неожиданно для всех вытащил жетон, опустил в турникет и прошел. И быстро направился в глубь вестибюля. Растерявшаяся охрана рванулась было за боссом. Но путь коржаковским молодцам преградили турникеты. А жетонов ни у кого не было. И всем пришлось перепрыгивать через эти неестественные препятствия. В том числе и самому генералу Коржакову. Пришлось генералу скакать, как пацану.

На это и был расчет Ельцина. Ему очень хотелось, чтобы все запрыгали. Чтобы произошло такое замешательство, такой потешный кипеж.

Придуманная им сценка была сыграна как по нотам. Охранникам пришлось прыгать, потому что было много камер, и ломать оборудование метро было неудобно. А быстро отключить эту аппаратуру тоже не получалось: на церемонии открытия присутствовало только высокое начальство, а никого из обслуживающего персонала под рукой не оказалось.

И когда эта группа, толкаясь и падая, начала брать барьер, действительно смотрелось очень смешно.

Такая вот получилась нештатная ситуация. Коржаков дико потом ругался.

Кстати говоря, нестандартная манера поведения Ельцина, попытка все время разными путями держать в напряжении свое окружение, поддерживать состояние психологического гнета среди своих подчиненных — очень характерная манера для партийного работника. Партия воспитывала это. А Ельцин оказался очень талантливым учеником.

Такая манера проявилась и совсем недавно. Когда

этот человек стал управлять уже не страной а только своими домочадцами и остатками прежней свиты. И тем не менее произошла очередная экстравагантная выходка. Историю эту рассказал дипломат, который работал в Лондоне...

Ельцин, уже будучи пенсионером, приехал в британскую столицу на Уимблдонский турнир. Сначала экс-президент ходил смотреть на Сафина. Но когда Сафин проиграл, Ельцин потерял интерес к турниру. На женские выступления он практически не ходил. И все время находился в гостинице «Роял Гардн». Это одна из самых фешенебельных гостиниц города. И располагается в одном из самых престижных районов, недалеко от дипломатической улицы, где находятся различные посольства, в том числе и посольство России.

Однажды ночью дипломату, который был приставлен к Ельцину в качестве переводчика, позвонили и велели, чтобы он срочно подъезжал в гостиницу: что-то произошло с Борисом Николаевичем. Дипломат подумал, что скорее всего он станет участником какого-то исторического события.

«Я строго оделся в черный костюм, рассказывал мой приятель. — Приезжаю, а там бегают охрана гостиницы, фэсэошники, какие-то чиновники толкуются, что-то там выясняют. Кричат. Оказалось, в два часа ночи сотрудница гостиницы открыла своим ключом (так называемым мастер-ключом) номер Ельцина, включила свет, ходила по номеру. И Наина увидела все это дело, подняла шум, из соседнего номера прибежала охрана, которая вместо того, чтобы стоять у дверей номера, выпивала в это время, полагая, что в пятизвездочном отеле ничего произойти не может. Стали выяснять, что да как. Сотрудница гостиницы заплакала и сказала, что ей позвонили и просили убрать в таком-то номере. Она и поднялась. Потом выяснилось, что она вообще не должна была работать в это время. Что ее смена закончилась в 12 часов».

В общем, никто не мог понять, что произошло. И, как мне рассказывал дипломат, только он один все понял, но помалкивал в тряпочку. Потому что днем этого же дня он шел по коридору с Ельциным. Мимо проходила та самая горничная — восточного типа женщина. Вдруг Борис Николаевич поворачивается и говорит: «Какая красивая. А ну-ка подойдем». И подошел к сотруднице гостиницы. Погладил ее по спине и строго спросил: «Как тебя зовут?» Она оказалась индианкой. Назвалась своим индийским именем. Ему такая экзотика явно понравилась: «Надо же, как в кино. Значит, как тебя зовут? Ага... А меня знаешь?» Дипломат перевел. Она говорит: «You are president of Russia Boris Yeltsin». «Молодец, — говорит, — знаешь меня». И тут лицо Ельцина приняло такое таинственное выражение, примерно такое, как когда он рассказывал про 38 снайперов, у каждого из которых своя цель. Сказочник такой. Или когда он рассказывал, что сажает картошку и она получается рассыпчатая и во рту тает. И с такой же таинственностью в голосе велел: «Приходи ко мне в 2 часа ночи, но ни минутой раньше и ни минутой позже. Только ровно в 2 часа. Дверь открой своим ключом, не стучи, не привлекай внимания. Когда зайдешь, включишь свет Я буду тебя ждать». Так сказал романтический Ельцин, а дипломат имел глупость все это перевести. Девушка заулыбалась. Ельцин развернулся и пошел себе дальше.

Такие посещения ей были строго запрещены. Но, видимо, она не выдержала. Все-таки встречи с царями происходят не так часто в жизни обычного человека. А вдруг это начало новой судьбы? Может, что-то в жизни изменится?

И действительно, изменилось. Но не в ту сторону, о которой она мечтала. Ее в тот же день уволили. Обстоятельства были таковы, что она, естественно, ни в чем не созналась, потому что это было нарушение всей служебной этики. А все остальные не понимали вообще, почему такое произошло. Фэсэошники подозревали, что она

шпионка и пришла менять какую-то аппаратуру. Но доказательств никаких не было. Все друг на друга орали, выясняли отношения. Борис Николаевич мирно спал. А Наина Иосифовна верещала. Она тоже ничего не понимала, но, видимо, огромный опыт жизни с Ельциным заставил ее почувствовать, что все это была какая-то очередная выходка ее мужа.

А дипломат помалкивал, не в его интересах было рассказывать. Потому что в таком случае все шишки посыпались бы на него. Все бы спрашивали, почему он заранее не доложил о дневном разговоре. Хотя он не должен был докладывать. Мало ли какие эпизоды происходят в коридоре гостиницы и в коридорах власти. Мало ли что Ельцин мог кому сказать. Нельзя же делать из этого вывод, что она придет и сделает точно так, как велел бывший русский царь.

КОГДА ЕЛЬЦИН БЫЛ СУПЕРСТАР

Вообще, если отвлечься от политики, все, что делал Ельцин, все было совершенно нестандартным. Нестандартно пришел в Кремль. Нестандартно оттуда ушел. Пришел сам и ушел тоже сам. Его никто не звал. Он просто вломился. И ушел тоже сам, хотя мог еще сидеть. Да, мог. А насчет того, что он был при смерти, насчет слишком слабого здоровья — это все разговоры. При слабом здоровье Брежнев еще лет 8 сидел. А сейчас мы видим Ельцина во вполне приличной форме. Какое уж слабое здоровье, какое уж там «при смерти», когда прошло 5 с половиной лет, а Борис Николаевич нормально себя чувствует, появляется на разных мероприятиях, ездит за рубеж.

И потом, у него уникальные свойства организма. Он, как птица Феникс, может восстанавливаться. Ведь первый инфаркт у него случился в начале 80-х. И тогда же, в начале 80-х, я впервые его увидел.

Обстоятельства нашего знакомства весьма характерны для того времени. Я учился в МГИМО и любил пописывать в газету. В основном в «Студенческий меридиан» и в «Собеседник». Но у меня было несколько публикаций и в «Правде». И именно для этой главной газеты страны я решил написать про студенческую практику.

Меня направили в Свердловск с редакционным заданием описать, как организована практика учащихся свердловских вузов. Куда их трудоустраивают, чем они там занимаются, помогает ли это в дальнейших поисках работы...

Если кто не знает, в каждой области у «Правды» был свой собственный корреспондент. Естественно, о моем приезде стало известно местному собору. Тот, естественно, доложил информацию местному секретарю обкома. Тот забеспокоился: зачем присылать мальчика из Москвы, если есть свой корреспондент, который может писать по заказу. Узрел в этом какую-то интригу. Тем более было известно, что в газете «Правда» такого рода решения принимал сам Афанасьев, грозный главред.

Видимо, начали собирать обо мне доступные сведения. Выяснили, что я студент МГИМО, учусь на одном курсе с внуком Брежнева. Это внесло дополнительную сумятицу в ряды провинциальных политиков.

Короче говоря, когда я приехал, меня уже на вокзале встречали люди из обкома. Сразу начали интересоваться моими планами. Мол, зачем пожаловали, чем можем быть полезными. Ах, студенческая практика? Нет проблем. Все сейчас организуем. Вот сюда можно пойти, очень хороший вуз, студенты практику на таком-то заводе проходят.

Спасибо, говорю, но я как-нибудь сам, у меня есть тут свои завязки. В общем, начал проявлять некое упрямство. Мне не понравилось, что они так упорно хотели вести меня по своей программе. И тут один предлагает: «Кстати говоря, может, вам было бы полезно отразить еще и мне-

ние по этому поводу местного партийного руководства? Вот поговорите с первым секретарем обкома партии».

От таких встреч, конечно, не отказываются.

Я приехал к Ельцину в эту их знаменитую «свечку», где он сидел. Меня предупредили, что беседа не должна быть слишком долгой и не надо его утомлять, потому что он только после инфаркта и еще не до конца оправился. Но подчеркивает тем самым, что проявляет интерес, несмотря на то что нехорошо себя чувствует.

Передо мной сидел хитрый и многоопытный партийный работник. Он начал разговор издали, но чувствовалось, что он допытывался: а зачем ты, Филатов, собственно, тут появился?

Как бы между прочим он поинтересовался:

А правда, Алекс, что вы учитесь " внуком Леонида Ильича?

То есть он все же задал вопрос, который его мучил.

Ну да. Учимся, дружим.

Это хорошо. Хорошо... Все-таки дипломатическая профессия особая.

Отлично изучив партийные традиции, он, возможно, предположил, что мой приезд — это одна из форм подкопа или проверки из Москвы. Но даже если никакого тайного умысла за моим визитом не скрывалось, все равно его последствия могли оказаться не слишком хорошими, любая неправильная статья в «Правде» ему бы навредила. Чувствовалось, он раздумывает - как бы уменьшить этот возможный неприятный эффект. И он попросил: «Давайте с нашими товарищами пройдитесь по объектам, вы же первый раз, а они все хорошо знают: где чего». И он, конечно, не говорил слово «согласовать», но дал понять, что этот материал хорошо бы посмотреть перед тем, как он пойдет в «Правду».

Статья появилась. Она была совершенно нормальная, вполне в духе того времени. Умеренная. Мне даже сказали: надо же чем-то негативным приправить. Крити-

ка же какая-то должна быть. И даже потребовали критику. «А зачем вы ездили? Вы же должны были выработать какую-то объективную оценку!» Ну и что-то там добавили. О тех, кто живет в общежитиях, о том, что у них в период практики возникают дополнительные трудности, а ректорат помогать не хочет...

На самом деле я и не собирался заниматься сбором какого-либо компромата. Но я навсегда запомнил эту ельцинскую настороженность.

И вообще тот 50-летний Ельцин произвел на меня впечатление тигра. Такой затаившийся, внимательный, чуткий таежный хищник. Тихий, но мощный...

И чудилось, что он, как зверь, меня обнюхивает: что это за объект и откуда он появился? Как будто по запаху пытается определить, с чем пришел незванный гость.

Чувствовалась матерая партийная подготовка.

Внешне же он был доброжелательный, не хамил. Обращался на «вы». Вообще это важная особенность Ельцина. Он всегда со всеми на «вы» (за исключением самого близкого круга) и никогда не матерится. Таким образом он держится подчеркнуто вежливо и тем самым создаст дистанцию.

А вот со стороны его воспринимаешь как человека, который без мата ни одного слова не скажет. Я уверен, что люди, которые его не знают, совершенно уверены, что Ельцин — человек, который все время говорит по матери и всем тыкает. Это обманчивое впечатление. Вот Горбачев — тот моментально переходит на «ты». Черномырдин — это «тыканье» и мат-перемат.

Здесь же совершенно другая картина: партийная хватка.

Могу отметить, что к нему, как к секретарю обкома, в области совсем неплохо относились. Народ попроще говорил: «Да что ж Борис Николаич... Мужик нормальный, деловой. Что-то делает. А главное прямой». Нормально народ к нему относился. Причем это не было подстрое-

но. О нем хорошо отзывались случайные собеседники — в гостинице, в магазине.

Но уже тогда я обратил внимание на то, что это человек с больным сердцем, инфарктник. А ведь прошло 25 лет. Так что разговоры о том, будто слабое здоровье не позволяет Ельцину заниматься большой политикой, — это тема, можно сказать, вечная и достаточно спекулятивная.

ВЕРЕВОЧКИ, ЛУКОШКИ И ДРУГИЕ ЗАГОГУЛИНЫ

Ельцин, которого знает вся страна, колоссально отличается от того Ельцина свердловского периода, с которым я познакомился четверть века назад. Мне кажется, его очень сильно изменили годы, проведенные в Москве, особенно с 87-го года, когда он лишился поста первого секретаря МГК КПСС и стал самостоятельным политиком. За несколько лет он набрался колоссального опыта — именно в той новой политической игре, которая началась со времени перестройки. Он развивался стремительно. Его захлестнул гигантский ноток информации. Из политика областного масштаба он становился политическим тяжеловесом федерального уровня.

Уже в эпоху 87—91 -го годов, когда я возобновил с ним

знакомство, это была суперзвезда. Во всем чувствовалась абсолютная звездность. И меня поразил тогда ответ одного из рок-музыкантов, которого спросили: «А какая вам рок-группа сейчас больше нравится?» А он ответил: «Межрегиональная депутатская». И в этом был смысл эпохи, который уловил, казалось, бы далекий от политики музыкант. В этот момент межрегиональная депутатская была круче любых других поп- и рок-групп. А для ее лидера, Бориса Ельцина, это был этап высшей популярности. Я помню, пришла ко мне в гости девушка и увидела фотографию с Ельциным. Она просто обомлела: с самим Ельциным! Как тебе это удалось? А нельзя ли как-то

устроить, чтобы и мне сфотографироваться? Обычная московская девчонка, далекая от политики.

Этот период иногда забывают, когда начинают хаять Ельцина и перечислять его грехи. Действительно, было много разного всякого, и многие претензии совершенно справедливы. Но правда и то, что были четыре звездных года. Были 100-тысячные митинги в Лужниках, участникам и организаторам которых никто ничего не платил. Я помню, была проблема заплатить даже за звукоусиление. Искали спонсоров, которые согласились бы дать деньги на микрофоны и усилители.

И было огромное количество людей, которые буквально бросались на него на улицах. Все это я потом увидел с Жириновским. Один в один. Почему, кстати, я уверен, что за Вольфовичем будущее? Потому что такое происходило четыре года с Борисом Николаевичем.

Несколько раз я бывал у Ельцина в Госстрое. Первый раз по поводу организации концерта в защиту жертв сталинских репрессий. Был такой замысел: пригласить всех демократически настроенных звезд и устроить гала-концерт. В итоге он не состоялся, потому что власти просто испугались его проводить. Особенно когда узнали, что там будет Ельцин. А Борис Николаевич поддержал. Я, пользуясь случаем, ему напомнил, что был как-то у него в Свердловске. Он типа вспомнил. Уж не знаю, действительно ли вспомнил или нет, но сказал: «Да, да. Я помню».

Также я был косвенно соорганизатором знаменитой поездки Ельцина в Америку. Это делалось по линии различных организаций. Меня попросили тоже подключиться, поскольку, имея выход на Ельцина, я работал в «профильном» заведении — Институте США и Канады.

Американцы проявляли к Ельцину огромный интерес. Все приезжавшие исследователи — слависты, советологи, кремленологи, все говорили о Ельцине, интересовались его персоной. Когда наши с ними общались, обойти эту тему было невозможно. О чем бы ни говорили, фигура Ельцина занимала половину времени. Эти госпо-

да уже понимали, к чему идет дело в Союзе, и жаждали побольше узнать о новой яркой звезде отечественной политики.

Когда к Ельцину обратились напрямую с предложением совершить гастроли по Соединенным Штатам, американцы получили завуалированный отказ. Он ответил, что не очень удобно ему ехать по приглашению каких-то там фондов. И тут родилась идея, чтобы соорганизатором поездки была советская газета. Это считалось логичным. Действительно, все равно поездку организуют наши товарищи, а ссылка идет при этом на некие непонятные фонды. В итоге вояж прошел по линии «Комсомолки», и я принимал в его подготовке определенное участие.

Тогда же произошла памятная поездка на дачу Бориса Николаевича в Успенское. Это были так называемые министерские успенские дачи.

Дело было так. Однажды Любимов позвонил мне и без обиняков предложил: «Не хочешь подъехать к Ельцину на дачу ? » Замечу, что тогда по популярности они были равными: Любимов и Ельцин. А если брать молодежь, то, Любимов, возможно, был и популярнее.

И вот, приехали на эти успенские дачи. Если не ошибаюсь, ельцинский коттедж носил название «46-я дача». Это я запомнил потому, что на следующей поселился Жириновский, когда стал руководителем фракции. Вся семья оказалась в сборе: дочери Ельцина, Елена и Татьяна, супруга, Наина Иосифовна.

Хозяин вышел, поздоровался, потом посмотрел на стол, обвел долгим взглядом всех присутствующих женщин, которые суетились и о чем-то трепались.

— Лето на дворе, а фруктов на столе нет, - раздосадованно констатировал Борис Николаевич. И повысил голос: — Фрукты где и ягоды?

Вопрос явно застал всех домашних врасплох. Лена растерянно стала его успокаивать:

— Сейчас, папочка, привезем. Водителя пошлем.

— Какой водитель? — громовым голосом возмущился

Ельцин. — Идите в лес! Собирать ягоды. Лукошки взяли - и в лес!

Женщины стали вытаскивать какие-то пакеты.

— Я сказал, лукошки!

Схватили пакеты, лукошки и выскочили. За дверьми, естественно, договорились с водителем. Тот поехал за ягодами на рынок, а сами, чтобы не злить папу, побрели в направлении леса.

Когда Ельцин зажигался и жестко надавливал, женщины его чувствовали, что нужно немедленно слушаться. Перечить ему в такой миг никто не осмеливался. Они четко знали, что наступил момент, когда надо выстраиваться.

Я к таким его загогулинам еще не привык, и эта сцена меня сильно впечатлила.

Оглядываясь назад, думаю, что Ельцин это сделал не случайно, не ради какого-то озорства. Просто в тот момент не хотел присутствия женщин. Но выгонять их было как-то неудобно. И поэтому он разыграл такую сцену, чтобы от них избавиться на какое-то время и спокойно поговорить с гостями. Он очень хотел поговорить с Любимовым. Чувствовалось, что он был заинтересован в этой встрече не меньше, чем мы.

Я его с интересом рассматривал, подмечал, насколько он изменился. Ну а Любимов - тот вел себя независимо и держался на равных.

Я напомнил Ельцину о концерте, который мы затевали полгода назад: «Вы знаете, Борис Николаевич, концерт-то завалился из-за вас. Как только узнали, что вы собираетесь, все, кто давал согласие, испугались, начали отнекиваться, говорить, что хорошо бы перенести, согласовать. А ведь поначалу хотели чуть ли не западных звезд привезти...» Ельцин эту историю внимательно выслушал, но никак не комментировал.

Борис Николаевич очень здорово, очень по-театральному держал паузу. Он любил розыгрыши и всякие шутки — иногда на грани фола, - но это трудно было назвать хамством. Поэтому верю и хорошо представляю, как но

его команде сбросили за борт президентского пресс-секретаря Костикова. Хотя ряд вещей, описанных Коржаковым в его книге и других мемуарах, намекают, что иногда в этих загогулинах имелись черты уголовного преступления. Если формально подходить. По идее — как он мог командовать за борт бросить человека? Сотрудника кремлевской администрации — и так вот прямо за борт с теплохода. Можно ведь и разбиться... Особенно мне понравилось в рассказе Коржакова, как нежно сняли с Костикова ботинки: чтобы легче было плавать. Заботливые...

История с Ельциным демонстрирует какую непорядочную ошибку в свое время совершила старая коммунистическая система. У них была, как и у каждой бюрократии, такая система выравнивания, подтягивания отстающих, опускания сильных. То есть это была система коллективной ответственности. Которая привела к полному обезличиванию партии, полной трясине. И - в результате — к самоуничтожению. Хотя, я уверен, если все-таки ставилась задача спасти КПСС, именно такого, как Ельцин, и надо было ставить генеральным секретарем.

Парадокс заключается в том, что Горбачев, который был поставлен генеральным секретарем в надежде на то, что он оживит, реанимирует партию, по сути, никогда коммунистам не симпатизировал и коммунистом не был. Сущность у него была, как сказал бы Ленин, мелкобуржуазная. Но судьба так сложилась, что он стал последним вождем партии.

И наоборот, Ельцин, который по иронии судьбы стал звездой демократии и знаменем демократии, по сути своей — коммунист. И по воспитанию, и по стилистике. Если бы его в 1988 году избрали генеральным секретарем, то, я уверен, не развалилась бы, ни страна, ни партия. Партия развивалась бы — будь здоров! Наверное, были бы перегибы — даже скорее всего! Может быть, не те заводы строили бы, проекты дурацкие запускали, еще где-нибудь чудили, но была бы абсолютно советская система управления. Никакой бы демократии не случилось.

Это абсолютный парадокс. Роковая случайность.

У Ельцина получилась совсем не та карьера, к которой он готовился. Его вышвырнули коммунисты, а подобрали другие люди. Они его, можно сказать, перевербовали. И он ведь их не подвел. Он выполнил задачу, которая перед ним ставилась. И, понятно, получил от этого свое удовольствие. Он хотел власти, и здесь ему ее обещали, а коммунисты, наоборот, настрого запретили. Это их ошибка — тяготение к слабым. Ставка на слабых, управляемых, пустых.

К сожалению, все повторяется...

Мы продолжили знакомство с Ельциным и неоднократно пересекались, когда он стал депутатом Верховного Совета СССР и председателем парламентского комитета по строительству и архитектуре. А Коржаков работал у Ельцина в аппарате. В этот момент Борис Николаевич очень плотно общался с Михаилом Александровичем Бочаровым, тоже депутатом Верховного Совета, с которым я незадолго до этого подружился. И до сих пор, кстати, очень хорошо к нему отношусь.

Бочаров был директором Бутовского кирпичного завода. Он стал одним из авторов эксперимента по фактическому разгосударствлению производственного предприятия. В организации этого эксперимента, в числе прочих, помогал и я. Проект этот привлек внимание. О нем писали. И на этой волне Бочаров стал депутатом.

Речь шла о довольно редкой для того времени экономической новации. Если грубо: из государственного завода фактически сделали кооператив, имеющий возможность набирать персонал и продавать по ценам, которые сам завод устанавливал. Все это было завуалировано под так называемый «Бутовский эксперимент», но на самом деле госпредприятие стало, по сути, частным.

А руководитель этого проекта Бочаров избрался в парламент и занял важное место среди демократических сил. Общался с Ельциным и даже баллотировался тогда на место премьера страны вместе с Силаевым. Это был

его звездный час. Кстати, это он впервые представил обществу программу «500 дней», позже получившую известность как «программа Явлинского». О сути плана «500 дней» Бочаров рассказал во время презентации собственной программы. Правда, он честно сообщил, что разработал сей план не он, а другие люди.

А Силаев не представил, напротив, никакой программы и тем не менее был избран. Он так прямо и сказал: «У меня нет никакой программы, я только недавно узнал, что меня выдвигают. Я такой человек. Вы все меня знаете, как я работаю». Бочаров же представил целый национальный проект, план конкретных действий. Эта программа была отвергнута на всесоюзном уровне, но на российском уровне имела шансы на успех. Стать премьером у него не вышло, однако известность в демократических кругах он получил.

Одно время Ельцин постоянно общался с Бочаровым. Они часто выпивали у Бочарова в кабинете на проспекте Калинина, где в то время располагались помещения Верховного Совета. Эдак по-сиротски ударили. И ужасно мучили секретаршу. Потому что она вынуждена была сидеть до ночи и ждать, когда они наконец закончат. Ведь ей надо было после них еще наводить порядок.

И вот как-то я захожу в этот веселый кабинет, и Бочаров интересуется:

— Филатов, ты видел мою подругу? Она тебе уже жаловалась?

— Пока не жаловалась. А что такое?

— Да нет, ничего, ерунда. Получила она там у себя заказ. Ну, знаешь, такой стандартный набор: курица, колбаска, печенье «Юбилейное». А мы пришли. Жрать нечего. Бежать куда-то уже нет сил. Ее не было, она вышла. Мы посмотрели - у нее заказ стоит. Конфисковали колбасу. Ну надо ж чем-нибудь закусывать.

— Ну вы даете...

— Так слушай дальше. Она приходит, видит, что осталось от заказа. И она в шоке. Плачет: мне детей надо кор-

мать. Мы ей втолковываем: «Да ты не бойся, сударыня. Мы тебе все отдадим. Просто сейчас куда бегать-то? Поздно. В буфет не пойдешь. Ну, печенье мы и взяли».

— Так вроде не печенье, а колбасу?

— Печенье тоже. Закуски-то не хватало.

Выхожу я от них под впечатлением от этого рассказа. Встречаю заплаканную секретаршу. Участливо спрашиваю: «Что такое? Кто обидел?» А она: «Да ну их к черту. Все сожрали мое».

А в следующий раз была другая тема. Захожу к Бочарову в кабинет. Хозяин сразу меня огорошил: «Посмотри, Алекс, какую мне дрянь подарили. Была тут африканская делегация, и подарили какого-то здорового деревянного истукана. А он вишь какой тяжелый. Как же его тащить? Идеи есть?»

А Ельцин говорит: «Надо веревочкой его перевязать. Веревочку пусть найдут. Скажи ей. Позови ее».

Заходит секретарша. Они ей:

— Слушай-ка. Найди нам поскорее веревочку, перевязать.

— Да вы о чем? Какая веревочка? Ну какая веревочка? 10 часов вечера! Где я найду вам веревочку? Уже никто не работает. Все дома. Кто сейчас работает? Никто, только мы.

Ельцин на минуту задумался и изрек:

— А... да! Вот что. Подойди-ка сюда.

Она подходит. Борис Николаевич неожиданно быстрым движением руки хватает ее за пояс:

— А ремешок-то у тебя какой хороший! Дай ремешок.

Она сопротивляется:

— Да у меня юбка упадет, если я ремешок отдам.

— Ничего. Английской булабочкой заколешь.

Ельцин не шутил. Он всерьез намеревался забрать ее пояс. Она выбежала. Он настаивать не стал, но посетовал:

— А жаль. Тоненький у нее поясочек, удобный. Сейчас бы перевязали, а завтра ей отдали бы.

Такое вот у Бориса Николаевича было мышление —

нестандартное. Ну кому придет в голову снять с человека ремень, чтобы перевязывать какого-то истукана, которого подарила африканская делегация?

Я говорю:

— Да оставьте его в кабинете.

Но Бочаров не соглашается:

— Да как в кабинете? На дачу надо. Ну что же он в кабинете. Ведь сопрут в кабинете.

— Да кто же у вас возьмет? Кому нужен такой истукан.

— Ну нет, как же. Вот придут и сопрут.

И он прямо мучился, что с этой деревяшкой делать, как ее тащить...

Надо сказать, что они были очень близки с Бочаровым, но с какого-то момента близость пропала. Как только Силаев стал премьером, жизнь пошла по другому руслу, и Бочаров не занял тех постов, которые ему прочили. По замыслу Бочаров должен был стать перевербованным «красным» директором. То есть должен был показывать стране: «Уважаемые «красные директора», не морочьте голову, начинается новый интересный этап. Айда с нами. Вот человек пошел с нами и хорошо себя чувствует».

Кое-чего он, конечно, добился. В то веселое время Бочарову без особых усилий с его стороны подписали постановление ЦК о создании концерна «Бутек». Бочаров был звездой демократии, и ему пошли навстречу. Концерн «Бутек» получил различные эксклюзивные возможности. В том числе, в первоначальном проекте постановления — в это сейчас даже трудно поверить — было написано, что он имел право регистрации участников внешнеэкономической деятельности. То есть, например, чтобы заключать с заграничными фирмами нефтяные контракты, нужно было сначала заходить к Бочарову. Такая лафа, понятно, была недолгой, но именно таким образом в то время люди начинали сколачивать крупные капиталы...

Глава тринадцатая

Эта глава о том, как Александр Невзоров, Сергей Доренко, Андрей Караулов и Владимир Соловьев делают телевидение, о том, какую программу отсматривает Владимир Владимирович, о том, как Людмила Нарусова спасала Анатолия Собчака, а также о том, сможет ли крестница Путина стать президентом России

ЧЕТЫРЕ ЗВЕЗДЫ ГОЛУБОГО ЭКРАНА

Наше повествование будет неполным без разговора о телевизионных людях. О тех, с кем мне приходилось работать на телевидении и с которыми я продолжаю сотрудничать по сей день. Вообще-то их очень много — этих телевизионных женщин и мужчин — и каждый из них по-своему интересен. Но, я думаю, есть четыре подлинные звезды телевидения за все эти 15 лет. Это Александр Невзоров, Андрей Караулов, Сергей Доренко и Владимир Соловьев. Четыре человека, отличающихся от всех, во-первых, своим видением мира. А во-вторых, своей органичностью именно в данном жанре: это люди абсолютно телевизионные. Их трудно представить в другой ипостаси, в другой теме.

Что такое телевизионный человек? Это человек, который чувствует динамику, который понимает, что полминуты в эфире — это очень много. Это на самом деле целая вечность. И когда некоторые деятели начинают зачитывать скучные бумаги, кидать какие-то цифры, они не понимают, что уже никто их не слушает. Даже если они потеряли всего 20 секунд. В обычной жизни 20 секунд — ничто. 20 секунд на «круглом столе» во время выступления — незаметно. Но 20 секунд в эфире — это уже серьезно, 30 секунд — много, 3 минуты в эфире — это вечность. И нужно чувствовать такие вещи.

Особенность телевидения состоит в том — и это отличается от книги, — что даже глубина проникновения в материал не так важна, как динамика. Упомянутые мной звезды идеально чувствуют динамику телеэфира. Хотя в остальном они совершенно разные, друг на друга не похожие.

Невзорова я считаю мастером телевизионных постановок, специалистом по созданию телевизионных событий. Невзоров не просто следовал за событиями, он их сам создавал, скандализируя ситуацию, сгущая краски. Художник телеэфира. Не просто ремесленник, фотограф, а именно художник, который создавал свои картины в соответствии со своим особым представлением, видением. Но можно его назвать и драматургом: он глубоко понимает именно телевизионную драматургию. Он много чего придумал, и в «600 секундах», и потом, в последнем фильме про коней.

Моя первая встреча с ним произошла в 1992 году, когда мы ездили с Жириновским в Иван-город, а потом в Петербург. В северную столицу мы прибыли большой и веселой мужской бригадой. И вместе заявили на телевидение к Невзорову. Он должен был делать какой-то сюжет про нашу партию. Невзоров вел себя очень уверенно. И немного пренебрежительно, свысока. Он даже пытался подтрунивать над Жириновским. И тогда один из наших друзей, Юра Бузов, который был в то время министром внешней торговли теневого кабинета Жириновского, снял пиджак и обнаружил под ним кобуру. И сказал так: «Саня, вот ты такой крутой, а посмотри, что у меня есть. Если ты крутой дядька, посмотри, я с оружием, мы люди горячие, мы люди крутые, нас целая бригада, мы можем ваше телевидение захватить и тебя захватить. Что ты тут шумишь?» Хотя Невзоров не шумел. Но после такого захода Невзоров сразу изменил стиль поведения — расслабился, заулыбался, и вся тональность нашего разговора как-то сразу сменилась. Бузов своими простыми пацанскими приемами снизил пафос Невзорова. Низ-

верг его с пьедестала, на котором он сидел у себя на телевидении, в своих аппаратных.

Дальше мы неоднократно встречались. Но я считаю, что «600 секунд» было высшей точкой его творчества. Конечно, и время было соответствующее. Этот формат во многом уникален. Никто впоследствии не смог его повторить. Я считаю, что местные телевизионные новости в регионах должны держаться как раз на таком формате. По сути, Невзоров открыл некий новый жанр, в рамках которого местное телевидение может влиять на свои регионы. Очень здорово иметь такие городские новости и местного ведущего, который расскажет вам все: где у бабушки что сгорело, кто напился в этот день, кто кому дал по зубам. Здесь стоит напомнить, что ведь вначале «600 секунд» подавались как простые новости мегаполиса, абсолютно бытовые. Уже потом Невзоров стал предлагать и большую политику. Хотя, на самом деле, это неправильно, потому что задан формат городских новостей. Интересных, динамичных, рассказанных человеком с юмором. В обычном-то формате городские новости в эфире идут, но это не так интересно. А у Невзорова была динамика, за его спиной щелкали пресловутые секунды, и все понимали, что вот-вот время истечет, а ведь надо еще сообщить нечто очень важное...

Некоторые сюжеты я помню до сих пор. Например, когда он интервьюировал директора мясокомбината, тот бежал от него по коридору, свернул в туалет и пытался спрятаться в кабинке. Но не тут-то было. Невзоров тоже вбежал в туалет и засунул на длинной палке микрофон в кабину, где затаился директор. И стал требовать: «Так скажите наконец, почему сгнило мясо?» А в ответ только зашумела вода. Это была, конечно, гениальная история.

Или другой сюжет — где-то в центре поймали 12-летнего фарцовщика. Невзоров спрашивает: «Мальчик, а зачем ты трешку давал милиционеру, когда тебя брали?»

В ответ мальчик изрек: «Чтобы он отвязался от меня». В исполнении ребенка это звучало бесподобно.

Или вот еще: Невзоров задавал вопросы бомжу, который жил в мусорном баке и воевал с другими бомжами за это место, потому что хороший был мусорный бак. В конце диалога ведущий заставил бомжа ответить на один вопрос:

— А что ты больше всего хочешь в жизни?

Бомж уточнил:

— Ну, как? Крупно или мелко?

— Крупно. Мелко — понятно, что: пожрать хочешь и все такое. А вот по-крупному. Чего бы ты хотел в жизни?

Тот задумался:

— Ну не свети, не свети. Дай подумать.

Он имел в виду — не направляй в лицо телевизионный фонарь. Потом сформулировал:

— Власти Советов хочу. Ленина.

Такие забавные были сюжеты...

Невзоров снимал какие-то истории, связанные с нами, с действиями Жириновского. Но к Вольфовичу он, кстати сказать, всегда относился сложно. Как любой деятель культуры. У каждой же звезды свой эгоистический взгляд на мир, а особенно на других звезд. Ревность — естественное свойство подобной натуры.

Безусловно, это ошибка, что он сейчас редко выходит на экран. Это плохо. Его явно не хватает. Такие яркие звезды — в большом дефиците. Не у многих передачи и фильмы становятся событиями. И далеко не везде есть своя сверхидея, своя идеология. Вспомним невзоровские репортажи эпохи чеченской войны. Это ведь была серьезная подмога для армии, когда он показывал будни спецподразделений. В тот момент, когда все ругали армию, поддержка Невзорова имела значение.

Потому что когда идет спецоперация, не до общечеловеческих разговоров. Это все равно как хирургу, который делает операцию под наркозом, говорить под руку,

что он вчера выпил, что у него трясутся руки. Этого нельзя делать. Он должен работать спокойно. Так и армия. **Она** выполняла задачу. А в спину ей орали, что она все не так делает. И фактически только ЛДПР и такие журналисты, как Невзоров, занимали патриотическую позицию, поддерживали военных.

Хотя это не означает, что мы полностью одобряли политику России в Чечне. Но после войны мы могли спокойно об этом размышлять. А на период боевых действий все разговоры должны быть отложены. Еще до войны с Чечней мы предлагали различные варианты развязки этой проблемы и были в принципе против войны. Но когда война началась и уже стало ясно, что это всерьез и надолго, когда штурмовали Грозный, выступать против собственной армии, как выступили все депутатские объединения — было просто идиотизмом и одновременно предательством. Это предательство — оно на многих. На коммунистах, на всех демократических фракциях, которые были тогда в Госдуме.

Считаю огромной заслугой ЛДПР то, что в такие трагические моменты она всегда была на стороне государства и армии. Последовательно и постоянно. Я думаю, что **за** это нам воздастся. Собственно, уже воздается сейчас — тем, что нас все время переизбирают. Кстати, и Невзоров постоянно избирается в Госдуму — хотя там реально не работает.

Люди помнят патриотичное поведение. После того, **как** война закончится, можно уже рассуждать, правильно — неправильно, в чем ошибались министры. Но **полоскать** Грачева в каждой передаче в то время, как он ведет боевую операцию, злить его и за каждым подразделением посылать прокурора, который должен возбуждать дела по факту неправильного ведения войны... Так вести войну нельзя. Это огромная глупость.

С Доренко мы тоже работали довольно активно. Особенно в период 1999 года, когда разворачивалась парла-

ментская, а затем и президентская кампания. Сергей Доренко талантливейший журналист. Тоже мифотворец. Тоже со своим видением, самобытным мировоззрением.

Мы с ним пересекались и в начале 90-х. Но больше всего запомнилась его работа уже в конце 90-х, когда он вел программу на березовском ОРТ. Никто особо не скрывал, что программа эта была направлена против Примакова и Лужкова. А я как раз баллотировался кандидатом в мэры Москвы - и соответственно, тоже боролся с Лужковым. В этом смысле мы с Доренко и сотрудничали.

У меня тогда накопилось много интересных материалов по поводу деятельности столичного градоначальника. Часть материалов я передавал Доренко. К сожалению, не все наши творческие замыслы были реализованы. Но кое-какие задумки осуществить все-таки удалось. Например, я передал стихи, которые написал в честь Лужкова сотрудник его пресс-службы, позднее ставший секретарем Московской избирательной комиссии. Очень смешно, когда представитель столичного избиркома сочиняет оды одному из кандидатов. Доренко эти стихи взял — и развернулся. Тут и проявилась его творческая натура. Доренко говорит: «Ну, конечно, пересказать их в эфире можно, но это не в кайф. Давай-ка я их лучше спою. Они очень хорошо ложатся на музыку песни «Дорогая моя столица». И тогда Доренко козлиным голосом пропел в эфире эти вирши, наложив на песенку соответствующие картинки с Лужковым. Эфир получился фантастический. Это очень забавно — когда ведущий аналитической программы поет в эфире стихи, прославляющие мэра, подчеркивая, что автор — секретарь избирательной комиссии.

Но были и нереализованные проекты. Я подал Доренко мысль сесть на вертолете на дачу Лужкова. Запросить аварийную посадку и сесть прямо на площадку рядом с его загородным особняком, тем самым вызвав понятную реакцию охраны, а потом выйти с камерами и

поснимать происходящее. При этом другой вертолет должен был в воздухе снимать все это действо. Важно, чтобы съемка велась и снизу, и сверху. На земле есть шанс, что отнимут камеру и испортят пленку, а с вертолетом ничего не случится: оттуда можно спокойно зафиксировать, как захватывают Доренко на даче у Лужкова. Но по какой-то причине решили такую операцию не проводить. Видимо, мероприятие показалось слишком радикальным. Хотя задумка была сильная.

Мне приносили очередную порцию любопытного материала на Лужкова, и мы с Доренко его обрабатывали. Сергей очень интересно работает. До самой передачи никому не было известно, что он выдаст. Он в четверг садился за монтаж, что-то делал, потом стирал, потом снова набирал что-то на компьютере. Только в субботу утром стало ясно, что у него вырисовывается. Он монтировал самостоятельно и часто менял решение, то есть это в полной мере была его авторская программа.

Мы неоднократно с Доренко встречались и после того, как с ним случилась вся эта криминальная история. Напомню в двух словах: катаясь на мотоцикле в Крылатском, он якобы сбил военного и не только не оказал первую помощь, но и чуть ли не вступил в драку с теми людьми,

которые подошли. В общем, вел себя крайне высокомерно. Когда Доренко получил срок, он прекратил работать на телевидении, потому что полагал, что человек со сроком не может ничего существенного говорить: ведь в данных условиях на него могут элементарно возбудить уголовное дело и засадить уже на полную катушку. Конечно, его спасли, потому что настрой у Лужкова был явно серьезный — мэру очень хотелось посадить своего старого оппонента. Но Кремль понимал, что посадить ближайшего своего помощника — это нанести удар самим по себе. С другой стороны, я считаю, что с военным можно было договориться, но почему-то Доренко не стал договори-

Судя по всему, эта история раздутая, но подобная ситуация назревала. Стало не очень понятно, зачем Доренко остается в эфире. Зачем нужно такое сильное оружие, когда война уже выиграна? Ракеты возвращаются на исходные позиции. Поэтому было ясно, что так или иначе Доренко должен был из эфира уйти. Все шло одно к одному. Криминальная история просто ускорила его уход из эфира.

Недавно я видел его в лондонском аэропорту Хитроу и спросил: «Сергей, как, тебя выпускают? Ведь ты же отбываешь условное наказание». В 2001-м его осудили, дали года четыре условно, наказание кончается как раз в этом году. Доренко отвечает: «А я на этих, — он хлопнул себя по плечам, имея в виду погоны, — я ж на этих работаю. Я выезжаю, встречаюсь с Березой, пишу, о чем мы говорили, меня выпускают». Добродушно так рассказывал. «Вот летом поеду, наверное, к Гусинскому, напишу на него что-нибудь, они меня выпустят понырять».

Пассажиры, которые это слышали, тут же отскочили от нас и в дальнейшем старались держаться подальше. После фразы «у меня с этими хорошие отношения» пассажиры с вещами удалились на расстояние 10 метров. Во всем, что Сергей делает и говорит, есть юмор. Такой цинизм в английском понимании этого слова, который привлекает и зрителя. Когда человек говорит то, что остальные говорить стесняются.

ПЕРЕДАЧА, КОТОРУЮ ОТСМАТРИВАЕТ ПУТИН

Отличие Караулова и Соловьева — в том, что это два театральных ведущих. Люди, пришедшие на ТВ из сферы театра. Караулов — театральный критик и подходит к своей программе как к некой постановке. Он старается оставаться за кадром, подкладывает под свои тексты классическую музыку. И этой высокой музыкой усиливает

пафос выступления, особенно когда задает неудобные вопросы. Он даже не столько критик, сколько актер. Человек, который должен был играть и обязан был играть где-нибудь в театре Маяковского или Ленком, но по обстоятельствам оказался на телевидении.

В то же время это очень осведомленный человек, знающий нашу политику изнутри и сам ее делавший. Мало кто знает, что Караулов с самого начала демократического движения, когда только началось все это брожение, был в гуще событий. Подобно Артему Боровику и другим знаменитым журналистам той поры. В свое время, когда шла революционная перестройка. Ельцин даже предлагал Караулову пост директора агентства РИА «Новости». В тот момент Караулов как раз работал в «Огоньке». Где трудился и Валентин Юмашев, ставший членом ельцинской семьи, автор книги о первом президенте России и впоследствии глава президентской администрации. Но Караулов от предложения Ельцина отказался, потому что видел, что происходит некий хаос: сегодня назначают, завтра снимают. И включаться в этот волнообразный процесс не стал. Больше сосредоточился на телевидении.

И, наверное, правильно, что не пошел в чиновники. 15 лет его работы на телевидении дали свои плоды: его программа сегодня, возможно, единственная, которая даст серьезную аналитику и одновременно имеет огромный резонанс. Каждая его передача, как сказал один серьезный чиновник, это удар по печени. А по моим сведениям, это единственная программа, которая отсматривается хозяином Кремля, которую пишат специально для Путина. Если у него нет возможности посмотреть, ему записывают и дают посмотреть в записи. Другой такой передачи, которая бы удостаивалась особого внимания президента, я не припомню. Конечно, определенные настроения и мнения Кремля в этой программе звучат, особенно во время выборов. Но тем не менее степень свободы, в том числе

творческой свободы, степень проникновения в выбранную проблематику очень высокие.

И во многом как раз оттого, что сам Караулов внутри этого процесса был много лет. Еще со времен драматурга Шатрова и его круга. По сути, все последние 20 лет телеведущий провел на нашей политической кухне. На его глазах происходили все изменения системы, ее ломки, ее перестройки, он был в эпицентре наиболее значимых событий. Сотни и тысячи известных людей — его добрые знакомые. То есть качество и калибр его информации очень высоки. Привлекательно и такое качество Караулова, как высокая степень его обеспокоенности: он выскидывает реальные проблемы, настоящие болевые точки.

Говорят, конечно, о тенденциозности, о том, что иногда бывает заказуха и все прочее. Но я думаю, что любой журналист такого плана уязвим для подобной критики. Любой человек, делающий такую программу, становится политиком. Понятно, что его нельзя называть в чистом виде журналистом. Телеаналитика — это уже политика. Ведущий не может не учитывать текущую политическую конъюнктуру. Она же существует — данная конкретная политическая ситуация. Глупо говорить: а я этого не понимаю, не вижу. Раз ты делаешь политическую передачу, должен видеть и понимать.

Я много лет с ним знаком. Много лет мы дружим. И я считаю, что это один из самых информированных аналитиков, глубоко осведомленный в сфере кремленологии человек. Именно в силу многолетних личных отношений со многими деятелями, в том числе и зарубежными. И в культурной среде, и в научной. Это человек, который знает изнутри всю нашу элиту. И в принципе он уже перерос свою нынешнюю роль. По сути, это готовый министр культуры. Которому ничего не надо рассказывать, показывать, доказывать. Это по минимуму министр культуры. А если по росту — высокопоставленный сотрудник президентской администрации.

Совсем другая личность — Владимир Соловьев. Публичный человек. Актер, хорошо себя чувствующий перед большой аудиторией. Ему меньше нравится аналитика, а больше — само по себе воздействие на людей. Возможность давить на людей, вовлекать их в дискуссию, разыгрывать. Я думаю, что уровень и Соловьева, и Караулова таков, что дело рано или поздно закончится их переходом в политику. Собственно, они уже там, но сейчас они в политике де-факто, а в дальнейшем будут действовать и де-юре. На каких должностях - мы еще увидим.

Доренко же в силу упомянутых обстоятельств вряд ли пойдет в чистую политику, хотя он всегда в ней фактически был. Но с другой стороны, такой формальный статус, посты ему и не нужны. Как и Невзорову. Они это уже переросли. Что лишний раз показала передача Невзорова о лошадях. Это такое утонченное издевательство Глебовича: о людях я поговорил достаточно, теперь мне более интересны лошади. Люди мне практически уже не интересны. Эту тему я проехал, все уже рассказал о данном виде млекопитающих, вот сейчас тема - лошади. А дальше он будет говорить о космосе. Это будет означать, что Невзоров так далеко рванул, что кроме космоса его уже ничего не волнует.

Невзоров, впрочем, единственный из этой четверки получил-таки конкретную политическую должность — мандат депутата. Много лет он переизбирается, причем никогда в Думу не ходит и никогда не выступает. Прием избирателей тоже не ведет. Насколько я знаю, делает это принципиально. Как бы депутат- но без выполнения депутатских обязанностей. Потому что он суперзвезда и. значит, эгоист по своей сути. И вся эта думская мышинная возня его не интересует. Тем не менее его всякий раз переизбирают. Это тоже своего рода мистика: обаяние экранного образа таково, что этого обаяния хватает на много лет вперед. И даже на то, чтобы избираться в разных округах, не ведя при этом никакой работы в парламенте...

Но его дальнейший путь в большую политику, на мой взгляд, маловероятен. Ему надо искать себя в новых жанрах. Например, снимать большое кино, что-то фундаментальное. Он фундаментальный идеолог. Ему не подойдет роль чиновника, который должен где-то там находиться, присутствовать, жать руки. Все это его напрягает в высшей степени. Как не нравится такой стиль и Доренко. Последний готов заниматься публичными вопросами, но в принципе это все его раздражает. Ему нужен некий адекватный масштаб, а масштаб чиновника он уже перерос.

ИРАК КАК ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ ДЛЯ СОБЧАКА

Рассказывая о сегодняшней московской жизни, нельзя пройти мимо двух фигур — Людмилы Нарусовой и Ксюши Собчак. Со старшей я эпизодически сталкивался в разные годы, еще в начале 90-х. Но тогда наши пути мало пересекались: я — начинающий политик и дипломат, она — первая леди города на Неве. Но потом мы стали коллегами. С 1995 года супруга Собчака становится депутатом Госдумы от фракции «Наш дом — Россия». И мы уже встречались в здании Думы.

У меня, если честно, до 1995 года, до нашего близкого знакомства было достаточно негативное о ней представление. Ее образ в основном складывался по ироничным характеристикам Невзорова. Вот опять, как говорится, результат магии экрана. Нарусова в изображении Невзорова — это «дама в тюрбане», «жена мэра-демократа, который развалил Советский Союз», «властная, требовательная супруга градоначальника». Вот примерно в этом варианте я Нарусову и воспринимал. Я думал, что это очень капризная женщина, которой не то вино всегда подают, не с той стороны кладут вилку-нож. Леди с чрезмерными амбициями.

Но когда мы с ней начали общаться, я увидел совер-

шенно другого человека: очень сильного, очень цельного. И особенно выпукло эти качества проявились, когда произошла их семейная трагедия. Когда Собчака не избрали губернатором, а победил его оппонент. Когда началась травля, возникла серьезная угроза ареста бывшего мэра второй столицы.

1998— 1999-е годы. Это был самый сложный период ее жизни, когда все от этой семьи отворачивались, следователи слали одну повестку за другой. Здесь я увидел просто борца, а не кисейную капризную женщину, которая думает о том, что будет есть вечером или в каком платье выйдет в свет. Настоящий борец. Она не вылезала из Думы и даже ночами обсуждала все аспекты сложившейся ситуации. Она реально боролась. Она организовывала контригру. Если бы не ее активность, арест бы состоялся. Это сейчас все понимают. Вероятность ареста была процентов 90.

Во многом Нарусова, конечно, опиралась на помощь Чубайса. И Немцов кое в чем помогал, как сейчас мы понимаем, помогал и Путин - насколько мог в той ситуации. Главную поддержку оказывал тогда именно Чубайс. Силовики напрягали, естественно, Ельцина, призывали его к активным действиям, а бывшие замы Собчака пытались эти накатy затормозить. Но мотором всего сопротивления и, по сути, его организатором, автором проекта спасения Собчака (проект — слово ужасное, но приходится его применить) была Нарусова.

Есть видеокассета — кадры допроса Собчака, на котором ему собирались предъявить обвинение, а затем арестовать. Нарусова устроила серьезный шум с вызовом врача — сделала так, что вместо ареста произошла госпитализация. Экс-мэра спас врач. От него многое зависело. Нарусова рассказывала, что когда она увидела врача, она поняла: это победа. Потому что этот врач по виду был убежденным демократом. «Я видела таких на наших митингах». И действительно, врач хорошо сыграл свою роль.

Он истерично заорал: «Вы что? Хотите его смерти, чтобы этот человек здесь умер? Вы что, одурили? Вы не понимаете, что это такое?» Нарусова говорила, что в этот момент почувствовала: приехал родной крови человек. Он все понял. Понял, что происходит. Она только боялась, что доктор переиграет, перегнет палку и начнет называть следователей фашистами или гестаповцами. И тогда, конечно, операция может сорваться. «Главное было удержаться в медицинских рамках, чтобы доктор не переходил на политику». — вспоминала Нарусова. В общем, у нее все тогда получилось — Собчака от ареста уберегли.

Но это случай известный, а я хочу рассказать об эпизоде мало кому известном. Когда Собчак находился за рубежом, в какой-то момент возникла реальная возможность интерполовского ордера на его арест. А ареста Нарусова не допускала. Она говорила: он просто не проживет в заключении, ни в нашем, ни в иностранном. Это профессор. Который был всегда из другого мира, сопротивляться не сможет. Дело даже не в физических ограничениях. Он окончательно будет сломлен морально. Он долго не продержится, особенно с учетом больного сердца. Поэтому она не допускала мысли об аресте ни при каких обстоятельствах.

Мы разговорились, и между прочим, прозвучала тема Ирака. Возможность пересидеть в этой ближневосточной стране, где Интерпол бессилен. Нарусову эта тема заинтересовала. Она подумала: да, если будет дан ордер и попытаются в западном мире его арестовывать, то почему бы ему не переехать в Ирак? Закрытая страна, Интерполу не подчиняется, а там у ЛДПР хорошие связи.

И Нарусова отправилась в Ирак — на разведку. Она хотела посмотреть, в каких условиях ее муж мог бы там находиться. Причем она добиралась очень сложным путем — как мы все в то время ездили в Багдад. То есть сперва самолетом до Аммана, столицы Иордании, а затем

16 часов на машине по пустыне — через всю Иорданию и Ирак. Тяжелая дорога ее не смутила.

В Багдаде Нарусову встречали наши люди. Она осмотрела особняк, где мог бы потенциально находиться Собчак.

Вот такие бывают метаморфозы. Она, представитель демократического фронта, посещала особняк в Ираке и рассматривала возможность нахождения там Собчака, как в последнем убежище, если ситуация обострится до предела. И ведь надо было психологически решиться обратиться за помощью в этот лагерь — Ирак был для людей ее убеждений нехорошей страной. Но она сражалась, как тигрица, пыталась спасти мужа. Если бы такой ордер был, то, я думаю, она реально рассматривала бы вариант поездки в Ирак.

Думаю, что Людмила к нам относится с уважением, потому что в самые тяжелые минуты, когда вообще все было неясно, мы оказывали содействие, понимая, что это натуральная травля. Как бы ни относиться к Собчаку, ему надо было в этой ситуации помочь. А вообще я к нему отношусь как к революционеру-романтику. В каждой революции, в том числе демократической, есть свои романтики.

Для меня Собчак — это Бузыкин, герой Олега Басилашвили из фильма «Осенний марафон». Я вижу, что в советское время это был вот такой интеллигент, я не говорю диссидент. Но интеллигент, который не то чтобы ненавидел эту власть, но понимал ее ограниченность, глупость. Которого давил быт, какие-то вечные обязательства, бесконечные проблемы, сваливавшиеся на голову, давили интриги на работе.

Человек, который, конечно, мечтал о другом пути для России, имея эталоном Запад. Я помню то поколение, поколение моих родителей, которые имели возможность периодически туда ездить. Конечно, они были поражены магазинами, дорогами, одеждой, стилем людей, казав-

шихся более свободными. Кстати, и Запад тогда был гораздо лучше, чем сейчас. Не было такого количества этнических групп, было почище, мыли улицы. Было как-то более приятно. В Швейцарии тебе возвращали потерянный кошелек. Сейчас уже не вернут. В Швейцарии можно было оставить чемодан на улице и потом за ним через день прийти. Конечно, все это нравилось нашим интеллигентам.

Я вижу даже некоторое внешнее сходство Собчака с героем Басилашвили. Человеком, замученным бытом, какими-то запутанными отношениями с людьми. И в то же время интеллигентом, знающим языки. В силу обстоятельств этот человек пришел к власти. И, естественно, он об этом мире думал по-другому. Он никогда не был в сфере кремлевских отношений, в этих жерновах. И не знал, что нужно очень осторожно секретарю обкома говорить какие-то слова. Что нельзя ссориться и с теми, и с этими.

Это очень любопытный феномен революционеро-романтиков, интеллигентов 80-х, профессоров с некоммунистическими убеждениями, которые пришли во власть.

Самое интересное, что в советских фильмах были задатки всех персонажей, которых мы увидим в постперестроечные годы. Вот, например, герой Никиты Михалкова, проводник из «Вокзала для двоих» — будущий коммерсант, хозяин какого-нибудь водочного завода. Видно по его ухваткам, что это — потенциальный воротила: большой или маленький. Или взять фильм «Ты — мне, я — тебе». Фильм о банщике, который мыл людей и с помощью клиентов решал потом свои вопросы. Это будущий аферист, создатель пирамиды. Кем должен был стать этот человек во времена перестройки — совершенно ясно. А вот герой Басилашвили — будущий демократический политик, который станет мэром города, пойдет в парламент, до конца сохранит веру в демократические идеалы. А потом бюрократы его сожрут, зажут интригами, как его при-

жимали в своем издательстве. Интересно, что Людмила это интуитивно, может быть, чувствует, она давно дружите Басилашвили. Подсознательно понимая, что но духу, по психологии его герой — это как раз ее муж. Тот герой, который утром выходит на пробежки, а потом всю дорогу ищет баланс между семьей, личной жизнью и работой.

Поздние советские фильмы давали своего рода сигналы, обозначали темы и характеры будущих героев.

ДОЧЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПОЛКА

Ксения Собчак — это уже современное явление. Со всем другое поколение. Ксюша — не революционный романтик. Это не тот человек, который смотрит на мир через розовые очки. Но от матери ей досталась хватка. У нее железная хватка и прагматизм.

Очень информированная девушка. И понятно почему. Живя в таком доме, с такими родителями, она волею-неволей оказалась в самом эпицентре большой политики. Она накачалась информацией не только о «Версаче» и «Шанели», как думают модные журналы, когда о ней пишут. «Информации» у нее намного больше. Ей удалось увидеть, как окружение ее отца вдруг стало правительством Российской Федерации. Не только президент, а ведь десятки людей, которые крутились когда-то вокруг ее отца и кого она помнила (иногда, может быть, смутно), чьи фамилии упоминались дома, кого она видела на каких-то мероприятиях, куда ездил отец и куда ее вывозили... Все эти люди стали правительством РФ. В тех или иных ролях. Начальник службы безопасности отца стал начальником службы безопасности президента. Бывший заместитель отца стал президентом, другой заместитель стал министром финансов. Это уникальная ситуация. Хотела она того или нет, но оказалась в роли своего рода дочери президентского полка.

Ее активность многих раздражает. Это не секрет. Раздражает особенно тех, кто не понимает причин ее популярности в столичной элите. Я уже говорил и не боюсь повторить: Ксюша едва ли не единственная из всех питейских (мы не берем президента и его окружение), которая взломала московский мир. Сумела оседлать этот московский круг, стать его частью, неотъемлемой частью, приметой, фактором. А московский мир, светский, элитарный — очень сложный. Туда люди проникают годами, десятилетиями. Не факт, что имя твоего отца автоматически дает тебе пропуск. В Москве тысячи людей чьи-то дети. Отпрыски очень знаменитых людей. Но они не стали фактором московской жизни. Дочка Касьянова, например, не стала, хотя четыре года была дочерью премьера. Сыновья Черномырдина не стали. В бизнесе, в своей сфере они люди известные и даже зарабатывающие немалые деньги, но это специальная сфера их работы. Фактором политическим, фактором, влияющим на сознание, на воспитание, на идеологию они не стали. Кстати, даже дочери Ельцина влияли на какие-то кадровые вопросы, но абсолютной массе людей они не известны.

Поэтому Ксюшин случай - уникальный. Это, конечно, ее достижение. Хотя и тех людей, которые ей все эти годы помогали. Я не скажу, что ей не оказывали под держки, что ее совсем не толкали наверх. Но толкал ее не президент и не окружение ее отца, а совсем другие люди, которые увидели в этой фигуре большие перспективы.

Я думаю, что ее метаморфозы могут быть самыми удивительными. Программа «Дом-2» уже получила большую известность, хотя и несколько скандальную. Любопытная программа. Ее критикуют за излишнюю сексуальность, за чрезмерный цинизм. Но это программа, которая выходит каждый день в эфире, ее смотрят уже больше года. Это реалити-шоу самое длинное на нашем телевидении, между прочим. И Ксюша во многом определяет дух этой истории.

Очень много было разговоров о ее замужестве, которое перенеслось или отменилось. Сказать трудно, но думаю, что здесь сыграл роль разный подход к замужеству у трех заинтересованных сторон - Людмилы Нарусовой, Ксюшиного жениха Алекса и самой Собчак. Ксюша хотела свадьбы как мирового события. Чтобы не отдельные люди, а город, по крайней мере, почувствовал праздник. Чтобы гостями были мировые величины. Звезды эстрады и политики. Собиралась приехать группа Pet Shop Boys. Уже прибыл сын ливийского лидера Муаммара Каддафи Саяф. Свадьба отменилась, но он приехал все равно. Саяф несколько дней провел в Москве.

Многие боялись чрезмерно пышных торжеств. У них сработал «синдром Романова»: вот будут говорить потом про эту свадьбу разные нехорошие вещи. Ксюшу это не пугало. Пусть говорят, почему нет? И она права. Она публичный человек, она телеведущая, а не бухгалтер в коммерческой фирме, которую могут заподозрить, что она украла деньги, чтобы устроить себе свадьбу. Она телевизионный человек. Телевидение заинтересовано в рекламе своего шоу, в ее личной рекламе, поэтому интересы тут совпадают.

И ей хотелось чего-нибудь серьезного. Говорили что планируется разведение мостов, что лично Валентина Матвиенко должна их женить, как когда-то Собчак женил Пугачеву с Киркоровым, что все мероприятия должны гарантироваться Федеральной службой охраны, что прием будет в Константиновском дворце, будут морские прогулки, гондолы. Говорили, что будет выстрел из крейсера «Аврора». Что «Аврора» наконец перестанет стоять без дела, а возникнет у нее такая полезная нагрузка. Я участвовал в подготовке свадьбы и некоторые дельные советы дал. Много было планов и идей, но, к сожалению, не состоялось.

Впрочем, думаю, что возраст Ксюши позволяет надеяться, что многие достижения у нее еще впереди. Она

сможет быть человеком, который сначала будет лидером молодежного движения, не в комсомольском понимании этого слова. А неформальным лидером молодежи. Не той молодежи, которую мы за майку и за пейджер соберем на площади, чтобы они ходили с флагами, а той неформальной продвинутой молодежи, которой все завидуют. В этом есть смысл. Тем, кто ходит в футболках и с пейджером, никто не завидует, поэтому ими никто и не интересуется. Все знают, что это просто освоение бюджета. А нам нужно создать такую модель, чтобы люди говорили: «Да, хочу, как она» или «хочу, как он». В этом смысл идеологии. Ксюша может создавать эталоны, которыми будет подтягивать средний класс, подтягивать молодежь и уводить ее от левизны. Как рок-н-ролл в свое время увел европейскую молодежь от левых. Ведь протестное молодежное движение тогда было очень сильно в Европе. Но «Битлз» и их последователи смогли дать молодежи новый тренд. Молодежь ушла в сферу музыкальной моды и говорила совершенно на другом языке: лохматые прически, майки с надписью « Make love not war » — занимайтесь любовью, а не войной. И утащили молодежь в другую сторону. Вот и мы должны дать такие сигналы новой поросли, чтобы утащить ее от реально назревающего левого движения. Которое тем более всегда у нас было сильно и которое представляет опасность, потому что, запустив эту машину, непонятно, как из нее потом выскочить. Чем все кончится, если потихоньку будут подрывать, фугасы закладывать, нападать на чиновников, потом еще что-то творить. У нас есть еще разгильдяйство в этом смысле: никто никогда не осознает реальную опасность.

Американцы сумели такую тенденцию перебороть. В 40,50,60-е им было очень тяжело: авторитет Советского Союза был очень высок, СССР победил в войне, левые настроения в Америке были колоссальными, агентства советской было полно. И комиссия по расследованию коммунистической деятельности - она ведь не просто

так работала. И не зря она возникла. Значит, была эта деятельность. Значит, были реальные опасения, что страна туда сползает.

Мы должны понять, что увело тогда молодежь в сторону, и увело надолго. Хотя антиглобалистское движение довольно серьезное, нельзя сказать, что под этим лейблом возрождается коммунистическая зараза...

Поэтому я думаю, что Ксюша и ее посыл, очищенный, может быть, от гламурного передергивания, посыл работающей, успешной, делающей какую-то карьеру девушки - крайне полезен. Это наш ответ лимоновцам, которые призывают захватывать какие-то приемные, бросать яйца, швыряться майонезом.

Говорят, что Путин у нее был крестным. Что Ксюша Собчак — крестная дочь президента. И многие даже связывают ее успех и шум вокруг нее с этим. Но я уверен, что дело не столько в ее связях с сильными мира сего, сколько в силе ее собственной личности.

Более того, я не исключаю, что Ксюша лет через 12 может баллотироваться в президенты России. После 2016 года, когда ей будет больше 35 лет (по конституции есть такое ограничение по возрасту). Это вполне возможно. Если будет лет 12 активной деятельности, и из них несколько лет в составе парламента, появится неслабый задел для публичной политики и победы. По крайней мере есть шанс, что молодежная часть электората будет за нее.

То, что сейчас вокруг ее имени много скандалов и сплетен, - вреда ей не принесет. Философы говорили: любая истина рождается как великий возмутитель, а потом уживается с нами как простая банальность. Очень многие политики начинали как великие возмутители, а потом, уже через 10—15 лет, становились неотъемлемой частью политэлиты. И общество соглашалось: ведь это правильно было — все, что они тогда делали и говорили. И забывало все их молодежные проделки, экстравагантности, дикие выходки...

Говоря о Ксении, я всегда вспоминаю библейскую мудрость: не бойтесь горячих или холодных, бойтесь теплых. Бойтесь людей «ни то ни се». Люди «ни то ни се» — самые опасные. Они готовы в любую сторону поворачиваться. У них смутные взгляды на жизнь, они готовы мимикрировать, подстраиваться, предавать. С «горячими» яснее — они лезут напролом, «холодные» никуда не лезут, им ничего не надо.

Я сотрудничал со съемочной бригадой художественного фильма «Воры и проститутки» (рабочее название «Приз — полет в космос»), где снималась Ксюша Собчак. Она работала в очень тяжелых условиях. Должна была имитировать невесомость и для этого подолгу висеть на крюках чуть ли не вниз головой. Такова была технология съемки: решили обойтись без компьютерных штук, а снять вживую, по-старому, по-советски. Многие профессиональные актрисы отказались от этой роли, потому что технически не тянули. Ксюша, наоборот, не профессиональная актриса, согласилась на это, и у нее неплохо получалось, режиссер был удивлен, как она справляется со столь напряженной работой. А ей было просто интересно. Она охотно выполняла все режиссерские требования.

Первоначально планировалось, что исполнитель главной роли Стеклов будет сниматься на борту орбитальной космической станции «Мир». Для чего Стеклов проходил подготовку в отряде космонавтов. Я помогал организовать этот кино-космический проект. Нам казалось, что такое предприятие хорошо скажется на имидже страны. В то же время общение кинематографистов с космическим ведомством без лоббистов в Госдуме бесполезно. Это сверхзакрытое ведомство. И мы кое в чем помогали. Стеклов прошел за 9 месяцев полный курс подготовки и уже был в составе экипажа. Так что он настоящий космонавт.

Тем не менее этот полет, запланированный на 2000 год, не состоялся. Потому что это была последняя экспеди-

ция на «Мир», она должна была продлиться свыше 60 суток, и непрофессионала брать на борт в последний полет генеральный конструктор не решился. Стеклова в последний момент из экипажа исключили.

Поэтому снимали на земле, в очень тяжелых условиях. Просто физически трудно подолгу висеть. Но она держалась.

Во время съемок был любопытный эпизод. Актерская среда ведь очень специфическая, как и любая профессиональная среда. Когда люди увидели непрофессиональную актрису, все стали подтрунивать над ней. Особенно Стеклов. Он ей сказал: «Ксения, дорогая. У нас есть такая актерская традиция. Тебе надо бы прийти ко мне как-нибудь вечером, мы поучим с тобой роль. Посидим у меня дома, чайку попьем, коньячку и поучим роль». Стеклов хитро заулыбался и продолжал прозрачно намекать: «Потому что если ты не придешь ко мне, у нас не получится с тобой играть роль. Мы с тобой просто не найдем общего языка».

На что Ксюша ему ответила: «Хорошо, я дам тебе график своих месячных. Я с удовольствием к тебе приду». После чего рот у Стеклова открылся и не закрывался еще минут 20.

После этого эпизода все приколы и прибамбасы в отношении Ксюши закончились. Поставила кинозвезду на место. Дала понять: старик, краснеть я не буду, становиться пунцовой, кричать: «Что вы такое говорите!» — я тоже не буду.

Была и другая забавная ситуация, в которой Ксения проявила свой характер. Мне рассказывал режиссер фильма Сорокин, как однажды актеры сидели, выпивали за столом, и неожиданно начался разговор на повышенных тонах. Кто-то из актеров, как это часто бывает, немного перепил и стал вести себя не вполне адекватно: материться, что-то грубое говорить. Непонятно было, что в этих случаях делать. Все стали на него рычать, просить, чтобы

он прекратил немедленно. Но это только повышало агрессивность.

И тут заговорила Ксюша: «Слушай, что ты так выступаешь? Ну ладно я — девушка уличная. Мне можешь говорить все, что угодно, но смотри у нас тут...» И она указала на Катю, актрису, которая играла главную роль. «Смотри, какая нежная девчонка. Она таких слов с детства не слышала». Все засмеялись, все это обернулось в шутку, и типу стало неудобно. Если бы Ксюша сказала: «Ну как ты в моем присутствии можешь так разговаривать? Ты что? При женщинах так говоришь...» Он бы наверняка и ей что-нибудь грубое ответил. А таким заходом она смикшировала ситуацию.

Размышляя о том, что происходит в Москве, я возвращаюсь к одному и тому же. К тому, что произошло на Украине во время «оранжевой» революции. Не надо смешивать события на Украине и события в России. Это отдельная история, отдельная страна. Не стоит механически переносить все украинские события на нашу почву. Но тем не менее, общаясь с украинскими политиками (а я следил за развитием ситуации в соседней республике с самого начала), я многое понял. Что и как они делали, и что они делали не так. Один из выводов такой: вся элита, которая ответственна за страну, должна быть крайне осторожна при каждом шаге. Она должна быть уверенной, она должна быть активной, но очень осторожной, потому что никто и это должны знать все! — никто не гарантирует ей успех, никто не гарантирует ей счастья, и никто никому не гарантирует того, что он останется в обойме. Какие бы законы ни были до того приняты. Гарантий вам не дадут.

Что подтверждают истории, рассказанные выше. Вся наша книга — это история взлетов и падений, история трагедий и ошибок, история счастья и колоссального не-

счастья. И история о том, что никто никому никогда ничего не гарантирует.

Для чего я писал эту книгу? Для того, чтобы показать, что все в этом мире непредсказуемо, особенно в нашей стране. Да и в мире в целом.

Чтобы оставаться в седле, на плаву — нужно проявлять колоссальную осторожность и колоссальную выдержку, тщательность, бдительность.

В политике — как на велосипеде. Как только ты остановился - ты упал. Это надо твердо помнить. Надо крутить педали всегда. Как только ты остановишься, ты сразу упадешь. И вопрос будет лишь в том, упадешь ли ты на травку или на асфальт, или на сено, или просто с моста — в речку. Тут уж по-разному может получиться. И поэтому история «оранжевой» революции, если посмотреть на нее вблизи, с некоторыми важными деталями — это очень поучительная история. Но это история следующей книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эта глава о том, зачем Джуна ударила пепельницей Аллу Борисовну; о том, почему кремлевские санатории лучше кремлевских дач; о том, как большевики победили голод в отдельно взятой столовой; и о том, как Большой театр развлекал Иосифа Сталина

ДЖУНА БРОСАЕТ БОЕВОЙ КЛИЧ	3
ХРУЩЕВСКИЙ ПРИЗЫВНИК	9
КОЛБАСА КРЕМЛЕВСКАЯ	14
«НОЧНОЙ КЛУБ» ИОСИФА СТАЛИНА	23

ГЛАВА ВТОРАЯ

В главе рассказывается о том, что скрывалось за внушительным бюстом Марины Влади; о том, были ли в советское время олигархи и что такое привилегии по-советски; о том, как русское искусство убивало американских президентов; о том, кто подставил Галину Брежневу в «деле о бриллиантах»; о том, как КГБ и МВД воевали из-за Аллы Борисовны; о том, кто и зачем прострелил почку честному генсеку Андропову; о том, на какой мове до 17 лет розговлял Михаил Горбачев; а также о том, как одна медицинская ошибка скомпрометировала половину ЦК

ГРУДЬ «КОНТРАБАНДИСТКИ» МАРИНЫ ВЛАДИ	27
ЗОЛОТО, ДАЧНЫЕ БОТАНИЧЕСКИЕ САДЫ И АРБУЗЫ	
НОН-СТОП	36
РОЛЬ РУССКОЙ ХУДОЖНИЦЫ В СМЕРТИ	
АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА	40
«АХИЛЛЕСОВА ПЯТА» БРЕЖНЕВА	44
ПУГАЧЕВА КАК ОБЪЕКТ МЕЖПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ.	51
МОЕ ПЛАВАНИЕ С АНДРОПОВЫМ	57
АЛЕКС ФИЛАТОВ САДИТСЯ ЗА СТОЛ ГОРБАЧЕВА	60
«ДЕЛО СИФИЛИТИКОВ» И ДРУГИЕ ПОДВИГИ	
ЧЕЛОВЕКА В ОЧКАХ	62

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эта глава о том, кто посвятил Бориса Ельцина в мальтийские рыцари; о том, как Игорь Николаев и Игорь Матвиенко пытались обрести семейное счастье с Джунгой; о том, как «Ласковый май» переплюнул «Битлз», а Андрей Разин оказался племянником Горбачева; а также о том, почему гражданин Украины Анатолий Кашипировский стал депутатом Госдумы РФ

ЕЛЬЦИНА ПРИНИМАЮТ В РЫЦАРИ МАЛЬТИЙСКОГО КРЕСТА.	70
И ЖЕНСКИЕ ТРУСИКИ В ВОЗДУХ ЛЕТЯТ	74
КАШИПРОВСКИЙ: РУССКИЙ ДЕПУТАТ. УКРАИНСКИЙ ГРАЖДАНИН И ПОЛЬСКИЙ МАГ	83

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В главе рассказывается о том, почему на курсы ООН принимали только женатых людей; о том, почему не надо было разделять Чечено-Ингушскую республику; о том, к чему привело хобби дежурного оператора Чернобыльской АЭС; а также о том, как туалет в автобусе и девушки topless разрушили психику советского генерала

МОЯ ОСЕТИНСКАЯ СВАДЬБА	96
ПЕРВЫЙ ГРОМ КАВКАЗА.	107
ЧЕРНО-БЫЛЬ И ЧЕРНО-МИФЫ	115

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эта глава о том, почему в России возможен 37-й год; о том, что собой представляли первые леди Советского Союза; о том, как Раиса Максимовна следила за имиджем семьи Горбачевых; а также о том, как работает американская реклама и как США захватывают рынки

ШЕВАРДНАДЗЕ БОРЕТСЯ С СЕМЕЙСТВЕННОСТЬЮ И АЛКОГОЛИЗМОМ	123
ВОЛОСАТЫЕ НОЖКИ ПЕРВОЙ ЛЕДИ	133
ОСТРОВOK ПРАГМАТИЗМА	141

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В главе рассказывается о том, как «Утренняя почта» показала первую советскую рекламу, а фестиваль «Ступень к Парнасу» явил России Патрисию Каас; о том, как одна

*виртуальная встреча повысила статус и Раисы Максимовны, и Патрисии Каас; а также о том, как Стас Намин "*****" «недооценил» выступление Филиппа Киркорова*

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ОТ МИШИ ЛЕСИНА	146
КАК МОЙ ДРУГ ПРЕДПОЧЕЛ ТАНЬКУ ИЗ КРЫЛАТСКОГО ПАТРИСИИ КААС	152
СОЧИНЯЮ ВСТРЕЧУ КААС И ГОРБАЧЕВОЙ	159
КИРКОРОВ ВЫСТУПИЛ НА НОЛЬ БАЛЛОВ	163

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Эта глава о том, как из маленькой съемной квартиры в Рыбниковой переулке выросла партия ЛДПР, а правительственная дача на Николиной Горе пережила путч и взрастила Правую радикальную партию Эдички Лимонова; а также о том, почему «лучше пьяный русский, чем очень хороший, но чеченец»

ДИТЯ ДЕМОКРАТИИ, НЕНАВИСТНИК ДЕМОКРАТОВ ТРИ ДНЯ ПУТЧА: ДАЧА, БАНКИРЫ, ШОУ-БАЛЕТ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВИЛЛЕ О ТОПОРАХ И ВИЛАХ	171
КАК ЛДПР ПРИВЕЗЛА ИЗ ФРГ ЯЩИКИ С ПАТРОНАМИ	185

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В главе рассказывается о том, как Сталин добавил Жириновскому на выборах очки; о том, почему партийные будни и праздники ЛДПР в режиме «live» транслировала телекомпания CNN; о том, как побежденным путчистам вернули свободу; а также о том, как Сергей Мавроди пытался стать президентом России и почему он никогда не ездил за границу

КАК К ЖИРИНОВСКОМУ ПОДКЛЕИЛИ СТАЛИНА	196
ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ И МИРУ ПРОИГРАВШИХ НЕ СУДЯТ	207
СПОНСОР ЛДПР НА ПРИЕМЕ У КЛИНТОНА	210
«ЕСЛИ Я СОБИРАЮСЬ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ КАК Я МОГУ КОГО-ТО КИДАТЬ?»	212
КАК Я МОГУ КОГО-ТО КИДАТЬ?»	216
СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТАПОЧКИ СЕРГЕЯ МАВРОДИ	222

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Эта глава о том, как «дружба с Россией и андроповский порядок» сделали из Александра Григорьевича президента Лукашенко; о том, как Ельцин помог Рыгорычу, а Черномырдин потерял Белоруссию; а также о том, почему белорусские гаишники не берут взятки, а у белорусской армии нет проблем с топливом

КОЛХОЗНЫЙ ЗАЕМ РЫГОРЫЧА	228
ВАМ ПРИВЕТ ОТ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА	233
БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ ПРЕМЬЕРОВ НА ЗАДНЕМ СИДЕНЬЕ	240
ПРОГРАММА-МАКСИМУМ ЛУКАШЕНКО	242

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В главе рассказывается о том, кто наживался на контрабанде иракской нефти, о методах работы иракских «чекистов»; о том, почему Буши уничтожают врагов саудовского режима; о том, какова цена прощения за массовое убийство; а также о том, как ЛДПР спасала иракских младенцев

ГОВОРИШЬ С САДДАМОМ - ВСПОМИНАЕШЬ СТАЛИНА.	250
КЛЕМЕНТИНА ИЗ ГОСТИНИЦЫ «АЛЬ-РАШИД»	257
ЗА ЧТО БУШИ ЛЮБЯТ САУДИТОВ.	261
ВОЛЬФОВИЧ ОТКРЫВАЕТ САДДАМУ ГЛАЗА	267
ТАЙНА ВОСЬМИ ДЕТЕЙ ИЗ БАГДАДА, ПЕРЕДАННЫХ ЛДПР	273

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эта глава о том, почему Бен Ладен не мог спланировать 11 сентября; о том, была ли Моника Левински единственной пассией Билла Клинтона; а также о том, как Борис Березовский назначал министров, а Владимир Гусинский строил свой собственный театр

В ГОСТЯХ У БЕН ЛАДЕНА	278
КАК КЛИНТОН СНЯЛ ДЕВУШКУ В РЕСТОРАНЕ «ПИРОСМАНИ»	282
ПОЛЕТЫ С ПЧЕЛКОЙ ПО ИМЕНИ БОРИС АБРАМЫЧ	287
ХУДРУК ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕАТРА	292

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В главе рассказывается о том, почему в 1996 году в России не произошла «оранжевая» революция; а также о Ельцине, который никогда не матерится, но любит розыгрыши и шутки на грани фолла

КОРЖАКОВЦЫ ИГРАЮТ В КАЧЕЛИ НА ВЫСОТЕ 8 КМ 300

КОГДА ЕЛЬЦИН БЫЛ СУПЕРСТАР 309

ВЕРЕВОЧКИ, ЛУКОШКИ И ДРУГИЕ ЗАГОГУЛИНЫ. ... 313

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Эта глава о том, как Александр Невзоров, Сергей Доренко, Андрей Караулов и Владимир Соловьев делают телевидение; о том, какую программу отсматривает Владимир Владимирович; о том, как Людмила Нарусова спасала Анатолия Собчака; а также о том, сможет ли крестница Путина стать

президентом России

ЧЕТЫРЕ ЗВЕЗДЫ ГОЛУБОГО ЭКРАНА..... 322

ПЕРЕДАЧА, КОТОРУЮ ОТСМАТРИВАЕТ ПУТИН.....329

ИРАК КАК ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ ДЛЯ СОБЧАКА ... 333

ДОЧЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПОЛКА..... 338